

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ЕВРОПЕ
XVII–XVIII веков

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ, ГЕНЕРАЛ ЖАН-БАТИСТ ЖУРДАН И
ПРОБЛЕМА БАНДИТИЗМА В ПЬЕМОНТЕ (1800–1802)

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ПРУССИИ В
ПЕРИОД ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ВОЙН 1813–1815 годов

БОСФОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ФЛОТА В 1833 году

ДОКТРИНА МОНРО И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (XIX – начало XX века)

ВОЗДЕЙСТВИЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ СРЕДНЕГО
ВОСТОКА НА СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1920-х годов

«МЯГКАЯ СИЛА» СТАЛИНА: ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО
ПО ИНОСТРАННЫМ ВОИНСКИМ ФОРМИРОВАНИЯМ В СССР В
ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЯН МАСАРИК В АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
ПЕРЕПИСКЕ, 1945–1948 годы

ПРОБЛЕМА НАКАЗАНИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В
ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

5

2023

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ II НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 5
СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ**

2023

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Одд Арне Вестад (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен
(Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия), В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штеллнер (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 5
SEPTEMBER–OCTOBER
2023

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Занин С.В. Становление науки публичного права в Европе XVII–XVIII веков	5
Филитов А.М. Проблема наказания нацистских преступников в послевоенной Германии: история и историография	18

НОВОЕ ВРЕМЯ

Митрофанов А.А. Наполеон Бонапарт, генерал Жан-Батист Журдан и проблема бандитизма в Пьемонте (1800–1802)	34
Стерхов Д.В. Военно-патриотическая мобилизация в Пруссии в период Освободительных войн 1813–1815 годов.....	48
Заиченко О.В. Разоблачение «второго Коцебу»: предыстория одного шпионского скандала 1831 года	62
Кудрявцева Е.П. Босфорская экспедиция русского флота в 1833 году	76

XX ВЕК

Иванов Н.С. Доктрина Монро и англо-американское соперничество в Латинской Америке (XIX – начало XX века).....	87
Павлов А.Ю. Поддержка флотом наступления армии на Кавказском фронте в 1916 году	99
Сергеев Е.Ю. Воздействие антиколониальных движений Среднего Востока на советско-британские отношения 1920-х годов	111
Безугольный А.Ю. «Мягкая сила» Сталина: институт Уполномоченного по иностранным воинским формированиям в СССР в годы Великой Отечественной войны	124
Зорин А.В. Ян Масарик в американской дипломатической переписке, 1945–1948 годы	144
Сорокин А.Н. Теория кризисов СССР канцлера ФРГ Аденауэра	158
Матвеева Н.И. КНДР и Куба на начальном этапе двусторонних отношений (1960–1965): границы «социалистической солидарности»	172

СООБЩЕНИЯ

Зайцева Д.В. Жан-Ламбер Тальен и его путь в политике	184
Зеленина Г.С. «Отвратительный сионизм, Израиль – не решение вопроса». Диалектика советского и национального в еврейских эго-документах 1970–1980-х годов	198
Согрин В.В. Почему в США нет социализма	216

РЕЦЕНЗИИ

Дашенко П.А. Был ли Германский союз препятствием на пути к национальному единству? (M. Kreuzmann. Föderative Ordnung und nationale Integration im Deutschen Bund 1816–1848. Göttingen, 2022)	230
Копелев Д.Н. Княгиня Ливен, или беседа с живыми людьми (Н.П. Танышина. Княгиня Ливен: негитулованная королева европейской дипломатии. СПб., 2021)	233
Петелин Б.В. «Новая дипломатическая история» в отношениях Запада и России (Дипломатия и дипломаты: из истории международных отношений стран Запада и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2022)	238
Фадеева Т.М. Realpolitik: диалог по обе стороны Атлантики (M. Specter. The Atlantic Realists: Empire and International Thought between Germany and the United States. Stanford (Cal.), 2022)	245

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конюшихина Н.Л. Международная научная конференция «Великие географические открытия и культура Возрождения»	250
---	-----

Памяти ушедших

Мусатов В.Л. (1941–2023)	253
---------------------------------------	-----

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Zanin S.V. Making of the Science of Public Law in Europe	5
Filitov A.M. The Problem of Punishment for Nazi Criminals in the Post-War Germany: History and Historiography	18

MODERN HISTORY

Mitrofanov A.A. Napoleon Bonaparte, General Jean-Baptiste Jourdan, and the Problem of Banditry in Piedmont, 1800–1802	34
Sterkhov D.V. Military and Patriotic Mobilisation in Prussia During the Liberations Wars of 1813–1815 ..	48
Zaichenko O.V. The Unmasking of the “Second Kotzebue”: Background to a Spy Scandal, 1831	62
Kudriavtseva E.P. The 1833 Bosphorus Expedition of the Russian Fleet	76

20th CENTURY

Ivanov N.S. The Monroe Doctrine and Anglo-American Rivalry in Latin America, 19th – early 20th centuries	87
Pavlov A.Yu. Fleet Support to the Army Offensive on the Caucasus Front in 1916	99
Sergeev E.Yu. The Impact of Anti-Colonial Movements in the Middle East upon the Soviet-British Relations in the 1920s	111
Bezugolny A.Yu. Stalin’s “Soft Power”: Activities of the Commissioner for Foreign Military Formations in the USSR During the Great Patriotic War	124
Zorin A.V. Jan Masaryk in American Diplomatic Correspondence, 1945–1948	144
Sorokin A.N. Chancellor Adenauer’s Theory of Crises of the USSR	158
Matveeva N.I. The DPRK and Cuba in the Initial Period of Bilateral Relations, 1960–1965: The Limits of “Socialist Solidarity”	172

MESSAGES

Zaytseva D.V. Jean-Lambert Tallien and His Political Path	184
Zelenina G.S. “Abhorrent Zionism, Israel are not the Solution”: Dialectics of the Soviet and the National in Ego-Documents of the 1970s–80s	198
Sogrin V.V. Why There Is No Socialism in the USA	216

REVIEWS

Datsenko P.A. Was the German Confederation an Obstacle to National Unity? (M. Kreuzmann. Föderative Ordnung und nationale Integration im Deutschen Bund 1816–1848. Göttingen, 2022)	230
Kopelev D.N. Princess Lieven, or a Conversation with Living People (N.P. Tanshina. Princess Lieven. Untitled Queen of European Diplomacy. Saint-Petersburg, 2021)	233
Petelin B.V. A “New Diplomatic History” in the Relations Between the West and Russia (Diplomacy and Diplomats: from the History of International Relations between Western Countries and Russia / ed. T.L. Labutina. Saint-Petersburg, 2022)	238
Fadeeva T.M. Realpolitik: Dialogue on Both Sides of the Atlantic (M. Specter. The Atlantic Realists: Empire and International Thought between Germany and the United States. Stanford (Cal.), 2022) .	245

ACADEMIC LIFE

Konyushikhina N.L. International Conference “Great Geographical Discoveries and the Culture of Renaissance”	250
---	-----

In Memoriam

Musatov V.L. (1941–2023)	253
--------------------------------	-----

DOI: 10.31857/S013038640025460-4

© 2023 г. С.В. ЗАНИН

СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ЕВРОПЕ XVII–XVIII веков

Занин Сергей Викторович — доктор исторических наук, хабилитированный доктор юридических наук, заведующий кафедрой истории Отечества, медицины и социальных наук Самарского государственного медицинского университета (Самара, Россия), ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: s.v.zanin@samsmu.ru, zansamara@mail.ru

Scopus Author ID: 57204910191; ORCID: 0000-0003-2575-2041

Аннотация. В отличие от широко распространенных в историографии подходов, авторы которых подчас упускают из виду единство философского, политического и юридического дискурса, развитого представителями «школы естественного права» (Г. Гроций, С. Пуфендорф, Ж.-Ж. Бюрламаки, Ж.-Ж. Барбейрак), а также их последователями (Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо), в статье проводится анализ юридической специфики концепций «естественного права», «договора» и «суверенитета». Доказывается, что эти концепции, элементы которых можно обнаружить в трудах Иоанна Солсберийского и Иоанна Альтузия и развитые на основании анализа юридических случаев в международном праве Гроцием, определенным образом эволюционировали в XVII в. После Гроция в трудах Пуфендорфа возникает индивидуалистическая концепция «естественного права», которая побудила представителей «школы» искать форму общественного договора в частноправовых соглашениях народа с носителем суверенной власти. По аналогичному пути пошли Локк и Гоббс, выбрав, соответственно, юридические конструкции общественного договора в виде договора товарищества и договора в пользу третьего лица. Автор статьи показывает, что Руссо, развивая критику этих идей, создал новую концепцию публично-правового договора, в котором «государь» не является участником соглашения, а народ не отчуждает в его пользу верховную власть, оставаясь ее носителем и ее единственным источником. При этом в его сочинениях не ставится вопрос о фактическом «происхождении суверенитета», которому представители «школы» и их последователи уделяли большое внимание, поскольку общественный договор у Руссо не является историческим фактом. Таким образом, становление науки публичного права в XVII–XVIII вв. отражает переход от концепций «естественного права», «договора» и «суверенитета», основанных на факте, к концепциям, основанным на праве.

Ключевые слова: политическая наука, история публичного права, естественное право, общественный договор, суверенитет, Гоббс, Гроций, Локк, история юридической мысли, европейские страны, история философии.

S.V. Zanin

Making of the Science of Public Law in Europe

Sergey Zanin, Samara State Medical University (Samara, Russia); Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: s.v.zanin@samsmu.ru, zansamara@mail.ru

Scopus Author ID: 57204910191; ORCID: 0000-0003-2575-2041

Abstract. In contrast to the approaches widely accepted in historiography, in this article the author analyses the content of the concepts of “natural law”, “contract”, and “sovereignty” developed by representatives of the “school of natural law” (Grotius, Pufendorf, Burlamaqui, Barbeyrac), as well as their followers (Locke, Hobbes, Rousseau). After Grotius, the individualistic concept of “natural law” emerges in the writings of Pufendorf, which led the representatives of the “school” to look for the form of the social contract in the private legal agreements of the people with the bearer of sovereign power. The author demonstrates that Rousseau, developing his criticism of these ideas, created a new concept of the public law contract in which the “sovereign” is not a party to the agreement, and the people do not forfeit supreme power in his favour, remaining its bearer and its only source. At the same time, he did not raise the question of the real “origins of sovereignty”, which the representatives of the “school” and their followers focused a lot of attention on, since Rousseau’s social contract is not a historical fact. Thus, the formation of the science of public law in the seventeenth and eighteenth centuries reflects the transition from the concepts of “natural law”, “contract”, and “sovereignty” based on fact to the concepts based on law.

Keywords: political science, history of public law, natural law, social contract, sovereignty, Hobbes, Grotius, Locke, history of legal thought, European countries, history of philosophy.

Становление науки публичного права в Европе XVII–XVIII вв. связано с течением политической мысли, которое получило название «школа естественного права и прав лиц». Его основы заложили в начале XVII в. в своих трудах Иоанн Альбузий и Гуго Гроций. Оно быстро завоевало авторитет на европейском континенте благодаря трудам Самуэля Пуфендорфа, Кристиана Томазия, Жан-Жака Бурламаки, Жана Барбейрака и др. По сути дела, ни один политический дискурс не обходился без ссылки на базовые концепции, созданные ее представителями, а именно «естественное право», «общественный договор» и «суверенитет». В русле юридических концепций, сформулированных ими, развивалась политическая философия Дж. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и многих других философов эпохи Нового времени, которые не могли оставить без внимания чисто правовые вопросы. И наоборот, в юридическом дискурсе представителей этого направления затрагивались важнейшие философские концепции того времени, будь то сенсуализм или декартовский рационализм. Влияние их идей, таких как Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа, прослеживается в России эпохи Петра I, в частности в «Правде воли монаршей» Феофана Прокоповича¹. Кроме того, их юридические идеи развивали и авторы французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г., и Т. Джефферсон. В целом «школа» оказала определяющее влияние на развитие политической, философской и главным образом юридической мысли в эпоху Нового времени. Но не только. В лексиконе современных политологов все чаще встречается термин «общественный договор» (народа с правительством), который, как считается, является главным условием легитимации власти². Со ссылкой на учение Гоббса развивал свои идеи Карл Шмитт, один из самых спорных, но и авторитетных авторов³.

Парадоксально то, что идеи «школы» в историографии редко изучались в виде отдельного сюжета, связанного со становлением юридической науки вообще и науки публичного права в частности. За исключением сочинений Отто фон Гирке, опубликованных на рубеже XIX–XX вв., их подробного анализа в историографии не проводилось, поскольку в большинстве своем исследователи акцентируют внимание именно на политической и философской составляющих концепций «школы» и ее продолжателей и критиков. В современной историографии можно выделить несколько подходов к изучению дискурса, включающего в себя три упомянутые концепции. В рамках «истории политической мысли» они рассматривались в качестве одного из направлений, наряду с учениями «неостойков», абсолютистскими концепциями суверенитета и др., получивших развитие в XVII в. С одной стороны, этот подход позволил вписать

¹ Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

² Goyard-Fabre S. L’interminable querelle sur le Contrat social. Ottawa, 1983.

³ Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005. Гл. 4.

идеи «школы» в широкий исторический контекст, а с другой — уникальный синтез концепций «естественного права», «общественного договора» и «суверенитета», осуществленный ее представителями, оказался, если можно так выразиться, «растворенным» в нем⁴. Многие специалисты в области истории политической философии рассматривали их как концепты, подчас забывая, что, к примеру, ни Гроций, ни Пуфендорф философами не были⁵. Конечно, можно согласиться с тем, что названные концепции имели «самостоятельное происхождение» в трудах философов⁶. Но нельзя не обратить внимания на то, что в глазах как юристов, так и философов, которые либо солидаризировались с этими концепциями, как, например, профессор «естественного и публичного права» Женевского университета Жан Барбейрак или философ Кристиан Вольф, или же выступали с последовательной критикой теорий «школы», как, например, Жан-Жак Руссо, она представляла собой одно течение мысли, поэтому, в частности, философам в их полемике с юристами, как мы увидим в дальнейшем, приходилось прибегать к юридическим конструкциям, чтобы говорить с юристами на одном языке. По этой причине изучение именно юридических концепций «естественного права», «общественного договора» и «суверенитета» в контексте развития «школы» и ее критики в XVII–XVIII вв. представляется актуальным для современной историографии, где им не уделялось достаточного внимания.

Прежде чем перейти к их подробному анализу, следует коротко остановиться на генезисе упомянутых концепций. В известном сочинении «Политика, усвоенная сообразно методу» (*Politica methodice digesta*) Иоанн Альгузий впервые, насколько нам известно, употребил термин «соглашение» для характеристики происхождения государственной власти⁷. Вместе с тем, несмотря на определенное сходство с идеями Ж.-Ж. Руссо, отмеченное еще у О. фон Гирке⁸, его взгляд на «естественное право» вполне соответствовал взглядам римских юристов и средневековых мыслителей, которые, как, например, Фома Аквинский, испытали их влияние. Человек наделен природным стремлением к общежитию (точнее, к *consociatio* — сообществу) с себе подобными. «Действенной причиной этого общежития является согласие и соглашение (*pacium*) между ними, и народ, чья власть необходимым образом предшествует власти управляющих». Новизной не отличается и мысль о том, что передача власти (*translatio imperii*) является своего рода «добровольным пожертвованием» со стороны народа, сделанным власти, а она в свою очередь является «исполнителем» (*minister*) воли народа⁹.

Совершенно иначе к вопросу о ее происхождении подошел Гроций в трактате «О праве на добычу» (*De Jure Praedae*), которое было создано непосредственно перед его главным трактатом «О праве войны и мира» (*De jure belli ac pacis*). Именно в нем впервые был сформулирован принцип, согласно которому «каждый индивид должен предпочесть собственное благо благу окружающих»¹⁰. Иными словами, индивиду присуще то, что французские моралисты, и в частности Франсуа де Ларошфуко, назовут «самолюбием» (*l'amour-propre*). И в этом отношении идеи Гроция вполне перекликались с идеями Цицерона: «Первое, соответствующее нашей природе, стремление состоит в том, чтобы мы сохраняли сами себя (*primatque*

⁴ *Histoire de la pensée politique moderne: 1450–1700* / ed. J.H. Burns. Paris, 1997.

⁵ *Terrel J. Les théories du pacte social: droit naturel, souveraineté et contrat de Bodin à Rousseau*. Paris, 2001; *Снекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии*. Т. 1–2. СПб., 2006.

⁶ *Terrel J. Op. cit.* P. 19.

⁷ Цит. по изданию 1614 г.

⁸ *Gierke O. Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien*. Breslau, 1889. S. 9.

⁹ *Johannis Althusii. Politica methodice digesta atque exemplis sacris et profanes illustrate: Cui in fine adjuncta est Oratio Panegyrica, De necessitate, utilitate et antiquitate scholarum*. Nassoviorum, 1614. P. 282, 329. Сходные суждения высказывались еще в эпоху средних веков, в частности, Иоанном Солсберийским в «Поликратике»: «Поскольку он повинует закон и управляет по своему усмотрению народом, исполнителем [воли которого], по собственному мнению, является» (*quod hic legi obtemperat et eius arbitrio populum regit cuius se credit ministrum*) (*Joannis Saresberiensis. Policraticus sive De nugis curialium & vestigiis philosophorum libri octo* // *Joannis Saresberiensis Carnotensis episcopi Opera omnia*. Paris, 1855. Lib. IV. Cap. 1. P. 514).

¹⁰ *Hugoni Grotii. De Jure Praedae*. Paris, 1869. P. 11.

ex natura hanc habere appetitionem, ut concervemus nosmet ipsos)» (Cic. De fin. IV. 25. Пер. С.В. Занина).

В то же время Гроций высказывает оригинальную мысль, отмечая, что всякое общежитие предполагает «разумное ограничение» этого принципа, без чего оно вообще не может существовать. Поэтому в «Праве войны и мира» он высказывает мысль, что «право естественное есть внушение здравого разума (dictamen rectae rationis), а оно означает то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым, а следовательно, такое действие или воспрещено, или предписано самим Богом, создателем природы» (De jure belli ac pacis. Кн. I. Гл. IV, X. Пер. А.Л. Сакетти с исправлениями)¹¹. Таким образом, в его учении возникла некая двойственность в понимании «естественного права». С одной стороны, «самолюбие» или природный эгоизм свойственны всякому живому существу, и они связаны, говоря современным языком, с инстинктом самосохранения, т.е. оно существует «по природе». С другой стороны, это «внушение здравого разума», и оно возникает вместе с разумом, т.е. является продуктом, как мы теперь сказали бы, цивилизации и культуры. При этом «естественное право» принадлежит каждому человеку, коль скоро оно является «внушением здравого разума», но не принадлежит совокупности человеческих существ. Поэтому эта концепция являлась индивидуалистической.

Рассмотрим подробнее, каким образом мыслители «школы», их последователи и критики вышли из этого затруднения. На многозначность понятия «естественное право» указывал выдающийся германский юрист Самуэль Пуфендорф, отмечая, что оно может быть рассмотрено с исторической и философско-правовой точек зрения. Согласно первой из них, оно является состоянием, предшествующим цивилизованному. А согласно второй, это гипотеза, т.е. юридическая фикция, согласно которой люди обладали определенными правами до возникновения государства и политического права, так как между людьми существовала «изначальная и всеобщая связь, которая является следствием общности природы людей, существующей до всякого соглашения» (L. II. Chap. I. § 4)¹². Поэтому следовало предположить, что у людей уже была в этом состоянии «мысль о естественном праве», а потому содержание гражданских законов не могло противоречить сути «законов естественных», которые их заменили в результате возникновения гражданского союза (L. II. Chap. I. § 2)¹³. И эта точка зрения не была нова, поскольку восходила к римским юристам классического периода, в частности к Ульпиану. Согласно Пуфендорфу, в состоянии, в котором человек жил до того, как было заключено соглашение, существовала полная независимость и «естественная свобода» людей, которые были «хозяевами самим себе» и зависели только от Бога (L. II. Chap. I. § 8)¹⁴. Выход из отмеченного ранее затруднения ему виделся в признании того, что «природа, предписывая нам быть способными жить в обществе, вовсе не стремится к тому, чтобы мы забывали сами о себе. Цель этого предписания, напротив, состоит в том, чтобы каждый, оказывая услуги и помощь ближнему, тем самым мог удовлетворить свои собственные потребности» (L. II. Chap. III. § 18)¹⁵.

Однако этот компромиссный взгляд не снимал отмеченного ранее затруднения, поскольку, согласно Гоббсу, даже если человек в силу своих естественных потребностей и стремится жить в обществе, из этого не следует, что он по природе приспособлен к жизни в обществе, т.е. вряд ли он «знает условия, требуемые для заключения соглашения»¹⁶. Из этого следовало, что никакого dictamen rectae rationis в «естественном состоянии» нет и быть не может. Люди живут в «естественном состоянии», которое представляет собой состояние «войны всех против

¹¹ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994. С. 171–172.

¹² Pufendorf S. Le droit de la nature et de gens. Caen, 1989. T. I. P. 144.

¹³ Ibid. P. 143.

¹⁴ Ibid. P. 148.

¹⁵ Ibid. P. 201–202.

¹⁶ Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 222.

всех», а мотивом их поступков является «гордость», возникающая в силу ложной оценки человеком собственных сил¹⁷.

В трактате «О гражданском правлении» Локк, предлагая собственную интерпретацию естественного состояния и существующего в нем естественного права, приводил в пример независимость от соседей, в которой на международной арене в его время пребывали государи, обладавшие суверенной властью (§ 14)¹⁸. Но и эта ссылка на реалии также не давала выхода из затруднения, поскольку, как полагал Гоббс, в среде диких народов нередко царит мир между частными лицами, а государи, облеченные верховной властью, «вследствие своей независимости находятся в состоянии постоянной зависти, соперничества, вооружаются и, наконец, ведут непрерывные войны»¹⁹. Ж.-Ж. Руссо, понимая, что именно это возражение целиком опрокидывало все построения Гроция, Пуфендорфа и Локка, заметил, что «ошибка Гоббса, следовательно, не в том, что он допускал существование состояния войны между независимыми и начавшими жить в обществе людьми, а в том, что он счел это состояние естественным для человеческого рода и выдавал за причину его пороков то, что было их следствием» (L. I. Chap. 2)²⁰. По сути, Гоббс приписывал «естественному человеку качества человека общественного», т.е. человека, который находился «у него перед глазами»²¹. Поэтому Руссо вводит два термина для характеристики морали человека: «себялюбие» и «самолюбие», во многом соглашаясь с моралистами XVII в., к примеру с Ларошфуко, в том, что последние являются основным мотивом поступков человека в обществе. И если первое следует считать синонимом «инстинкта самосохранения», то второе есть не что иное, как «искусственное чувство, которое рождается в обществе и возникает из желания сравнивать себя с другими»²². Это «сравнение», порожденное гордостью, в конечном итоге привело к возникновению «неравенства между разрядами в обществе» (*inégalité des rangs*), за которым последовало неравенство имущественное, поскольку, по смыслу рассуждений Руссо, власть и влияние способствуют приобретению собственности, а не собственность позволяет получить власть.

Гипотеза о «естественном состоянии» у Руссо фактически носила двойственный характер. В качестве гипотезы исторического характера она основывалась на сведениях, почерпнутых из описаний жизни народов, содержащихся в многочисленных отчетах мореплавателей о путешествиях в Африку и на острова Тихого океана, а в качестве допущения она носила чисто теоретический характер. И в этом последнем отношении Руссо вполне был солидарен с идеями Пуфендорфа, с которыми, согласно «Исповеди», он ознакомился еще в ранней молодости. То есть его концепция «естественного права» была построена методом исключения качеств, приобретенных человеком в обществе²³. Согласно логике его анализа, если мысленно исключить качества человека, приобретенные им в ходе прогресса общества, то останутся те, которые принадлежат человеку изначально, а именно — свобода. При этом сам Руссо называл свой метод «генетическим», т.е. он во главу угла ставил не исторические факты, относящиеся к прогрессу цивилизации, а логику «гипотезы», позволяющей выделить основные этапы развития человечества. Ведь в конечном итоге тот человек, которого мы знаем, — это продукт развития гражданского общества, и «мы становимся людьми,

¹⁷ Об этом Гоббс писал в резюме и заключении к «Левиафану» (*Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения. Т. I. С. 535 и сл.*). Мысль о том, что концепция «гордости» является фундаментальной в политической философии Томаса Гоббса, принадлежит М. Оукшотту (*Oakeshott M. Hobbes on civil Association. Indianapolis, 1937 (1975). P. 161–163.*)

¹⁸ Локк Дж. Трактат о гражданском правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 269–270.

¹⁹ Гоббс Т. Левиафан... Т. 2. С. 95–96.

²⁰ Rousseau J.-J. Du contrat social ou Principes du droit politique // Œuvres complètes de Jean-Jacques Rousseau. Collection de la Pleiade. Т. III. Paris, 1962. P. 353 (далее ссылки на это издание: ОС с указанием тома и страницы).

²¹ Rousseau J.-J. Discours sur les origines et les fondements de l'inégalité // ОС. Т. III. P. 185.

²² Rousseau J.-J. Annotation XV // ОС. Т. III. P. 219.

²³ Занин С.В. Общественный идеал Ж.-Ж. Руссо и французское Просвещение XVIII в. СПб., 2007. С. 204–205.

в сущности, только после того, как становимся гражданами» (L. I. Chap. II)²⁴. С юридической точки зрения он создал концепцию «естественного права» *нормативного характера*, отказавшись от моральной философии своих предшественников, в частности Гоббса.

Различный взгляд на концепции «естественного права» и «естественного состояния» у представителей «школы», а также их критиков и последователей определил различия в трактовке природы и характера «общественного договора», а также «суверенитета» у представителей «школы» и тех, кто развивал ее концепции. Общий взгляд на природу общественного договора впервые встречается у Гуго Гроция, который, как верно заметил О. фон Гирке, вполне мог быть знаком с идеями мыслителей позднего Средневековья, например Марсилия Падунанского, у которого фигурирует «договор о подчинении» (*pactum submissionis*)²⁵. Суть рассуждений Гроция сводится к следующему: народ, побежденный в войне или живущий под «отеческой властью» наследственного монарха, вынужден естественным образом подчиняться. Такого рода договор будет договором о подчинении народа суверенной власти. Иной случай возникает тогда, когда отчуждение верховной власти народом в пользу правителя происходит добровольно. Подобный договор правильнее охарактеризовать как соглашение об ассоциации равноправных участников соглашения. Вопрос заключался лишь в том, какую юридическую форму придать этому последнему соглашению.

И вот здесь, как нам представляется, юристы «школы», а также их последователи и критики воспользовались институтами римского частного права. Например, Гроций считал, что благодаря второму роду соглашений возникают монархии узурфруктарные. То есть государь пользуется властью на правах узурфрукта, а в первом случае возникают монархии «абсолютные» (патримониальные), т.е. основанные на праве собственности властителя на суверенную власть, приобретенную в результате завоевания или по давности владения (наследственная власть). Исходя из своей концепции «естественного права», Пуфендорф предложил своеобразное сочетание «договора о подчинении» и «договора об ассоциации». По его мнению, общественный договор состоит из двух соглашений (*pactum*) и одного декрета, в котором провозглашается избранная суверенной властью форма правления (*decretum circa formam regiminis*). Первое соглашение представляет собой акт, в результате которого возникает общественный организм (союз), т.е. «люди обязуются с общего согласия решать вопросы, которые относятся к их сохранению и естественной безопасности» (L. VII. Chap. II. § 7)²⁶. А в последнем случае возникают, если воспользоваться термином Руссо, «полицейские законы» (*lois de police*) (L. II. Chap. 6)²⁷. Второе соглашение, согласно Пуфендорфу, является соглашением об избрании правительства, которое обязуется заботиться об общественном благе и облекается для этой цели высшей властью. «Этим актом, — добавляет Пуфендорф, — обусловливается в полной мере единство и подчинение воле, завершающее создание государства, которое следует рассматривать как организм и единое лицо» (L. VII. Chap. II. § 8)²⁸.

Вся эта юридическая надстройка была использована Пуфендорфом исключительно для того, чтобы сохранить «естественное право» в гражданской ассоциации. Об этом свидетельствует следующее его рассуждение: «Слово[сочетание] “абсолютная власть” в собственном смысле слова не имеет ничего общего с этим. Ибо в естественном состоянии эта абсолютная и высшая свобода каждого (*singulorum hominum summa haec et absoluta libertas*) состоит в том, что каждый управляет по своему усмотрению, не спрашивая другого, всем, что имеет отношение к его имуществу, делам, судебным искам, при этом не нарушая естественного права, которое он безусловно должен соблюдать (*salva tamen semper observatione juris naturalis*). ... Необходимо, чтобы образовавшийся организм как коллективный (*communis*) подданный сохранил подобную свободу в решении тех вопросов, которые касаются общественного блага. Эта свобода должна дополняться суверенной властью или правом предписывать гражданам

²⁴ *Rousseau J.-J. Du contrat social (1ère version) //* OC. Т. III. P. 286–287; *Занин С.В.* Указ. соч. С. 456.

²⁵ *Gierke O.* Op. cit. S. 78–79.

²⁶ *Pufendorf S.* Op. cit. Т. II. P. 286.

²⁷ *Rousseau J.-J. Du contrat social.* P. 379–380.

²⁸ *Pufendorf S.* Op. cit. Т. II. P. 289.

необходимое, принуждая тех, кто отказывается, подчиняться. ... Нелогично мнение, что кто-то является независимым, если он не управляет своими делами по собственному суждению и усмотрению (*ex proprio iudicio et arbitrio*). При этом Пуфендорф замечал, что «высшая и абсолютная» суверенная власть не должна вступать в противоречие с «естественными законами» (L. VII. Chap. VIII. § 7)²⁹. Этот взгляд на соотношение власти и свободы основан на юридической конструкции, согласно которой два соглашения являются независимыми друг от друга (§ 211)³⁰. Поэтому после избрания короля «народной ассамблеей» происходит отчуждение верховной власти в пользу правителя, но «это не означает, что народ превращается в толпу, которая не имеет общей внутренней связи: он остается связанным первым соглашением, в силу которого с самого начала возникло общество и в силу зависимости от одного-единственного главы» (L. VII. Chap. IV. § 12)³¹. Более того, подданные, обязуясь исполнять все то, чего требует «природа подчинения», «взамен получают в порядке исполнения одностороннего обязательства необходимую заботу от государя, в соответствии с целью, ради которой учреждается гражданское общество» (L. VII. Chap. IV. § 11)³². Иными словами, речь идет об обязательстве суверена в форме стипуляции заботиться о подданном и защищать его. Если же стипуляция не исполнена, то и подданные освобождаются от обязанности подчиняться суверену³³. Однако же граждане, связанные с ним договором о подчинении, «изъявляют волю не иначе, как с помощью воли государя». Из этого следует, что возможности для неповиновения власти у него ограничены, если не считать восстания против нее.

Но рассуждения Пуфендорфа отнюдь не снимали возражения Гоббса, который полагал, что после передачи верховной власти в руки монарха или группы лиц народ перестает быть единым целым и, следовательно, все обязательства, которые с ним были заключены носителем верховной власти, т.е. оба соглашения, по терминологии Пуфендорфа, не имеют силы, а «народ перестает быть народом, он становится нестройной толпой (*dissoluta multitudo*), поскольку народом он является как раз в силу того, что он обладает высшей властью (*virtute tantum summi imperii*)», — заключал Гоббс (L. II. § 12)³⁴. Более того, в этом случае каждый участник соглашения, переставая его соблюдать, будет судьей самому себе³⁵. Поэтому, как он считал, форма общественного соглашения должна быть иная. Это не стипуляция носителя верховной власти в отношении отдельных лиц, как полагал Пуфендорф, а *взаимное обязательство в пользу третьего лица*. Гоббс в трактате «О гражданине» следующим образом формулировал текст общественного соглашения: «Я передаю мое право одному лицу с тем, чтобы и ты передал твое тому же лицу» (*ego jus meum transfero in hunc, ut tu tuum transferas in eundam personam*) (L. VI. § 20)³⁶. Идея «отчуждения» власти народом в пользу суверенной власти в силу гражданского по своей природе обязательства, причем отчуждения полного, полагала противоречие, на которое указывал Гоббс. Отчуждая в пользу суверена власть над собой, свою собственность и свободу, человек перестает быть человеком, он становится рабом, а народ превращается в толпу. Зачем же тогда нужно общественное соглашение, если оно, вопреки мнению Пуфендорфа, на деле нарушает «естественное право»?

Для того чтобы устранить это противоречие, Дж. Локк и Ж.-Ж. Бурламаки предложили переосмыслить юридическую конструкцию общественного договора. По Локку, «все те, кто

²⁹ Ibid. P. 332–333.

³⁰ Локк аналогичным образом призывал отличать распад правительственной власти и распад общественного организма (Локк Дж. Два трактата о гражданском правлении. С. 385).

³¹ Pufendorf S. Op. cit. T. II. P. 305.

³² Ibid. P. 303–304.

³³ Derathé R. J.-J. Rousseau et la science politique de son temps. Paris, 1992. P. 215.

³⁴ Hobbes Th. De Cive // Thomae Hobbes Malmesburiensis Opera Philosophica quae Latina Scripsit / ed. G. Molesworth. Londoni, 1839. T. II. P. 171. С этим соглашался и Жан-Жак Бурламаки, который в целом не соглашался с Гоббсом: «Изначально суверенитет принадлежит народу, но, как только народ передал свое право суверену, невозможно предположить, не впадая в противоречие, что он волен распорядиться этим правом» (Burlamaqui J.-J. Principes du droit politique. T. I. Amsterdam, 1751. P. 74).

³⁵ Гоббс Т. Левиафан. Т. 1. С. 137–138.

³⁶ Hobbes Th. De Cive. P. 232.

из естественного состояния объединяются в сообщество, отказываются в пользу большинства этого сообщества от всякой власти. ... И все это совершается посредством одного лишь согласия на объединение в единое политическое сообщество, а это и есть весь тот договор, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в государство или его создающими» (§ 99)³⁷. Другими словами, речь идет о создании ассоциации, напоминающей договор товарищества в римском праве (*soció*), где некоторые товарищи действуют от лица всех остальных, являющихся «верителями». При этом, как подчеркивает Локк, те, кто действует от лица товарищей, обладают властью, «необходимой для осуществления тех целей, ради которых они объединились в сообщество». Однако, согласно мнению Бюрламаки, само это соглашение об ассоциации является лишь «строительными лесами» (*échafaudage*) по отношению к «зданию государства». В действительности в основании государства лежит «взаимное соглашение между государем и подданными», хотя оно и «является чаще всего молчаливым» (L. VII. Chap. II. § III. Note 2). Именно на этой основе и возникает «декрет о форме правления», который Бюрламаки, в отличие от Пуфендорфа, называл «ордонансом». В нем следовало оговорить «меры» (средства) для достижения цели гражданского общества. А вторым соглашением является соглашение, в силу которого «избранные главы государства обязуются заботливо блюсти безопасность граждан и следовать общей пользе»³⁸. То есть оно является по сути своей тем, что мы сегодня называем конституцией. Но будет ли она прочной, если в ее основе лежит договор между неравными лицами, поскольку народ отчуждает свои права в пользу суверенной власти?

Совершенно особняком стоит по отношению к концепции договора, разработанной юристами «школы» и их последователями, учение об общественном договоре Жан-Жака Руссо. Поначалу в «Рассуждении о неравенстве» он рассматривал общественный договор, «следуя общему мнению», в качестве «подлинного договора между народом и главами, которых он себе избирает». И добавлял, что «магистраты» должны поступать по закону, установленному волей граждан и в соответствии с намерениями верителей (*commetants*)³⁹. В трактате «Об общественном договоре» магистраты им были названы «служителями закона (*officiers de la loi*)», его «исполнителями (*ministri*)». Более того, в отличие от Пуфендорфа и Гоббса, Руссо не считал, что учреждение правительства и подчинение его распоряжениям является особым соглашением. «Совершенно правы те, кто утверждают, что действие, в силу которого народ подчиняется своим руководителям, не является договором. Ведь это не что иное, как поручение, сфера деятельности, в которой они, выступая в качестве суверенной власти, осуществляют власть, которой их наделили. И суверен может изменить ее, ограничить и даже отобрать, когда ему заблагорассудится», — писал он (L. III. Chap. 1)⁴⁰.

Однако же форма договора у Руссо коренным образом отличается, несмотря на кажущееся сходство, от тех видов договоров, которые предложили представители «школы» и их последователи. Вслед за Гоббсом он считает, что никакая суверенная власть не может существовать, если индивиды или народ не согласны на «полное отчуждение» (*aliénation totale*) всех своих прав в пользу суверенной власти. Эта фраза вызвала в современной историографии немало споров и обвинений Руссо в том, что он был едва ли не «предшественником тоталитаризма»⁴¹. Однако, во-первых, это соглашение заключается индивидом не с «властью», т.е. индивидами или группой лиц, как у юристов «школы» и их последователей, а с гражданской ассоциацией в целом, частью которой он сам становится. Именно поэтому Руссо считает, что этот договор является «договором [индивида], так сказать, с самим собой» (*pour ainsi dire, avec lui-même*). Легко заметить, что в этом случае достигается наиболее полное соблюдение

³⁷ Локк Дж. Два трактата о гражданском правлении. С. 319.

³⁸ Burlamaqui J.-J. Op. cit. Т. II. P. 234.

³⁹ Rousseau J.-J. Discours sur l'origine de l'inégalité // OC. Т. III. P. 184–185.

⁴⁰ Rousseau J.-J. Du contrat social. P. 396.

⁴¹ Алюшин А.Л. Тоталитарное государство в модели и реальности. От Руссо к сталинизму // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 163–168; Медушевский А.Н. Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 14.

принципа равенства сторон в договоре. Во-вторых, индивид «полностью отчуждает» свои права, но лишь при условии получения полного эквивалента «естественных прав» в виде прав политических, которые защищаются «всей силой общественного организма»⁴². Воля индивидуумов подчиняться суверенной власти таким образом является «общей» (*volonté générale*) и с точки зрения количества лиц, вступающих в гражданскую ассоциацию, и с точки зрения *ее направленности*, т.е. стремления получить действительную защиту «естественных прав», которой не было и не могло быть в «естественном состоянии». Иными словами, та форма общественного договора, которую предложил Руссо, является договором не частноправовым, как у его предшественников, а публично-правовым, коль скоро индивид вступает в соглашение с гражданской ассоциацией и получает при этом именно публично-правовую защиту своих прав. И Руссо сам указал на коренное отличие своей конструкции общественного договора от конструкций частноправовых, которые использовали его предшественники: в теории договора индивида с самим собой «нельзя применить то правило гражданского (частного. — С.3.) права, согласно которому никто не должен соблюдать обязательств, взятых перед самим собой; ибо существует очевидное различие между тем, чтобы обязываться перед самим собой, и тем, чтобы обязываться перед целым, частью которого являешься» (L. I. Chap. 7)⁴³.

Из формы общественного договора вытекало представление юристов «школы» и их последователей о суверенитете. Этот термин был впервые введен в обиход Жаном Боденом, определявшим его как высшую и «свободную от законов власть над гражданами и над подданными властью», которая не может быть ограничена ни властью вышестоящей, ни законами, ни временем ее осуществления. Она является неотчуждаемой и неизменной⁴⁴, а также «абсолютной» (безоговорочной) и основанной на воле монарха⁴⁵. Юристы «школы», считая, что суверенная власть основана на договоре и воле народа, переосмыслили идеи Бодена. В их сочинениях встречается несколько латинских терминов и выражений для обозначения понятия «суверенитет»: *majestas*, *summa potestas* (верховная, высшая власть светского характера), *summum imperium* (власть магистрата, полномочие) и *dominium* (абсолютная власть или господство)⁴⁶. Последнее выражение у римских юристов применялось в отношении института права собственности на недвижимость и рабов. Гоббс в своих произведениях, написанных на латыни, использовал упомянутые термины как синонимы верховной власти, указывая на ее неделимый и абсолютный характер.

Гуго Гроций так же, как и Гоббс, в своих трудах, в частности в трактате «О праве войны и мира», использовал как термины *summa potestas*, *summum imperium*, так и термин *dominium* (господство)⁴⁷. Последний термин применялся им для характеристики власти, полученной в результате завоевания или по наследству. Суверенитет или, как он его называл, «верховную власть» (*summum imperium*) голландский юрист определял как начало, приводящее в движение весь государственный организм. Гроций считал, что «верховой властью называется такая власть, действия которой не подчинены иной власти и не могут быть отменены чужой властью по ее усмотрению», за исключением самого носителя указанной власти (государство и его воплощение — государь) или его преемника⁴⁸.носителем такой власти для него является *государство* в целом. Но существует еще ее носитель в собственном смысле слова, ее олицетворение. В зависимости от «законов и нравов» страны в качестве такого носителя верховной власти может выступать одно лицо, несколько лиц или сам народ (Кн. I. Гл. III. § VII (1, 3))⁴⁹.

⁴² «Вступившие в соглашение выигрывают эквивалент всего того, что теряют, а также выигрывают большее количество сил, чтобы сохранить имеющееся» (*on gagne l'équivalent de tout ce qu'on perd, et plus de force pour conserver ce qu'on a*) (*Rousseau J.-J. Du contrat social*. P. 361).

⁴³ *Ibid.* P. 363.

⁴⁴ См.: *D'Eichthal E. Souveraineté du peuple et gouvernement*. Paris, 1895. P. 2–3.

⁴⁵ *Bodin J. Six livres de la république*. Lyon, 1578. P. 88.

⁴⁶ *D'Eichthal E. Op. cit.* P. 24–25.

⁴⁷ *Derathé R. Op. cit.* P. 383.

⁴⁸ *Гоббс Т. Левиафан... Т. 2. С. 141; Гроций Г. Указ. соч. Кн. I. Гл. III. § VII (1). С. 127.*

⁴⁹ *Гроций Г. Указ. соч. С. 127–128.*

Пуфендорф вместо термина *potestas* предпочитал использовать термин *imperium* и *majestas* («величие» как олицетворение власти) в качестве синонима термина «суверенная власть». «Величие (*majestas*) есть то, что присутствует в любом государстве, подобно его душе. И эта власть не будет иметь никакого влияния, если она не обладает достаточной силой, чтобы заставить своих подчиненных делать то, что предписывается ею», — заключал он (L. VII. Chap. III. § 1)⁵⁰. То есть одним из главных признаков верховной власти (суверенитета) Пуфендорф считает силу, заключенную в действии правителя, выражающую его суверенную волю. Локк, как правило, использовал выражение *supreme power* (высшая власть), что в действительности является буквальным переводом латинского термина *summa potestas*. Он использовал также выражения «высший авторитет» (*supreme authority*) и «политическая власть» (*political power*), врученная правительству гражданами. Особенность трактовки Локка заключается в том, что для него суверенитет признавался «верховой властью в государстве», которой принадлежит исключительное право издавать законы в пределах, необходимых для достижения целей создания гражданской ассоциации (§ 132)⁵¹.

В XVIII в. для обозначения суверенитета использовались в качестве синонимов разные термины, такие как *puissance publique* (или в английском варианте *political power*), *empire*, *autorité souveraine*, *pouvoir suprême*, *souveraineté* (в значении «высшая власть»). Это свидетельствует о том, что суверенитет стал отождествляться непосредственно с публичной властью и с ее носителями, а эти многочисленные термины обозначают главным образом признаки суверенитета. Кроме того, в произведениях юристов «школы» и их последователей можно встретить попытку провести различие между «источником суверенитета» в договоре и его фактическим происхождением. О происхождении суверенитета рассуждал еще Гуго Гроций, проводя различия между видами монархий (патримониальная и узуфруктуарная монархии). Иначе дело обстояло с понятием «источник суверенной власти». Вводя понятие «естественное право», юристы «школы» логично предположили, что оно воплощено не в народе, а в отдельно взятом индивиду, в его воле заключить общественное соглашение⁵². Не случайно Пуфендорф полагал, что суверенитет существует в «состояниях и началах» каждого индивида (L. VII. Chap. III. § 4)⁵³. Переосмыслив понятие «источник суверенной власти», они переосмыслили и ее происхождение, сосредоточив внимание на воле индивидов. Гоббс в «Левиафане» объяснял, что для достижения верховной власти имеются два пути. «Один — это физическая сила, например, когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или когда путем войны подчиняют своей силе врагов, даруя им на этом условии жизнь», — писал он⁵⁴. Такое политическое образование Гоббс называет государством, основанным на *установлении*. Второй путь — «это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеет защитить их против всех остальных». В последнем варианте государство считается основанным на *приобретении*. Легко сравнить эти рассуждения, а также во многом сходные мысли Локка с рассуждениями Гроция, который считал, что «патримониальная монархия» может возникнуть только в результате «справедливой войны», не нарушающей чужого права (народная война в целях самообороны и защиты того, что ему по праву принадлежит)⁵⁵. В свою очередь, Локк указывал, что даже в случае вынужденного отчуждения власти у народа во время войны необходимо открытое или молчаливое согласие народа (§ 119)⁵⁶. Но в этом случае концепция «естественного права» приходила в очевидное противоречие с концепцией суверенитета,

⁵⁰ *Pufendorf S.* Op. cit. Т. II. P. 250.

⁵¹ *Локк Дж.* Два трактата о гражданском правлении. С. 319, 338.

⁵² См.: *Гоббс Т.* Левиафан. Т. 2. С. 135.

⁵³ *Pufendorf S.* Op. cit. Т. II. P. 254.

⁵⁴ *Гоббс Т.* Левиафан. Т. 2. С. 133.

⁵⁵ *Гроций Г.* Указ. соч. Кн. I. Гл. III. § VIII (6). С. 129; Кн. I. Гл. II. § I (6). С. 85; Кн. II. Гл. I. § XVI. С. 196.

⁵⁶ *Локк Дж.* Два трактата о гражданском правлении. С. 332.

потому что «высшая власть», каким договором ее не ограничивай, всегда остается хозяином положения по праву сильного.

На это обстоятельство обратил внимание Руссо, доказывая принципиальную невозможность согласия народа, находящегося под гнетом узурпатора, заключить общественный договор. Его молчание как раз свидетельствует об отсутствии возможности волеизъявления, а следовательно, и никакого «молчаливого соглашения» между ним и носителем суверенной власти существовать не может (Кн. I. Гл. V)⁵⁷. Поэтом, какой бы «справедливой» ни была война, проблема легитимации власти, приобретенной путем завоевания или насильственного захвата, остается нерешенной. Осознавая эту сложность, Локк, который считал источником суверенной власти договор о гражданской ассоциации, свел проблему легитимности власти к соблюдению оговоренных условий подчинения большинства меньшинству (§ 95, 99)⁵⁸. Однако и эта теория содержала в себе немало неявных отсылок к политической практике Англии XVII в.⁵⁹ То есть в рассуждениях Гроция, Пуфендорфа и Локка вопрос о легитимности так или иначе рассматривался не с точки зрения права, а с точки зрения *факта*. При этом попытка в рамках договорных теорий и в рамках учения о «естественном праве» провести четкое различие между источником суверенной власти и ее фактическим происхождением в полной мере не удалась прежде всего потому, что, используя в качестве модели общественного договора различные виды частноправовых соглашений, они вынуждены были мыслить в категориях «определенных условий сделки», т.е. ссылаться на исторические факты или прецеденты.

Напротив, концепция общественного договора у Руссо отчетливо выражает его намерение от них отвлечься. Происхождение общества и власти затеряно в глубине веков, и остается только предположить, что такова была «воля Божественного Провидения, которое побудило людей жить в обществе»⁶⁰. Более того, «пакт, в силу которого образовался народ», и договор об образовании государства, в сущности, являются одним и тем же, устанавливая норму общежития людей. Заключая его, народ высказывает единодушное мнение, без которого невозможно создание государства и без которого сам народ не является народом (L. I. Chap. 5)⁶¹. Единогласие граждан — «общая воля» (*volonté générale*) — становится у Руссо единственным источником суверенной власти, а сам договор представляет собой внеисторическое событие. Поэтому в его доктрине значение имеет только «источник суверенитета», а не его происхождение. Действие «общей воли» обладает в глазах граждан в буквальном смысле слова «суверенным авторитетом» (*autorité souveraine*), т.е. решающим «влиянием» на государственные дела (L. I. Chap. VII; L. II. Chap. II)⁶². Не сам «суверенитет», т.е. высшая власть, а его авторитет в глазах граждан обеспечивает прочность государственного устройства, исполнение законов, а в конечном итоге и создает легитимность власти. Именно поэтому в трактате «Об общественном договоре» Руссо неоднократно высказывается в пользу необходимости «как можно часто выражения общей воли» (*l'expression de la volonté générale aussi souvent que possible*) и ее воздействия на «силу» (правительство). В рамках статьи невозможно подробно останавливаться на учении о суверенитете в трудах Руссо, но отметим лишь одну существенную деталь. Поскольку договор у Руссо представляет собой соглашение индивида, «так сказать, с самим собой», а не с властью, как у юристов «школы», а также их последователей и критиков, то всякое действие суверенной власти по сути возможно лишь при условии внутреннего одобрения каждым гражданином. Высшей формой проявления такого одобрения является патриотизм, идею которого Руссо подробно развивает в «Рассуждениях об образе правления в Польше» (1770). Но поскольку суверенитет возникает в результате соглашения индивида «с самим собой», то и любовь к родине становится любовью к самому себе (*l'amour de soi*), чувством, которым человек наделен от природы.

⁵⁷ Руссо Ж.-Ж. Общественный договор // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 160.

⁵⁸ Локк Дж. Два трактата о гражданском правлении. С. 317, 319.

⁵⁹ Goldie M. Lock and anglican royalism // Political Studies. 1983. № 31. P. 61–85.

⁶⁰ См.: Занин С.В. Указ. соч. С. 201–224.

⁶¹ Rousseau J.-J. Du contrat social ou Principes du droit politique. P. 359.

⁶² Ibid. P. 363, 369–370.

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что одной из основных заслуг «школы», а также их последователей и критиков стало обоснование индивидуалистической концепции «естественного права», формулировка которой побудила искать юридическую форму общественного соглашения, заимствуя ее по большей части в институтах римского частного права. Сложности, с которыми они столкнулись (главным образом с тем, что гражданско-правовые отношения предполагают равенство сторон в обязательстве, тогда как соглашение между властью и народом по необходимости носит неравноправный характер), были в полной мере осознаны Руссо, указывавшим, что общественный договор имеет особую природу: это публично-правовое соглашение, благодаря которому «естественное право», закрепленное в правах политических, получает защиту со стороны «всего общественного организма». Отказ от частноправовой конструкции общественного договора в его трудах привел к пересмотру концепции суверенитета, поскольку носители суверенной власти не являются стороной в общественном договоре, а суверенитет остается в руках народа — его единственного источника. При этом снимается вопрос о фактическом «происхождении суверенитета», которому ранее уделяли большое внимание, поскольку общественный договор у Руссо носит характер правовой нормы. Таким образом, становление науки публичного права в XVII—XVIII вв. отражает переход от концепций «естественного права», «договора» и «суверенитета», основанных на факте, к концепциям нормативного характера.

Библиография

- Алюшин А.Л.* Тоталитарное государство в модели и реальности. От Руссо к сталинизму // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 163–168.
- Гоббс Т.* Сочинения: в 2-х т. М., 1988.
- Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994.
- Гурвич Г.Д.* Правда воли монаршей и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.
- Занин С.В.* Общественный идеал Ж.-Ж. Руссо и французское Просвещение XVIII в. СПб., 2007.
- Локк Дж.* Сочинения: в 3-х т. М., 1988.
- Медушевский А.Н.* Демократия и тирания в Новое и Новейшее время // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 7–23.
- Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.
- Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 1–2. СПб., 2006.
- Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005.
- Bodin J.* Six livres de la république. Lyon, 1578.
- Burlamaqui J.-J.* Principes du Droit politique. Т. 1–2. Amsterdam, 1751.
- D'Eichthal E.* Souveraineté du peuple et gouvernement. Paris, 1895.
- Derathé R. J.-J.* Rousseau et la science politique de son temps. Paris, 1992.
- Gierke O.* Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Breslau, 1889.
- Goldie M.* Lock and anglican royalism // Political Studies. 1983. № 31. P. 61–85.
- Goyard-Fabre S.* L'interminable querelle sur le Contrat social. Ottawa, 1983.
- Histoire de la pensée politique moderne: 1450–1700 / ed. J.H. Burns.* Paris, 1997.
- Hobbes Th.* De cive // Thomae Hobbes Malmesburiensis Opera Philosophica quae Latina Scripsit / ed. G. Molesworth. Londoni, 1839. Т. II. P. 157–432.
- Hugoni Grotii.* De Jure Praedae. Paris, 1869.
- Johannis Althusii.* Politica methodice digesta atque exemplis sacris et profanis illustrata: Cui in fine adjuncta est Oratio Panegyrica, De necessitate, utilitate et antiquitate scholarum. Nassoviorum, 1614.
- Ioannis Saresberiensis.* Policraticus sive De nugis curialium & vestigiis philosophorum libri octo // Joannis Saresberiensis Carnotensis episcopi opera Omnia. Paris, 1855. P. 379–822.
- Oakeshott M.* Hobbes on civil Association. Indianapolis, 1937 (1975).
- Pufendorf S.* Le droit de la nature et de gens. Caen, 1989.
- Rousseau J.-J.* Œuvres complètes de J.-J. Rousseau. Vol. 1–5. Paris, 1962–1995.
- Terrel J.* Les théories du pacte social: droit naturel, souveraineté et contrat de Bodin à Rousseau. Paris, 2001.

References

- Aliushin A.L.* Totalitarnoe gosudarstvo v modeli i v realnosti. Ot Russo k stalinizmu [Totalitarian State in Model and Reality. From Rousseau to Stalinism] // Totalitarizm kak istoricheskij fenomen [Totalitarianism as a historical phenomenon]. Moskva, 1989. S. 163–168. (In Russ.)
- Grotius H.* O prave vojny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob iasnaiutsia estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsiy publichnogo prava [On the Law of War and Peace. Three books that explain natural law and the law of nations, as well as the principles of public law]. Moskva, 1994. (In Russ.)
- Gurvitch G.D.* Pravda voli monarshey i eye zapadnoevropeyskiye istochniki [The truth of the will of the monarch is its Western European sources]. Yuriev, 1915. (In Russ.)
- Hobbes Th.* Sochinenia [Works]: v 2-kh t. Moskva, 1988. (In Russ.)
- Locke J.* Sochinenia [Works]: v 3-kh t. Moskva, 1988. (In Russ.)
- Medushevski A.N.* Demokratia i tiranija v Novoe i Novejchee vremia [Democracy and tyranny in modern and modern times] // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. 1993. № 10. S. 7–23. (In Russ.)
- Rousseau J.-J.* Traktaty [Treatises]. Moskva, 1969. (In Russ.)
- Schmitt K.* Diktatura. Ot istokov sovremennoy idei suvereniteta do proletarskoj klassovoj bor'by [Dictatorship. From the Origins of the Modern Idea of Sovereignty to the Proletarian Class Struggle]. Sankt-Peterburg, 2005. (In Russ.)
- Spektorskij E.V.* Problema sotsial'noi fiziki v XVII stoletii. [The problem of social physics in the 17th century]. T. I–II. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)
- Zanin S.V.* Obstshesvennyi ideal Russo i frantsuzskoe Prosvestchenie XVIII veka [The Social Ideal of J.-J. Rousseau and the French Enlightenment of the 18th century]. Sankt-Peterburg, 2007. (In Russ.)
- Bodin J.* Six livres de la république. Lyon, 1578.
- Burlamaqui J.-J.* Principes du Droit politique. T. 1–2. Amsterdam, 1751.
- D'Eichthal E.* Souveraineté du peuple et gouvernement. Paris, 1895.
- Derathé R. J.-J.* Rousseau et la science politique de son temps. Paris, 1992.
- Gierke O.* Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Breslau, 1889.
- Goldie M.* Lock and anglican royalism // Political Studies. 1983. № 31. P. 61–85.
- Goyard-Fabre S.* L'interminable querelle sur le Contrat social. Ottawa, 1983.
- Histoire de la pensée politique moderne: 1450–1700 / ed. J.H. Burns. Paris, 1997.
- Hobbes Th.* De cive // Thomae Hobbes Malmesburiensis Opera Philosophica quae Latina Scripsit / ed. G. Molesworth. Londoni, 1839. T. II. P. 157–432.
- Hugoni Grotii.* De Jure Praedae. Paris, 1869.
- Johannis Althusii.* Politica methodice digesta atque exemplis sacris et profanis illustrata: Cui in fine adjuncta est Oratio Panegyrica, De necessitate, utilitate et antiquitate scholarum. Nassoviorum, 1614.
- Ioannis Saresberiensis.* Policraticus sive De nugis curialium & vestigiis philosophorum libri octo // Joannis Saresberiensis Carnotensis episcopi opera Omnia. Paris, 1855. P. 379–822.
- Oakeshott M.* Hobbes on civil Association. Indianapolis, 1937 (1975).
- Pufendorf S.* Le droit de la nature et de gens. Caen, 1989.
- Rousseau J.-J.* Œuvres complètes de J.-J. Rousseau. Vol. 1–5. Paris, 1962–1995.
- Terrel J.* Les théories du pacte social: droit naturel, souveraineté et contrat de Bodin à Rousseau. Paris, 2001.

DOI: 10.31857/S013038640028067-1

© 2023 г. А.М. ФИЛИТОВ

ПРОБЛЕМА НАКАЗАНИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Филитов Алексей Митрофанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Аннотация. Отталкиваясь от нарратива Р. Джордано о «второй вине» немцев, автор представил и проанализировал четыре образца обращения с нацистскими преступниками в послевоенной Германии и их отражение в историографии. В отношении советской практики их юридического преследования критически рассмотрены тезисы о ее «пропагандистской направленности» и «излишней жесткости» выносимых приговоров, тогда как в действиях западных оккупационных властей отмечается произвольный и политически мотивированный подход. Большая часть статьи посвящена сравнительному анализу того, как проблема наказания за нацистские преступления была решена (или не была решена) в обоих германских государствах и в объединенной Германии. Должное признание получает деятельность властей ГДР по разоблачению и привлечению к ответственности нацистских преступников. Автор прослеживает извилистый путь процесса «преодоления (нацистского) прошлого» в Западной Германии: от первоначальной волны судебных процессов (по большей части малоэффективных) в 1940-е годы к полной их приостановке в середине 1950-х и к относительному увеличению численности заведенных дел по военным преступлениям и преступлениям против человечности в последующие годы. Дефекты соответствующей юридической практики и попытки ее оправдания в немецкой историографии рассмотрены на базе широкого круга источников.

Ключевые слова: Нюрнбергские процессы 1945–1949, нацистские преступники, преступления против человечности, «вторая вина» немцев, СССР, Германия, ГДР, ФРГ, историография немецкая, историография отечественная, военные трибуналы, Р. Джордано, Ф. Бауэр, А. Вайнке, Г.-Х. Яш, А. Айхмюллер, У. Херберт.

A.M. Filitov

The Problem of Punishment for Nazi Criminals in the Post-War Germany: History and Historiography

Alexey Filitov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Abstract. Building on Ralph Giordano's narrative of the Germans' "second guilt", the author presents and analyses four patterns of treatment of Nazi criminals in post-war Germany and their

reflection in historiography. With regard to the Soviet practice of their legal prosecution, the author critically examines the theses about its “propaganda orientation” and “excessive rigidity” of the sentences handed down, while the actions of the Western occupation authorities are characterised by an arbitrary and politically motivated approach. Much of the article is devoted to a comparative analysis of how the problem of punishment for Nazi crimes was, or was not, addressed in the two German states and in unified Germany. The consistent efforts of the GDR authorities to identify and prosecute Nazi criminals have been duly highlighted and recognised. The author traces the winding path of “mastering the [Nazi] past” in West Germany: from the first wave of (largely ineffective) trials in the 1940s to the complete stagnation in the mid-50s and the relative growth of war crimes and crimes against humanity cases opened in subsequent years. The shortcomings of this judicial practice and the acquittal patterns reflected in German historiography are discussed and evaluated drawing on a broad source base.

Keywords: Nuremberg Trials, Nazi criminals, crimes against humanity, “second guilt” of Germans, USSR, Germany, GDR, FRG, German historiography, domestic historiography, military tribunals, Ralf Giordano, Fritz Bauer, Annette Weinke, Hans-Christian Jasch, Andreas Eichmüller, Ulrich Herbert.

На излете существования «старой» (до объединения) ФРГ ее общественность буквально всколыхнула книга видного публициста Р. Джордано о «второй вине» немцев¹. Если их «первая вина» заключалась в том, что они оказались неспособными предотвратить установление нацистского режима и, более того, в своем большинстве сохраняли ему лояльность вплоть до его полного краха, то «второй виной» стало отсутствие критического осмысления этого режима и собственного поведения, в особенности же отсутствие желания преследовать и наказать тех, кто этот режим представлял и кто был ответственен за его преступление.

Концепция «второй вины» небызупречна; в нацистской Германии имелось движение Сопrotивления, и его участников можно, конечно, упрекать в неумении вести нелегальную работу, упущениях и провалах, но это была не их вина, а их беда. А какое обвинение можно было предъявить немецкой семье, в жилище которой сам Р. Джордано спасался от депортации в лагерь смерти и которой за укрывательство неарийца грозила смертная казнь?! Уже личная история автора данной концепции показывает ее ограниченность.

Еще один недостаток нарратива о «второй вине» — игнорирование ситуации в другой части Германии, где антифашизм стал, по сути, основой государственной доктрины. Как ни странно, в ГДР никак не откликнулись на книгу Джордано: не поддержали его критику тревожных тенденций в ФРГ и не высказались по поводу чрезмерно расширительной трактовки «второй вины». На то, вероятно, были свои причины: в первые послевоенные годы Джордано был членом компартии, на какое-то время переселился в ГДР, но вскоре покинул ее и написал книгу с резким осуждением имевшихся там порядков. С точки зрения восточногерманских властей речь шла о ренегате, с которым не имело смысла ни полемизировать, ни тем более поддерживать. Сыграло роль, возможно, и еще одно обстоятельство: как раз в 1987 г. состоялся визит в ФРГ председателя Государственного совета ГДР Э. Хонеккера, ему воздавались всевозможные почести и посулы, в связи с чем указывать на «непреодоленное прошлое» у столь настроенного на сотрудничество западного партнера было сочтено неактуальным. К чести нового правительства ГДР, которое возглавил Г. Модров, в первом программном заявлении, наряду с выражением надежды на «кооперативное сосуществование» с западным соседом, отмечалась «обеспокоенность в мире возрождением неонацизма в ФРГ»².

«Кооперативное сосуществование» двух германских государств оказалось иллюзией: последовал фактический аншлюс ГДР со стороны ФРГ. На фоне победных реляций о триумфе западных ценностей всякое упоминание о каких-то изъянах развития «старой»

¹ *Giordano R.* Die zweite Schuld oder Von der Last Deutscher zu sein. Hamburg, 1987.

² Neues Deutschland. 18/19.XI.1989. S. 5.

ФРГ стало восприниматься как нечто абсолютно некорректное и заслуживающее осуждения. Выражением этой новой идеологемы стало появление в 1993 г., спустя три года после объединения, книги под характерным названием «Легенда о “второй вине”». Утверждалось, что именно в Западной Германии была проведена наиболее фундаментальная, причем основанная на строгом соблюдении правовых норм, работа по наказанию нацистских преступников, тогда как со стороны Советского Союза как оккупирующей державы, а затем со стороны властей ГДР под маркой «антифашизма» имели место произвольные аресты и пренебрежение юридическими правилами при проведении судебных процессов³. Со временем эти тезисы несколько модифицировались. Новая схема выглядела следующим образом: да, понятие «второй вины» достаточно точно определяло характеристику западногерманского общества в 1950-е годы, однако затем все стало меняться, нацистских преступников стали активно преследовать и добились в этом больших успехов, так что упомянутую «вину» как в «старой» ФРГ, так и в новой объединенной Германии уже полностью искупили.

К сожалению, в российской историографии критический анализ этих нарративов практически отсутствует, равно как и систематическое, с привлечением данных статистики компаративное исследование проблемы наказания нацистских преступников в обеих частях послевоенной Германии. Заполнить эту лауну — задача весьма актуальная и в научном, и в политическом аспектах. Внести определенный вклад в ее решение (и по возможности стимулировать научную дискуссию) — таковы цель и замысел предлагаемой статьи.

Самым фундаментальным и значимым актом правосудия в отношении нацизма и его античеловеческой практики стал Нюрнбергский процесс над главными нацистскими преступниками, проходивший с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.⁴ Его деятельность и вынесенные им приговоры отразили, с одной стороны, факт сохранения единства союзников по антигитлеровской коалиции, а с другой — наличие первых признаков нарушения этого единства. Таковые проявились, в частности, в разногласиях при определении круга преступных организаций и конкретных наказаний в отношении отдельных обвиняемых. Немцы в подавляющем большинстве вполне позитивно восприняли и сам процесс, и его решения. Многие присоединились к протестам советской стороны на процессе по поводу чрезмерной мягкости в отношении таких фигур, как Я. Шахт, Ф. Папен и А. Шпеер. В их числе оказались не только немецкие коммунисты и их союзники, но и такие антикоммунисты и националисты, как лидер западногерманских социал-демократов К. Шумахер⁵.

Вскоре, по мере нарастания дрейфа к холодной войне, пути развития на востоке и западе Германии стали все более различаться. Резко разошлись и подходы к проблеме наказания тех нацистских преступников, которые не попали в компетенцию судей в Нюрнберге.

НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ ПЕРЕД СОВЕТСКИМИ СУДАМИ

Деятельность советской юстиции по розыску и наказанию нацистских преступников началась еще в ходе Великой Отечественной войны. В 1943–1947 гг. в Советском Союзе прошло несколько десятков процессов над военнослужащими СС и вермахта, виновных в злодеяниях против мирных советских граждан на временно оккупированных

³ Kittel M. Die Legende von der “Zweiten Schuld”. Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Berlin; Frankfurt a.M., 1993.

⁴ Из обширной литературы, посвященной этому «суду народов», отметим: Полторак А.И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М., 1966; Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1974; Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986; Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. / под ред. Н.С. Лебедевой, В.В. Ищенко. М., 2007; СССР и Нюрнбергский процесс. Известные и малоизвестные страницы истории. М., 2012.

⁵ СССР и германский вопрос. Т. 2 / сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. М., 2000. С. 713.

территориях. Такого рода процессы проводились и в советской оккупационной зоне Германии. Приведем типичный пример того, как их оценивают в западной историографии: «Судили отнюдь не невиновных, однако эти суды своей целью имели в первую очередь агитацию — использование прошлого для современной политики... Оценка деятельности советской военной юстиции не может не быть амбивалентной. С одной стороны, советские военные трибуналы внесли отнюдь не малый вклад в искоренение национал-социализма, с другой — основы их работы — прежде всего их тесная связь с произвольными и террористическими мероприятиями органов безопасности, а также явные материальные и процедурно-правовые издержки советского права — представляются настолько проблематичными, что они дискредитировали весь союзнический проект преследования нацистских преступников; так это воспринималось современниками, так это выглядит и в исторической ретроспективе»⁶.

Нетрудно заметить явные противоречия в тяжеловесных рассуждениях автора (речь идет об А. Вайнке, представившей в качестве монографии текст своей диссертации, которая, вероятно, не прошла должную редактуру, что объясняет явные издержки стиля). «Произвол», «террор», некие неназванные «издержки» правовой системы вовсе не помешали, как она сама признает, достаточно точно определить круг виновных, и если целью было не только покарать отдельные личности, но и продемонстрировать миру глубину их падения и чудовищность преступлений режима (видимо, это понимается под «агитацией»), то что же в этом плохого? Издержки в практике советских карательных органов, безусловно, имелись, но связаны они были как раз с отказом от того, что автор называет «агитацией», переходом к закрытым от общественности, засекреченным процедурам преследования и наказания нацистских и прочих преступников. В этом сказывалось влияние нарастающей холодной войны, а к чему это приводило, достаточно ярко описал в своем обращении в высшие партийные инстанции советский военачальник, глава Управления Советской военной администрации в Тюрингии Н.С. Колесниченко: «Ведь американцы, англичане и французы в своих зонах арестовывают немцев не меньше, а больше, чем мы. Причем арестовывают не столько фашистских преступников, сколько демократически настроенные активные элементы, особенно коммунистов. И все же немцы менее болезненно относятся к их арестам, ибо они следуют привычной для немцев процедуре: они не делают из этого сногшибательной тайны. Наоборот, объявляют на пресс-конференциях, в газетах, по радио, сообщают родственникам. Поэтому немцы в западных зонах не могут говорить, что у них люди в массовом порядке “исчезают”. А в нашей зоне они так говорят и будут говорить, пока не изменится практика арестов и обращения с арестованными»⁷. К сожалению, наверху к этим здравым мыслям не прислушались.

Никак нельзя принять претензии А. Вайнке к российским архивным службам, которые якобы затрудняют работу исследователей. «Архивная революция», начавшаяся в позднем СССР и продолжившаяся в новой России, дала историкам, в том числе и зарубежным, почти неограниченный доступ к материалам, ранее считавшимся строго секретными, в частности о деятельности спецслужб и юстиции. Собранных немецкими исследователями документов хватило на два тома сборника о деятельности советских военных трибуналов и вдобавок еще на дополнительный том о вынесенных ими смертных

⁶ *Weinke A. Die Verfolgung von NS-Taten im geteilten Deutschland. Vergangenbewältigung 1949–1969 oder: Eine deutsch-deutsche Beziehungsgeschichte im Kalten Krieg. Paderborn, 2002. S. 30.*

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 572. Л. 90.

приговорах⁸. Амбивалентной при этом предстает не деятельность советской юстиции, а скорее ее интерпретация.

Примером может служить аналитическое исследование одного из авторов-составителей этих сборников М. Шмайцнера⁹. Он признает бесспорность доказательной базы советских обвинителей и в этой связи выражает несогласие с теми из его коллег (конкретно называются российский историк из «Мемориала» Н. Петров и немецкий исследователь М. Цайдлер), кто считает процессы против гитлеровских военных преступников инсценировками по типу того, что имело место в СССР в 1937–1938 гг. Его критические замечания в адрес советского судопроизводства не носят огульного характера, некоторые из них небезосновательны. Зафиксированная им тенденция у советских юристов даже при наличии неопровержимых улик и показаний свидетелей во что бы то ни стало добиваться признания обвиняемого (очевидное влияние концепции Вышинского о «царице доказательств») приводила к затягиванию следствия, что, как автор справедливо отмечает, позволило многим преступникам избежать заслуженного наказания, поскольку в мае 1947 г. в СССР последовала отмена смертной казни. Можно принять и его критику по поводу чрезмерно поспешной, а потому чреватой ошибками кампании по осуждению оставшихся после массовой репатриации военнопленных в конце 1949 – начале 1950 г. Ранее примерно о том же высказывались российские историки, труды которых данный автор, к сожалению, игнорирует¹⁰.

Как известно, после того как смертная казнь была вновь введена в 1950 г., к немецким военным преступникам ее не применяли и никто из них не отбыл назначенного срока заключения – последние были репатриированы в 1955 г. Тем не менее Шмайцнер упорно пытается доказать, что советские власти в преследовании нацистских преступников проявляли «особую жесткость» (*besondere Härte* – это можно понимать и как «излишняя жестокость»).

Статистические данные, содержащиеся в его исследовании, никак этот вывод не подтверждают. Из приведенной автором оценочной цифры «почти 70 тыс. немецких граждан», привлеченных к ответственности советскими судами до 1955 г., и такой же оценочной цифры доли приговоров по делам о преступлениях нацистского режима (примерно 70%) следует, что таких дел было рассмотрено порядка 45–50 тыс. Суммируя приведенные в том же исследовании отдельные данные о количестве осужденных за преступления гитлеровского режима военнослужащих (30 782) и гражданских лиц (около 4300), получаем общее их число порядка 35 тыс. Разница между числом рассмотренных дел и количеством осужденных – 10–15 тыс. Столько, очевидно, было оправдано – это очень большой процент оправдательных вердиктов! Что же касается смертных приговоров, то их количество и число тех, что были приведены в исполнение, называются с точностью до последнего знака: соответственно 3301 и 2542. Если считать, что из них нацистских

⁸ Sowjetische Militärtribunale. Bd. 1. Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangenen 1941–1953 / Hrsg. A. Hilger, U. Schmidt, G. Wagenlehner. Köln, 2001; Sowjetische Militärtribunale. Bd. 2. Die Verurteilung deutscher Zivilisten, 1945–1955 / Hrsg. A. Hilger, M. Schmeitzner, U. Schmidt. Köln, 2003; Todesurteile sowjetischer Militärtribunale gegen Deutsche (1944–1947). Eine historisch-biographische Studie / Hrsg. A. Weigelt, K.-D. Müller, Th. Schaarschmidt, M. Schmeitzner. Göttingen, 2015. Подобных изданий о деятельности юстиции западных держав в своих зонах, насколько известно, не существует.

⁹ Schmeitzner M. Besondere Härte? Die sowjetischen Verfahren von SS- und Polizei-Komplex // Die SS nach 1945 / Hrsg. J.E. Schulte, M. Wildt. Entschuldungsnarrative, populäre Mythen, europäische Erinnerungsdiskurse. Göttingen, 2018. S. 145–161.

¹⁰ Один из ведущих специалистов по проблеме положения и судеб немецких военнопленных в СССР вологодский историк В.Б. Конасов на международном семинаре, состоявшемся в его родном городе в 2005 г., сообщил, что из 30 тыс. приговоров лицам этой категории, вынесенных с декабря 1949 г. по февраль 1950 г., более 10 тыс. были пересмотрены согласно закону от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». На том же семинаре, однако, в выступлении А.Е. Епифанова отмечалось, что решения о реабилитации по некоторым делам были опротестованы и отменены. См.: Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР. Материалы международного научного семинара (Вологда, 17–18 октября 2005 г.). Вологда, 2006. С. 75–76, 92.

преступников были те же «примерно 70%», то получается, что высшую меру наказания получили около 2300 гитлеровцев, из них 500–600 было затем помиловано.

Оставляя в стороне вопрос о точности этой статистики, никак нельзя говорить об особой жесткости или тем более жестокости, проявленных советскими судьями: ведь доля смертных приговоров составляла всего 5–6% от общего их числа, а доля приведенных в исполнение и того меньше. Заметим к тому же, что советская сторона в карательной практике, по крайней мере в первые послевоенные годы, не допускала огульного подхода, исследуя индивидуальную вину, невиновность и/или смягчающие обстоятельства в отношении каждого конкретного подследственного.

ПРОБЛЕМА НАКАЗАНИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В ПОЛИТИКЕ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

По-иному выглядела ситуация в Западной Германии, где действовали военные власти западных держав. Прежде всего следует сказать о крайне негуманном, издевательском отношении к массе капитулировавших солдат вермахта. «Охранники развлекались тем, что бросали внутрь лагеря остатки пищи и окурки... Тот, кто был ближе всех, пытался их поднять, его сбивали с ног стоявшие сзади... Получалась людская куча, из которой торчали вымазанные глиной до паха ноги... Условия для отправления “естественных нужд” были ужасающи. Солдатам, которые находились в ниже расположенной части моего лагеря, приходилось барахтаться буквально в озере мочи», — таковы лишь некоторые из воспоминаний тех, кто оказался в «рейнских лагерях», организованных американцами в апреле 1945 г. после капитуляции группировки вермахта в «Русском котле». Можно представить себе, как это прокомментировали бы, если бы речь шла о советском лагере; в данном же случае все ограничилось замечанием, что умерло «всего лишь тысяч десять» пленных и что американцы нашли эффективный способ для предупреждения массовой эпидемии: на военнопленных обильно распыляли порошок ДДТ (как известно, этот инсектицид предназначался отнюдь не для применения к людям, а позднее его вообще запретили — он оказался чрезвычайно вреден даже в малых дозах)¹¹.

Не иначе как произволом можно охарактеризовать и применявшуюся западными оккупационными властями практику «автоматического ареста», которая распространялась на всех, кто имел какое-то отношение к нацистской партии, включая ее номинальных членов. Прежде всего это относилось к американской зоне: к концу 1945 г. в лагерях там насчитывалось свыше 117 тыс. лиц, официально считавшихся интернированными¹². Не менее произвольный характер носили и время от времени проводимые массовые амнистии. Основанием для освобождения была не степень раскаяния или отсутствие состава преступления, а какая-либо примечательная дата (например, Рождество) или возраст (принадлежность к молодежной когорте — хотя именно среди таковой было особенно много фанатичных почитателей Гитлера).

Объектом внесудебной практики стала поначалу и та часть нацистской элиты, которая, будучи главным спонсором и выгодополучателем режима, усиленно подчеркивала свою аполитичность и даже оппозиционность. Речь идет о владельцах и ведущих менеджерах банков, концернов и прочих монополистических объединений, на время также подвергшихся интернированию. Точных данных о количестве задержанных и сроках их отсидки мало, и они противоречивы, отмечает немецкий исследователь Т. Шанецки, приводя лишь несколько примеров: «двумя волнами, в сентябре и ноябре 1945 г., британские власти интернировали около 120 рурских промышленников», один из них, Г.-Г. Золь, заместитель председателя правления Vereinigte Stahlwerke, провел полтора года на голых

¹¹ Overmans R. “Ein untergeordneter Eintrag im Leidenbuch der jüngeren Geschichte”? Die Rheinwiesenslager 1945 // Ende des Dritten Reiches — Ende des Zweiten Weltkriegs. Eine perspektivische Rückschau / Hrsg. H.-E. Volkmann. München; Zürich, 1995. S. 266–268.

¹² Kettenacker L. Germany since 1945. London, 1997. P. 17.

досках в лагерном бараке, потеряв 25 кг, а вот банкир Г.-Й. Абс, арестованный в январе 1946 г., вышел на свободу уже через три месяца¹³. Много говорит за то, что по факту проходил закулисный торг о судьбах нацистских активов: кто соглашался делиться, того освобождали и восстанавливали в функциях руководителей немецкой экономики, кто упорствовал — дорого за это платил. Юридические процедуры для такого рода взаимодействия, естественно, не подходили.

Первый судебный процесс в Западной Германии по делам о нацистских преступлениях (против надзирателей и охранников концлагеря Берген-Бельзен) прошел в Люнебурге (британская зона) с 17 сентября по 17 ноября 1945 г.: 11 обвиняемым был вынесен смертный приговор, 33 получили длительные сроки заключения¹⁴. Аналогичные разбирательства имели место в американской и французской зонах. Относительно общей численности рассмотренных дел, привлеченных к суду обвиняемых, вынесенных приговоров — налицо большой разноряд. А. Вайнке приводит следующие данные: с 1945 по 1947 г. военными судами США обвинения были выдвинуты против 1941 лица, из них осуждено 1517, в британской зоне были рассмотрены дела против 1085 обвиняемых (число приговоров не приводится), по французской называется число приговоренных 2107, но не известно количество обвиняемых. Всего же, по неким «внутренним оценкам», союзниками осуждено около 10 тыс. преступников. Простое сложение приведенных ею данных по зонам дает гораздо меньшую цифру, и это противоречие никак не объяснено. Еще более разительное противоречие можно обнаружить в самой близкой к нам по времени работе Г.-Х. Яша: «Во время войны, а также после ее окончания судами союзников за участие в преступлениях национал-социализма было осуждено около 100 тыс. немцев и австрийцев. В оккупированной Германии и в Австрии союзники вынесли приговоры в отношении 8812 лиц»¹⁵. То ли в первой цифре по недосмотру был добавлен лишний ноль, то ли имелось в виду, что свыше 90 тыс. судили за пределами Германии. Скорее, верно первое предположение. В большинстве работ приводятся оценочные данные о примерно 5 тыс. осужденных в западных зонах Германии за военные преступления и преступления против человечности, из которых примерно 800 были приговорены к смертной казни; разнятся данные о количестве приговоров, которые были приведены в исполнение: в одних случаях фигурирует оценка — треть от вынесенных, в других — конкретная цифра 486¹⁶. Доля смертных приговоров, таким образом, составила примерно 16% от их общего числа (приведенных в исполнение — от 6 до 10%). Западная «либеральная» юстиция, как оказалось, проявила в данном случае меньше милосердия, чем «тоталитарная» советская, притом что интенсивность работы по розыску и привлечению к суду нацистских преступников на западе (куда они в основном и сбежали) была намного ниже.

Упомянутые выше процессы затрагивали лиц, находившихся на низших ступенях нацистской иерархии. Дела на лиц, занимавших в ней более высокое положение, рассматривались в ходе 12 процессов, которые были проведены в Нюрнберге. Из 177 обвиняемых 24 получили смертный приговор, 12 были приведены в исполнение¹⁷. Суды против замешанных в преступлениях представителей военной элиты и спецслужб Третьего рейха проходили и в других городах Западной Германии. Их отличает тенденция если не к полной реабилитации обвиняемых, то, по крайней мере, к попыткам найти в их пользу смягчающие обстоятельства, причем занимались этим весьма высокопоставленные лица. Так, в ходе процесса над шефом СС и полиции на итальянском фронте К. Вольфом свидетелем

¹³ *Schanetzky T.* Unternehmer: Profiteure des Unrechts // *Karrieren in Zwielicht. Hitlers Eliten nach 1945* / Hrsg. N. Frei. Frankfurt a.M., 2002. S. 80–81.

¹⁴ *Weinke A.* Die Verfolgung von NS-Taten... S. 28.

¹⁵ *Jasch H.-Ch.* NS-Verbrecher vor bundesdeutschen Gerichten. Zur Täterschaft und Täterbegriff // *Aufarbeitung des Nationalsozialismus: Ein Kompendium* / Hrsg. M. Brechtken. Göttingen, 2021. S. 211.

¹⁶ *Fischer Th.* Vorwort // *Karrieren in Zwielicht*. S. 7; *Kettenacker L.* Op. cit. P. 16; *Nichols A.J.* *The Bonn Republic: West German Democracy*. London, 1997. P. 16.

¹⁷ *Fischer Th.* Op. cit. S. 7.

защиты выступил его партнер по сепаратным переговорам в Швейцарии (операция «Санрайз-Кроссворд») А. Даллес, ставший вскоре директором ЦРУ. В результате обвиняемого, фактически третье лицо в эсэсовской иерархии (после Гимmlера и Кальтенбруннера), в ноябре 1948 г. приговорили к четырем годам заключения, и вскоре он вышел на свободу¹⁸.

При подготовке процесса против фельдмаршала Э. фон Манштейна, состоявшегося в Гамбурге (британская зона) в августе—декабре 1949 г., была развернута широкая международная кампания по сбору пожертвований для оплаты защиты обвиняемого, в которой принял участие среди прочих и У. Черчилль. Личности подобранных защитников — один был представителем еврейской диаспоры, другой имел репутацию пацифиста — должны были убедить судей в их объективности, притом последний доказал свой «пацифизм» заявлением, что явился, чтобы выступить адвокатом не столько лично обвиняемого, сколько немецкой армии, вместе с которой надо-де защищать Западную Европу. Можно по достоинству оценить принципиальность судей: они не очень поддались на эту аргументацию и вынесли обвинительный приговор. Однако уже в феврале 1950 г. срок заключения был сокращен с 18 до 12 лет, а в 1953 г. военный преступник вышел на свободу: были зачтены время его пребывания в плену, хорошее поведение и справка о плохом состоянии здоровья. Заметим, что он прожил еще 20 лет, побывав вдобавок советником Аденауэра по военным вопросам; на похороны свой венок прислало министерство обороны ФРГ¹⁹.

Хотя требование всеобщей амнистии формально отвергалось оккупационными властями, де-факто она шла достаточно быстрыми темпами. Уже к 1951 г. на свободу вышли все ранее осужденные магнаты капитала. Что касается военных преступников, то к началу 1952 г. в местах заключения оставалось 700 человек, к 1955 — 94, летом 1957 г. последних выпустили на свободу англичане и французы, в 1958 — американцы²⁰. На этом деятельность западной оккупационной юстиции в Германии закончилась. Произвол как в наказании, так и в освобождении от наказания стал ее отличительной чертой. Если что и «компроматировало союзнический проект», о чем писала А. Вайнке, то это именно политика Запада.

НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ ПЕРЕД НЕМЕЦКИМИ СУДАМИ: ГДР

Вновь образованному восточногерманскому государству советская сторона передала незавершенные дела в отношении более 3 тыс. лиц, ранее содержавшихся в спецлагерях НКВД/МВД СССР. Они стали фигурантами так называемых Вальдхаймских процессов (по названию города в Саксонии, где они проходили). Об их результатах данные расходятся. По утверждению одного из первых исследователей, получивших доступ к закрытой статистике, к длительным срокам заключения был приговорен 3291 обвиняемый, 33 получили смертный приговор²¹. В более позднем обобщающем труде по истории Германии XX в. речь идет о почти 3 тыс., получивших сроки свыше 10 лет, 31 подсудимом, приговоренном к смертной казни, и 24, в отношении которых этот приговор был приведен в исполнение; кроме того, отмечается, что только сотня обвиняемых была оправдана²². При анализе этих цифр следует иметь в виду, что в спецлагеря попадали не только участники нацистских зверств, но и разного рода криминальные элементы, противники новой власти, вражеские агенты и т.д. Вальдхаймские процессы получили крайне негативную

¹⁸ *Lingen K. von. Allen Dulles, the OSS, and Nazi War Criminals: The Dynamic of Selective Prosecution.* New York, 2013.

¹⁹ *Scholten J. Offiziere: Im Geiste unbesiegt // Karrieren in Zwielficht.* S. 140—142.

²⁰ *Ibid.* S. 143.

²¹ *Eisert W. Die Waldheimer Prozesse: der stalinistische Terror 1950. Ein dunkles Kapitel der DDR-Justiz.* München, 1993. Цит. по: *Поссекель Р.* Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии 1945—1950 гг. // Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945—1950 гг. Сб. документов и статей / под ред. С.В. Мироненко. М., 2001. С. 307.

²² *Herbert U. Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert.* München, 2014. S. 572.

оценку в историографии — даже более жесткую, чем в отношении деятельности советского правосудия. Отмечается, в частности, что власти ГДР не последовали советскому примеру и не отменили хотя бы на время смертную казнь (официально ее вычеркнули из реестра наказаний только в 1981 г.). Вместе с тем в отношении доказательной базы и корректности судопроизводства на процессах против отдельных преступников претензий, как правило, не предъявляется. Возражения вызывает лишь несоответствие юридической практики в ГДР нормам немецкого права²³. Они неосновательны: как мы увидим далее, именно следование старым, еще времен монархии, нормам немецкого права в ФРГ существенно осложнило там дело преследования нацистских преступников.

Уникальным достижением юстиции ГДР стал заочный процесс над ближайшим сотрудником канцлера К. Аденауэра, руководителем его личной канцелярии Г. Глобке, прошедший в 1963 г.: впервые под судом за свои преступления периода фашистской диктатуры (в их числе разработка расовых Нюрнбергских законов) оказался действующий государственный чиновник ФРГ, притом столь высокого ранга. Объективность данного судопроизводства и справедливость вынесенного приговора (пожизненное заключение) признают в том числе и авторы, весьма критически настроенные к ГДР²⁴.

Согласно отчетам о деятельности органов правосудия ГДР по делам о преступлениях национал-социализма, опубликованным в 1965—1967 гг., было 16 583 обвиняемых, из них 12 818 осуждены, из них 119 — к смертной казни, а 239 — к пожизненному заключению²⁵. В последующем шла кропотливая точечная работа органов безопасности и правопорядка ГДР по выявлению и привлечению к ответственности тех, кто сумел скрыть свое преступное прошлое и даже порой всячески демонстрировал свою лояльность рабоче-крестьянскому государству: за период с середины 1960-х до 1989 г. было вынесено 77 приговоров в отношении лиц, участвовавших в карательных акциях гитлеровского режима, из них 10 — к высшей мере²⁶. С последствиями 12 лет фашизма и войны на востоке страны разобрались самым основательным и бескомпромиссным образом.

НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ ПЕРЕД НЕМЕЦКИМИ СУДАМИ: ФРГ

В первом десятилетии XXI в. Мюнхенский институт современной истории осуществил большой исследовательский проект по созданию банка данных о всех делах, возбужденных в обоих германских государствах против лиц, виновных или подозреваемых в преступлениях национал-социалистического режима. Параллельно с проектом шла и подготовка аналитических работ по данной тематике. Остановимся подробнее на одной из них, достаточно репрезентативной, автором которой является один из участников проекта А. Айхмюллер.

Начинается она с описания весьма показательных событий, имевших место 23 мая 1949 г., в день принятия в Бонне Основного закона, что считается и днем рождения ФРГ. Речь идет о судах, где рассматривались дела о преступлениях, совершенных нацистами и их приспешниками, которые проходили в пяти городах новорожденного государства. В трех случаях судили осведомителей гестапо; один получил два месяца заключения, другой — три, третий — пять, но не за донос, а за то, что сперва жестоко избил того, на которого затем донес. Из восьми обвиняемых в антисемитских бесчинствах в ходе Хрустальной ночи в ноябре 1938 г. двое получили сроки в 9 и 12 месяцев, остальные были оправданы «из-за недостатка улик». Еще одним обвиняемым стал военный судья, который в 1944 г. посчитал слишком мягким приговор низшей

²³ Dörscher H.-J. Aufarbeitung von NS-Unrecht. Was die Staatsanwältin sah // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19.X.2015.

²⁴ Bästlein K. The GDR's Judgment against Hans Globke // After Auschwitz: The Difficult Legacies of the GDR / eds E. Heitzer, A. Kahane, M. Jander, P. Poutrus. New York, 2021. P. 74—87.

²⁵ Braunbuch. Krieger- und Naziverbrecher in der Bundesrepublik und in Westberlin. 3-te Auflage. Berlin, 1968. S. 9.

²⁶ Dörscher H.-J. Op. cit.

инстанции некоему морскому офицеру и изменил его на смертный. Вердикт — невиновен, действовал по закону²⁷.

Примеры такого правосудия, которое нельзя назвать иначе, как издевательством над жертвами (которых к тому времени по большей части уже не было в живых), нередко приводятся на страницах данной книги и немалого числа ее аналогов, и неудивителен вывод автора, что соответствующие разбирательства «не представляют собой славной страницы в (истории) юстиции Федеративной Республики». Удивляет другое — его утверждение, что «справедливое и адекватное юридическое преследование массовых, с миллионами жертв, убийств и других преступлений нацистского режима было делом заранее невозможным»²⁸. Приводятся два аргумента (они типичны для большинства его коллег). Первый: западногерманские органы правосудия руководствовались положениями традиционного уголовного права (закон не имеет обратной силы, необходимо точно определить время и место преступления, степень личного участия в нем обвиняемого, личность потерпевшего и т.д.), а они не подходили к ситуации, когда преступником являлось само государство, осуществлявшее террор против отдельных групп населения и целых народов. Игнорируется при этом тот факт, что уже Устав Нюрнбергского трибунала предусмотрел новые юридические нормы в отношении расследований по военным преступлениям и преступлениям против человечности, их правоприменение для германских судов было кодифицировано Законом № 10 Контрольного совета, им руководствовалась юстиция ГДР, до середины 1951 г. его могли использовать и в судах западных зон²⁹. Таким образом, альтернатива была, она работала, но потом в ФРГ от нее отказались.

Почему это произошло? Для ответа на этот вопрос в ход идет вторая линия аргументации: против нюрнбергского правосудия, за максимально мягкое обращение с нацистскими преступниками, а то и полный отказ от их преследования, выступали якобы сами немцы, или, по крайней мере, их большинство там, где они могли свободно высказываться, т.е. в демократической Западной Германии. Таково, мол, было общественное мнение: в нем господствовал менталитет «подведения черты под прошлым». Приводится и соответствующее объяснение: в ситуации послевоенной разрухи люди были заняты «борьбой за существование, в обстановке лишений и нужды они зачастую проявляли скорее равнодушие к чужому горю», отсюда — нежелание заниматься вопросами о жертвах и преступлениях прошлого³⁰. Логика этих изысканий в области социальной психологии предполагает, что максимум таких настроений должен был бы прийти на первые послевоенные годы, а с улучшением условий жизни они уходили бы в прошлое. Фактически же произошло как раз обратное. Как констатирует автор одного из самых авторитетных трудов по германской истории XX в. У. Херберт, «первоначально достаточно интенсивный процесс осуждения преступлений национал-социализма стал уходить на задний план начиная уже с 1948 г., а еще быстрее — после образования Федеративной Республики»³¹. Этот вывод подтверждается статистическими данными: если в 1949 г. прошло 3346 процессов против нацистских преступников и было вынесено 1474 приговора, то в 1955 г. — всего 276 процессов и 15 приговоров³². После же вступления ФРГ в НАТО и обретения ею суверенитета в мае 1955 г. «юридическое преследование нацистских преступлений практически прекратилось»³³.

Зато усилилось преследование демократических сил, прежде всего коммунистов. Число возбужденных против них дел и вынесенных приговоров (соответственно 125 тыс.

²⁷ *Eichmüller A. Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München, 2012. S. 1.*

²⁸ *Ibid. S. 430.*

²⁹ *Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 218.*

³⁰ *Eichmüller A. Op. cit. S. 422.*

³¹ *Herbert U. Op. cit. S. 658.*

³² *Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 212.*

³³ *Herbert U. Op. cit. S. 665.*

и 6–7 тыс. в период с 1951 по 1968 г.³⁴) превысило аналогичные показатели преследования нацистских преступников за тот же период (106 тыс. и 6 тыс.). У. Херберт сокрушенно констатирует в этой связи, «насколько слабо укоренились государственно-правовые принципы западногерманской демократии»³⁵. В 1956 г. компартия вообще была объявлена вне закона и перешла на нелегальное положение; аресты ее сторонников продолжались. То, что значительная часть населения ФРГ не выступила против этого антикоммунистического террора, можно по праву считать «третьей виной» немцев, если употреблять терминологию Р. Джиордано.

Приведенная в работе Г.-Х. Яша диаграмма, иллюстрирующая динамику числа возбужденных в ФРГ дел по нацистским преступлениям, отмечает любопытную картину: после того как в 1955 г. была достигнута низшая точка, кривая слегка приподнялась, вышла на «плато», а с 1958 г. резко пошла вверх, достигнув пика в 1961 г.³⁶ Эту тенденцию в немецкой историографии стали называть «коренным поворотом», чуть ли не «революцией» (*Wende, Wandel, Zäsur*) в деле преследования нацистских преступников³⁷.

Наиболее показательной характеристикой этого поворота считается начало деятельности (с 1 декабря 1958 г.) Центрального ведомства земельных управлений юстиции по расследованию преступлений национал-социализма в Людвигсбурге (земля Гессен). Сам факт создания новой властной структуры с таким названием свидетельствовал о ложности тезиса, что проблема преодоления нацистского прошлого уже закрыта, все виновники наказаны, и справедливость восторжествовала. Дело не ограничилось организационной новацией: огненные в сфере правосудия оказались ранее не подлежавшие рассмотрению преступления на временно оккупированных территориях, что резко расширило круг потенциальных подследственных. Определенные изменения произошли и в сфере масс-медиа: «Те же самые популярные журналы, которые в начале 1950-х годов критиковали проводимые союзниками процессы, называя их несправедливыми преследованиями ни в чем не повинных немецких солдат, теперь всю печатали возмущенные статьи об участниках массовых убийств из Тильзита»³⁸. В данном случае имеются в виду фигуранты состоявшегося в феврале–августе 1958 г. Ульмского процесса — 10 сотрудников гестапо, СД и «полиции порядка», которые входили в «айнзацкоманду» Тильзит и проводили расстрелы еврейского населения в Литве в сентябре 1941 г.³⁹

О причинах внезапного прозрения западногерманских юристов и журналистов имеются разные точки зрения. А. Вайнке считает, что «решающим импульсом к интенсификации расследований нацистских преступлений в Федеративной Республике» стали разоблачительные «антифашистские кампании ГДР»⁴⁰. У. Херберт придерживается противоположного мнения: все, что исходило от ГДР, воспринималось на Западе как коммунистическая пропаганда, а потому акции Берлина по преданию гласности нацистского прошлого разного рода политиков и чиновников ФРГ носили даже контрпродуктивный характер⁴¹. Думается, А. Вайнке ближе к истине, хотя решающим считать «фактор ГДР» вряд ли стоит.

Как представляется, главные причины определенного поворота в деле преследования нацистских преступников на рубеже 1950–1960-х годов следует искать в сфере менявшихся императивов политики правящих кругов ФРГ — как внешней, так и внутренней. К концу 1950-х годов в ФРГ все больше стали осознавать бесплодность прямой

³⁴ В 1951 г. начался процесс против КПП, в 1968 г. компартия легализовалась под новым названием — Германская коммунистическая партия (ГКП).

³⁵ *Herbert U.* Op. cit. S. 669.

³⁶ *Jasch H.-Ch.* Op. cit. S. 211.

³⁷ *Eichmüller A.* Op. cit. S. 4.

³⁸ *Herbert U.* Op. cit. S. 770.

³⁹ *Müller S., John T.* Die Mörder unter uns. Der Ulmer Einsatzgruppenprozess 1958. Stuttgart, 2008.

⁴⁰ *Weinke A.* Die Verfolgung von NS-Taten... S. 343.

⁴¹ *Herbert U.* Op. cit. S. 771.

конфронтации со странами восточного блока, появились надежды на внесение раскола в их ряды. Особая ставка была сделана на Польшу, и не случайно, что после Ульмского крупный процесс был организован против охранников и надзирателей расположенного именно на польской территории концлагеря Освенцим (немецкое название Аушвиц), — это должно было как-то улучшить имидж реваншистского Бонна в глазах поляков⁴².

Определенного эффекта авансы западногерманской стороны в отношении Польши достигли. Еще в апреле 1960 г. в здании польской военной миссии, расположенной в Западном Берлине, состоялась первая почти конспиративная встреча с функционером людовигсбургского ведомства, которого не понятно за что «осыпали хвалебными речами»⁴³. В феврале 1965 г. состоялся визит в Варшаву главы этого ведомства Э. Шюле, причем принимающая сторона подчеркнуто проигнорировала обнародованные к тому времени данные о нацистском прошлом приглашенного гостя и постаралась создать впечатление о «нейтральной позиции Польши в германо-германском конфликте»⁴⁴, что, разумеется, прямо противоречило официальной позиции польского руководства, подчеркивавшего свою солидарность с СССР и ГДР в борьбе против тогдашней действительно реваншистской политики ФРГ.

Заметим, что события на территории Советского Союза, страны, наиболее пострадавшей от фашистской агрессии, не вошли в число приоритетных для западногерманских расследователей: из компетенции нового ведомства заранее исключались «преступления, связанные с военными действиями», включая те, которые совершались в отношении советских военнопленных. А. Вайнке в новой монографии, посвященной истории людовигсбургского ведомства, считает такое ограничение полномочий одним из его «врожденных пороков»⁴⁵.

Помимо внешнеполитического аспекта, широко разрекламированный поворот в деле преследования нацистских преступников призван был решить еще и сложную внутриполитическую задачу, впрочем, власти ФРГ сами для себя ее создали. Дело в том, что в 1951–1957 гг. бундестаг принял ряд законов-толкований к статье 131-й Основного закона, расширивших круг лиц из числа функционеров нацистского режима, которые могли требовать восстановления в должности или финансовой компенсации. Поток такого рода «пострадавших» (по большей части они ранее скрывали свое прошлое, а теперь решили легализоваться) грозил буквально затопить все звенья уже укомплектованного управленческого аппарата и/или обанкротить государственные финансы. Людовигсбургское ведомство должно было, говоря современным языком, собирать компромат, но было лишено права возбуждать на его основе уголовные дела и тем самым, как нельзя лучше, подходило для того, чтобы как-то зарегулировать этот поток. Задача была не в том, чтобы наказывать вышедших из тени преступников, а поугаты их, дабы они отказались от забышенных претензий и пошли на сделку с государством. Кто осмеливался «качать права», мог только пенять на себя. Это было похоже на то, как действовали западные оккупанты в отношении магнатов немецкого бизнеса⁴⁶.

Разумеется, нельзя сводить всю деятельность людовигсбургского ведомства к выполнению политизированного государственного заказа. По крайней мере, после ухода с поста

⁴² Проходивший во Франкфурте-на-Майне Аушвицкий процесс (декабрь 1963 г. — август 1965 г.) широко освещался в прессе и подавался как образец пусть запоздавшего, но тем не менее свершившего правосудия. Позднее было подсчитано, что из примерно 6 тыс. охранников и прочего персонала этого лагеря смерти реальные наказания получили лишь 49 человек. См.: *Jasch H.-Ch.* Op. cit. S. 214.

⁴³ *Weinke A.* Die Verfolgung von NS-Taten... S. 115.

⁴⁴ *Ibid.* S. 226.

⁴⁵ *Weinke A.* Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst. Die Geschichte der Zentralen Stelle in Ludwigsburg, 1958–2008. Darmstadt, 2008. S. 30–31.

⁴⁶ Если бы главный обвиняемый в Ульмском процессе не обратился в суд с иском о восстановлении его в должности, то он наверняка не попал бы сам на скамью подсудимых, и самого процесса не было бы.

первого его руководителя Э. Шюле (как уже отмечалось, обнаружились темные пятна в его прошлом) началось, хотя и в ограниченном объеме, сотрудничество с органами правопорядка ГДР, а затем и СССР. И в самом ведомстве, и на уровне прокуратуры и судебных инстанций находились люди, искренне заинтересованные в восстановлении справедливости. Одним из них был сотрудник гессенской прокуратуры Ф. Бауэр, который буквально «сжег себя» в борьбе против своих же коллег, сторонников испытанной тактики замалчивания или преуменьшения нацистских зверств⁴⁷.

Идеалистов-правдолюбцев типа Бауэра ждало глубокое разочарование. В одних случаях возбужденные дела прекращались, в других — вынесенные приговоры отменялись вышестоящей инстанцией. Монография Вайнке по истории людовигсбургского ведомства (кстати, более свободная от полемических выпадов против СССР и ГДР, что было характерно для ее первого труда) буквально изобилует примерами такого рода. Приведем один из них: в декабре 1961 г. суд приговорил к 12 годам заключения некоего Э. Эрлингера, скромного служащего автоконцерна «Фольксваген» в Карлсруэ, а ранее — руководителя одной из печально известных «айнзацкоманд», которые осуществляли массовые расстрелы еврейского населения. Была подана апелляция, рассмотрение ее затянулось, и в 1965 г. преступника выпустили на свободу, пока еще в качестве подсудимого; четырем годами позже дело было закрыто по причине его недееспособности. Как иронично отмечает Вайнке, «якобы тяжелобольной Эрлингер пережил этот судебный вердикт на более чем 20 лет»⁴⁸. Налицо была копия того фарса, который был разыгран в отношении военного преступника Манштейна в начале 1950-х годов.

С течением времени аргументация для оправдания преступников не менялась. Июнь 1956 г., процесс по делу судей, отправивших на казнь Канариса, Остера и других заговорщиков против Гитлера. Вердикт: невиновны, «всегда и везде, когда речь шла о борьбе не на жизнь, а на смерть, издавались строгие законы, направленные на защиту государства». Декабрь 1968 г., пересмотр дела Г.-И. Резе, заместителя Р. Фрайслера, председателя Народного трибунала, вместе они судили главных фигурантов все того же заговора 20 июля. Годом ранее был вынесен обвинительный приговор, теперь он отменен, поскольку «даже тоталитарное государство имеет право на самооборону»⁴⁹. По логике этих решений судить следовало тех, кто вынудил Германию обороняться и вести борьбу не на жизнь, а на смерть, т.е. солдат антигитлеровской коалиции! Вполне вероятно, западногерманская юстиция внесла таким образом свой вклад в процесс оживления неонацистских тенденций в ФРГ к концу 1960-х годов.

Деятельность социал-либеральной коалиции в какой-то мере заблокировала эти тенденции. Результатом долгой политической борьбы стало принятие закона об отмене сроков давности в отношении преступлений нацистского режима. Состоявшееся 3 июля 1979 г. голосование в бундестаге (255 — за, 222 — против)⁵⁰ показало, что меньшинство, придерживавшееся позиции «подведения черты», сохраняло достаточно сильные позиции.

Определенные изменения в судебной практике наметились после объединения Германии. Отныне составом преступления стала считаться сама принадлежность к персоналу

⁴⁷ 1 июля 1968 г. он был обнаружен мертвым в своей квартире. Запоздалым признанием его заслуг стали пышные мероприятия в ФРГ по случаю 50-летия этого трагического события. С прочувствованными речами выступили высшие должностные лица: президент Ф.-В. Штайнмайер, председатель Конституционного суда А. Фосколе, министр юстиции Х. Маас. См.: *Steinke R. Laudatio auf einen großen Demokraten // Süddeutsche Zeitung. 2.VII.2018.* В новейших биографических работах о Ф. Бауэре отмечается, в частности, его тайное сотрудничество с израильским «Моссадом» в деле разоблачения и привлечения к суду главного организатора холокоста А. Эйхмана и с органами юстиции ГДР в подготовке упомянутого процесса против Г. Глобке. См.: *Wojak I. Fritz Bauer (1903–1968). Eine Biographie. München, 2009; Steinke R. Fritz Bauer: Auschwitz vor Gericht. München, 2014.*

⁴⁸ *Weinke A. Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst. S. 30–31.*

⁴⁹ *Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 234–235.*

⁵⁰ *Weinke A. Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst. S. 144.*

концлагеря вне зависимости от доказанности личного участия в конкретных актах насилия — расстрелах, пытках и т.д. Когда советская юстиция на подобных основаниях выносила приговоры участникам карательных команд СС, это вызывало (и вызывает до сих пор) возмущенный протест западных комментаторов: налицо нарушение принципа индивидуальной ответственности. Можно было бы считать, что немецкие судебные власти осознали необоснованность таких протестов и фактически взяли на вооружение тот подход, против которого эти протесты были обращены, — ради восстановления исторической справедливости. Однако такой вывод не отражает реальности. Если в обстановке 1940—1950-х годов речь могла идти об осуждении довольно значительной части западногерманского социума, занимавшей солидные позиции в государственной и общественной жизни, то в 2000-х годах объектами правосудия стали немногочисленные должители, которые давно утратили какое-либо влияние в обществе, а порой и вообще какое-либо представление об окружающем мире. Трудно избежать предположения, что процессы против них начинались как раз в расчете на то, что обвиняемые либо будут признаны недееспособными, либо не доживут до вступления приговора в силу, если таковой будет вынесен. Так и случилось.

Наиболее яркий пример — судьба охранника лагеря Собибор Ивана Демьянюка, получившего за свою жестокость прозвище «Иван Грозный». После войны он среди многих прочих коллаборационистов нашел прибежище в США, в начале 1980-х годов был лишен американского гражданства (по формальному основанию: в иммиграционной анкете скрыл свою службу в концлагере), экстрадирован в Израиль, приговорен там к смертной казни, неожиданно полностью реабилитирован, вновь получил американское гражданство, вновь был его лишен и, наконец, 30 ноября 2009 г. предстал перед немецким судом. 12 мая 2011 г. был вынесен приговор: пять лет лишения свободы и в ожидании решения по апелляции — освобождение из-под стражи. Высшая инстанция с рассмотрением дела не спешила, и в результате скончавшийся 17 марта 2012 г. в комфортабельном доме для престарелых преступник остался с юридической точки зрения всего лишь подозреваемым. Р. Джордано так это прокомментировал: «Правовое государство капитулировало перед задачей привлечения преступника к ответственности... Налицо чудовищная диспропорция между реальной машиной смерти в Собиборе и приговором, между убедительными показаниями свидетелей и решением освободить обвиняемого и позволить ему спокойно покинуть здание мюнхенского суда»⁵¹. Исследователь «дела Демьянюка» Г. Вефинг дает не менее определенную обобщающую оценку: «История уголовного преследования нацистских преступников в Федеративной Республике — это история полного провала»⁵².

Эта оценка подтверждается и данными статистики. Западногерманскими судами было заведено около 36 тыс. дел против более чем 160 тыс. подозреваемых в преступлениях нацистского режима и только в отношении 6856 из них были вынесены обвинительные приговоры (включая, видимо, и те, что не вступили в силу)⁵³. Потрясающее соотношение цифр, особенно если провести сравнение с соответствующими показателями в ГДР.

Выводы из констатации этого очевидного факта делаются, однако, такие, что буквально не веришь своим глазам, читая высказывания ведущих немецких историков: да, попрание принципа справедливого возмездия за нацистские преступления — это каинова

⁵¹ *Giordano R. Die zweite Schuld // Die Welt. 16.V.2011.*

⁵² *Wefing H. Der Fall Demjanjuk. München, 2011. S. 15.* В целом достаточно объективное изложение автором данного дела страдает порой от явно политизированных оценок. Оказывается, на службу к нацистам Демьянюк пошел из-за ненависти к большевикам, а развилась она у него из-за того, что «сталинская насильственная коллективизация принесла Украине голод и отчаяние». Стройность этой логической цепочки нарушают только факты вполне благополучной довоенной карьеры будущего палача: работал помощником тракториста в колхозе, в 18 лет вступил в комсомол (S. 19—20).

⁵³ *Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 212.* В немецкой историографии приводятся различные количественные оценки немцев и австрийцев, непосредственно замешанных в нацистском геноциде: от 200—250 до 400 тыс. См.: *Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 213; Döscher H.-J. Op. cit.*

печать на обликe ФРГ, да, имела место «почти полная социальная реинтеграция» нацистских элит (попросту говоря, преступники там вполне удобно устроились), что, конечно, «проблематично с моральной точки зрения, отчасти даже скандально», но вполне «функционально», поскольку имело «стабилизирующий» эффект для общества. Такая вот «ирония истории»⁵⁴.

Что можно сказать по этому поводу? Может ли демократия, основанная на игнорировании норм морали, считаться подлинной? Может ли она быть гарантией невозвращения фашизма? Может ли она способствовать делу мира и взаимопонимания? Ответы очевидны. И они повод отнюдь не для иронии.

Библиография / References

- Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1974.
 Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986.
 Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. / под ред. Н.С. Лебедевой, В.В. Ищенко. М., 2007.
Полторак А.И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М., 1966.
Поссекекль Р. Аrest и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии 1945–1950 гг. // Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сб. документов и статей / под ред. С.В. Мироненко. М., 2001. С. 288–310.
 СССР и германский вопрос. Т. 2 / сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. М., 2000.
 СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории. М., 2012.
 Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР. Материалы международного научного семинара (Вологда, 17–18 октября 2005 г.). Вологда, 2006.
Lebedeva N.S. Podgotovka Niurnbergskogo protsesssa [Preparation of the Nuremberg trial]. Moskva, 1974. (In Russ.)
 Niurnbergskii protsess i sovremennost' [The Nuremberg Process and Modernity]. Moskva, 1986. (In Russ.)
 Niurnbergskii protsess: uroki istorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 20–21 noiabria 2006 g. [The Nuremberg Trial: Lessons of History. Materials of the international scientific conference. Moscow, November 20–21, 2006] / pod red. N.S. Lebedevoi, V.V. Ishchenko. Moskva, 2007. (In Russ.)
Poltorak A.I. Niurnbergskii protsess (osnovnye pravovye problemy) [The Nuremberg Trial (basic legal problems)]. Moskva, 1966. (In Russ.)
Possekel R. Arest i osvobozhdenie nemtsev iz spetslagerei NKVD/MVD SSSR v Germanii 1945–1950 gg. [Arrest and release of Germans from NKVD special camps/USSR Ministry of Internal Affairs in Germany 1945–1950] // Spetsial'nye lageria NKVD/MVD SSSR v Germanii. 1945–1950 gg. Sb. dokumentov i statei [Special camps of the NKVD/USSR Ministry of Internal Affairs in Germany] / pod red. S.V. Mironenko. Moskva, 2001. S. 288–310. (In Russ.)
 SSSR i germanskii vopros [The USSR and the German Question]. Т. 2 / sost. G.P. Kynin, I. Laufer. Moskva, 2000. (In Russ.)
 SSSR i Niurnbergskii protsess. Neizvestnye i maloizvestnye stranitsy istorii [The USSR and the Nuremberg Trials. Unknown and little-known pages of history]. Moskva, 2012. (In Russ.)
 Ustanovlenie diplomaticheskikh otnoshenii mezhdru SSSR i FRG. Nemetskie voennoplennye v SSSR. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. (Vologda, 17–18 oktjabria 2005 g.) [Establishment of diplomatic relations between the USSR and Germany. German prisoners of war in the USSR. Materials of the International scientific seminar. (Vologda, October 17–18, 2005)]. Vologda, 2006. (In Russ.)
Bästlein K. The GDR's Judgment against Hans Globke // After Auschwitz: The Difficult Legacies of the GDR / eds E. Heitzer, A. Kahane, M. Jander, P. Poutrus. New York, 2021. P. 74–87.
 Braunbuch. Kriegs- und Naziverbrecher in der Bundesrepublik und in Westberlin. 3-te Auflage. Berlin, 1968.
Döscher H.-J. Aufarbeitung von NS-Unrecht. Was die Staatsanwältin sah // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19.X.2015.
Eichmüller A. Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München, 2012.
Eisert W. Die Waldheimer Prozesse: der stalinistische Terror 1950. Ein dunkles Kapitel der DDR-Justiz. München, 1993.

⁵⁴ *Herbert U.* Op. cit. S. 667; *Sontheimer K.* Die Adenauer-Ära. Grundlegung der Bundesrepublik. München, 1991. S. 177; *Wolfrum E.* Geglückte Demokratie. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 2006. S. 172; *Jarausch K.* Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945–1995. Bonn, 2004. S. 181.

- Fischer Th.* Vorwort // Karrieren in Zwieliht. Hitlers Eliten nach 1945 / Hrsg. N. Frei. Frankfurt a.M., 2002. S. 6–8.
- Giordano R.* Die zweite Schuld // Die Welt. 16.V.2011.
- Giordano R.* Die zweite Schuld oder Von der Last Deutscher zu sein. Hamburg, 1987.
- Herbert U.* Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert. München, 2014.
- Jararusch K.* Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945–1995. Bonn, 2004.
- jasch H.-Ch.* NS-Verbrecher vor bundesdeutschen Gerichten. Zur Täterschaft und Täterbegriff // Aufarbeitung des Nationalsozialismus: Ein Kompendium / Hrsg. M. Brechtken. Göttingen, 2021. S. 210–246.
- Kettenacker L.* Germany since 1945. London, 1997.
- Kittel M.* Die Legende von der “Zweiten Schuld”. Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Berlin; Frankfurt a.M., 1993.
- Lingen K. von.* Allen Dulles, the OSS, and Nazi War Criminals: The Dynamic of Selective Prosecution. New York, 2013.
- Müller S., John T.* Die Mörder unter uns. Der Ulmer Einsatzgruppenprozess 1958. Stuttgart, 2008.
- Nichols A.J.* The Bonn Republic: West German Democracy. London, 1997.
- Overmans R.* “Ein untergeordneter Eintrag im Leidenbuch der jüngeren Geschichte”? Die Rheinwiesenslager 1945 // Ende des Dritten Reiches – Ende des Zweiten Weltkriegs. Eine perspektivische Rückschau / Hrsg. H.-E. Volkmann. München; Zürich, 1995. S. 259–291.
- Schanetzky T.* Unternehmer: Profiteure des Unrechts // Karrieren in Zwieliht. Hitlers Eliten nach 1945 / Hrsg. N. Frei. Frankfurt a.M., 2002. S. 73–126.
- Schmeitzner M.* Besondere Härte? Die sowjetischen Verfahren von SS- und Polizei-Komplex // Die SS nach 1945 / Hrsg. J.E. Schulte, M. Wildt. Entschuldungsnarrative, populäre Mythen, europäische Erinnerungsdiskurse. Göttingen, 2018. S. 145–161.
- Scholten J.* Offiziere: Im Geiste unbesiegt // Karrieren in Zwieliht. Hitlers Eliten nach 1945 / Hrsg. N. Frei. Frankfurt a.M., 2002. S. 131–180.
- Sontheimer K.* Die Adenauer-Ära. Grundlegung der Bundesrepublik. München, 1991.
- Sowjetische Militärtribunale. Bd. 1. Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangenen 1941–1953 / Hrsg. A. Hilger, U. Schmidt, G. Wagenlehner. Köln, 2001.
- Sowjetische Militärtribunale. Bd. 2. Die Verurteilung deutscher Zivilisten, 1945–1955 / Hrsg. A. Hilger, M. Schmeitzner, U. Schmidt. Köln, 2003.
- Steinke R.* Fritz Bauer: Auschwitz vor Gericht. München, 2014.
- Steinke R.* Laudatio auf einen großen Demokraten // Süddeutsche Zeitung. 2.VII.2018.
- Todesurteile sowjetischer Militärtribunale gegen Deutsche (1944–1947). Eine historisch-biographische Studie / Hrsg. A. Weigelt, K.-D. Müller, Th. Schaarschmidt, M. Schmeitzner. Göttingen, 2015.
- Wefing H.* Der Fall Demjanjuk. München, 2011.
- Weinke A.* Die Verfolgung von NS-Taten im geteilten Deutschland. Vergangenbewältigung 1949–1969 oder: Eine deutsch-deutsche Beziehungsgeschichte im Kalten Krieg. Paderborn, 2002.
- Weinke A.* Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst. Die Geschichte der Zentralen Stelle in Ludwigsburg, 1958–2008. Darmstadt, 2008.
- Wojak I.* Fritz Bauer (1903–1968). Eine Biographie. München, 2009.
- Wolfrum E.* Geglückte Demokratie. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 2006.

DOI: 10.31857/S013038640028068-2

© 2023 г. А.А. МИТРОФАНОВ

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ, ГЕНЕРАЛ ЖАН-БАТИСТ ЖУРДАН И ПРОБЛЕМА БАНДИТИЗМА В ПЬЕМОНТЕ (1800–1802)

Митрофанов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: paxgallica@gmail.com

Scopus Author ID: 57219242225; ORCID: 0000-0002-8480-5345; Researcher ID: J-8249-2017; AAZ-9180-2021

Аннотация. Период Консульства Наполеона Бонапарта нередко представляют как время его политического триумфа как политика и законодателя. Но эта весьма стереотипная оценка требует новых уточнений. Как показывают новейшие исследования, весь период между брюмером и провозглашением Империи был временем трудного поиска новых методов управления в очень тяжелых обстоятельствах. Одной из серьезных проблем при формировании новых границ наполеоновской Франции в первые годы XIX в. оставался бандитизм. Цель статьи – проанализировать пути решения проблемы бандитизма в контексте общей наполеоновской политики, показать роль французской администрации, и в частности генерала Ж.-Б. Журдана, в этом процессе в период формирования новых институтов власти в период Консульства. На основе фондов министерств общей полиции и юстиции Франции, фонда генеральной администрации Пьемонта из Национального архива Франции, а также некоторых материалов из фондов Архива министерства иностранных дел Франции делается попытка реконструкции комплекса мер по искоренению бандитизма. Новым властям, и прежде всего генеральному администратору Пьемонта генералу Журдану, а также префектам, мэрам коммун приходилось не только прибегать к тактике использования «мобильных колонн» и чрезвычайного правосудия, но и искать компромисс с сельскими олигархиями, приходским духовенством и крестьянскими массами, чтобы поддерживать хрупкий общественный порядок. Важно и то, что полученный французами опыт в борьбе с бандитизмом в Пьемонте впоследствии был успешно распространен в других регионах Италии и что именно он во многом послужил основой для формирования политики наполеоновского «культурного империализма».

Ключевые слова: Франция, Италия, наполеоновские войны, оккупация, народные движения, крестьянское движение, Пьемонт, Наполеон I Бонапарт, Консульство, Первая империя, Жан-Батист Журдан, бандитизм, Сардинское королевство.

A.A. Mitrofanov

Napoleon Bonaparte, General Jean-Baptiste Jourdan, and the Problem of Banditry in Piedmont, 1800–1802

Andrey Mitrofanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: paxgallica@gmail.com

Scopus Author ID: 57219242225; ORCID: 0000-0002-8480-5345; Researcher ID: J-8249-2017; AAZ-9180-2021

Abstract. The period of Napoleon Bonaparte's Consulship is often presented as a time of his political triumph as both a politician and a legislator. However, this very stereotypical assessment requires

further clarifications. As the latest research suggests, the whole period between the Brumaire and the proclamation of the Empire was a period of difficult search for new methods of governance under very difficult circumstances. One of the serious problems in the formation of the new borders of Napoleonic France in the early years of the nineteenth century continued to be banditry (brigandage). In a number of regions, this phenomenon had a distinct political colouring. In the French political lexicon of the era, it referred to collective violence of any kind, anti-state actions, as well as various forms of criminal robbery. The situation was most acute in the peripheral regions, particularly in Piedmont. Although the flames of the acute civil conflict of 1799 had subsided here, yet the causes of this mass phenomenon were extremely deep. The author aims to analyse the ways of solving the problem of banditry in the context of the overall Napoleonic policy, to show the role of the French administration and, in particular, of General Jean-Baptiste Jourdan in this process during the formation of new institutions of power in the Consulate period. Drawing on the archival collections of the French Ministries of General Police and Justice, the Piedmont General Administration from the French National Archives, as well as some materials from the archival collections of the French Ministry of Foreign Affairs, he attempts to reconstruct a set of measures to eradicate banditry. The new authorities, and above all the chief administrator of Piedmont, General Jourdan, as well as the prefects and mayors, had to resort both to the tactics of “mobile columns” and extraordinary justice, but also to seek compromise with the rural oligarchy, the parish clergy and the peasant masses in order to maintain the fragile social order. What is also significant is that the experience gained by the French in the fight against banditry in Piedmont was later successfully disseminated to other regions of Italy, and that it was this experience that largely served as the basis for the formation of Napoleon’s policy of “cultural imperialism”.

Keywords: France, Italy, Napoleonic Wars, occupation, popular movements, peasant movement, Piedmont, Napoleon I Bonaparte, Consulate, First Empire, Jean-Baptiste Jourdan, banditry, Kingdom of Sardinia.

Политическая биография маршала Франции Жан-Батиста Журдана (1762–1833) хорошо известна специалистам. Но все, что связано с его политической деятельностью в начальный период Революции и при Директории, освещено всего в двух работах. В единственной диссертации о Журдане его деятельность после переворота 18 брюмера не рассматривается вообще, тогда как в популярных работах Р. Валентэна и Ф. Юло об этом сюжете сказано совсем немного¹. Роль Журдана в истории Пьемонта периода Консульства, когда он был назначен сначала послом Франции при пьемонтском правительстве, а затем и генеральным администратором этого региона с полномочиями военного губернатора, привлекла внимание Дж. Ваккарино и М. Броэrsa². Единственной специальной работой о пьемонтском периоде в биографии Журдана остается небольшая статья Ж. Бурге-Рувейр, которая представила его как весьма умеренного политика-реалиста и талантливого администратора, но только в общих чертах затронула проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться в Пьемонте. Этому французскому военачальнику и представителю неоякобинского течения во французской политике накануне брюмера по воле первого консула предстояло выполнять непростую роль в пьемонтском обществе, переживавшем острый послереволюционный кризис и еще не оправившемся после начала второй французской оккупации 1800 г.³

Чрезвычайно важной проблемой для Пьемонта наполеоновского времени был бандитизм, охватывавший провинцию за провинцией и нарушавший все течение общественной жизни. Мощным толчком к его росту стала еще Первая итальянская кампания Бонапарта: военное насилие и грабежи провоцировали население на ответное насилие, а заключение Парижского мирного договора между Францией и Сардинией 15 мая 1796 г. привело

¹ *Valentin R.* Le maréchal Jourdan. Paris, 1956; *Fischer L.J.* Jacobin General. Jean Baptiste Jourdan and the French Revolution 1792–1799. Vol. I–II. [S. l.], 1978; *Hulot F.* Le maréchal Jourdan. Paris, 2010.

² *Vaccarino G.* I giacobini piemontesi (1794–1814). T. II. Roma, 1989. P. 837–926; *Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821. State Building in Piedmont. Lewiston. [N. Y.], 1997.

³ *Bourguet-Rouveyre J.* Jean-Baptiste Jourdan et le Consulat // La plume et le sabre / Sous la dir. M. Biard, A. Crépin, B. Gainot. Paris, 2002. P. 455–463.

к массовой демобилизации пьемонтских солдат, что еще больше ухудшило криминальную обстановку⁴. После декабрьских антифранцузских восстаний 1798 г. эта тенденция к росту бандитизма развивалась по нарастающей.

Само понятие «бандитизм» в первые годы XIX в. во французском политическом и юридическом лексиконе имело чрезвычайно широкие коннотации. Сюда относили и обыкновенный криминальный разбой на большой дороге, и народные волнения, возникавшие по небольшим поводам и имевшие сугубо локальное значение, и крестьянские бунты, и действия разрозненных групп повстанцев. Как показали в своих исследованиях Г. Браун, А. Форрест, М. Броэрс, Дж. Дэвис, А. Граб и другие ученые⁵, далеко не везде бандитизм принимал форму герильи⁶. Локальные очаги крестьянского недовольства в Средиземноморье возникали по мере формирования негативных факторов, но прежде всего речь шла о тотальном неприятии населением новой системы ценностей и основ нового общественного устройства, принесенных французскими завоевателями и насаждавшимися военной, а затем гражданской республиканской администрацией⁷.

Проблема бандитизма в наполеоновском Пьемонте не раз привлекала внимание исследователей, и чаще всего ее рассматривают в контексте истории крестьянского движения. В концепции итальянского историка М. Руджеро сельское протестное движение в Пьемонте – это единый процесс, начавшийся весной 1796 г. в связи с наступлением французских войск под командованием Бонапарта и завершившийся только к 1802 г. Руджеро не только впервые в современной историографии представил общую картину и детальную хронику событий, но и отдельно рассмотрел феномен бандитизма, сопровождавшего все военные и социальные конфликты на рубеже веков. Руджеро – сторонник самой широкой трактовки этого понятия. В духе традиций, истоки которых восходят еще к сочинениям К. Ботты, даже деятельность Христианского воинства (*Massa cristiana*) Бранды Лучони историк рассматривал как одно из его проявлений⁸. В отечественной историографии важный вклад в изучение этой проблемы внес В.С. Бондарчук, раскрывший истоки социального конфликта в пьемонтской деревне второй половины и конца XVIII в. и показавший, как крестьянское движение смыкалось с бандитизмом⁹. Различные аспекты истории пьемонтского крестьянского бандитизма также рассмотрены в монографии Дж. Рикуперати, посвященной кризису Савойской монархии в конце XVIII в.¹⁰ Наиболее полно тема борьбы с бандитизмом раскрыта в двух работах М. Броэрса, который не ограничивался только пьемонтским материалом и показал особенности этого феномена,

⁴ Ruggiero M. *La Carmagnola. La Rivoluzione Francese in Piemonte*. Torino, 2018. P. 52.

⁵ Davis J.A. *Conflict and control: law and order in Nineteenth-century Italy*. New Jersey, 1988; Forrest A. *Déserteurs et insoumis sous la Révolution et l'Empire* Paris, 1988; *Idem*. *Deserteurs et brigands sous la Revolution et l'Empire: état de la question // Les brigands. Criminalité et protestation politique (1750–1850)*. Rennes, 2013. P. 91–106; Grab A. *State power, brigandage and rural resistance in Napoleonic Italy // European History Quarterly*. 1995. Vol. 25. P. 39–70; Brown H.G. *From Organic Society to Security State: The war on brigandage in France 1797–1802 // Journal of Modern History*. 1997. № 69. P. 661–695; *Idem*. *Ending the French Revolution: Violence, Justice, and Repression from the Terror to Napoleon*. Charlottesville, 2006; Broers M. *The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814. Cultural Imperialism in a European Context?* London, 2005; *Idem*. *Napoleon's other war. Bandits, rebels and their pursuers in the Age of Revolutions*. Oxford, 2010; *Sottocasa V. Les brigands et la Revolution. Violences politiques et criminalité dans le Midi (1789–1802)*. Ceyzerieu, 2016.

⁶ См., например, определение герильи в работе М. Броэрса как народной партизанской войны: Broers M. *Napoleon's other war...* P. 105–129.

⁷ Чудинов А.В. Народы против Французской революции // Французский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 5–35.

⁸ Ruggiero M. *I briganti di Piemonte Napoleonico*. Torino, 1968; *Idem*. *La rivolta dei contadini piemontesi (1796–1802)*. Torino, 1974; *Idem*. *Anno del fuoco 1799. I cosacchi e la Massa cristiana in Piemonte*. Pinerolo, 1999; *Idem*. *La Carmagnola...*

⁹ Бондарчук В.С. Итальянское крестьянство в XVIII в. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980. С. 207–228.

¹⁰ Ricuperati G. *Lo Stato sabaudo nel Settecento: dal trionfo delle burocrazie alla crisi d'antico regime*. Torino, 2001. P. 339–358.

характерные для прочих регионов Западной Европы в наполеоновский период¹¹. Вместе с тем историки избегают проводить параллели между пьемонтским сопротивлением, волнами крестьянского протеста в соседней Савойе в 1790-х годах и движением барбэ в Приморских Альпах, что, на наш взгляд, выглядит недостаточно обоснованным¹².

Источники по данной теме сосредоточены в различных архивохранилищах Франции и Италии. Для настоящей статьи использовались только материалы фонда министерства общей полиции Франции, фонда министерства юстиции Франции, фонда генеральной администрации Пьемонта из Национального архива Франции, а также соответствующие материалы из фонда «Политическая корреспонденция. Сардиния» Архива министерства иностранных дел Франции за 1800–1802 гг. Особенно важно, что все значимые события в провинциях фиксировались в регулярных докладах префектов и мэров коммун Журдану, что позволяет даже без обращения к муниципальным архивам анализировать феномен бандитизма достаточно подробно.

Работы М. Руджеро, Дж. Рикуперати, М. Броэrsa и В.С. Бондарчука показывают, что бандитизм в Пьемонте для первых лет XIX в. не был принципиально новым и незнакомым явлением, но его масштабы после 1796 г. многократно возросли. Во-первых, затянувшийся глубокий экономический кризис, тяжесть налогов и контрибуций и, как следствие, тотальное обнищание сельских масс все сильнее подталкивало их к поискам средств к существованию. Во-вторых, жестокое подавление локальных восстаний в разных провинциях Пьемонта в 1799–1801 гг. вызывало чувство ненависти к иноземным завоевателям и сочувствовавшим им пьемонтцам — «патриотам». В-третьих, антицерковная политика французских властей в 1799 г. вела к разжиганию религиозного конфликта. В-четвертых, слабость французской администрации в части контроля за контрабандой соли, табака и даже зерна открывала широкие возможности для обогащения. В-пятых, муниципальные власти тайно помогали бандитам, укрывая их из страха или в силу личных корыстных интересов.

В связи с этим период между 1800 и 1802 гг. представляет для нас наибольший интерес. С одной стороны, в коллективной памяти были живы яркие воспоминания о кровавых событиях и политической «вендетте» 1799 г., и еще велась активная роялистская агитация среди населения. С другой стороны, успехи французских отрядов в борьбе с крупными локальными крестьянскими восстаниями, например в долине Аосты после января 1801 г., провоцировали уцелевших инсургентов на продолжение сопротивления, но с изменением его тактики — малыми силами и в условиях горной местности или на больших дорогах.

В рамках нашей статьи мы попытаемся ответить на следующие вопросы. Какова была роль первого консула в процессе искоренения пьемонтского бандитизма и какое место эта проблема регионального значения занимала в его планах? До каких пределов распространялись полномочия французской администрации в части решения этой проблемы? Как усилия различных ветвей власти координировались между собой? Наконец, каков общий итог французской политики по борьбе с бандитизмом в период формирования новых институтов в наполеоновском Пьемонте между 1800 и 1802 гг.?

Исследователи сравнительно небольшое внимание уделяют эволюции официального французского дискурса конца XVIII в. Вопрос о самом понятии «бандитизм» в политическом и правовом лексиконе той эпохи еще предстоит специально изучить. Во французской официальной лексике эпохи Консульства бандит (*le brigand*) — это «злонамеренный», «преступник», «возмутитель спокойствия», «разбойник». Семантика этого юридического в своей

¹¹ *Broers M. Napoleonic Imperialism...; Broers M. Napoleon's other war...*

¹² *Митрофанов А.А. Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 78–92. Его же. Движение барбэ в эпоху Французской революции: крестьяне, контрреволюционеры, бандиты? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015439-1-1/> (дата обращения: 10.01.2023); *Его же. «Альпийская Вандея». Трансформация народного протеста в Савойе 1793 года // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 6–73. DOI: 10.31857/S013038640019935-6**

основе понятия была чрезвычайно широка, оно сформировалось в языке задолго до 1789 г.¹³ Но именно прилагательное «политический» (*brigandage politique*) стало настоящим знаком эпохи. «Политический бандитизм» захлестнул десятки департаментов Франции в конце периода Директории и не был искоренен даже в первые годы Консульства Наполеона¹⁴. Под ним понимали прежде всего действия роялистов, позиции которых были особенно сильны в южных и северо-западных департаментах страны. Французская же экспансия в странах Европы сопровождалась и расширением использования официального французского республиканского языка, который трансформировался в новых условиях¹⁵.

24 июля 1800 г. генерал Жан-Батист Журдан был назначен полномочным министром Франции при пьемонтском республиканском правительстве. Этот дипломатический ранг не мог никого ввести в заблуждение: после битвы при Маренго подлинными хозяевами Пьемонта были французы, а полномочия нового посла — чрезвычайно широкими. Они мало отличались от тех, которыми располагал комиссар Директории Мюссе в 1799 г. «Правительство полагает необходимым отметить знаком награды победителя при Флёрюсе. ... Консулы не сомневаются, гражданин генерал, что вы привнесете в миссию, которая вам доверена, дух примирения и умеренности, которые только и могут сделать французскую нацию дружелюбной и любезной для ее соседей»¹⁶, — отмечал первый консул в своем первом послании генералу Журдану. В предстоящие два с половиной года, когда Журдан будет занимать этот пост, а с апреля 1801 г. станет генеральным администратором Пьемонта (27-го военного округа), Наполеон редко будет обращаться непосредственно к нему лично. Таких писем будет всего три, тогда как послания о поручениях Журдану через других министров отправлялись чаще (через министра иностранных дел Талейрана — пять, через военного министра Бертье — два, через министра полиции Фуше и внутренних дел Шапталю — по одному). Это совершенно не означало, что проблемы интеграции новых территорий не волновали первого консула Французской республики. Но изначально он питал к генералу, проявившему незаурядные политические способности в последние годы Директории, большое доверие и предоставлял ему широкие возможности для политического маневра¹⁷.

К моменту прибытия Журдана в Турин правящие элиты Пьемонта разделились на три политических течения: сторонников присоединения страны к Франции, адептов идеи создания единого государства путем слияния с другими государствами Италии и сторонников независимой «Субальпийской республики». Пьемонтское правительство выражало протесты против чрезвычайных контрибуций, требуемых военным командованием. При этом пьемонтские республиканцы в 1800 г. в большинстве своем ожидали, что Франция

¹³ *Форрест А.* За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2022. С. 95–96.

¹⁴ *Sottocasa V.* Op. cit. P. 321–324, 348–359. Часто между «политическим бандитизмом» и так называемым «белым террором» французские историки ставят знак равенства, что не всегда выглядит обоснованным и не позволяет раскрыть всю сущность явления. Коллективное насилие во Франции после термидора имело различную политическую окраску, тогда как сугубо криминальный разбой часто не имел ее вовсе. См., например: *Marion M.* Le brigandage pendant la Révolution. Paris, 1935; *Clay S.* Justice, vengeance et passé révolutionnaire: les crimes de la Terreur blanche // *Annales historiques de la Révolution française*. 2007. № 350. P. 109–133.

¹⁵ *Митрофанов А.А.* Проблема «бандитизма» эпохи Директории в современной французской историографии // *Французский ежегодник*. 2022. Т. 55. М., 2022. С. 356–370.

¹⁶ *Napoléon à Jourdan*. Le 5 thermidor an VIII (24 juillet 1800) // *Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon*. Pacifications. Т. III. Paris, 2006. P. 355.

¹⁷ В 1798 и 1799 гг. Журдан избирался в Совет пятисот и выступил главным докладчиком по вопросу принятия закона о конскрипциях от 19 фрюктидора VI года, вошедшего в историю как «закон Журдана». См.: *Fischer L.J.* Op. cit. Vol. II. Об отношении Журдана и Бонапарта в канун переворота 18 брюмера см.: *Jourdan J.-B.* Le Dix-Huit Brumaire. Extrait des Mémoires du général Jourdan, communiqué par le vicomte de Grouchy // *Le Carnet historique et littéraire: revue mensuelle, rétrospective et littéraire*. 1901. Février. P. 161–172.

провозгласит независимость и свободу Пьемонта¹⁸. В этой ситуации Журдан занял твердую позицию, написав Талейрану, что он не может выполнить свою миссию, «пока члены пьемонтского правительства отделяют интересы пьемонтской нации от интересов французской армии». Трения с республиканцами привели к тому, что временное пьемонтское правительство было распущено и заменено 4 октября 1801 г. Исполнительной комиссией из Карло Босси, Карло Ботты и Карло Джулио¹⁹.

В Париже хорошо знали о настроениях пьемонтских элит, однако предоставляли Журдану решать эти текущие вопросы самостоятельно²⁰. Но в некоторых случаях (отправка контрибуций во Францию или отношения новых властей в Пьемонте с духовенством) Бонапарт тщательно инструктировал своего представителя²¹. Так, в конце ноября 1800 г. первый консул через Талейрана обращал внимание Журдана и Петие (посла при правительстве Цизальпинской республики) на важность поддержания общественного спокойствия во вверенных им регионах: «С огорчением я смотрю на то, что пытаются возмутить священников. Посоветуйте им твердо действовать, чтобы последних не волновали ни в частном, ни в духовном отношениях. Некоторые из городских бахвалов стараются их настраивать и подстрекать, это тот же самый способ, который использовали в начале минувшей кампании. И это приведет сегодня к таким же результатам. Пусть уважают духовенство, это единственный способ жить в мире с итальянскими крестьянами»²². В другом случае Бонапарт собственным постановлением распустил за строптивость законодательный орган Пьемонта Консульту до заключения перемирия или мира, «поскольку не должно быть никаких ассамблей и все акты Исполнительной комиссии [правительства], одобренные чрезвычайным министром, должны иметь силу закона»²³.

Экономический кризис, начало которого разные исследователи относят к концу 1780-х или к 1790-м годам, усугублялся военными поборами и так и не был преодолен к началу 1801 г.²⁴ Инфляционный процесс развивался по нарастающей, тогда как церковная десятина и другие прямые и косвенные налоги в большинстве провинций собирались не деньгами, а продуктами сельскохозяйственного производства²⁵. Налоговую и денежную системы предстояло выстраивать заново. В Париже и Турине в 1800 г. еще плохо прогнозировали влияние этого фактора на общую ситуацию, а местные «патриоты» в Аосте в канун Рождества усилили недовольство крестьян постановлением о снятии церковных колоколов и переплавке их на монету.

¹⁸ Rapport de la Commission exécutive à Jourdan. Le 29 thermidor an VIII (17 août 1800) // Archives des affaires étrangères. Correspondance politique. Sardaigne. 280. Подробнее см.: *Vaccarino G.* Op. cit. P. 837–847.

¹⁹ *Vaccarino G.* Op. cit. P. 848.

²⁰ *Boyer F.* Carlo Bossi et l'Administration Générale du Piémont (1800–1802) // *Rassegna storica del Risorgimento*. 1969. № 77. P. 44–57; *Idem.* L'esprit public au Piémont en l'an X et en l'an XI // *Revue de l'Institut Napoléon*. 1969. Avril. P. 149–157.

²¹ В 1800 г. власти Пьемонта должны были ежемесячно вносить 1,5 млн франков в качестве контрибуции на нужды французской армии. Контрибуции поступали в казну крайне плохо. См.: *Napoléon à Talleyrand*. Le 27 messidor an VIII (16 juillet 1800) // *Correspondance générale...* T. III. P. 342–343.

²² *Napoléon à Talleyrand*. Le 1 frimaire an IX (22 novembre 1800) // *Ibid.* P. 458.

²³ *Napoléon à Talleyrand*. Le 23 frimaire an IX (14 décembre 1800) // *Ibid.* P. 473.

²⁴ *Davico R.* Prix et conjoncture: la “période” napoléonienne en Piémont. Quelques réflexions au sujet d'une crise // *Revue Historique*. 1972. T. 248. Fasc. 1 (503). P. 25–48; *Бондарчук В. С.* Указ. соч. С. 158–159. Общая картина экономического кризиса в Пьемонте изложена П. Бальбо в записке, подготовленной для российского посла при сардинском дворе А. Чарторыйского. См.: *Mémoire sur la situation actuelle du Piémont et sur les événements qui l'ont précédée, le 19 décembre 1799* // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Миссия в Турине. Д. 196. Л. 12а–24.

²⁵ *Jurdan à Chaptal*. Le 8 fructidor an X (26 août 1802 г.). Archives nationales de France (далее – ANF). F. 1e 79–80. 1.

Однако многотысячное крестьянское восстание в долине Аосты, разразившееся в первые дни января 1801 г. и охватившее соседний регион Канавезе²⁶, побудило Бонапарта обратиться вовсе не к Журдану, а к военному министру Бертье. Первый консул требовал срочно отправить в район восстания 500 солдат из Гельветической республики, защитить альпийские перевалы и уже вместе с войсками Журдана «уничтожить инсургентов»²⁷. По-видимому, январское восстание стало той каплей, что переполнило чашу терпения Бонапарта. 12 жерминаля IX года (2 апреля 1801 г.) первый консул реорганизовал государственные институты Пьемонта по французскому образцу, а генерала Журдана назначил генеральным администратором Пьемонта и распустил прежнее правительство. В своем послании по этому поводу Бонапарт требовал от Журдана следовать принципу амальгамы²⁸, «гасить все схватки, ненависть и особенно выказывать большое уважение к духовенству. К тому же следует во всех ежедневных разговорах и решениях дать понять: что бы ни произошло, невозможно, чтобы французское правительство когда-либо согласилось на возвращение сардинского короля, поскольку призраки никогда не могут быть благоприятны для этого правительства»²⁹. Дальнейшие шаги Журдана вполне удовлетворяли Наполеона, о чем он лично сообщал в письме генералу от 26 флореаля IX года (16 мая 1801 г.): «В настоящее время следует действовать таким же образом, как и в мессидоре [этого года], чтобы можно было управлять этой страной точно так же, как и другими департаментами республики»³⁰. Журдан в своем новом качестве регулярно докладывал в Париж министру полиции Фуше и министру внутренних дел Шапталю о положении дел. Если не считать отдельных эпизодов контрабанды на границе с Лигурийской республикой, то сам Наполеон не обращался более к Журдану по частным поводам. Во время личной встречи Журдана и Наполеона в Лионе в январе 1802 г. первый консул выразил генеральному администратору Пьемонта благодарность за его работу³¹.

Предметом ежедневных забот Ж.-Б. Журдана на протяжении всего пребывания в Пьемонте оставался вопрос неконтролируемого коллективного насилия. Как показал М. Броэрс, альянс между роялистской частью провинциальных элит и массами длился в Пьемонте относительно дольше, чем где-либо еще в Италии, и постепенно распался в годы после Маренго. Французское завоевание Италии в 1800 г. оставило Пьемонт далеко позади новой «линии фронта» между Францией и Габсбургами, поставив его в совершенно новое военное положение, которое привело к локальным вспышкам вооруженного сопротивления, но вовсе не к испанской модели герильи³². Отсутствовал здесь и «квазиполитический бандитизм», когда во главе бандитов стояли представители знати, что столь часто было отмечено на французском Юге времен Директории и на итальянском

²⁶ Zanolto A. Témoignages et documents pour l'histoire de la Vallée d'Aoste pendant la Révolution et l'Empire // Société académique, religieuse et scientifique du duché d'Aoste. Bulletin. 1965. № 42. P. 183–266; Collini A. Il tramonto di un sogno. La fine dell'ideologia giacobina in Canavese (1800–1802). Torino, 2017.

²⁷ Napoléon à Berthier. Le 6 pluviôse an IX (26 janvier 1801) // Correspondance générale... P. 536. К моменту, когда Наполеон отправил это послание Бертье, восстание уже завершилось.

²⁸ Амальгама (от фр. *amalgame* — сплав, смесь, временное объединение). Политика Наполеона Бонапарта, направленная на сплочение старых и новых элит и восстановление иерархии в постреволюционном обществе. В итальянском контексте эта политическая линия имела свои особенности, поскольку здесь аристократия Старого порядка во многом сохраняла политические позиции и земельные владения и после событий 1799–1800 гг. Политика амальгамы предусматривала, что многие представители итальянской знати и буржуазии назначались на высокие административные должности и в Пьемонте, и в собственно французских департаментах. Так произошло в случае со многими уроженцами Пьемонта — К. Босси, К. Боттой, П. Бальбо, Ч. Бальбо, Л. Дегрегори, Ф.А. Сан-Марцано. Подробнее об этом см.: *Lignereux A. Les Impériaux. Administrer et habiter l'Europe de Napoléon*. Paris, 2019. P. 37–64.

²⁹ Napoléon à Talleyrand. Le 23 germinal an IX (13 avril 1801) // Ibid. P. 653–654.

³⁰ Napoléon à Jourdan. Le 26 floréal an IX. 16 mai 1801 // Ibid. P. 684.

³¹ Napoléon à Cambacérès. Le 28 nivôse an X. 18 janvier 1802 // Ibid. P. 886.

³² См. подробнее о феномене герильи в Испании: *Broers M. Napoleon's other war...* P. 105–128.

Юге. Но в Пьемонте возродился довоенный социальный антагонизм традиционного типа. Это обстоятельство не осознали ни местные республиканцы, ни французы, что не давало им возможности формировать новую эффективную политику³³. Эта специфическая вендетта была локальным явлением. В такой же локальной изоляции протекали здесь крестьянские восстания. Роль дворянства в этом народном сопротивлении оказалась ничтожно мала, зато весьма велика была роль приходского духовенства. В конце 1790-х годов во всем Пьемонте насчитывалось около 11 тыс. приходских священников, и менее 3% из них относились к числу «патриотов». Потеряв монопольное влияние на элиты в 1799 г., церковь обратилась к массам, пытаясь создать себе новую базу поддержки в обществе. Это усиление влияния церкви нивелировало временные успехи «патриотического» движения, буржуазного по своему характеру³⁴.

Степень политизации социального конфликта в пьемонтском обществе между 1799 и 1802 гг., вероятно, должна стать темой отдельного исследования. Мы же только заметим, что политические убийства «патриотов» происходили одновременно с покушениями на ограбление, нападениями на жандармов и крупными волнениями в сельских коммунах. Но ни в первом, ни в последнем случае политические лозунги не артикулировались нигде, кроме как в документах французской администрации. Неизвестно и о существовании какой-либо социальной программы у восставших или у сельских «Робин Гудов». Анализ восстания в долине Аосты позволяет нам приоткрыть завесу этой тайны: крестьяне, восставшие с оружием в руках в январе 1801 г., не сражались с самими французами, не покушались на ликвидацию новых республиканских институтов, но требовали отмены непосильных налогов, изгнания одиозных радикальных «патриотов» («якобинцев») и прекращения гонений на церковь³⁵. Городские же элиты были согласны теперь на сохранение любого, хоть какого-нибудь порядка, гарантировавшего личную безопасность. Новая власть хорошо усваивала эти болезненные уроки. Местные муниципалитеты обновлялись, гонения на церковь были приостановлены, одиозные «патриоты» переводились в другие департаменты или в Турин. Политические лидеры 1799 г., подобные К. Босси и К. Ботте, и вовсе выводились из игры³⁶.

Тем не менее архивные данные свидетельствуют, что сложным выдался для французов не только 1801, но и 1802 г. Обстановка на больших дорогах Пьемонта оставалась весьма опасной. Даже в окрестностях Турина стали чрезвычайно частыми разбойные нападения. Особенно волновала власти ситуация на дороге из Верчелли в Милан. Командующий жандармерией Вирион настоятельно требовал разместить в самых опасных местах сразу несколько бригад. По актуальным жандармским сводкам «логова разбойников» располагались на участке дороги между городами Верчелли и Ивреа, но их было трудно обнаружить³⁷.

Если обратиться к материалам генеральной администрации Пьемонта за IX–XI годы, то легко заметить, что от Парижа не скрывали плачевного состояния местной жандармерии, особенно характерного для IX года. Например, начальник департамента внутренних дел и временный генеральный секретарь администрации Пьемонта Пьер Лабулиньер (1780–1827) отмечал: «В стране было всего несколько пожилых жандармов, которые служили по временным правилам и исполняли свою службу очень плохо. Часто они даже покровительствовали бандитизму вместо того, чтобы его подавлять. ... Бригады были чрезвычайно слабы и малочисленны, они не могли использоваться при чрезвычайных обстоятельствах. Рассеянные силы не могли оказать помощь, и бандиты пользовались

³³ Broers M. Napoleonic Imperialism... P. 222–223.

³⁴ Ibid. P. 228.

³⁵ Relation de la municipalité d'Aoste au ministre extraordinaire de la République Française en Piémont. Le 26 nivôse an IX (16 janvier 1801) // Zanotto A. Témoignages et documents... P. 260–264.

³⁶ Boyer F. Carlo Bossi...; Rao A. -M. Il patriottismo repubblicano di Carlo Botta // Il Giacobino pentito. Carlo Botta fra Napoleone e Washington. Roma, 2010. P. 229–246.

³⁷ Jurdan à Fouché. Le 28 floréal an X (18 mai 1802) // ANF. F. 7 4309.

этим, чтобы нападать на них по отдельности». Силы жандармерии не внушали жителям ни страха, ни желания подчиниться, и каждый день жандармы становились жертвами нападений. Ситуация немного улучшилась в X году, когда ряды жандармерии пополнились. Но многие из происходящих сейчас сельских восстаний также спровоцированы именно плохой организацией жандармерии, поскольку в ее ряды набирают людей «без моральных качеств и многие были даже сами замечены в преступных действиях или в качестве сообщников бандитов», подчеркивал Лабулиньер³⁸.

10 жерминаля X года (31 марта 1802 г.) Журдан получил эмоциональный доклад от префекта департамента Стура бывшего графа Джованни Лоренцо Дегрегори ди Маркоренго (1746–1817). 29 марта в коммуне Марене округа Савильяно неизвестные выстрелами из мушкетонов и ударами стилета прямо на пороге его дома убили известного врача Гастальди, «одного из честнейших и замечательных республиканцев». «Эти убийцы всем вокруг известны, — замечал префект, — это все те же, гражданин генерал, кто был подкуплен врагами Франции в VII году, совершил преступления и покрыл себя кровью в этом несчастном краю. Подталкиваемые кровавым инстинктом и приводимые в действие теми же силами, очевидно, они не прекратят приносить горе и угнетать своими злодеяниями мирных жителей многих коммун в окрестностях Савильяно. Они хотя бы причинить зло в первую очередь республиканцам и даже не стараются это скрывать. Каждый день опорочен новым преступлением, и республиканцы почти всегда становятся их жертвами. Никто из их числа не осмеливается дальше жить в своих коммунах, они вынуждены отказываться от имущества и к тому же увозить оттуда свои семьи»³⁹, — сообщал Дегрегори.

Дегрегори обращал внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, на то, что коммуна Марене существует уже два года без пастырского попечения, что и делает криминальную обстановку там удручающей. Бывший священник сам возглавлял отряд *Massa Cristiana*; в июне 1800 г. он бежал из Пьемонта. Теперь же, полагал префект, в Турине должны задуматься и назначить наконец священника — «человека известного своими моральными и гражданскими качествами, чтобы гарантировать в этом приходе искоренение влияния противного интересам правительства». Во-вторых, префект сообщал, что население крайне взбудоражено агитацией роялистов, которые сеют «тревожные слухи о скором возвращении короля и переменах, которые за этим последуют». Деятельность муниципальных чиновников дезорганизована, они, как и местные «патриоты», получают постоянные угрозы от «дерзких роялистов»⁴⁰. В коммуну была направлена мобильная колонна для поддержания порядка, но алармистские доклады с мест множилось. Журдан не раз обращался непосредственно к духовенству, подчеркивая персональную ответственность священников за возможные проявления бандитизма и антиправительственные волнения⁴¹.

Угроза возникновения новых очагов бандитизма связывалась не только с обнищанием сельского населения и народным сопротивлением новой власти, но и с давним локальным соперничеством между коммунами, весьма характерным для большинства провинций. В послереволюционной обстановке эти противоречия не исчезли и даже приобрели более отчетливый характер. На 18 апреля 1802 г. был намечен традиционный церковный праздник Мадонны Деи Монти в Ольгильо (департамент Маренго). По традиции там встречались жители обеих коммун, и также ежегодно случались небольшие волнения и драки. Вероятно, опасаясь такого инцидента, мэр коммуны Грассано решил отправиться в соседнюю коммуну с солидным эскортом из национальной гвардии и бригады жандармов. Накануне праздника из Ольгильо к мэру Грассано прибыл человек, который от лица своего мэра просил приехать того без охраны, чтобы не провоцировать ольгильцев,

³⁸ Etat politique du Piémont depuis la guerre et particulièrement dans les années IX et X. Par P. Laboulinière, chef de la division de l'intérieur dans l'administration générale et secrétaire générale par intérim // ANF. F. 1e 74–75. P. 46 v.–47.

³⁹ Degregory à Jourdan. Le 10 germinal an X (31 mars 1802) // ANF. F. 7 4308.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Proclamation. Jourdan aux prélats. Le 2 jour suppl. an IX (19 septembre 1801) // ANF. F. 7 4308.

которые в ответ также готовы вооружиться. Но мэр Грассано не внял просьбам соседей, и тогда в Ольгильо начались волнения, а местный мэр вооружил свой отряд национальной гвардии. Судя по докладу префекта генерала Кампана генералу Журдану, кровопролития удалось избежать только благодаря его личному вмешательству. В результате долгих разбирательств префект департамента Маренго отправил в отставку мэров обеих коммун (одного за использование гвардейцев и жандармов, другого за то, что не имел права поднимать свой отряд гвардии при виде жандармов) и просил наказать командующего жандармской бригадой за нарушение уставов службы⁴².

Характерно, что сами локальные крестьянские возмущения и бунты власти также связывали с действиями бандитов. 5 мая 1802 г. в коммуне Альбьяно близ Ивреа (департамент Дора) поднялось восстание, в котором участвовали не менее 120 жителей. Они собирались «посадить майское дерево по обычаю этого края», но мэр спешно поднял отряд гвардии и спрятал в своем доме оружие из местного арсенала. Из Ивреа сюда спешно прибыл отряд жандармов в сопровождении 20 человек пехоты для рассеивания «бунта», и порядок был восстановлен. Обнаруженный зачинщик возмущения был отправлен в тюрьму Ивреа⁴³. Опасаясь повторения этих событий и новой вспышки бандитизма, Журдан сформировал военный суд департамента. Но уже через три месяца, 3 фрюктидора X года (21 августа 1802 г.), своим же постановлением генеральный администратор упразднил этот военный суд в связи с восстановлением общественного порядка и улучшением криминальной обстановки⁴⁴. Как видим, даже в таких обстоятельствах французская администрация старалась без лишнего повода не обострять и без того напряженные отношения с местным населением.

Середина мая ознаменовалась значительным успехом представителей закона в коммуне Риваросса под Турином. Здесь силами армии и национальной гвардии (в операции были задействованы почти 100 человек) были проведены повальные обыски и арестованы сразу 13 «барбэ». Дело началось с ареста крестьянина Карло Лувионе по кличке Кучотто, который и выдал некоторых других своих сообщников. Среди арестованных в ночь с 17 на 18 мая 1802 г. было пять крестьян, четыре извозчика и один сапожник⁴⁵. Нам неизвестны причины того, почему арестованные в полицейском отчете были названы именно «барбэ», поскольку традиционно так называли повстанцев из соседнего департамента Приморские Альпы⁴⁶. Тем не менее этот факт заслуживает внимания.

Отметим, что в крупных городах положение дел также оставляло желать лучшего, хотя и по другим причинам. В той же Александрии в ночь с 21 на 22 июня 1802 г. республиканцы устроили процессию шаривари. В сопровождении шести гренадеров толпа возмущенных горожан осаждала дома «роялистов», выкрикивала угрозы и оскорбления. Шествие сопровождалось громкой музыкой. В своих докладах в Париж генерал Журдан возмущался тем обстоятельством, что местные власти в этой ситуации бездействовали⁴⁷. Префект департамента в ответ на упреки в свой адрес склонен был оправдывать зачинщиков беспорядков и приуменьшать их масштабы, утверждая, что «несколько крикунов» только хотели напугать «врагов французов», но никаких насильственных действий не предпринимали. В том же духе докладывал о событиях и дивизионный генерал Барбу⁴⁸. Зачинщики этих шумных беспорядков так и не были наказаны, а Журдан в следующем докладе Фуше ограничился обещанием принять меры и даже объяснял, что понимает мотивы участников этого странного ночного шествия⁴⁹.

⁴² Campana à Jourdan. Le 3 messidor an 10 (22 juin 1802) // ANF. F. 7 4309.

⁴³ Jourdan à Fouché. Le 20 floréal an X (10 mai 1802) // ANF. F. 7 4309.

⁴⁴ Jourdan à Chaptal. Le 3 fructidor an X (21 août 1802) // ANF. F. 1e 78.

⁴⁵ Commissaire général de la police à Fouché. Le 1-er prairial an X (21 mai 1802) // ANF. F. 7 4309.

⁴⁶ См.: *Iafelice M. Barbets! La résistance à la domination française dans le pays niçois 1792–1814*. Nice, 1998.

⁴⁷ Jourdan à Fouché. Le 19 messidor an X (8 juillet 1802) // ANF. F. 7 4309.

⁴⁸ Général Barbou au général Merle. Le 14 messidor an X (3 juillet 1802) // ANF. F. 7 4309.

⁴⁹ Jourdan à Fouché. Le 28 messidor an 10 (17 juillet 1802) // ANF. F. 7 4309.

Политику Журдана по борьбе с бандитизмом нельзя рассматривать вне контекста общей наполеоновской политики, поскольку и в масштабах Франции вопрос о примирении в разделенном обществе стоял весьма остро. В некоторых работах заметна тенденция представлять дело так, что именно Журдан в 1802 г. предложил Наполеону провести политическую амнистию в Пьемонте⁵⁰. Однако обращение к соответствующему фонду Национального архива показало, что Журдан только внес предложения о модификации разработывавшегося общепарижского законодательства с учетом специфики региона. Во время лионской встречи с первым консулом в январе 1802 г. он предложил ему свой проект амнистии за политические преступления, совершенные в департаментах 27-го военного округа. А 6 флореаля X года (26 апреля 1802 г.) был издан сенатусконсульт об амнистии во Франции. Она не была всеобщей, а предоставлялась по заранее составленному списку тем лицам, которые не были вычеркнуты из списков эмигрантов ранее. Не носила она безусловного и бессрочного характера: амнистию надо было принять и успеть вернуться во Францию до 23 сентября того же 1802 г. (1 вандемьера XI года)⁵¹. Постановление консулов об амнистии в Пьемонте было издано только 10 мессидора X года (29 июня 1802 г.). Амнистия в Пьемонте носила всеобщий характер, так как здесь отсутствовали списки эмигрантов и распространялась она на все «политические преступления». Всем эмигрантам предписывалось вернуться в Пьемонт также до 1 вандемьера XI года (23 сентября 1802 г.) и представить префектам декларацию об отказе от связей с Савойской династией, иностранными государствами, а также принести присягу на верность французской конституции. Отказавшиеся вернуться до означенной даты лишались всего своего имущества. Публикацию этого акта в Пьемонте Журдан приурочил к дню национального праздника 14 июля⁵².

Методы борьбы с бандитизмом после публикации постановления об амнистии мало изменились, но количество криминальных инцидентов, нападений на чиновников, военных и жандармов все же несколько снизилось. Практика отправки крупных мобильных колонн в сельские районы также давала свои результаты. В середине июля одна из таких колонн общей численностью 168 человек под командованием капитана Фюза была направлена в селение Овилио близ Алессандрии. Коммуну окружили войска, в домах проводились повальные обыски. Предводитель местных бандитов Доменико дель Понте был даже схвачен, но бежал, а его раненого помощника Пьяченцу арестовали и отправили в тюрьму Алессандрии. Ввиду общей ситуации и скромного результата власти решили оставить в коммуне 15 солдат для поддержания порядка⁵³.

В конце августа в деревне Виа (департамент Танаро) «безо всякой видимой причины» сразу полсотни национальных гвардейцев убили двух жандармов. В коммуну немедленно были отправлены войска, которым надлежало оставаться там и содержаться за счет местных жителей до полного восстановления порядка и ареста виновных. 12 крупных собственников коммуны были доставлены под конвоем в тюрьму Турина. Дальнейшее разбирательство с участием префекта соседнего департамента Стура не помогло быстро установить подлинные мотивы восставших, но было объявлено, что жандармы находились «не при исполнении служебных обязанностей»⁵⁴. Нельзя исключать, что мотивы нападения в Виа во многом совпадали с теми, что привели к гибели еще двух жандармов в деревне Велья в коммуне Кераско. Тут в первые дни сентября 1802 г. жители собрались на ежегодный приходской праздник и ярмарку. По неизвестной причине местный мэр запретил танцы. Но трое жандармов, которые приехали «отдохнуть и развлечься», начали

⁵⁰ Bourguet-Rouveyre J. Op. cit.; Jourdan à Bonaparte. Le 1 pluviôse an X (21 janvier 1802) // ANF. AF. IV 1717.

⁵¹ Коротков С.Н. «Законы более жестокие, чем сама война». О политическом значении амнистии Бонапарта эмигрантам // Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 168–180. С. 179.

⁵² Proclamation. Le général Jourdan à ses administrés. 22 messidor an X (11 juillet 1802) // ANF. F. 1e 78.

⁵³ Jourdan à Fouché. Le 2 thermidor an X (21 juillet 1802) // ANF. F. 7 4309.

⁵⁴ Jourdan à Fouché. Le 8 fructidor an X (26 août 1802) // Ibidem.

пляски и принялись оскорблять командующего национальной гвардией бранными словами. В результате потасовки двое представителей жандармерии были убиты, а один ранен. В деревню направили отряд солдат, командующий гвардией подвергся строгому выискиванию, а коммуна возместила ущерб раненому и выплатила компенсацию родственникам погибших. Но власти в данном случае сами искали компромисса с населением: как только жители пообещали самостоятельно схватить и выдать зачинщиков («бандитов»), отряд был спешно отозван⁵⁵. А 10 фрюктидора X года (28 августа 1802 г.) генеральный администратор сообщил в Париж об успешном подавлении восстания в коммуне Джавино департамента Эридано. 10 наиболее заметных участников этих волнений были арестованы, один (бывший сардинский офицер) выслан за границу и еще два каноника отправлены под полицейский надзор в свои коммуны⁵⁶.

Год XI выдался более спокойным, если говорить о крупных волнениях, но участились случаи нападения небольших банд на отряды жандармов. Поиски бандитов и слабость жандармов иногда провоцировали местное население на восстания, как это произошло в конце сентября — начале октября 1802 г. в селениях Каваслунга и Чистерна⁵⁷.

Выше мы проанализировали только наиболее заметные случаи. Всего за X год республики властями в ходе розыска и специальных рейдов были арестованы 93 человека. Если учесть, что сами аресты подозреваемых происходили при участии жандармерии и армии и каждый арест был в локальном масштабе важным событием, то можно утверждать, что всего за этот период было зафиксировано 20 значительных инцидентов. Отметим, что ни один из них не достиг масштабов, характерных для 1800 г. или начала 1801 г., хотя криминальная обстановка держала администрацию в напряжении. В масштабах всего Пьемонта действия властей все же свидетельствовали об их успехе. Обращает на себя внимание и тот факт, что с вандемьера по конец жерминаля (т.е. с конца сентября 1801 г. по начало апреля 1802 г.) случаев бандитизма не было отмечено, а жандармерия и национальная гвардия не предпринимали активных действий. Важно и то, что Журдан прибегал к чрезвычайным мерам не повсеместно, хотя французский закон от 18 плювиоза IX года (7 февраля 1801 г.) позволял ему создавать чрезвычайные судебные инстанции повсюду.

Миссия Журдана в Пьемонте завершилась только в декабре 1802 г., после официального утверждения сенатусконсульта 11 сентября 1802 г. о присоединении шести пьемонтских департаментов к Франции. По его же собственной просьбе⁵⁸ генерала отзывали в Париж. На должность генерального администратора назначили генерала Ж.-Ф. Мену⁵⁹. Опыт французской администрации в этом регионе был весьма показателен: Журдан и префекты во многих случаях использовали чрезвычайные методы, но при этом искали компромисса с населением и понимали, что причины бандитизма в самом широком смысле слова вовсе не ограничиваются только корыстными побуждениями бедствующих слоев населения и агитацией вездесущих роялистов.

После юридического оформления присоединения Пьемонта к Франции в сентябре 1802 г. правительское приступление к регулярным наборам в армию, что вызывало недовольство и отчаянное сопротивление. Массы дезертиров и уклонистов активно пополняли ряды банд. Укрепление сил жандармерии и полиции создавало дополнительные поводы для конфликта в тех случаях, когда представители закона внезапно нарушали традиционный образ жизни сельских коммун и вели себя неподобающим, с точки зрения крестьян, образом. Дальнейшая эволюция бандитских групп в Пьемонте шла в русле криминализации: после 1802 г. все чаще жертвами нападений и расправ становятся состоятельные жители, фермеры, участились случаи похищений людей с требованием выкупа и жестокие убийства. В этом отношении криминальная ситуация в сельских районах с

⁵⁵ Jourdan à Fouché. Le 18 fructidor an X (5 septembre 1802) // ANF. F. 7 4309.

⁵⁶ Jourdan à Fouché. Le 10 fructidor an X (28 août 1802) // ANF. F. 7 4308.

⁵⁷ Jourdan à Régnier. Le 22 vendémiaire an XI (14 octobre 1802) // ANF. F. 7 4309.

⁵⁸ Jourdan à Chaptal. 25 brumaire an XI (16 novembre 1802) // ANF. F. 1e 77.

⁵⁹ Arrêté du Premier Consul de la République. Le 10 frimaire an XI (1 décembre 1802) // ANF. F. 1e 77.

трудом контролировалась и была в целом схожей с аналогичной ситуацией в ряде департаментов Франции в 1799–1801 гг. Только новые усилия властей после введения Континентальной блокады и присоединения Лигурийской республики к Франции смогли поспособствовать некоторому сокращению численности бандитов и успешной борьбе с контрабандой⁶⁰. Французы действовали сначала спорадически, но постепенно вырабатывался и общий механизм противодействия бандитизму. Значительных успехов наполеоновская администрация в этом направлении добилась не ранее 1807–1808 гг. Но еще более важным фактором было изменение отношения местных сельских элит к соотечественникам, вставшим на путь преступления. В период между 1802 и 1807 гг. от молчаливой поддержки бандитов они перешли к сотрудничеству с новой властью. Эта перемена в настроениях сыграла решающую роль в деле создания новой системы социального контроля в этом регионе обширного наполеоновского государства.

Библиография / References

- Бондарчук В.С.* Итальянское крестьянство в XVIII в. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980.
- Коротков С.Н.* «Законы более жестокие, чем сама война». О политическом значении амнистии Бонапарта эмигрантам // Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 168–180.
- Митрофанов А.А.* Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 78–92.
- Митрофанов А.А.* Движение барбэ в эпоху Французской революции: крестьяне, контрреволюционеры, бандиты? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015439-1-1/> (дата обращения: 10.01.2023).
- Митрофанов А.А.* Проблема «бандитизма» эпохи Директории в современной французской историографии // Французский ежегодник. 2022. Т. 55. М., 2022. С. 356–370.
- Митрофанов А.А.* «Альпийская Вандея». Трансформация народного протеста в Савоие 1793 года // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 6–73. DOI: 10.31857/S013038640019935-6
- Форрест А.* За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2022.
- Чудинов А.В.* Народы против Французской революции // Французский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 5–35.
- Bondarchuk V.S.* Italyanskoe krestyanstvo v XVIII v. Agrarnye otnosheniya i sotsial'noe dvizhenie v Sardinskome korolevstve [Italian peasantry in the 18th century. Agrarian relations and social movement in the Sardinian kingdom]. Moskva, 1980. (In Russ.)
- Forrest A.* Za kromkoy polya boya. Zhizn' voennykh vo vremena Revolyutsionnykh i Napoleonovskikh vojn [Beyond the edge of the battlefield. Life of the military during the Revolutionary and Napoleonic wars]. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Korotkov S.N.* “Zakony bolee zhestokie, chem sama vojna”. O politicheskom znachenii amnistii Bonaparta e'migrantam [“Laws more cruel than war itself”. On the political significance of Bonaparte’s amnesty to emigrants] // Frantsuzskiy ezhegodnik [French Yearbook]. 2006. Moskva, 2006. S. 168–180. (In Russ.)
- Mitrofanov A.A.* “Al’piiskaia Vandeia”. Transformatsiia narodnogo protesta v Savoie 1793 goda [“Alpine Vendée”. Transformation of the Popular Protest in Savoy, 1793] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 5. S. 6–73. DOI: 10.31857/S013038640019935-6 (In Russ.)
- Mitrofanov A.A.* Dvizhenie barbe v epokhu Frantsuzskoi revoliutsii: krest'iane, kontrrevoliutsionery, bandity? [The Barbet Movement in the Times of the French Revolution: Peasants, Counter-Revolutionaries, Bandits?] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2021. T. 12. Vyp. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015439-1-1/> (access date: 10.01.2023)]. (In Russ.)
- Mitrofanov A.A.* Myatezhnaya Savoija: ot “velikoy fermentatsii” do frantsuzskoy okkupatsii 1791–1792 gg. Po materialam AVPRI [Rebellious Savoy: from the “great fermentation” to the French occupation of 1791–1792. Based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire] // Frantsuzskiy ezhegodnik [French Yearbook]. 2018. T. 51. Moskva, 2018. S. 78–92. (In Russ.)
- Mitrofanov A.A.* Problema “banditizma” epokhi Direktorii v sovremennoy frantsuzskoy istoriografii [The problem of “banditry” of the era of the Directory in modern French historiography] // Frantsuzskiy ezhegodnik [French Yearbook]. 2022. T. 55. Moskva, 2022. S. 356–370. (In Russ.)

⁶⁰ *Broers M.* Napoleonic Imperialism... P. 314–349.

- Tchoudinov A.V.* Narody protiv Frantsuzskoy revolyutsii [Peoples against the French Revolution] // Frantsuzskiy ezhegodnik [French Yearbook]. 2016. Moskva, 2016. S. 5–35. (In Russ.)
- Boudon J.-O.* L'Empire des polices. Comment Napoléon faisait régner l'ordre. Paris, 2017.
- Bourguet-Rouveyre J.* Jean-Baptiste Jourdan et le Consulat // La plume et le sabre / Sous la dir. M. Biard, A. Crépin, B. Gainot. Paris, 2002. P. 455–463.
- Boyer F.* Carlo Bossi et l'Administration Générale du Piémont (1800–1802) // Rassegna storica del Risorgimento. 1969. № 77. P. 44–57.
- Boyer F.* L'esprit public au Piémont en l'an X et en l'an XI // Revue de l'Institut Napoléon. 1969. Avril. P. 149–157.
- Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821. State Building in Piedmont. Lewiston [N.Y.], 1997.
- Broers M.* The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814. Cultural Imperialism in a European Context? London, 2005.
- Broers M.* Napoleon's other war. Bandits, rebels and their pursuers in the Age of Revolutions. Oxford, 2010.
- Brown H.G.* From Organic Society to Security State: The war on brigandage in France 1797–1802 // Journal of Modern History. 1997. № 69. P. 661–695.
- Brown H.G.* Ending the French Revolution: Violence, Justice, and Repression from the Terror to Napoleon. Charlottesville, 2006.
- Clay S.* Le brigandage en Provence du Directoire au Consulat (1795–1802) // Du Directoire au Consulat. Brumaire dans l'histoire du lien politique et de l'état-nation. Lille, 2001. T. III. P. 67–89.
- Clay S.* Justice, vengeance et passé révolutionnaire: les crimes de la terreur blanche // Annales historiques de la Révolution française. 2007. № 350. P. 109–133.
- Collini A.* Il tramonto di un sogno. La fine dell'ideologia giacobina in Canavese (1800–1802). Torino, 2017. Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon. Pacifications. T. III. Paris, 2006.
- Davico R.* Prix et conjoncture: la “période” napoléonienne en Piémont. Quelques réflexions au sujet d'une crise // Revue Historique. 1972. T. 248. Fasc. 1 (503). P. 25–48.
- Davis J.A.* Conflict and control: law and order in Nineteenth-century Italy. New Jersey, 1988.
- Fischer L.J.* Jacobin General. Jean Baptiste Jourdan and the French Revolution 1792–1799. Vol. I–II. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College. Historical Dissertations and Theses. [S. 1.], 1978.
- Forrest A.* Déserteurs et insoumis sous la Révolution et l'Empire. Paris, 1988.
- Forrest A.* Déserteurs et brigands sous la Révolution et l'Empire: état de la question // Les brigands. Criminalité et protestation politique (1750–1850). Rennes, 2013. P. 91–106.
- Grab A.* State power, brigandage and rural resistance in Napoleonic Italy // European History Quarterly. 1995. Vol. 25. P. 39–70.
- Hulot F.* Le maréchal Jourdan. Paris, 2010.
- Iafelice M.* Barbets! La résistance à la domination française dans le pays niçois 1792–1814. Nice, 1998.
- Jourdan J.-B.* Le Dix-Huit Brumaire. Extrait des Mémoires du général Jourdan, communiqué par le vicomte de Grouchy // Le Carnet historique et littéraire: revue mensuelle, rétrospective et littéraire. 1901. Février. P. 161–172.
- Lignereux A.* Les Impériaux. Administrer et habiter l'Europe de Napoléon. Paris, 2019.
- Marion M.* Le brigandage pendant la Révolution. Paris, 1935.
- Rao A.-M.* Il patriottismo repubblicano di Carlo Botta // Il Giacobino pentito. Carlo Botta fra Napoleone e Washington. Roma, 2010. P. 229–246.
- Ricuperati G.* Lo Stato sabaudo nel Settecento: dal trionfo delle burocrazie alla crisi d'antico regime. Torino, 2001.
- Ruggiero M.* I briganti di Piemonte Napoleonico. Torino, 1968.
- Ruggiero M.* La rivolta dei contadini piemontesi (1796–1802). Torino, 1974.
- Ruggiero M.* Anno del fuoco 1799. I cosacchi e la massa cristiana in Piemonte. Pinerolo, 1999.
- Ruggiero M.* La Carmagnola. Rivoluzione Francese in Piemonte (1796–1799). Torino, 2018.
- Sottocasa V.* Les brigands et la Revolution. Violences politiques et criminalité dans le Midi (1789–1802). Ceyzerieu, 2016.
- Vaccarino G.* I giacobini piemontesi (1794–1814). T. I–II. Roma, 1989.
- Valentin R.* Le maréchal Jourdan. Paris, 1956.
- Zanotto A.* Témoignages et documents pour l'histoire de la Vallée d'Aoste pendant la Révolution et l'Empire // Société académique, religieuse et scientifique du duché d'Aoste. Bulletin. 1965. № 42. P. 183–266.

DOI: 10.31857/S013038640028069-3

© 2023 г. Д.В. СТЕРХОВ

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ПРУССИИ В ПЕРИОД ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ВОЙН 1813–1815 годов

Стерхов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Аннотация. Статья посвящена изучению первой в истории Пруссии массовой мобилизации, осуществленной прусским правительством во время Освободительных войн 1813–1815 гг. Цель статьи заключается в том, чтобы оценить успешность военной мобилизации в Пруссии и ответить на вопрос, получила ли прусская политическая элита поддержку населения в военных действиях против наполеоновской Франции. Методологически исследование опирается на теорию модернизации, согласно которой в период Наполеоновских войн в странах Европы вводилась всеобщая воинская повинность и формировались массовые армии, характерные для современного общества. В вводной части статьи оцениваются общие причины, побудившие правительство короля Фридриха Вильгельма III ввести всеобщую воинскую повинность в Пруссии весной 1813 г., при этом особое внимание уделяется военным преобразованиям Г. фон Шарнхорста, Г. фон Бойена и других реформаторов. В основной части статьи исследуется законодательная база, которая была положена в основу военной мобилизации, в частности королевские указы об отмене освобождений от воинской службы и о формировании добровольческих корпусов, Ландвера и Ландштурма. Отдельно анализируется социальный состав мобилизуемых в прусскую армию и их происхождение по провинциям. Во второй части статьи рассматривается организация патриотической пропаганды, без нее массовая мобилизация населения была бы невозможна, осуществлявшаяся через официальные прокламации, газетные статьи, памфлеты, листовки, брошюры, политическую лирику и проповеди. Следует отметить, что прусские власти не ограничились только лишь мобилизацией мужчин, но также пытались привлечь к патриотической и благотворительной деятельности женщин. В заключение дается общая оценка мобилизации, весьма успешной и эффективной, что нашло отражение в законодательном закреплении всеобщей воинской повинности, создании пантеона погибших на поле боя защитников Отечества и превращении Пруссии в признанного лидера среди всех немецких государств.

Ключевые слова: Освободительные войны, Наполеоновские войны, мобилизация, всеобщая воинская повинность, Пруссия, Гогенцоллерны, патриотизм, модернизация.

D.V. Sterkhov

Military and Patriotic Mobilisation in Prussia During the Liberations Wars of 1813–1815

Dmitrii Sterkhov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Abstract. The author focuses on the first mass mobilisation in Prussia carried out by the Prussian government during the Liberation Wars of 1813–1815. He aims to answer the question of how successful this mobilisation was and whether the Prussian political elite managed to obtain the popular support for the war against Napoleonic France. Methodologically, the study is based on the theory of modernisation, according to which, during the Napoleonic Wars, universal conscription was introduced in the countries of Europe and modern mass warfare emerged. The introduction deals with the general causes prompting the government of the Prussian King Frederick William III to introduce the universal conscription in Prussia in the spring of 1813. The author pays attention to the military reforms conducted by Gerhard von Scharnhorst, Hermann von Boyen and other reformers. He focuses on legislative acts of March and April 1813 which laid the foundation for the mass mobilisation in Prussia, namely royal decrees abolishing all exemptions from the military service and establishing voluntary detachments or the Prussian National Militia (Landwehr and Landsturm). The author also analyses the social and provincial origin of those who were mobilised in the Prussian army. In the second part of the article, he considers the organisation of the patriotic propaganda which was indispensable for the mass mobilisation. To this end, he examines official governmental proclamations, newspaper articles, pamphlets, leaflets, brochures, political lyrics, and sermons. He emphasises that not only men were supposed to be mobilised for the needs of war but women as well. He concludes that the first mass mobilisation in Prussia in 1813–1815 turned out to be highly successful and effective. The Prussian government managed to mobilise large groups of people within a very short period of time. The universal conscription became law in 1814, and the pantheon of national heroes who died for the freedom of the Fatherland was created. The massive public support for the war against Napoleon significantly contributed to Prussia's rapid rise to the leading power among all German states.

Keywords: Liberation Wars, Napoleonic Wars, mobilisation, universal conscription, Prussia, Hohenzollerns, patriotism, modernisation.

Освободительные войны 1813–1815 гг. занимают особое место в истории прусского государства. Именно тогда в Пруссии впервые была введена всеобщая воинская повинность и проведена всеобщая мобилизация. Исследователи сходятся во мнении, что персональная воинская повинность для мужчин, впервые введенная в революционной Франции в 1790-е годы, является результатом широкомасштабного процесса модернизации, охватившего многие европейские страны на рубеже XVIII–XIX вв.¹ Пруссия, будучи великой европейской державой, все же не находилась в авангарде модернизационного процесса. К началу Революционных и Наполеоновских войн в Европе прусская военная организация, базировавшаяся на Кантональном регламенте 1733 г., сильно устарела. По кантональной системе рекруты набирались по спискам от определенного числа крестьянских дворов, при этом от повинности освобождались не только широкие слои населения (торговцы, ремесленники, чиновники, духовенство), но также целые города и провинции. В этой связи широко практиковалось рекрутирование иностранцев, которые составляли почти половину солдат прусской армии. В офицерском корпусе безраздельно господствовало дворянство, число лиц недворянского происхождения среди офицеров было незначительным. Прусская армия славилась жесткой муштрой, строжайшей дисциплиной, суровыми телесными наказаниями за любое неповиновение и полным отсутствием самостоятельности и инициативы со стороны как солдат, так и офицеров. Неудивительно, что военная служба не пользовалась популярностью, а армия воспринималась как институт угнетения и насилия. Между прусской армией как эксклюзивной корпоративной организацией и гражданским обществом пролегла пропасть.

Успехи революционной и наполеоновской Франции в войнах против европейских монархий наглядно продемонстрировали недостатки устаревшей кантональной системы. Как в Пруссии, так и в других немецких государствах передовые и прогрессивно мыслящие офицеры стали выступать за модернизацию военной системы по французскому

¹ Frevert U. Die kasernierte Nation. Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland. München, 2001. S. 18.

образцу и введение всеобщей воинской повинности, к их числу относились военные историки Г.Г. фон Беренхорст и А.Г. фон Бюлов, а также генералы И.Ф. фон Декен, Э. фон Рюхель, К.Ф. фон дем Кнезебек, Г. фон Шарнхорст². Но прусское правительство во главе с королем Фридрихом Вильгельмом III (1797–1840) не решалось на столь радикальные преобразования. Лишь сокрушительное поражение Пруссии в войне Четвертой коалиции 1806–1807 гг. вынудило кардинально преобразовать всю военную систему. Возможность получить офицерское звание лицам недворянского происхождения, отмена унижительных телесных наказаний для солдат, продвижение по службе за заслуги, а не за знатность происхождения или выслугу лет, запрет найма иностранцев на военную службу, отказ от линейной тактики и внедрение новых методов ведения боя, введение системы «крюмперства», т.е. регулярного краткосрочного обучения резервистов, — вот лишь некоторые из военных преобразований, проведенных Г. фон Шарнхорстом, Г. фон Бойеном, К. фон Клаузевицем, А. фон Гнейзенау и другими реформаторами в 1808–1812 гг. Они же предлагали ввести всеобщую воинскую повинность, проведение тотальной мобилизации населения с целью свержения наполеоновского господства. Однако предложения реформаторов 1808 и 1811 гг. поднять всенародное вооруженное восстание против Наполеона не были поддержаны Фридрихом Вильгельмом III. Более того, в 1812 г. Пруссия стала союзницей Франции в войне против России и предоставила Наполеону войска и ресурсы для похода. Лишь катастрофа наполеоновской Великой армии в России и появление русских войск в Восточной Пруссии и ее столице — Кёнигсберге — побудили прусского короля разорвать союз с Бонапартом и перейти на сторону российского императора Александра I. 28 февраля 1813 г. Пруссия и Россия подписывают Калишский союзный договор, оформивший Шестую антифранцузскую коалицию, а 16 марта Фридрих Вильгельм III объявил Наполеону войну.

Осознание невозможности победить Наполеона, ведя войну «по-старому», побудило после долгих раздумий и колебаний прусского короля дать согласие на проведение всеобщей мобилизации. Такое решение требовало создания законодательной базы, организации мобилизации в отдельных провинциях, что следовало подкрепить патриотической пропагандой, дабы создать в массовом сознании образ солдата — защитника Отечества с целью мотивировать мужское население вступать в ряды вооруженных сил. Необходимо было также заручиться поддержкой военных целей государства гражданским населением, сформировать у не подлежащих военному призыву готовность нести материальные жертвы для победы над врагом. В статье будет рассмотрено, каким образом прусское правительство решало эти задачи и с какими проблемами и сложностями оно сталкивалось. Цель работы — дать общую оценку первой в истории Пруссии военной мобилизации и определить, насколько она была успешной и как именно она модернизировала военную систему прусского государства. Исследование опирается на широкий круг источников, в первую очередь акты и документы официального происхождения, а также преимущественно немецкоязычную историографию. В отечественной историографии организация военной мобилизации в Пруссии в годы Освободительных войн, как правило, не рассматривалась как самостоятельная проблема, а изучалась в контексте военных реформ начала XIX в.³, при этом акцент обычно делался на провинцию Восточная Пруссия⁴.

² Kernic F. Krieg, Gesellschaft und Militär. Baden kultur- und ideengeschichtliche Spurensuche. Baden-Baden, 2001. S. 217.

³ Апостолова Т.М. Военная реформа в Пруссии в эпоху наполеоновских войн (1807–1815 гг.). М., 1994; Кирилина Л.А. Реформы в Пруссии (1807–1821) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 2001: реформы и реформаторы. М., 2002. С. 41–53.

⁴ Панченко А.А. Восточная Пруссия: 1813 год (к вопросу об освобождении Прусского королевства от наполеоновского господства) // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники: материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2004. С. 104–115; Его же. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства: Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Калининград, 2007.

Как ни странно, но военная мобилизация в королевстве началась против воли и без участия самого короля. В ночь с 5 на 6 февраля 1813 г. русские войска вошли в Кёнигсберг, а к концу месяца полностью очистили Восточную Пруссию от французов. Фактическими наместниками провинции к этому времени стали барон Г.Ф.К. фон унд цум Штайн и военачальник И.Д.Л. фон Йорк. По их инициативе был создан орган местного представительства – ландтаг, на котором 5 февраля 1813 г. было принято решение о создании народного ополчения в 20 тыс. человек. Как отмечает Г.В. Кретинин, примером для населения Восточной Пруссии служили петербургские и новгородские ополченцы, участвовавшие в освобождении провинции от французов⁵. Подготовка народной войны проходила без участия берлинского правительства, которое формально оставалось союзником Наполеона. Угроза потери контроля над ситуацией во многом подвигла Фридриха Вильгельма III взять курс на разрыв с Францией и начать готовиться к полномасштабной войне. 9 февраля 1813 г. был издан составленный фон Шарнхорстом указ об отмене всех освобождений от военной службы в военное время. Указ вводил персональную воинскую повинность для всех прусских мужчин от 17 до 24 лет⁶. Всем, подлежащим мобилизации, предлагалось в течение восьми дней со дня публикации указа явиться добровольно в местный орган власти и выбрать род войск для службы – пехоту, кавалерию или артиллерию. Те же, кто явятся после этого срока, будут приписаны к тому или иному полку или батальону по решению военных властей. Изданный шестью днями ранее, 3 февраля 1813 г., королевский указ о создании егерских корпусов предполагал добровольное вступление в них ранее освобожденных от военной службы мужчин, правда, вооружать и снабжать себя они должны были самостоятельно. Бойцам добровольческих корпусов предоставлялись многочисленные привилегии, в частности право самостоятельно избирать себе офицеров, освобождение от гарнизонной службы, приоритет в назначении на государственные должности после окончания военной службы и т.д.⁷

Следующим важным шагом к введению всеобщей воинской повинности стал указ Фридриха Вильгельма III от 17 марта 1813 г. о создании прусской национальной милиции – Ландвера. Все мужчин от 17 до 40 лет, не служащие в регулярной армии или в добровольческих корпусах, должны были добровольно вступать в подразделение. Если добровольцев не хватало, то из лиц указанного возраста добирали недостающее количество по жребию. За уклонение от службы предусматривались наказания⁸. Для четкого исполнения проведения мобилизации в Ландвер указом от 15 марта 1813 г. создавались четыре военных губернаторства: между Эльбой и Одером с центром в Берлине, между Одером и Вислой с центром в Старгарде, между Вислой и русской границей с центром в Кёнигсберге и Силезское с центром во Вроцлаве. В ноябре 1813 г. к ним добавились военное губернаторство между Эльбой и Везером с центром в Галле, позднее Хальберштадте, и военное губернаторство между Везером и Рейном с центром в Миндене, позднее Мюнстере⁹. Главы военных губернаторств несли ответственность за рекрутирование, вооружение и снабжение солдат Ландвера, непосредственно за мобилизацию отвечали власти провинциальных округов, на которые делилось каждое военное губернаторство. В каждом округе создавался специальный комитет, куда входили по два депутата от дворян-землевладельцев и от горожан и крестьян. Именно эти комитеты вели списки подлежащих призыву мужчин, снабжали солдат Ландвера одеждой, провиантом и вооружением, назначали офицеров, осуществляли надзор над обучением мобилизованных и докладывали о ситуации на местах военному губернатору. Завершение призыва, распределение солдат по полкам и выборы офицеров

⁵ Очерки истории Восточной Пруссии / под ред. Г.В. Кретинина и др. Калининград, 2002. С. 289.

⁶ Verordnung über die Aufhebung der bisherigen Exemption von der Kantonpflichtigkeit für die Dauer des Krieges. Vom 9ten Februar 1813 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußen Staaten. Berlin, 1813, S. 13.

⁷ Bekanntmachung in Betreff der zu errichtenden Jägerdetachements. Vom 3ten Februar 1813 // Ibid. S. 15–17.

⁸ Verordnung über die Organisation der Landwehr. Vom 17ten März 1813 // Ibid. S. 36.

⁹ Schmidt D. Die preußische Landwehr 1813. Berlin, 1987. S. 17–18.

должны были быть завершены к 15 апреля, вооружение и снабжение Ландвера — к 30 апреля, военное обучение — к 1 мая¹⁰. Однако финансовые и другие трудности нарушили эти сроки, мобилизация в Ландвер завершилась лишь к августу 1813 г.

Мобилизация военнообязанных в провинциях прусского государства проходила с различным успехом. Согласно статистическим данным, 42% всех мобилизованных происходили из Восточной Пруссии, 20% — из центральных районов Бранденбурга (Курмарк, Миттельмарк), 15% — из Силезии, 9% — из Померании, 7% — из Западной Пруссии, 1% — из Литвы¹¹. Очень мало людей удалось призвать из военных губернаторств на Западе Германии — между Эльбой и Везером, между Везером и Рейном, из Берга, Франкфурта. Население этих территорий активно сопротивлялось мобилизации и дезертировало из прусской армии. Схожую картину можно наблюдать и в отношении бойцов добровольческих формирований: 37% из них происходили из Бранденбурга, 19% — из Силезии, 13,4% — из Восточной Пруссии, 9% — из Померании, 7,3% — из бывшего Королевства Вестфалия, 4,7% — из Западной Пруссии, 5,1% — из Саксонии и Тюрингии. 82,8% всех добровольцев были уроженцами Пруссии, 17,2% — других немецких территорий¹². Легче мобилизация проходила в крупных городах, сложнее в сельской местности. Вероятнее всего, на ход мобилизации в Пруссии влияли такие факторы, как: религиозная и этническая принадлежность мобилизуемых (немецкоязычные протестанты охотнее вступали в ряды добровольческих отрядов и Ландвера, чем немцы-католики (Силезия), поляки (Силезия, Западная Пруссия), кашубы (Померания)); династическая лояльность монархии Гогенцоллернов; опыт общения местного населения с французскими оккупационными войсками (Восточная Пруссия стала зимой 1812/13 г. ареной военных действий между русскими и французами, здесь были сильны антифранцузские настроения). Неоднородным был и социальный состав мобилизуемых. Так, среди добровольцев преобладали городские ремесленники (41%), с заметным отрывом — торговые служащие и купцы (10%), чиновничество низшего и среднего звена (8%), студенты (7%), чиновники высшего звена (5%). Таким образом, среди добровольцев не было вообще представителей городских низов и крестьянства, которые не имели возможности вооружить и обеспечить себя самостоятельно. Среди мобилизованных в Ландвер основной костяк (74%) составляли высшие и средние городские слои и зажиточное крестьянство, затем следовали представители среднего и бедного крестьянства (15%) и образованные слои населения (студенты, школьные учителя, врачи — 12%)¹³. На неоднородность мобилизации влияла специфика той или иной провинции.

Наконец, 21 апреля 1813 г. был издан составленный генералом фон Шарнхорстом указ Фридриха Вильгельма III о создании народного ополчения — Ландштурма — куда приписывалось все мужское население от 15 до 60 лет, не призванное ни в регулярную армию, ни в Ландвер, ни в добровольческие отряды. Ополчение созывалось в случае оккупации врагом той или иной провинции. Населению следовало оказывать максимальное сопротивление противнику: вести партизанскую войну, совершать точечные нападения на вражеские отряды, уничтожать запасы еды, сжигать дома, мосты и любые постройки стратегической важности, засыпать камнями колодцы и источники пресной воды и т.д.¹⁴ Таким образом, населению предписывалось применение тактики «выжженной земли», дабы нанести максимальный урон оккупанту. Таким образом, в апреле 1813 г. Пруссия максимально близко подошла к самой настоящей тотальной, всенародной, экзистенциальной

¹⁰ Hagemann K. "Männlicher Muth und deutsche Ehre". Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der Antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn, 2000. S. 397.

¹¹ Hagemann K. Umkämpftes Gedächtnis. Die Antinapoleonischen Kriege in der deutschen Erinnerung. Paderborn, 2019. S. 74.

¹² Ibbeken R. Preußen 1807–1813. Staat und Volk als Idee und Wirklichkeit. Köln, 1970. S. 419.

¹³ Walter D. Meeting the French challenge. Conscription in Prussia, 1807–1815 // Conscription in the Napoleonic Era. A revolution in military affairs? / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. New York, 2009. P. 188.

¹⁴ Verordnung über den Landsturm. Vom 21sten April 1813 // Gesetz-Sammlung. 1813. S. 79–80.

войне. Однако после героической смерти в июне 1813 г. Г. фон Шарнхорста, главного идеолога такой войны, прусское правительство все-таки отказалось от столь радикальных мер. Королевский указ от 17 июля 1813 г. фактически ликвидировал самостоятельность Ландштурма и низводил его до резерва для Ландвера, тем самым Ландштурм потерял свой статус как подлинно народная армия. В прусских городах вместо Ландштурма создавались отряды городской милиции, входившей в состав Ландвера¹⁵. Идея всенародного вооружения и тотальной войны против Наполеона, таким образом, осталась всего лишь на бумаге.

Несмотря на все трудности и сложности, с которыми столкнулось прусское государство, проводя мобилизацию, удалось достичь, казалось бы, невозможного — мобилизовать в армию, в том числе и на добровольных началах, те слои населения, что традиционно были освобождены от воинской повинности. В марте 1813 г. прусская регулярная армия насчитывала 60 тыс. человек, к ним добавлялось около 30 тыс. добровольцев и еще столько же военнослужащих, несущих гарнизонную службу, всего 120 тыс. человек¹⁶. В августе 1813 г. прусская армия насчитывала уже 245 тыс. человек, из них 119 тыс. (49,5%) состояли в регулярной армии, 113 тыс. (47%) — в Ландвере, 11 тыс. (4,5%) — в добровольческих отрядах. Весной 1814 г., после разгрома Наполеона и взятия Парижа, прусская армия насчитывала уже 300 тыс. человек, из них ровно половина (150 тыс.) служила к Ландвере и добровольческих корпусах¹⁷. При этом в отличие от фридрицианской армии XVIII в. практически все мобилизованные являлись уроженцами прусских провинций: 10% от всего мужского населения Пруссии (в 1806 г. в прусской армии служило едва ли 2% населения страны). Мобилизационные меры вводились прусским правительством в феврале—апреле 1813 г. лишь на время войны с Наполеоном, однако вскоре всеобщая воинская повинность стала постоянным институтом. 3 сентября 1814 г. военным министром Пруссии Г. фон Бойеном был издан Закон об обязательной воинской службе, закрепивший всеобщую воинскую повинность на законодательном уровне¹⁸. Тем самым Пруссия стала фактически единственным государством в Европе, где была закреплена персональная воинская повинность для мужчин в мирное время.

Всеобщая мобилизация в Пруссии была бы невозможна без активной национально-патриотической пропаганды. Перед прусским правительством стояла непростая задача: убедить население королевства в необходимости нести материальные и нематериальные жертвы ради победы над Наполеоном. Для достижения этой цели еще в январе 1813 г. в Пруссии были сняты практически все цензурные ограничения на политическую и публицистическую литературу, благодаря чему и стало возможным наладить мощную пропаганду. Пример подал сам Фридрих Вильгельм III, обратившийся к своим подданным 17 марта 1813 г. с манифестом «К моему народу», опубликованным три дня спустя в «Силезской привилегированной газете»¹⁹. Впервые в истории Пруссии государство обращалось к жителям с призывом поддержать военные действия против врага и выступить на защиту Отечества. В период Освободительных войн 1813—1815 гг. призывы и обращения к населению вообще стали одним из самых эффективных средств государственной пропаганды, к ним прибегало не только прусское правительство, но и русское военное командование, которое стремилось привлечь население немецких земель на свою сторону. К самым известным можно отнести обращения главнокомандующего русскими войсками графа П.Х. Витгенштейна к жителям Пруссии, Брауншвейг-Вольфенбюттеля, Гессен-Касселя

¹⁵ Verordnung vom 17ten Julius 1813. In Betreff der Modifikationen des Landsturm-Edikts vom 21sten April 1813 // Ibid. S. 89–90.

¹⁶ Walter D. Preußische Heeresreformen 1807–1870. Militärische Innovation und Mythos der “Roonschen Reform”. Paderborn, 2003. S. 275.

¹⁷ Ibid. S. 299.

¹⁸ Gesetz über die Verpflichtung zum Kriegsdienste. Vom 3ten September 1814 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten. Berlin, 1814. S. 79–82.

¹⁹ Schlesische Privilegierte Zeitung. 20.III.1813.

и Ганновера и его же знаменитый манифест «К немецким юношам и мужчинам» от 11 (23) марта 1813 г.²⁰ К призывам и манифестам особенно активно прибегали прусские генералы А.Н. фон Гнейзенау и Г.Л. фон Блюхер, их самым знаменитым манифестом стало обращение «К жителям Саксонии» от 23 марта 1813 г.²¹ Подобные призывы и обращения к жителям немецких земель публиковались вплоть до победы над Наполеоном в битве под Лейпцигом в октябре 1813 г., после чего они стали терять актуальность, хотя прусское правительство еще будет прибегать к этому средству пропаганды, например во время второй войны с Наполеоном в 1815 г.²²

Не менее важным средством патриотической пропаганды стали многочисленные статьи в газетах и журналах, издаваемых в Пруссии и других немецких землях в 1813–1815 гг. Первыми антифранцузские статьи начали публиковать Königsberger Hartungsche Zeitung в январе 1813 г. и Schlesische Privilegierte Zeitung в марте 1813 г., последняя стала настоящим рупором прусского правительства в рассматриваемый период. В апреле 1813 г. к антифранцузской пропаганде присоединились две крупнейшие газеты Берлина: Vossische Zeitung и Berlinische Nachrichten. Политические газеты и журналы издавались не только правительством, но и частными лицами. Большую популярность снискала политическая газета Preußischer Correspondent, основателем которой был крупный немецкий издатель Г. Раймер. Достаточно влиятельным был и основанный 1 апреля 1813 г. А. фон Коцебу журнал Russisch-Deutsches Volksblatt. В 1814–1815 гг. особую популярность снискал издаваемый Й. Гёрресом журнал Rheinischer Merkur. Данные газеты и журналы издавались, как правило, не очень большими тиражами, так самый большой был у Vossische Zeitung в 4 тыс. экземпляров, в то время как Preußischer Correspondent достигал лишь 800–900²³. В период Освободительных войн возник и совершенно новый тип газеты – военно-полевая газета. По инициативе канцлера Гарденберга в октябре 1813 г. была основана Preußische Feldzeitung, ориентированная в первую очередь на солдат и офицеров регулярной армии, Ландвера и добровольческих корпусов. Она издавалась два раза в неделю тиражом в 2 тыс. экземпляров, большая часть из которых бесплатно раздавалась солдатам, остаток продавался по символической цене в 2 гроша²⁴. Несмотря на весьма скромные тиражи, газеты и журналы оказывали большое влияние на общественное мнение прежде всего благодаря практике коллективного чтения в семейном кругу, на рабочем месте, в полку или в трактирах и кофейнях. Всего в немецкоязычных землях Центральной Европы, за исключением Австрии, в 1813–1815 гг. издавалось примерно 300 газет и 57 политико-исторических журналов²⁵.

Другим не менее эффективным средством пропаганды являлись памфлеты, листовки и небольшие публицистические сочинения, которые активно курсировали среди населения. Одним из первых, кто начал публиковать подобную повседневную политическую литературу, являлся известный писатель А. фон Коцебу. Его фарс «Речной бог Неман и кое-кто еще», опубликованный в декабре 1812 г. под покровительством русского военного командования, может считаться первым сатирическим памфлетом, получившим подлинную всенародную любовь²⁶. Одним из наиболее плодотворных и влиятельных авторов

²⁰ Das neue Deutschland. Enthaltend größtentheils freimüthige Berichte zur Geschichte der Bedrückung und der Wiederbefreiung Deutschlands. Bd. 1. St. 1. Berlin, 1813. S. 28–37.

²¹ An Sachsens Einwohner // Aktenstücke für die Deutschen, oder Sammlung aller officiellen Bekanntmachungen in dem Kriege von 1813. Erstes Heft. Dresden, 1813. S. 10–12.

²² Förster F. Neuere und neueste Preußische Geschichte. Fünfter Band. Berlin, 1866. S. 721–723.

²³ Wolfes M. Öffentlichkeit und Bürgergesellschaft. Friedrich Schleiermachers politische Wirksamkeit. T. 1. Berlin, 2004. S. 413.

²⁴ Hagemann K. “Männlicher Muth und teutsche Ehre”. S. 156.

²⁵ Kirchner J. Bibliographie der Zeitschriften des deutschen Sprachgebietes bis 1900. Stuttgart, 1969. S. 105–107.

²⁶ Lachhein S. Der Dichter und Noch Jemand. August von Kotzebues Kampf für die Freiheit // August von Kotzebue. Ein streitbarer und umstrittener Autor / Hrsg. von A. Košenina, H. Liivrand, K. Pappel. Hannover, 2017. S. 236–240.

памфлетов и листовок являлся, конечно же, поэт Э.М. Арндт. Его произведения 1813–1814 гг. печатались огромными тиражами и находили массовое распространение не только в Пруссии, но и в других немецких землях. Самым популярным его памфлетом стала написанная еще в феврале 1813 г. работа «Что означают Ландштурм и Ландвер», в которой Арндт активно выступал за массовую мобилизацию населения для борьбы с Наполеоном и введение всеобщей воинской повинности. Благодаря поддержке со стороны прусского правительства к июню 1815 г. эта работа Арндта была переиздана 20 раз и достигла немалого для того времени тиража почти что в 100 тыс. экземпляров. Вторая крупнейшая его работа, «Катехизис для немецкого воина и ополченца», была переработана им трижды, к концу 1815 г. выдержала 10 переизданий, ее тираж достиг 80 тыс. экземпляров²⁷. Коцебу и Арндт, безусловно, не являлись единственными крупными политическими авторами Пруссии и северной Германии в целом. Немецкой исследовательнице К. Хагеманн удалось собрать обширные биографические данные о 497 мужчинах и 19 женщинах, которые в 1813–1815 гг. являлись наиболее влиятельными авторами политических листовок, брошюр и памфлетов²⁸. Если учесть, что многие произведения в этот период публиковались анонимно, то можно предположить, что реальное число политически ангажированных публицистов, оказывавших большое влияние на общественное мнение, было значительно больше.

Еще одним популярным средством пропаганды в этот период являлась патриотическая лирика. Песни и стихи находили большой отклик среди простого населения, в первую очередь солдат, так как их можно было публично декламировать или коллективно распевать. Адресатом политической лирики, как правило, являлись малограмотные или совсем неграмотные средние и низшие слои населения, поэтому поэты часто использовали яркую образную лексику, чтобы сначала воздействовать на чувства и эмоции, а не обращаться к разуму. Лирику периода Освободительных войн можно разделить на три категории. Во-первых, это немецкая национальная лирика, яркими представителем которой являлся Арндт, чье стихотворение «Отечество немца» приобрело статус подлинного национального гимна²⁹. Политическая лирика предлагала в качестве мотивации борьбы против Наполеона защиту немецких национальных ценностей — языка, характера и т.д. Во-вторых, не менее популярной была так называемая «добровольческая лирика», нацеленная преимущественно на побуждение мужчин вступать в добровольческие формирования. К этому типу лирики относятся стихи Т. Кёрнера, молодого поэта и добровольца, погибшего в возрасте 21 года в 1813 г. К поэтам этого направления относится и Ф.Л. Ян, чей сборник стихов «Немецкие военные песни для Королевско-прусского добровольческого корпуса» приобрел невероятную популярность среди прусско-немецких добровольцев³⁰. К третьей, самой обширной группе относилась прусская земельно-патриотическая лирика, которая была адресована солдатам регулярной армии и Ландвера, в ней акцент делался на любви к королю и прусскому Отечеству как главным мотивам войны против Наполеона. Ярким представителем этого направления являлся поэт и писатель К. Хойн, опубликовавший в мае 1813 г. популярную «Песнь пруссаков». В монархическо-патриотическом духе были также сочинены анонимно напечатанные «Песни для прусских солдат» (1812), «Военные песни для королевско-прусских войск» (1813) и «Новые военные песни для прусской армии» (1815). Политическая лирика периода Освободительных войн была многофункциональна и предлагала различную мотивацию для юношей и мужчин принять участие в военных действиях

²⁷ Brandt B. *Germania und ihre Söhne. Repräsentation von Nation, Geschlecht und Politik in der Moderne.* Göttingen, 2010. S. 119.

²⁸ Hagemann K. «Männlicher Muth und deutsche Ehre». S. 162–170.

²⁹ Nieberle S. «Und Gott im Himmel Lieder singt»: Zur prekären Rezeption von Ernst Moritz Arndts *Des Deutschen Vaterland* // Ernst Moritz Arndt (1769–1860). *Deutscher Nationalismus – Europa – transatlantische Perspektiven* / Hrsg. von W. Erhart, A. Koch. Berlin, 2007. S. 124–125.

³⁰ *Deutsche Wehrlieder für das Königlich-Preußische Frei-Corps.* Berlin, 1813.

против наполеоновской Франции: от защиты всего немецкого Отечества до любви к королю и прусскому государству.

Не менее влиятельным средством пропаганды являлась политическая проповедь. Протестантское духовенство не подлежало призыву в армию, однако оно могло помочь с пропагандой выгодных прусскому государству идей. В середине марта 1813 г. руководитель секции культа и общественного образования прусского МВД Г.Г.Л. Николовиус обратился с призывом ко всем священникам королевства поддержать решение правительства объявить войну Наполеону и начать активную духовную мобилизацию среди своей паствы³¹. Протестантское духовенство охотно откликнулось на это обращение, о чем свидетельствует невероятное количество проповедей, опубликованных прусскими пасторами в 1813–1816 гг. Политическая проповедь могла оказать большое влияние на общественное мнение, так как она прежде всего произносилась перед слушателями, т.е. охватывала даже неграмотные слои населения. Политические проповеди, как правило, были приурочены к какому-либо значимому событию: объявление войны, приведение к присяге новобранцев, освящение полкового знамени, победа в сражении, осада крепости, день рождения короля, заключение мира и т.д. Однако чтением проповедей политическая деятельность священников не ограничивалась: они организовывали религиозно-патриотические праздники, приводили к присяге мобилизованных, вели списки боеспособных мужчин, собирали пожертвования для раненых бойцов, солдатских вдов и детей. В умах простых людей пасторы формировали образ «священной войны» против Наполеона, которую Пруссия ведет в союзе с самим Богом, что, учитывая религиозное сознание подавляющего большинства населения, давало хорошую мотивацию браться за оружие и защищать Отечество любой ценой. Особенно стоит отметить благотворительную деятельность прусской протестантской церкви. Духовенство мотивировало гражданское население жертвовать драгоценности и деньги на нужды мобилизованных и их семей. Сбор добровольных взносов являлся неотъемлемой частью любого богослужения. По данным исследовательницы У. Планерт, через систему церковных пожертвований в Пруссии удалось собрать огромную сумму в 6,6 млн талеров³².

Мобилизации прусского общества способствовали и всевозможные символы, патриотические образы и ритуалы. Еще до начала войны, 22 февраля 1813 г., в Пруссии указом Фридриха Вильгельма III была введена национальная кокарда. Она была выполнена в традиционных прусских цветах — черном и белом, ее ношение предписывалось всем мужчинам старше 20 лет, родившимся на территории прусского королевства, независимо от того, состоят они на воинской службе или нет³³. 10 марта 1813 г. Фридрихом Вильгельмом III был подписан указ о создании в Пруссии новой высшей военной награды — Железного креста³⁴. Следует отметить, что им мог быть награжден абсолютно любой солдат, невзирая на его социальное происхождение, в расчет принимались лишь отвага и храбрость на поле боя. Форма креста для награды была избрана не случайно: Фридрих Вильгельм III тяготел к религиозной символике и всегда старался публично демонстрировать свою глубокую набожность. По той же причине и патриотические праздники, устраиваемые в честь побед прусского оружия над Наполеоном, также носили сугубо религиозный характер и в обязательном порядке сопровождалась колокольным звоном, чтением проповедей, преклонением колена перед Господом. Начало войны с Францией для пруссаков ознаменовалось крупным религиозным праздником, организованным в Берлине 28 марта, а в провинциальных городах 4 апреля 1813 г. Религиозно-патриотические праздники

³¹ Graf G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813–1815. Göttingen, 1993. S. 124–125.

³² Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841. Paderborn, 2007. S. 487.

³³ Verordnung wegen Tragens der Preußischen Nationalalkokarde. Vom 22sten Februar 1813 // Gesetz-Sammlung. 1813. S. 22.

³⁴ Urkunde über die Stiftung des eisernen Kreuzes. Vom 10ten März 1813 // Ibid. S. 31–33.

являлись важнейшей частью мобилизационной политики прусского государства: они укрепляли чувство эмоциональной привязанности к прусскому Отечеству, формировали коллективную национально-патриотическую идентичность, внушали уверенность в предстоящей победе.

Патриотические тексты и праздники в первую очередь были нацелены на мобилизацию мужского населения королевства. Они давали мотивацию юношам и мужчинам братья за оружие и идти сражаться за семью, короля и Отечество. Это, однако, не означало, что прусское государство игнорировало женщин. Превращение Пруссии в единый военный лагерь подразумевало и мобилизацию женского населения для нужд государства. Пример подали принцесса Марианна Прусская, супруга принца Вильгельма, младшего брата Фридриха Вильгельма III. 23 марта 1813 г. принцесса Марианна опубликовала манифест «Призыв к женщинам прусского государства», в котором призвала представительниц слабого пола оказать посильную помощь в защите Отечества³⁵. По инициативе принцессы Марианны была создана первая женская патриотическая организация, всего в немецкоязычном регионе Центральной Европы таких организаций было 573, 414 из них в одной только Пруссии³⁶. Они ведали сбором средств для мобилизованных, добровольцев и членов их семей, изготовлением униформ, теплой одежды, перевязочного материала, уходом за ранеными солдатами в лазаретах и госпиталях, помощью семьям погибших. В патриотической литературе подчеркивалось, что все это — прямые обязанности истинной прусско-немецкой женщины. Однако нередки были случаи личного участия женщин в военных действиях. Многие молодые девушки переодевались в мужскую униформу и сражались с врагом на поле боя. «Прусской Жанной д'Арк» назвали героически погибшую в 1813 г. Элеонору Прохаску, не меньшую популярность снискала Анна Люринг. Для того чтобы поощрить женщин за их вклад в победу над Наполеоном, 3 августа 1814 г. Фридрих Вильгельм III учредил «дамский» аналог Железного креста — Орден королевы Луизы³⁷. Стоит, однако, отметить, что привлечение женщин к патриотической и благотворительной деятельности на нужды государства и армии, в отличие от военной мобилизации мужчин, считалось исключительным, вызванным условиями войны. Послевоенная активность женщин уже считалась излишней, прусским матерям и женам предписывалось по окончании военных действий вернуться к своим домашним обязанностям. Тем не менее мобилизацию в Пруссии действительно можно считать всеобщей, так как она затрагивала в том числе и женское население королевства.

На протяжении 1813—1815 гг. мобилизация в Пруссии проходила с разной степенью интенсивности. Ее пик пришелся на весну, лето и осень 1813 г., при этом вплоть до битвы под Лейпцигом и распада Рейнского союза прусское правительство активно поддерживало как национально-ориентированную, так и локально-патриотическую пропаганду. После Лейпцигского сражения и взятия Парижа союзными войсками в марте 1814 г. мобилизация была приостановлена, а государственная пропаганда стала носить все более религиозно-монархический характер. Даже возобновление мобилизации во время коротких «Ста дней» Наполеона (март—июнь 1815 г.) ничего радикально не изменило в этом вопросе: прусскому правительству вновь требовались от населения лишь дисциплина и подчинение. За цензуру политических и публицистических сочинений с октября 1813 г. в прусском правительстве отвечал советник Г. Ренфнер, который на регулярной основе докладывал канцлеру Гарденбергу о произведениях, прошедших или не прошедших цензуру. Сочинения, казавшиеся Ренфнеру слишком радикальными, не получали разрешения на публикацию, в том числе отдельные памфлеты Арндта. В письме к канцлеру от 30 апреля 1815 г. Ренфнер докладывал, что ему поступает огромный поток слишком радикальной политической литературы, которая представляет определенную опасность для

³⁵ Aufruf an die Frauen im Preußischen Staat // Vossische Zeitung. 23.III.1813.

³⁶ Heese Th. 1814—1914. Frau und Patriotismus in Osnabrück // Männer. Frauen. Krieg. Krieg und Frieden — eine Frage des Geschlechts? / Hrsg. von C.-H. Bösling, U. Führer, C. Glunz, T.F. Schneider. Osnabrück, 2015. S. 35.

³⁷ Urkunde über die Stiftung des Luisen-Ordens. Vom 3ten August 1814 // Gesetz-Sammlung. 1814. S. 70—71.

стабильности прусского государства. Цензор сообщал: «В нынешних условиях я предоставляю нашим писателям полную свободу слова, они могут требовать мести Наполеону и его сторонникам и высказывать недовольство их правлением, но я не могу одобрить людоедскую ярость против французской нации, требования к союзным войскам не обращать внимания на неуместную мягкость наших правительств по отношению к французам, призывы грабить французскую землю, запугивать жителей Франции бесчестьем, грабежами и разорениями. Подобные высказывания, выраженные самым грубым языком, противоречат и здоровой политике, и здоровому человеческому рассудку»³⁸. К 1815 г., таким образом, слишком радикальная антифранцузская и национально-патриотическая пропаганда была уже невыгодна прусскому государству.

Эта тенденция наблюдается и в организации общественных праздников. Если в 1813 г. они носили в Пруссии национальный характер, то в 1814–1815 гг. стали доминировать религиозно-монархические тенденции. Ярким примером может служить грандиозное празднование годовщины битвы под Лейпцигом в октябре 1814 г., организованное группой патриотов во главе с Арндтом³⁹. Один из членов этой группы, советник юстиции К. Хоффманн, опубликовал в 1815 г. отчет о проведении немецкого национального праздника в честь победы при Лейпциге в различных немецких государствах⁴⁰. Этот объемный труд в 1146 страниц содержал совсем немного информации о праздновании годовщины в прусских провинциях, где праздник не нашел широкой поддержки со стороны местных властей. С гораздо большим размахом в Пруссии отмечались воззвания добровольцев и солдат Ландвера с фронта в июле–сентябре 1814 г. и день рождения Фридриха Вильгельма III 3 августа 1814 г. Еще более показательным стало отмечание второй годовщины сражений под Лейпцигом в 1815 г. Прусское правительство сознательно перенесло праздник с 16–18 октября на 22 октября и приурочило торжество к 400-летию правления династии Гогенцоллернов в Бранденбурге. «Битва народов», значимое для всех немцев событие национального масштаба, превратилось в 1815 г. в узкий локально-патриотический, религиозно-монархический и династический праздник для жителей прусских провинций. Праздник в честь окончания войны и наступления мира отмечался в Пруссии 18 января 1816 г. и также был приурочен к локальному событию, а именно традиционному Дню коронации курфюрста Фридриха III королем Пруссии (18 января 1701 г.). Очевидно, к концу Освободительных войн прусское правительство все больше стремилось отойти от национальной пропаганды и сконцентрироваться на таких идеях, как династическая лояльность и любовь к прусскому Отечеству.

После окончательной победы над Наполеоном в 1815 г. постепенно началась демобилизация прусского общества. Была значительно ужесточена цензура, стали закрываться многие женские патриотические организации, обострились конфликты между прусским правительством и наиболее рьяными политическими публицистами, такими как Арндт или Гёррес. Значительно сократился поток патриотической литературы, в первую очередь памфлетов, листовок и политической лирики, в ней больше не было необходимости, так как она выполнила свою задачу в рамках военной мобилизации прусского общества. Однако переход к мирной жизни требовал своего символического воплощения и нашел отражение в больших религиозно-патриотических праздниках. Самым крупным стал День поминовения погибших в Освободительных войнах солдат, назначенный правительством на 4 июля 1816 г. В организации праздника вновь решающую роль отводили протестантскому духовенству: каждому пастору предписывалось во время торжественного

³⁸ *Czygan P.* Zur Geschichte der Tagesliteratur während der Freiheitskriege. Bd. II. Leipzig, 1910. S. 240–241.

³⁹ *Düding D.* Das deutsche Nationalfest von 1814: Matrix der deutschen Nationalfest im 19. Jahrhundert // Öffentliche Festkultur. Politische Feste in Deutschland von der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von D. Düding, P. Friedemann, P. Münch. Reinbeck bei Hamburg, 1988. S. 80.

⁴⁰ *Hoffmann K.* Des deutschen Volkes feuriger Dank- und Ehrentempel oder Beschreibung wie das aus zwanzigjähriger französischer Sklaverei durch Fürsten-Eintracht und Volkskraft gerettete Teutsche Volk de Tage der entscheidenden Völker- und Rettungsschlacht bei Leipzig am 18. und 19. Oktober 1814 zum erstenmale gefeiert hat. Offenbach, 1815.

богослужения поименно назвать каждого павшего солдата из своего церковного прихода и кратко сообщить основные даты его биографии, акцентируя особое внимание на героической смерти во имя прусского короля и Отечества. Во всех церквях Пруссии в обязательном порядке выставлялись памятные таблички с именами павших солдат, в том числе и их медали, ордена и другие награды, если таковые имелись. По окончании богослужения собирались пожертвования на нужды инвалидов, вдов и сирот погибших защитников Отечества⁴¹. Демобилизация общества, таким образом, отнюдь не означала предание забвению событий Освободительных войн. Пруссия фактически являлась единственной страной Европы, где по итогам Наполеоновских войн не только была узаконена всеобщая воинская повинность, но и введена практика индивидуального почитания каждого павшего на поле боя солдата, независимо от его социального происхождения. День поминовения 4 июля 1816 г. создавал в Пруссии настоящий пантеон национальных героев, отдавших жизнь ради спасения Родины, и, безусловно, эта мера была нацелена в будущее: вполне вероятно, что от потомков потребуются такие же жертвы, какие были принесены их предками во имя прусского государства.

Военную мобилизацию в Пруссии в 1813–1815 гг. можно считать во всех отношениях успешным проектом. В сравнительно короткий срок прусскому правительству удалось мобилизовать большую массу людей, до этого освобожденную от воинского призыва, а также добиться полной поддержки своих военных целей со стороны прусского общества. Мобилизация носила практически тотальный характер, так как охватывала самые широкие слои населения, предполагалось, что даже прусские женщины должны принести пользу Отечеству в военное время. В ходе мобилизации была налажена чрезвычайно эффективная патриотическая пропаганда, которая сочетала и национальные, и религиозно-монархические идеи с явным доминированием последних. Военная мобилизация задумывалась прусской элитой как чрезвычайное, временное явление, но именно благодаря ей идея персональной воинской повинности для мужчин не только была закреплена на законодательном уровне, но и с легкостью была принята населением Пруссии как неизбежная необходимость. В современной литературе высказывается вполне обоснованное мнение, что Наполеон был разбит на поле боя не благодаря народным восстаниям или массовому вооружению населения, но силами регулярных армий⁴². Действительно, ни одно антифранцузское восстание в Европе не достигло своих целей и не привело к свержению наполеоновского господства, а в самой Пруссии так и не случилось подлинно народной войны против Наполеона. Тем не менее это обстоятельство совсем не обесценивает тех успехов, которых достигло прусское правительство в деле проведения военной мобилизации населения. Фридриху Вильгельму III и его министрам удалось хотя бы на время превратить Пруссию в единый военный лагерь и добиться поддержки подданных в реализации поставленных военных целей. Во многом именно благодаря этой народной поддержке Пруссии удалось не просто победить Наполеона в рамках Шестой и Седьмой коалиций, но также вернуть себе статус великой европейской державы и добиться безоговорочно лидирующих позиций среди всех германских государств. Это обстоятельство позволяет рассматривать Освободительные войны 1813–1815 гг. как ключевое событие в истории прусского государства.

Библиография / References

- Апостолова Т.М.* Военная реформа в Пруссии в эпоху наполеоновских войн (1807–1815 гг.). М., 1994.
Кирилина Л.А. Реформы в Пруссии (1807–1821) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 2001. Реформы и реформаторы. М., 2002. С. 41–53.

⁴¹ *Hagemann K.* Umkämpftes Gedächtnis. S. 175–176.

⁴² *Langewiesche D.* Imperium – Nation – Volkskrieg. “1813” in der europäischen Geschichte // Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen. 1813–1913–2013 / Hrsg. von M. Hofbauer, M. Rink. Berlin, 2017. S. 38.

Очерки истории Восточной Пруссии / под ред. Г.В. Кретицина. Калининград, 2002.

Панченко А.А. Восточная Пруссия: 1813 год (к вопросу об освобождении Прусского королевства от наполеоновского господства) // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники: материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2004. С. 104–115.

Панченко А.А. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства: Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Калининград, 2007.

Apostolova T.M. Voennaja reforma v Prussii v jepohu napoleonovskih vojn (1807–1815 gg.) [The Military Reform in Prussia during the Napoleonic Wars of 1807–1815]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Kirilina L.A. Reformy v Prussii (1807–1821) [Reforms in Prussia, 1807–1821] // Evropejskij al'manah. Istorija. Tradicii. Kul'tura. 2001. Reformy i reformatory [European Almanac. History. Traditions. Culture. 2001. Reforms and Reformers]. Moskva, 2002. S. 41–53. (In Russ.)

Очерки истории Восточной Пруссии [Essays on history of East Prussia] / под ред. Г.В. Кретицина. Калининград, 2002. (In Russ.)

Panchenko A.A. Vostochnaja Prussija: 1813 god: (K voprosu ob osvoboždenii Prusskogo korolevstva ot napoleonovskogo gosподства) [East Prussia, Year 1813. On the Issue of the Liberation of the Prussian Kingdom from Napoleonic Domination] // Otechestvennaja vojna 1812 goda i rossijskaja provincija. Sobytiya. Ljudi. Pamjatniki: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Patriotic War of 1812 and the Russian Province. Events. People. Monuments: the Materials of the All-Russian Conference]. Maloyaroslavets, 2004. S. 104–115. (In Russ.)

Panchenko A.A. Ot “neschastlivoj vojny” k osvoboždeniju ot napoleonovskogo gosподства: Vostochnaja Prussija v 1806–1813 gg. [From the “Unlucky War” to the Liberation from the Napoleonic Domination: East Prussia in 1806–1813]. Kaliningrad, 2007. (In Russ.)

An Sachsens Einwohner // Aktenstücke für die Deutschen, oder Sammlung aller officiellen Bekanntmachungen in dem Kriege von 1813. Erstes Heft. Dresden, 1813. S. 10–12.

Brandt B. Germania und ihre Söhne. Repräsentation von Nation, Geschlecht und Politik in der Moderne. Göttingen, 2010.

Czygan P. Zur Geschichte der Tagesliteratur während der Freiheitskriege. Bd. II. Leipzig, 1910.

Das neue Deutschland. Enthaltend größtentheils freimüthige Berichte zur Geschichte der Bedrückung und der Wiederbefreiung Deutschlands. Bd. 1. St. 1. Berlin, 1813.

Deutsche Wehrlieder für das Königlich-Preußische Frei-Corps. Berlin, 1813.

Düding D. Das deutsche Nationalfest von 1814: Matrix der deutschen Nationalfest im 19. Jahrhundert // Öffentliche Festkultur. Politische Feste in Deutschland von der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von D. Düding, P. Friedemann, P. Münch. Reinbeck bei Hamburg, 1988. S. 67–90.

Förster F. Neuere und neueste Preußische Geschichte. Fünfter Band. Berlin, 1866.

Frevert U. Die kasernierte Nation. Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland. München, 2001.

Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußen Staaten. Berlin, 1813.

Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten. Berlin, 1814.

Graf G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813–1815. Göttingen, 1993.

Hagemann K. “Männlicher Muth und teutsche Ehre”. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der Antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn, 2000.

Hagemann K. Umkämpftes Gedächtnis. Die Antinapoleonischen Kriege in der deutschen Erinnerung. Paderborn, 2019.

Heese Th. 1814–1914. Frau und Patriotismus in Osnabrück // Männer. Frauen. Krieg. Krieg und Frieden – eine Frage des Geschlechts? / Hrsg. von C.-H. Bösling, U. Führer, C. Glunz, T.F. Schneider. Osnabrück, 2015. S. 33–54.

Hoffmann K. Des teutschen Volkes feuriger Dank- und Ehrentempel oder Beschreibung wie das aus zwanzigjähriger französischer Sklaverei durch Fürsten-Eintracht und Volkskraft gerettete Teutsche Volk de Tage der entscheidenden Völker- und Rettungsschlacht bei Leipzig am 18. und 19. Oktober 1814 zum erstenmale gefeiert hat. Offenbach, 1815.

Ibbeken R. Preußen 1807–1813. Staat und Volk als Idee und Wirklichkeit. Köln, 1970.

Kernic F. Krieg, Gesellschaft und Militär. Eine kultur- und ideengeschichtliche. Spurensuche. Baden-Baden, 2001.

Kirchner J. Bibliographie der Zeitschriften des deutschen Sprachgebietes bis 1900. Stuttgart, 1969.

Lachhein S. Der Dichter und Noch Jemand. August von Kotzebues Kampf für die Freiheit // August von Kotzebue. Ein streitbarer und umstrittener Autor / Hrsg. von A. Košenina, H. Liivrand, K. Pappel. Hannover, 2017. S. 233–255.

Langewiesche D. Imperium – Nation – Volkskrieg. “1813” in der europäischen Geschichte // Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen. 1813–1913–2013 / Hrsg. von M. Hofbauer, M. Rink. Berlin, 2017. S. 25–43.

Nieberle S. “Und Gott im Himmel Lieder singt”: Zur prekären Rezeption von Ernst Moritz Arndts Des Deutschen Vaterland // Ernst Moritz Arndt (1769–1860). Deutscher Nationalismus – Europa – transatlantische Perspektiven / Hrsg. von W. Erhart, A. Koch. Berlin, 2007. S. 121–136.

Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841. Paderborn, 2007.

Schmidt D. Die preußische Landwehr 1813. Berlin, 1987.

Walter D. Meeting the French challenge. Conscription in Prussia, 1807–1815 // Conscription in the Napoleonic Era. A revolution in military affairs? / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. New York, 2009. P. 24–45.

Walter D. Preußische Heeresreformen 1807–1870. Militärische Innovation und Mythos der “Roonschen Reform”. Paderborn, 2003.

Wolfes M. Öffentlichkeit und Bürgergesellschaft. Friedrich Schleiermachers politische Wirksamkeit. T. 1. Berlin, 2004.

DOI: 10.31857/S013038640025638-9

© 2023 г. **О.В. ЗАИЧЕНКО**

РАЗОБЛАЧЕНИЕ «ВТОРОГО КОЦЕБУ»: ПРЕДЫСТОРИЯ ОДНОГО ШПИОНСКОГО СКАНДАЛА 1831 года

Заиченко Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

Scopus Author ID: 57190877261; ORCID: 0000-0001-9511-8818

Аннотация. В 1818–1819 гг. в Германии разразился громкий шпионский скандал. Известный немецкий драматург Август фон Коцебу был объявлен «русским шпионом» и убит как «предатель Отечества» на волне роста антирусских настроений. 12 лет спустя, в 1831 г., публицистом Гарро Паулем Гаррингом на фоне подавления Россией Польского восстания была инициирована аналогичная кампания в прессе против поэта Карла Фридриха фон Швейцера де Швегруа, также объявленного «русским шпионом», «врагом немецкой нации» и «вторым Коцебу». В представленном исследовании шпионский скандал 1831 г. будет рассмотрен нами не только как попытка Гарро Гарринга воссоздать сценарий событий 1819 г. в схожих политических обстоятельствах, но и как пример целенаправленного раздувания антирусских настроений на волне инициации общественной истерии, связанной с поиском внешних и внутренних врагов «немецкой нации» в контексте политических процессов внутри Германии. Для изучения темы, которая прежде никогда не затрагивалась в зарубежной и отечественной историографии, будут проанализированы не использованные ранее источники: обнаруженные нами публикации за 1830–1831 гг. в центральной и региональной немецкой прессе, прежде всего Королевства Саксония и герцогства Саксен-Веймар, освещавшие скандал с разоблачением «русского шпиона» фон Швейцера де Швегруа, свидетельства очевидцев, переписка и мемуары Гарро Гарринга, а также ряд косвенных источников для реконструкции биографии его оппонента, назначенного немецким обществом на роль «второго Коцебу».

Ключевые слова: Германия, Россия, Польское восстание 1830–1831 гг., пресса, антирусская кампания, русофобия, полонофилия, Г. Гарринг, К.Ф. фон Швейцер, А. фон Коцебу.

O.V. Zaichenko

The Unmasking of the “Second Kotzebue”: Background to a Spy Scandal, 1831

Olga Zaichenko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

Scopus Author ID: 57190877261; ORCID: 0000-0001-9511-8818

Abstract. In 1818–1819, a high-profile spy scandal broke out in Germany. The renowned German playwright August von Kotzebue was declared a “Russian spy” and murdered as a “traitor to the Fatherland” amidst a tide of rising anti-Russian sentiment. Twelve years later, in 1831, the publicist Harro Paul Harring initiated a similar press campaign against the poet Carl Friedrich von

Schweitzer de Schweigrois, also denounced as a “Russian spy”, an “enemy of the German nation”, and a “second Kotzebue”, against the backdrop of the suppression of the Polish Uprising by the Russian Empire. In the present study, the author considers the spy scandal of 1831 not only as an attempt by Harro Harring to recreate the 1819 scenario in similar political circumstances, but also as an example of purposeful inflaming of anti-Russian sentiments in the wake of the initiation of public hysteria associated with the search for external and internal enemies of the “German nation” in the context of political processes within Germany. To study the subject, which has never been addressed in the historiography before, the author analyses the sources that have not been consulted before, namely the publications for 1830–1831 in the central and regional German press, primarily of the Kingdom of Saxony and the Duchy of Saxe-Weimar, which covered the scandal with the exposure of the “Russian spy” von Schweitzer de Schweigrois, eyewitness accounts, correspondence and memoirs of Harro Harring, as well as a number of indirect sources to reconstruct the biography of his opponent, appointed by German society to the role of “the second Kotzebue”.

Keywords: Germany, Russia, November Uprising of 1830–1831, press, anti-Russian campaign, Russophobia, Polonophilia, Harro Harring, Carl Friedrich von Schweitzer, August von Kotzebue.

В 1818–1819 гг. в Германии периода Реставрации на волне экономического кризиса, недовольства последствиями освободительных войн 1813–1815 гг. и политикой России разразился первый в немецкой общественной жизни XIX в. громкий шпионский скандал. Это событие получило широкий резонанс в государствах Германского союза и имело серьезные последствия для их внутренней политики. Весной 1819 г. известный немецкий драматург Август фон Коцебу (1761–1819) был объявлен «русским шпионом» и заколот кинжалом студентом теологического факультета Йенского университета Карлом Людвигом Зандом. Это потрясшее всех политическое убийство было воспринято немецкой общественностью не как преступление против личности, а как справедливая казнь предателя Отечества, за действиями которого, как многим казалось, скрывалась «направляющая рука российского императора, желающего поработить Германию»¹. Начавшаяся в прессе антироссийская кампания окончательно похоронила идею русско-немецкого «братства по оружию», ставшую в первой трети XIX в. частью официальной внешнеполитической доктрины сначала Пруссии, а затем и других немецких государств, присоединившихся к последней антифранцузской коалиции. Память о боевом братстве солдат русской и прусской армий, сражавшихся бок о бок против Наполеона в ходе освободительных войн, отошла в прошлое. Союзнические отношения надолго были вытеснены из общественного дискурса темой «русской угрозы».

В 1831 г., после 16 лет политики Реставрации, в аналогичной ситуации общественного ressentiment на фоне усугубления внутренних проблем и на волне массового возмущения жестоким подавлением российскими властями Польского восстания, история повторилась. В Германии случился очередной резонансный шпионский скандал, который во многом развивался по сценарию предыдущего. На этот раз «русским шпионом», «вторым Коцебу», был объявлен другой немецкий литератор, действительный агент русской разведки барон фон Швейцер (1796–1847). Согласно документам архива III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии с 1819 по 1832 г. он был официально известен в Польше и Германии под именем Карл Фридрих фон Швейцер де Швергуа. На роль обвинителя и справедливого судьи претендовал публицист, революционер, человек авантюрного склада характера Гарро Пауль Гарринг (1798–1870).

Как и в истории с Коцебу, шпионский скандал 1831 г. вылился в острую полемику в прессе между «обвинителем» и «обвиняемым» с попытками вновь дискредитировать и осудить политику России как главное препятствие в борьбе европейских народов за свободу и независимость и пригвоздить к позорному столбу очередного «русского шпиона», «предателя национальных интересов». С этой целью в немецкой печати Гарро Гаррингом

¹ *Schott Fr.* Kotzebue, Deutschland und Rußland / Nebst einem Vorwort an den Herrn Professor Krug. Leipzig; Merseburg, 1820. S. 31.

была организована травля барона фон Швейцера как нового «изменника Отечества», аналогичная той, что устроили на страницах журналов «Isis», «Nemesis», а также других либеральных изданий профессора и студенты Йенского университета в отношении Августа фон Коцебу. Как и в случае с Коцебу, обвинения в шпионаже были в основном бездоказательны, а оправдания не очень убедительны. Инцидент между Гаррингом и Швейцерам, к счастью, не привел к таким трагическим последствиям, как гибель одного из оппонентов, но стал частью большой политической кампании, способствовавшей нарастанию русофобии и шпиономании, что явилось одним из индикаторов массовой невротизации общества в германских государствах.

Представляется интересным рассмотреть предысторию искусственно раздутого шпионского скандала, произошедшего как раз в тот период, когда российские власти занимались подавлением Польского восстания 1830–1831 гг., чтобы дойти до его истоков – событий 1819 г. Выявив несомненное сходство возникновения массовой истерии вокруг инцидентов, связанных с темой «предателей Отечества» в 1819 и 1831 гг., в политическом фоне, а также сценариев, по которым развивались события в обоих случаях, мы попытаемся доказать существование прямой связи между условными «кейсами» Швейцера и Коцебу. Оба эти инцидента во многом стали следствиями идеологического переплетения русофобии и немецкого национал-либерализма. Впоследствии к этим двум компонентам присоединилась возникшая на волне освободительного движения в Польше полонофилия, ставшая к началу 30-х годов XIX в. частью национального комплекса немцев. Речь идет об увлечении идеей польской борьбы за независимость среди патриотически настроенных немецких либералов в 30–60-е годы XIX в., которое было связано с двумя жестоко подавленными восстаниями в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи. Многие представители польской эмиграции, вынужденные с 1831 г. бежать от преследований русского правительства, были с сочувствием приняты в Пруссии, Саксонии и других германских государствах.

В отличие от обстоятельств предъявления обвинений в предательстве Августу фон Коцебу, которые довольно хорошо известны², аналогичные события 1831 г. продолжают оставаться белым пятном для широкой общественности. Шпионский скандал вокруг Швейцера де Швегруа еще ни разу не находился в центре внимания зарубежных и отечественных исследователей, а биографии его главных фигурантов малоизучены. Поэтому мы более подробно остановимся на личностях и судьбах участников этого общественного противостояния, которые занимали полярные позиции по вопросам внутривосточной борьбы в германских государствах, являясь идейными антиподами. Прежде всего это «русский шпион» Швейцер де Швегруа, способствовавший формированию российской внешней разведки как единой государственной службы³. В свою очередь, его противник, немецкоязычный публицист и поэт датского происхождения Гарро Гарринг был одним из родоначальников и лидеров радикальной оппозиционной журналистики. Он так же всю свою жизнь беззаветно служил делу европейской революции, как Швейцер посвятил себя борьбе с ней, и заслуживает не меньшего внимания. Но если о Гарринге

² August von Kotzebue. Urtheile der Zeitgenossen und der Gegenwart / Zusammengestellt von W. von Kotzebue. Dresden, 1881; Keller M. "Agent des Zaren" August von Kotzebue // Russen und Russland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert (1800–1871) / Hrsg. M. Keller. München, 1992. S. 119–150; Schulze H. Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // Das Attentat in der Geschichte. Köln, 1996. S. 215–232; Заиченко О.В. Август фон Коцебу: история политического убийства // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 177–191.

³ Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военной-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 33–45. DOI: 10.31857/S013038640020835-6

все же существует несколько биографических сочинений⁴, а также сохранился ряд источников публицистического характера, позволяющих проанализировать его мотивы и цели в этой полемике, то о Швейцере мы знаем крайне мало: его архив не исследован и не переведен на русский язык, а имеющиеся косвенные свидетельства в основном носят отрывочный характер. О факте «газетной войны» между этими персонажами, наделавшей в свое время много шума, также практически не упоминается в исторической литературе, хотя немецкая региональная пресса, прежде всего в Саксонии и герцогстве Саксен-Веймарском, подробно освещала этот инцидент.

Представленное исследование в методологическом плане базируется на исторической аналогии между «кейсами» Коцебу и Швейцера. Следует отметить, что современники нередко связывали двух «русских шпионов» между собой. Так, в опубликованном в 1844 г. анонимном сочинении «Морально-политический портрет властителей Российской империи», содержащем пространные рассуждения о деятельности зарубежной агентуры III Отделения в Германии, барон Швейцер именуется «преемником Коцебу». Как утверждал анонимный автор: «Россия испокон веков держала в Германии шпионов из числа представителей образованного сословия, особенно литераторов, завсегдатаев салонов, способных воздействовать на общественное мнение. Достаточно вспомнить... Коцебу. Не получив должного отпора от немцев, Россия пошла дальше и наводнила Германию... такими как Швейцер, который обладал прекрасными манерами, большим самообладанием, был сведущ в литературе и политике, прекрасно образован. Он довершил дело Коцебу: подкупом и лестью в Германии была создана “русская партия”, состоящая из тех, кто получил какую-либо милость от царя, а также из нескольких слабоумных крикунов, отравленных ложью его тайных агентов»⁵. На преемственность между Коцебу и Швейцером десять лет спустя указывала также прусская еженедельная газета *Preußische Wochenblatt*⁶, несмотря на то что к тому времени обвинения в адрес Коцебу так и не были обоснованы, а агентурная деятельность Швейцера в Германии получила документальное подтверждение.

Карл Фридрих фон Швейцер (подлинное имя, данное при рождении, — Карл Фридрих Эрнст Георг Фрайгерр Швейцер) сделал все возможное, чтобы скрыть правду о себе. Так, после 1832 г. он вновь изменил имя на Карл Фердинанд, представляясь курляндским бароном и подписываясь на русский манер Карл Фердинандович, а также навсегда расстался с французской частью своей фамилии де Швергуа. Однако в 40-е годы XIX в. род его занятий уже не составлял секрета для сотрудников тайной полиции в Майнце⁷. Им было хорошо известно, что в 1820-х годах в Варшаве он был тайным агентом Высшей военно-секретной полиции, ставшей предтечей российской профессиональной контрразведки, а с 1833 по 1839 г. возглавлял германскую резидентуру III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которым руководил А.Х. Бенкендорф. Действительно, в архивных фондах этого ведомства сохранились многочисленные секретные донесения и отчеты чиновника для особых поручений при III Отделении надворного советника, барона Карла Фердинандовича фон Швейцера за период 1832—1844 гг.⁸ о состо-

⁴ *Grab W. Harro Harring und der deutsche Sonderweg 1848–1933 // Mitteilungen der Harro-Harring-Gesellschaft. Husum, 1984; Szayna-Dec K. Najgroźniejszy agitator sprawy polskiej. Awanturniczy żywot Harro Harringa Kazimirowicza, poety, bojownika o wolność, Polaka z wyboru. Kraków, 2018.*

⁵ *Das moralisch-politische Porträt der Herrscher des Russischen Reiches. Regensburg, 1844. S. 34.*

⁶ *Über die öffentliche Meinung in Deutschland // Preußische Wochenblatt, 18.II.1854.*

⁷ *Ilse L.Fr. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Kommission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind. Frankfurt a.M., 1860. S. 218–220.*

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 4а. Секретный архив III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Политическое положение иностранных государств по донесениям агентов III Отделения. Швейцер. Д. 214–305.

янии дел в германских государствах и сопредельных странах. Кроме того, там же нами были обнаружены отчеты агента Высшей военно-секретной полиции в Варшаве Швейцера де Швегруа за 1819–1831 гг., написанные по-французски той же рукой. Эти документы не оставляют никаких сомнений, что барон фон Швейцер, в отличие от злосчастного немецкого драматурга Августа фон Коцебу, действительно был одним из самых эффективных тайных агентов русской разведки на территории Германского союза, сыгравшим не последнюю роль в становлении российских спецслужб.

Помимо связи между главными персонажами, в глазах общества оба эти громких «шпионских» скандала, ознаменовавших начало и конец политики Реставрации в Германии, продлившейся с подписания Карлсбадских соглашений в 1819 г. до революционных волнений в немецких землях, вызванных Июльской революцией 1830 г., имели схожий исторический контекст. В обоих случаях в социальном дискурсе набирала популярность тема разоблачения внешних и внутренних врагов, стоявших на пути будущего величия Германии. Если внешний враг, на роль которого всякий раз назначали Россию, служил сплочению германских государств и росту немецкого национального самосознания перед лицом угрозы извне, то внутренний враг играл роль «козла отпущения», на которого можно было возложить вину и ответственность за промахи и ошибки. Одновременно поиск внутреннего врага выливался в разоблачение в прессе «предателей немецкого Отечества», наносящих коварный «удар в спину» германским государствам. Впервые этот сценарий слияния внешних и внутренних врагов в полной мере проявился в скандале, связанном с разоблачением «русского шпиона» Августа фон Коцебу, а затем повторился 12 лет спустя в случае со Швейцером.

Можно утверждать, что «казус Коцебу» 1819 г. положил начало публичным кампаниям, связанным с разоблачениями тайных происков России против Германии. Он явился следствием национально-политического кризиса, который пришелся на период идейного брожения в немецком обществе между Венским конгрессом и Реставрацией. Тогда на смену духовному подъему, пережитому немцами во время освободительных войн, пришло чувство неудовлетворенности, вызванное унижающим национальное достоинство многих немцев положением германских государств в Европе, консервативной политикой Священного союза и обманутыми ожиданиями. В общественно-политическом дискурсе впервые сформировалось мнение, что причиной всех несчастий является предательская политика элит, выполняющих, вопреки интересам немцев, волю русского самодержца, которому отводилась роль одного из демиургов европейской политики. Как писал в ретроспективном анализе политической ситуации, сложившейся в Европе после Венского конгресса, немецкий историк Карл Хаген, «решающим фактором во всех политических процессах в Европе после победы над Наполеоном было русское влияние. Активнее всего Россия вмешивалась в дела германских государств. Здесь у России повсюду были свои агенты, шпионы, тайные и явные последователи. Российская дипломатия оказывала решающее воздействие на правительства германских государств для продвижения собственных интересов, что не могло не вызывать негодования среди наших патриотов»⁹.

Высшей точкой политической фрустрации стали не оправдавший надежд большинства немцев Ахенский конгресс, состоявшийся осенью 1818 г., обвинения российской дипломатии в происках против германских государств, скандал вокруг меморандума А.С. Стурдзы о необходимости упразднения студенческих союзов и свобод в германских университетах как рассадниках вольнодумства¹⁰, и, наконец, убийство в 1819 г. студентом Карлом Людвигом Зандом драматурга Августа фон Коцебу. Многие не могли простить ему прорусской позиции, высокого чина статского советника и хорошего денежного вознаграждения от

⁹ Hagen K. Ueber die öffentliche Meinung in Deutschland von den Freiheitskriegen bis zu den Karlsbader Beschlüssen. Zweite Abtheilung. (2. Teil): Die Jahre 1815 bis 1819 // Historisches Taschenbuch. (2. Folge). Achter (8.) Jahrgang / Hrsg. Fr. Raumer. Leipzig, 1847. S. 636.

¹⁰ Стурдза А.С. Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 г. / пер. с нем. Е. Ляминой // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX в. М.; Венеция, 1999. С. 150–155.

Александра I за долгие годы безупречной службы на благо Российской империи. Именно служба на правительство иностранного государства стала главным преступлением Коцебу в глазах членов студенческих союзов — одной из наиболее радикальных групп немецкого общества, к которой принадлежал Карл Занд. Работа литературным корреспондентом при министерстве народного просвещения, издание в Веймаре «Литературного еженедельника», где время от времени публиковались пророссийские статьи, и массовое недовольство политикой России дали повод группе профессоров и студентов Йенского университета публично обвинить Коцебу в предательстве и объявить его «русским шпионом»¹¹. Как вспоминал Карл Хаген, описывая общественное настроение в германских государствах накануне Ахенского конгресса: «Летом 1818 г. все знали, что русский агент, статский советник Август фон Коцебу, поселился в Веймаре, который, между прочим, был его родиной, — отчасти чтобы следить за действиями Национал-либеральной партии, отчасти чтобы издавать собственный журнал для распространения принципов абсолютизма. На его страницах Коцебу никогда не уклонялся от того, чтобы всячески высмеивать и очернять патриотические и либеральные стремления современности; одновременно, с помощью бюллетеней этот предатель регулярно доносил русскому правительству о политической жизни германских государств»¹².

Если говорить о внешней канве событий, то и здесь оба сценария разоблачения «русских шпионов» — Коцебу и Швейцера — во многом совпадают, на что обратили внимание современники¹³. Вначале поводом для обвинений Коцебу стала публицистическая деятельность драматурга при издании «Литературного еженедельника»¹⁴, который сразу вызвал резкие нападки со стороны студенческих корпораций. Уже после выхода первого номера с критикой патриотического Гимнастического движения Коцебу был обвинен в шпионаже в пользу России: «Хваля все русское и браня все немецкое, он предает Германию, недавно избавленную от французского владычества, в руки во много раз более худшей русской тирании»¹⁵.

Вторым актом шпионского скандала стала афера с информационным бюллетенем для русского правительства, составленным Коцебу в качестве литературного корреспондента при министерстве народного просвещения. Речь идет о краже и незаконной публикации профессором Йенского университета Генрихом Люденом в журнале «Немезида» вырванных из контекста отрывков одного из отчетов Коцебу о беллетристических и научных новинках на немецком книжном рынке с комментариями самого Людена. Эти комментарии были составлены таким образом, что отчет Коцебу выглядел как донос российскому правительству на немецких либеральных авторов. Резонанс от этой информационной провокации был широким. Все главные издания германских государств вслед за Люденом написали, что известный драматург своими «доносами окончательно разоблачен в глазах немецкого общества как тайный агент России»¹⁶.

Последней каплей, предрешившей судьбу литератора, согласно показаниям его убийцы Карла Занда¹⁷, стала позиция Коцебу в отношении меморандума А.С. Стурдзы «Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 г.», также незаконным образом опубликованного во время Ахенского конгресса. Критические суждения российского

¹¹ Заиченко О.В. Август фон Коцебу: история политического убийства. С. 177–191.

¹² Hagen K. Op. cit. S. 636–637.

¹³ Das moralisch-politische Porträt der Herrscher des Russischen Reiches. S. 36.

¹⁴ Literarisches Wochenblatt von August von Kotzebue: 2 Bde. Bd. 1. № 1–52. Weimar, 1818; Bd. 2. № 1–52, Weimar, 1819.

¹⁵ Noch acht Beiträge zur Geschichte August von Kotzebues und C.L. Sands / Aus öffentlichen Nachrichten zusammengestellt. Mühlhausen, 1821. S. 140.

¹⁶ August von Kotzebue. S. 111.

¹⁷ Carl Ludwig Sand. Dargestellt durch seine Tagebücher und Briefe von einigen seiner Freunde. Augsburg, 1821. S. 64ff; Akten-Auszüge aus dem Untersuchungs-Prozess über Carl Ludwig Sand. Altenburg; Leipzig, 1821. S. 91.

дипломата по поводу устройства университетов в германских государствах были восприняты значительной частью немецкой общественности как попытка грубого вмешательства России во внутренние дела последних. Буря негодования по случаю огласки этого не предназначенного для публикации документа обрушилась не только на его автора, но и на Коцебу, который бесстрашно встал на защиту Стурдзы и его взглядов¹⁸, чем и подпisał себе смертный приговор.

Как уже отмечалось, убийство Коцебу стало знаковым событием в истории Германии. С одной стороны, оно на долгие годы закрепило взгляд на Россию как на главное внешнее препятствие на пути немцев к национальному объединению и либеральным реформам, дав идеологическое обоснование росту русофобии в Германии. С другой — в немецком сознании на основе лозунгов освободительных войн «Свобода и Отечество!» сформировался обновленный миф о героях и антигероях. Вместе с положительными образами — «освободителя» во внешнеполитическом дискурсе и «патриота немецкого Отечества» в контексте внутренней политики — возникла противоположная им пара — «угнетатель народов» и «предатель Родины», условный «русский шпион Коцебу». С этих пор шпиономания как одна из форм массового проявления мифа о «русской угрозе» прочно вошла в немецкое общественное сознание как часть русофобии, то затихая, то развиваясь до уровня психоза. Тогда в каждом заезжем русском или прорусски настроенном немце многие были склонны видеть русского шпиона, и поиски «второго Коцебу» возобновлялись.

Следующий виток борьбы с «предателями на службе у русского правительства» совпал по времени с подъемом патриотических настроений в Германии в 1830—1832 гг. Как и 12 лет назад, внешние факторы побуждали оппозиционные силы к действию, вновь активизируя в общественном дискурсе, с одной стороны, образы «угнетателей народов» и «освободителей», а с другой — «предателей Родины» и «патриотов немецкого Отечества». «Угнетателями» традиционно были назначены российский император и монархи Австрии и Пруссии. «Героями», борцами за свободу угнетенных народов, на этот раз стали поляки, поднявшие в ноябре 1830 г. восстание против власти России. Это восстание, начавшееся в Варшаве и проходившее под лозунгом восстановления независимой Речи Посполитой в границах 1772 г., породило у немецких патриотов наивные ожидания того, что «благородные поляки силой оружия сокрушат русский оплот тирании в Европе и осветят немцам факелом надежды дорогу к свободе и единству»¹⁹.

После нереализованных надежд освободительных войн немцам было свойственно проецировать на себя любое национально-освободительное движение, где бы оно ни разворачивалось: будь то Греция, Италия или Польша. Повсюду они стремились принять посильное участие в конфликтах на стороне восставших: от пропагандистской кампании в прессе до сбора средств в помощь повстанцам и организации добровольческих отрядов. В 20-е годы XIX в. немцы сопереживали Греческой войне за независимость. В 1830—1831 гг. на смену эллинофилам пришли полонофилы. Предполагалось, что успех Польского восстания станет той искрой, от которой разгорится «пожар национальной борьбы за свободу Германии»²⁰, поэтому события в Польше были восприняты немецкими патриотами как их собственная борьба.

Первым из немецких либеральных публицистов на Польское восстание против русской тирании откликнулся Гарро Гарринг, предложив новую редакцию образа «освободителя». Отныне это был «революционный поляк в тоге античного героя»: «Будущее придет поклониться вашему священному могилам; ваши деяния остаются вечным достоянием великой истории народов, а ваши имена и слава будут вписаны в анналы подвигов героев

¹⁸ Заиченко О. В. Август фон Коцебу: история политического убийства. С. 187—188.

¹⁹ Gerecke A. Das deutsche Echo auf die polnische Erhebung von 1830. Wiesbaden, 1964. S. 28.

²⁰ Ibid. S. 29.

всех времен рядом с титанами античности. Вперед в бой! Поляки! Сражайтесь за свободу или выбирайте смерть, как Леонид при Фермопилах»²¹.

Гарринг вывел антирусское восстание в Польше из разряда локальных событий на окраине Европы в число мировых, подчеркивая его влияние и на немецкую историю. Тем самым он угадал один из основных трендов массовых настроений 30-х годов XIX в. в Германии. Идентифицируя себя с поляками в борьбе за национальное единство, немецкие патриоты переживали и победы, и поражения польских повстанцев как свои собственные. Как уже отмечалось, провозглашенная повстанцами цель — воссоздание Речи Посполитой в границах 1772 г. путем объединения польских территорий, отошедших в ходе трех разделов к России, Пруссии и Австрии, — представлялась многим немцам, мечтавшим о великой единой Германии, очень привлекательной. У них с поляками была не только общая цель, но и общие враги — Россия и европейская реакция. На фоне распространения мифа о «русской угрозе» жестокое подавление Польского восстания, а также публикация в европейской прессе многочисленных свидетельств, проливающих свет на механизм работы репрессивного полицейского аппарата, созданного российским наместником великим князем Константином Павловичем на территории Царства Польского²², укрепили в германских государствах взгляд на Россию как на врага не только польского единства, но и национальных интересов немцев. Полонофилия и русофобия тесно переплелись между собой, оказав, наряду с некоторыми либеральными идеями, влияние на идеологию немецкого национализма.

Гарро Гарринг — один из самых плодотворных и популярных немецкоязычных публицистов 30–40-х годов XIX в., на протяжении многих лет был главным обличителем «русского деспотизма» и «певцом польской свободы». О себе он говорил: «Я датчанин по рождению, немец по языку, поляк по личному выбору»²³. Гарринг был настолько увлечен идеей независимой Польши, что из солидарности с польской эмиграцией добавил себе польское имя, с 1832 г. подписывая свои произведения: «Гарро Гарринг-Казимирович». Это чувство сопричастности «польскому делу» он пронес через всю жизнь. Согласно завещанию Гарринга, прощальная речь на его похоронах была произнесена поляком и на польском языке²⁴.

Приверженность русофобии и полонофилии, во многом определившая мировоззрение и судьбу Гарринга, объясняются не только особенностями формирования идеологии немецкого национализма, но и фактами его биографии. В 1828 г. он был принят унтер-офицером в лейб-гвардии Уланский Его Императорского Высочества цесаревича полк и два года провел в Варшаве на российской службе, находясь в непосредственной близости от наместника Царства Польского и его окружения. Согласно официальной версии, принятой биографами Гарринга, которую он сам неоднократно озвучивал²⁵, он оказался в российской армии, надеясь принять участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и борьбе за освобождение Греции. Правда, получив после приезда в Варшаву предложение от великого князя Константина поступить в его личную охрану, он с радостью остался при наместнике, войдя в его ближний круг, состоявший из руководителей его Высшей военно-секретной полиции и Генерального штаба. За два года Гарринг имел возможность подробно ознакомиться с методами работы российской военной администрации в Польше, а также в деталях изучить образ жизни и характер великого князя Константина и представителей его ближайшего окружения. В дневниках он описал жизнь всех слоев

²¹ *Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831. S. 211f.*

²² *Russian reign of terror and persecution // Polonia or Monthly Reports on Polish affairs. XI, 1832. № 4. P. 241–260; Hube M. Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System, sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.*

²³ *Harring H. Biographische Fragmente // Das Volk. Rendsburg, 1849. S. 29.*

²⁴ *Saß J. Lebensgeschichte Harro Harring // Die Heimat. 1927. Bd. 37. S. 236ff.*

²⁵ *Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. S. 11–15.*

польского общества, начиная с самых верхов. Гарринг нарисовал чрезвычайно отталкивающий образ великого князя — жестокого тирана, опиравшегося на мощнейший репрессивный аппарат, и прежде всего разветвленную сеть тайной полиции, агенты которой наводнили не только Польшу, но и всю Европу²⁶. Картина получилась необыкновенно впечатляющей и убедительной, так как чудовищные примеры испорченности нравов, беззакония и тирании, спрятанные за благопристойным фасадом конституционной монархии, были дополнены многочисленными мельчайшими подробностями, о которых мог знать только непосредственный свидетель происходивших событий.

Согласно воспоминаниям Гарринга, ему удалось близко изучить не только «угнетателей», но и борцов за свободу, в частности, он уверял, что за время пребывания при ставке великого князя Константина близко сошелся с польскими заговорщиками из законспирированного Патриотического общества, уже весной 1829 г. проинформировавших его о плане восстания, который предполагал убийство российского наместника. Именно по просьбе будущих повстанцев он, являясь иностранцем, покинул Польшу в июне 1830 г. ради выполнения возложенной на него миссии — раскрыть всей Европе правду о господстве террора в России, под властью которой находились поляки²⁷.

Именно это Гарринг и сделал, тем самым он нарушил присягу, фактически дезертировав из российской армии. 9 июня 1830 г., подвергая себя смертельной опасности, он пересек границу Царства Польского и 14 июня прибыл в Дрезден. Там он написал «первое разоблачение русской тирании» — ставшее впоследствии знаменитым стихотворение «Я видел страну»²⁸, которое превентивно настроило либеральную часть немецкой общественности против России за несколько месяцев до восстания.

Как писала А. Гереке, биограф Гарринга, «после возвращения в Германию он был одержим лишь одной идеей: на примере собственного опыта двухлетнего пребывания в Польше объяснить причины, побудившие поляков поднять восстание»²⁹. К концу года он закончил первый том польской трилогии «Воспоминания о Польше под властью России». Изданный через несколько месяцев после начала восстания, он стал самым читаемым в Европе произведением о событиях в Польше. Это было основанное на документах и личном опыте автора свидетельство неадекватности системы управления, созданной в Польше российской администрацией, с многочисленными примерами беспринципности чиновников, отсутствия закона и попрания всех человеческих прав, «позорной измены государства своему народу», которые «не могли не приводить угнетенных в отчаяние»³⁰. В 1831—1832 гг. увидели свет две другие части «трилогии», как ее называл сам автор, «Воспоминания о Варшаве» и трехтомный роман «Поляк». Главный вывод, который сделал Гарринг: «Попытки освобождения со стороны граждан являются неизбежными последствиями преступлений правительств»³¹. В итоге разоблачение преступных деяний правительств и их конкретных исполнителей стало делом его жизни.

Наряду с разоблачением «врагов» Гарринг в произведениях, носящих биографический характер, искусно выстраивал собственный героический образ пламенного патриота. Так, например, помимо указанных им причин пребывания на российской службе, вошедших впоследствии во все его биографии, существует еще одна, более земная и человеческая, о которой поведал сам Гарринг в личной переписке с друзьями и записках, не предназначенных для публикации. И она имеет прямое отношение к нашему исследованию.

Из писем Гарринга другу Генриху Тодсену следует, что в 1828 г. Гарро был влюблен в польскую аристократку графиню Людмилу Вратислав фон Митрович унд Шёнфельд

²⁶ Gerecke A. Op. cit. S. 43.

²⁷ Harring H. Biographische Fragmente. S. 319.

²⁸ Harring H. Ich sah das Land // Der Komet. 3.XI.1830. S. 1399.

²⁹ Gerecke A. Op. cit. S. 44.

³⁰ Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. S. 18.

³¹ Ibid. S. 18.

и полагал, что это чувство взаимно³². Но скромное происхождение поэта не оставляло ему никаких надежд на выстраивание отношений с ней. Для того чтобы хотя бы немного повысить свой социальный статус, Гарринг решил поступить на военную службу и получить чин офицера. Сначала он обратился с прошением о приеме на службу к королю Баварии Людвигу, но получил отказ, так как для зачисления в офицерский корпус было необходимо иметь дворянское происхождение. Тогда помощь Гаррингу предложил его знакомый — молодой поэт, член литературного кружка, сформировавшегося в Мюнхене вокруг Генриха Гейне, Карл Фридрих Швейцер де Швейгруа, служивший в Варшаве в канцелярии великого князя Константина. Гарринг настолько доверился Швейцеру, что по его совету подделал документы о дворянском происхождении³³ и при его же посредничестве был принят корнетом в лейб-гвардии Императорский Уланский полк.

В Варшаве Швейцер всячески опекал собрата по перу, вводя его в местное общество. Он познакомил Гарринга с еще одним литератором — бароном Петером Георгом фон Зассом, который одновременно с этим являлся одним из начальников внешней разведки Высшей военно-секретной полиции³⁴. Гарринг узнал, что Швейцер был ближайшим помощником и доверенным лицом фон Засса. Благодаря дружеским отношениям с обоими Гарринг имел возможность детально наблюдать работу российской тайной полиции в Царстве Польском.

В начале 1830 г. идиллические отношения между двумя литераторами закончились. Швейцер два года хранил тайну Гарринга, а потом начал его шантажировать. Вместе с фон Зассом он неоднократно предлагал ему сменить место службы и перейти из уланского полка в тайную полицию. Обнародование факта подлога документов о дворянском происхождении могло повлечь за собой арест на территории России и испорченную репутацию в германских государствах. По воспоминаниям Гарринга, фон Засс однажды поставил его перед выбором: «либо отправиться в Неаполь в качестве хорошо оплачиваемого шпиона под видом атташе посольства, либо быть готовым к свинцовым рудникам Сибири»³⁵. Гарринг решил на дезертирство из российской армии, которое грозило ему военным трибуналом без срока давности. Как уже отмечалось, в июне 1830 г. он бежал в Дрезден. Подробности этой истории долгое время хранились Гаррингом в тайне и были обнародованы лишь много лет спустя.

Страх перед русскими шпионами и военным трибуналом преследовал его всю жизнь, способствуя развитию паранойи. Уже в начале сентября 1830 г. он писал своему франкфуртскому издателю Иоганну Давиду Зауэрлендеру, отправляя ему часть рукописи «Воспоминания о Польше под властью России» и стихотворение «Я видел страну»: «Я нахожусь в постоянной опасности... здесь русские агенты повсюду. Мне придется покинуть Германию прежде, чем мои работы смогут стать достоянием общественности... Кроме того, мне необходимо самому позаботиться о корректуре, так как я никому не могу доверить копирование своих рукописей. Я слишком хорошо знаю русских шпионов, которые способны на любую каверзу»³⁶.

До самой смерти Гарринг скрывался от агентов III Отделения. Известно, что он не выходил из дома, не имея при себе оружия. Похоже, что его опасения имели под собой основу. За годы дружбы с сотрудниками тайной полиции он имел возможность хорошо изучить методы ее работы в Варшаве. Это знание могло сделать его нежелательным свидетелем и, следовательно, мишенью для провокаций со стороны российских тайных агентов. Но не только Гарринг обладал компрометирующей информацией на «шпиона» Швейцера. Тот тоже хранил постыдные секреты собрата по перу, которые могли погубить

³² Harro Harrings Lebenslauf // Harro Harring's sämtliche Werke / Eine kommentierte Bibliographie von Thomas Thode. Eutin, 2005. S. 200–201.

³³ Harring H. Biographische Fragmente. S. 157.

³⁴ Harring H. Memorien über Polen. S. 49.

³⁵ Harring H. Biographische Fragmente. S. 158.

³⁶ Saß J. Op. cit. S. 261.

репутацию Гарринга. Два года службы в Варшаве оставили роковой след в судьбе последнего, сделав из него не только «разоблачителя преступлений русской тирании»³⁷, но и вечного беглеца. Думается, он сражался не столько с абстрактной тиранией, сколько со своими страхами, опасаясь за собственную жизнь. Основной подоплекой его русофобии стал параноидальный ужас перед российской тайной полицией, возникший в период, предшествовавший Польскому восстанию 1830–1831 гг.

Можно предположить, что одним из живых воплощений кошмаров Гарринга был Карл Фридрих фон Швейцер, чиновник по особым поручениям сначала при бароне фон Зассе в Высшей военно-секретной полиции, а затем в III Отделении при первом шефе российской внешней разведки А.А. Сагтынском. Без сомнения, Швейцер был абсолютным антиподом Гарро Гарринга не только по роду деятельности, но и по мировоззрению и убеждениям. Но при этом он обладал таким же авантюрным складом характера. Уроженец Франкфурта-на-Майне, в 15 лет он бросает обучение в гимназии, уезжает в Париж, чтобы поступить на службу в Императорскую гвардию Наполеона. Согласно документам Информационного бюро в Майнце, частично опубликованным литературоведом Карлом Гёдеке при составлении «Антологии немецких поэтов»³⁸, куда вошли и произведения нашего героя, в 1812 г. в составе французских войск юный Швейцер участвует в Русской кампании Бонапарта, попадает в плен, незадолго до окончания освободительных войн, в 1814 г., приезжает в Варшаву, где по протекции своего покровителя, полковника О.Б. де Швегруа, входившего в окружение наместника Царства Польского, поступает в канцелярию великого князя Константина. После смерти полковника в 1819 г. наш герой загадочным образом наследует его фамилию, официально покидает службу и начинает активно путешествовать по Европе под двойной фамилией Швейцер де Швегруа. Он уделял особое внимание тем германским университетам, где обучались польские студенты.

Служба за членами студенческих корпораций и представителями польской эмиграции в германских государствах была одной из основных сфер его деятельности в 20-е годы XIX в. Согласно его донесениям, а также докладом П.Г. фон Засса начальнику Генерального штаба Русской императорской армии генералу Д.Д. Куруте, Швейцер, начиная с 1821 г., немало способствовал разоблачению и разгрому тайного патриотического общества «Полония», участниками которого были некоторые студенты Берлинского университета³⁹. В 1823 г. донесения Швейцера из Франкфурта-на-Майне в немалой степени способствовали уничтожению тайного общества «Филоматов» и возникшего на его основе союза студентов Виленского университета «Филареты», действовавшего в 1820–1823 гг.⁴⁰ В результате следствия по делу «Филоматов» в Варшаве был инициирован крупнейший в Европе процесс против представителей студенческого движения.

Швейцер и Гарринг были не только идейными антиподами. Еще до встречи в Мюнхене их судьбы переплелись самым удивительным образом. В 1817–1823 гг. они оба, находясь по разные стороны баррикад, были вовлечены в деятельность тайной студенческой организации Die Schwarzen von Gießen, состоявшей из революционно настроенных учащихся университетов Йены и Гиссена. В йенскую группу этой организации входили убийца Коцебу Карл Занд и Гарро Гарринг, в гиссенскую — Швейцер де Швегруа в качестве «русского шпиона».

Согласно информации, опубликованной Карлом Гёдеке, в 1821 г. Швейцер приезжает в Гиссен, в декабре 1823 г. успешно защищает в местном университете диссертацию и экстерном получает докторскую степень⁴¹. Однако академическая карьера в германском университете мало интересовала Швейцера. Во время пребывания в Гиссене он посылал

³⁷ Gerecke A. Op. cit. S. 49.

³⁸ Goedeke K. Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Zweite ganz neu bearbeitete Auflage. 18 Bde. Berlin, 1905–1966. Bd. 15. Achstes Buch. Abteilung VIII. S. 382ff.

³⁹ Hube M. Op. cit. S. 193–197.

⁴⁰ Askenazy S. Lukaszinski. T. 1. Warszawa, 1908. S. 372–374.

⁴¹ Goedeke K. Op. cit. S. 383.

донесения на имя полковника фон Засса о студенческих корпорациях в этом городе и в Дармштадте. Наряду с отчетами других агентов российской Высшей военно-секретной полиции, они были опубликованы в 1832 г. председателем Специальной комиссии по расследованию деятельности этого учреждения юристом Михаэлем Хубе⁴². Гиссенский университет не случайно был выбран Швейцером для защиты диссертации. Здесь, внутри местной студенческой корпорации, продолжал действовать законспирированный филиал организации Die Schwarzen von Gießen, основанный легендарным революционером Карлом Фолленом. Члены этой организации называли себя «Черными» или «Бескомпромиссными» и разрабатывали планы политических заговоров и террористических актов⁴³. В 1817 г. отделение «Черных» было создано Карлом Фолленом и в Йенском университете. У ведущих следствие по делу о гибели Коцебу существовала версия, что за преступлением стояла террористическая группа «Черных», а главным вдохновителем Занда и непосредственным организатором убийства был именно Фоллен⁴⁴. Правда, причастность последнего к этому преступлению так и не удалось доказать, так как он успел эмигрировать в Швейцарию. В 1823 г. гиссенское отделение «Черных» было окончательно разгромлено, чему в немалой степени способствовали донесения Швейцера.

Гарро Гарринг присоединился к радикальной студенческой группе К. Фоллена в Йенском университете в 1817 г., одновременно с будущим убийцей Коцебу. Это был первый случай его участия в политической деятельности. Он и его друг студент-медик Вильгельм Больдеман от имени «Черных» поддерживали контакты с радикалами из Вены и Будапешта⁴⁵. Если бы Гарринг не получил в 1821 г. стипендию принца Дании Кристиана для продолжения учебы в Копенгагене в Академии искусств, он был бы неминуемо арестован в 1823 г., как и все остальные члены организации Die Schwarzen von Gießen.

Как писал сам Гарро Гарринг, арест и казнь Карла Занда, который для «Черных» сразу же после его заключения стал культовой фигурой, были для него первыми и самыми крупными политическими разочарованиями в жизни⁴⁶, а убийца Коцебу навсегда превратился в кумира и объект почти религиозного поклонения. В память о Занде, несмотря на запрет, Гарринг на протяжении длительного времени одевался в черное, носил традиционную немецкую одежду, а затем до конца жизни имел при себе кинжал, который превратился в предмет культа и символ жертвоприношения на алтарь «свободы Отечества». Вместе с В. Больдеманом он совершил пешее паломничество в Мангейм к месту казни К. Занда, а после этого они посетили родителей последнего в Вунзиле⁴⁷. Очевидно, что убийство Коцебу и его последствия произвели сильное впечатление на склонного к экзальтации молодого патриота, каковым и был Гарро Гарринг. В письме брату из Рима от 9 апреля 1822 г. он писал: «Я по-прежнему ношу у сердца платок, пропитанный кровью Занда... Он из могилы призывает меня поднять меч, выпавший из его рук, и завершить начатое им дело... Его жертва не будет напрасной. Германия ждет, служение ей — вот высшее счастье»⁴⁸. Неудивительно, что после пережитых потрясений он чувствовал себя «вторым Зандом», призванным завершить начатую им священную миссию «пробуждения нации». Для достижения этой задачи Гаррингу был необходим второй Коцебу, которого он увидел в Швейцере.

Подходящего момента не пришлось долго ждать. В конце 1830 г. Швейцер по поручению генерала Д.Д. Куруты приезжает в Дрезден и по иронии судьбы, как и Коцебу, решается выступить в роли пророссийского публициста. С февраля по октябрь 1831 г. он

⁴² Hube M. Op. cit. S. 186–187.

⁴³ Haaser R. Von der Waffenbrüderschaft zur ideologischen Anfeindung. Politisierung des universitären Lebens in deutschen Ländern von 1813–1819. Tübingen, 2017. S. 7–9.

⁴⁴ Haaser R. Op. cit. S. 15–23.

⁴⁵ Harring H. Die Schwarzen von Gießen oder der Deutsche Bund. Frankfurt a.M., 1831.

⁴⁶ Harring H. Biographische Fragmente. S. 150.

⁴⁷ Harro Harrings Lebenslauf. S. 190–192.

⁴⁸ Ibid. S. 191.

ведет в прусском правительственном издании Allgemeine Preußische Staatszeitung колонку под названием «С польской границы»⁴⁹ с хроникой восстания. Несмотря на сдержанный тон этих публикаций, Швейцер, как и Коцебу, неоднократно подвергался нападкам со стороны либеральных изданий⁵⁰ за изложение позиции российского правительства. В его адрес также звучали сакраментальные обвинения в шпионаже и предательстве Отечества.

В ходе начавшейся публицистической перепалки Гарро Гарринг отметил провокациями и громкими обвинениями в адрес своего оппонента с целью привлечь внимание общественности к этой полемике. Он поставил себе задачу разоблачить барона как русского шпиона и исполнителя преступных замыслов российского правительства на территории Польши и Германии. Уже в декабре 1830 г. Гарринг пишет «Воспоминания о Польше под властью России». Затем последовала публикация произведения в жанре политической сатиры «Фауст в одеянии времени», где Гарринг фактически обвиняет Швейцера в предательстве немецкого Отечества, называя его «гнусным шпионом» и «вторым Коцебу»⁵¹. В этой пьесе, экземпляры которой бесплатно рассылались подписчикам на местные либеральные издания, автор, чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений в объекте его сатиры, рассуждает об обстоятельствах, предшествовавших убийству Коцебу 12 лет назад. При этом в образе русского шпиона, приговоренного к смертной казни, недвусмысленно угадывается поэт Швейцер, а на роль его палача Гарринг выводит себя под видом студента, именующего себя Черным. Таким образом, он как бы накладывает два шпионских скандала друг на друга, проводя между ними прямые параллели.

Последним ударом по репутации Швейцера стало инспирированное польской эмиграцией распространение в европейской прессе списков тайных агентов Высшей военно-секретной полиции, среди которых фигурировал и барон⁵². После официальной огласки этих списков либеральное издание Die Konstitutionelle Deutschland предложило Верховному суду Саксонии начать следствие по его делу⁵³. Имя Швейцера было внесено «Союзом польских повстанцев» в список разыскиваемых русских шпионов⁵⁴. Он был публично объявлен «врагом польского народа» и осужден заочно⁵⁵. Чтобы не разделить участь своего предшественника, в начале 1832 г. Карл Фридрих Швейцер де Швегруа спешно покидает Саксонию. Но его скоропалительный отъезд уже никак не мог остановить новую волну шпиономании и русофобии, поднятую в ходе общественной кампании, организованной Гарро Гаррингом против «второго Коцебу».

Библиография / References

Заиченко О.В. Август фон Коцебу: история политического убийства // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 177–191.

Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 33–45. DOI: 10.31857/S013038640020835-6

Zaichenko O.V. "Russkii shpion" Shvejcer: popytka rekonstruktsii biografii. Agent Vysshei voenno-sekretnoi politsii v Varshave (1819–1831) ["Russian Spy" Schweitzer: An Attempt at Biography Reconstruction. Agent of the High Military Secret Police in Warsaw (1819–1831)] // Novia i Noveishaia Istoriia [Modern and Contemporary History]. 2023. № 1. S. 33–45. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013038640020835-6

⁴⁹ Von der Polnischen Grenze // Allgemeine Preußische Staatszeitung. 12.II.1831. S. 354; 7.X.1831. S. 1523.

⁵⁰ Mixturen (Über Schweizer anonyme Berichte in der Preußischen Staatszeitung "Von der polnischen Grenze") // Der Komet. 19.VII.1831. S. 912; Bustorius. Anonyme Korrespondenten-Berichte über die Niederschlagung des polnischen Aufstandes // Allgemeine Zeitung Beilage. 5.IX.1831. S. 1034.

⁵¹ Harring H. Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831. S. 129ff.

⁵² Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер. С. 33–45.

⁵³ Spionage-Echo auf die polnischen Ereignissen // Die Konstitutionelle Deutschland. 2.VIII.1831. S. 612.

⁵⁴ Liste gesuchter Spione // Polak Sumienny. 23.VI.1831. S. 344.

⁵⁵ Polen (Bericht über Zitierung von Spionen vor ein polnisches Gericht) // Der Korrespondent von und für Deutschland. 22.VIII.1831. S. 1492.

Zaichenko O.V. August von Kocebu: istoriya politicheskogo ubijstva [August von Kotzebue: The Story of a Political Assassination] // *Novaia i Noveishaia Istorii* [Modern and Contemporary History]. 2013. № 2. S. 177–191.

Askenazy S. Lukasinski. T. 1. Warszawa, 1908.

August von Kotzebue. Urtheile der Zeitgenossen und der Gegenwart / Zusammengestellt von W. von Kotzebue. Dresden, 1881.

Carl Ludwig Sand. Dargestellt durch seine Tagebücher und Briefe von einigen seiner Freunde. Augsburg, 1821.

Das moralisch-politische Porträt der Herrscher des Russischen Reiches. Regensburg, 1844.

Gerecke A. Das deutsche Echo auf die polnische Erhebung von 1830. Wiesbaden, 1964.

Goedeke K. Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen: 18 Bde. Bd. 15. Aechtes Buch. Abteilung VIII. Berlin, 1905–1966.

Grab W. Harro Harring und der deutsche Sonderweg 1848–1933 // Mitteilungen der Harro-Harring-Gesellschaft. Husum, 1984.

Haaser R. Von der Waffenbrüderschaft zur ideologischen Anfeindung. Politisierung des universitären Lebens in deutschen Ländern von 1813–1819. Tübingen, 2017.

Hagen K. Ueber die öffentliche Meinung in Deutschland von den Freiheitskriegen bis zu den Karlsbader Beschlüssen. Zweite Abtheilung. (2. Teil): Die Jahre 1815 bis 1819 // Historisches Taschenbuch. (2. Folge). Achter (8.) Jahrgang / Hrsg. Fr. Raumer. Leipzig, 1847.

Harring H. Die Schwarzen von Giessen oder der Deutsche Bund. Frankfurt a.M., 1831.

Harring H. Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831.

Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831.

Harring H. Biographische Fragmente // Das Volk. Rendsburg, 1849.

Harro Harrings Lebenslauf // Harro Harring's sämtliche Werke / Eine kommentierte Bibliographie von Thomas Thode. Eutin, 2005.

Hube M. Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System, sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.

Ilse L.Fr. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Kommission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind. Frankfurt a.M., 1860.

Keller M. "Agent des Zaren" August von Kotzebue // *Russen und Russland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert (1800–1871)* / Hrsg. M. Keller. München, 1992. S. 119–150.

Noch acht Beiträge zur Geschichte August von Kotzebues und C.L. Sands / Aus öffentlichen Nachrichten zusammengestellt. Mühlhausen, 1821.

Saß J. Lebensgeschichte Harro Harring // *Die Heimat*. 1927. Bd. 37. S. 236–261.

Schott Fr. Kozebue, Deutschland und Rußland / Nebst einem Vorwort an den Herrn Professor Krug. Leipzig; Merseburg, 1820.

Schulze H. Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // *Das Attentat in der Geschichte*. Köln, 1996. S. 215–232.

Szayna-Dec K. Najgroźniejszy agitator sprawy polskiej. Awanturniczy żywot Harro Harringa Kazimirowicz, poety, bojownika o wolność, Polaka z wyboru. Kraków, 2018.

DOI: 10.31857/S013038640024442-4

© 2023 г. **Е.П. КУДРЯВЦЕВА**

БОСФОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ФЛОТА В 1833 году

Кудрявцева Елена Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: demetr22@mail.ru

Scopus Author ID: 57353047500; ORCID: 0000-0002-6036-9104

Аннотация. Босфорская экспедиция российского флота 1833 г. стала одним из самых удачных предприятий российской внешней политики в регионе Проливов. Ункяр-Искелесийский договор, заключенный в результате этой экспедиции, — пик российского влияния в Османской Турции за весь период двусторонних отношений между двумя империями. История заключения договора, несмотря на неоднократное его упоминание в исторических трудах, еще таит множество неисследованных деталей и почти неизвестна в западной историографии. Документы Архива внешней политики Российской империи содержат дипломатические бумаги российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева, а переписка специального уполномоченного на Босфоре Н.Н. Муравьева и секретные предписания полковнику А.О. Дюгамелю из Российского государственного военно-исторического архива проливают свет на истинные причины той помощи, которая была оказана российским правительством Порте. История заключения договора, предоставившего российскому флоту беспрецедентные выгоды в Проливах, свидетельствует о взаимной выгодности заключенного соглашения и дружественных отношениях между Россией и Турцией, установившихся в результате его подписания.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, внешняя политика, Черноморские проливы, военно-морской флот, торговый флот, Ункяр-Искелесийский договор, международные договоры, дипломатические отношения, восточный вопрос.

E.P. Kudriavtseva

The 1833 Bosphorus Expedition of the Russian Fleet

Elena Kudriavtseva, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: demetr22@mail.ru

Scopus Author ID: 57353047500; ORCID: 0000-0002-6036-9104

Abstract. The Bosphorus expedition of the Russian fleet in 1833 became one of the most successful enterprises of the Russian foreign policy in the region of the Straits. The Treaty of Hünkâr İskelesi, concluded as a result of this expedition, represents the peak of the Russian influence in Ottoman Turkey throughout the years of bilateral relations between the two empires. The Treaty's history, despite it being numerous mentioned in historical works, still harbors many unexplored details and is almost unknown in the European historiography. The documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire contain diplomatic papers of the Russian envoy

in Constantinople Apollinary Butenev, and the correspondence of the special commissioner on the Bosphorus Nikolay Muravyov and secret instructions to Colonel Alexander Dugamel from the Russian State Military-historical Archive shed light on the true reasons for the assistance that was provided by the Russian government to the Porte. The history of the conclusion of the Treaty, which gave the Russian fleet unprecedented benefits in the Straits, testifies to the mutual benefit of the agreement and friendly relations between Russia and Turkey that were established as a result of its signing.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, foreign policy, Black Sea Straits, navy, merchant navy, Hünkâr İskelesi Treaty, international treaties, diplomatic relations, Eastern Question.

Весной 2023 г. исполнилось 190 лет со времени проведения Босфорской экспедиции русского флота и заключения русско-турецкого Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. Несмотря на то что сегодняшняя дата недостаточно «юбилейная», эти события заслуживают того, чтобы еще раз напомнить об уникальном событии как в истории русско-турецких отношений, так и в общем комплексе так называемого восточного вопроса на всем протяжении его существования. Вспомнить о Босфорской экспедиции и тех преимуществах, которые получила Россия в Проливах в результате заключенного договора, заставляет еще и тот факт, что об этом крайне редко упоминается в зарубежной историографии, и сама экспедиция до сих пор остается «неизвестной».

Восточному направлению внешней политики, т.е. политике в Османской империи, включая Балканы, Черноморские проливы, Ближний Восток и Средиземноморье, российское правительство всегда уделяло особое внимание. После завоевания Крыма и присоединения кавказского побережья Черного моря России необходимо было получить возможность свободного выхода торгового флота через Проливы. Этого требовало южнорусское купечество, заинтересованное в сбыте хлеба, поставляемого из региона Новороссии. Кроме того, эти земли, включая Крым и восточное побережье Кавказа, нуждались в обеспечении надежной защиты, что вело к необходимости расширения строительства не только торгового, но и военного флота, готового оборонять южные рубежи империи.

После того как Россия прочно утвердилась в Очакове, Одессе, Севастополе и Керчи, появилась необходимость свободного плаванья торгового — а по возможности и военного — флота через Черноморские проливы. Присутствие России в этом регионе значительно расширяло ее политические возможности на Европейском континенте. Нельзя сбрасывать со счетов и проблему отношений российских властей с балканскими подданными султана, которые с давних времен пользовались покровительством и материальной поддержкой единоверной державы.

Вопрос открытых для России Проливов поднимался в русско-турецких договорах неоднократно. Поначалу это касалось только свободного мореплавания для русской коммерческой торговли. По Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Россия получала право прохода своих торговых кораблей через Босфор и Дарданеллы. Целью российской делегации на русско-турецких переговорах было добиться свободного мореплавания для «всякого рода российских судов без малейшего притеснения по всем морям без изъятия»¹. Благоприятный режим Проливов должен был способствовать развитию российской торговли и кораблестроения в черноморских портах. Однако в окончательный текст мирного договора вошла статья о «вольном и беспрепятственном» плавлении русских и турецких кораблей в морях, омывающих российские и турецкие пределы, но ничего не говорилось о праве России держать в Черном море военный флот².

Можно сказать, что русско-турецкий договор 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) стал следующим шагом в возможности военного флота России быть допущенным в Проливы. Поскольку Россия оказывала Турции вооруженную поддержку против действий

¹ Россия и Черноморские проливы (XVII–XX столетия). М., 1999. С. 67.

² Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1862. С. 31.

французов, Блистательная Порты предоставляла российскому флоту право беспрепятственного прохода через Черноморские проливы и одновременно объявляла Черное море закрытым бассейном для военных судов нечерноморских держав³. Первое условие распространялось только на военное время и не имело постоянного характера, но второе было важно для обеспечения обороны южных рубежей и свободного торгового мореплавания российских коммерческих судов.

Эти условия нашли свое подтверждение в следующем русско-турецком договоре от 11 (23) сентября 1805 г. Секретная статья разрешала «проход через Константинопольский канал военных судов и транспортов» России во время совместных военных действий против наполеоновской Франции. Отдельная статья посвящалась закрытому для нечерноморских держав статусу Черного моря⁴.

Две русско-турецкие войны в первой трети XIX в. заставили забыть о достигнутых Россией привилегиях. Несмотря на то что условия Бухарестского 1812 г. и Адрианопольского 1829 г. мирных трактатов были выгодны для статуса России на Балканах и подразумевали территориальные приобретения на Кавказе, в Бессарабии и в дельте Дуная, статьи о Проливах в них отсутствовали. К этому времени через Босфор и Дарданеллы могли проходить только легкие военные суда, призванные осуществлять связь между посольством в Константинополе, а позже и в Греции, с черноморскими портами. А ведь еще до завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в официальных российских документах присутствовал пункт о желательности для России приобретения на Босфоре «двух каменных уголков» для контроля над судоходством в Проливах. Эту мысль высказал в «Записке» Д.В. Дашков при подготовке условий мирного договора с Турцией⁵. На заседании «Особого комитета» в 1829 г. была разработана доктрина внешней политики России по отношению к Турции. Основным ее тезисом стало утверждение о выгоде для России дальнейшего существования Османской империи в ее настоящих границах⁶. Одновременно и для европейских держав это означало поддержание статус-кво на Востоке, что было весьма выгодным и для них. Таким образом, сохранение Турции отвечало интересам всех сторон, хотя и подразумевало выстраивание политики европейских держав с учетом их интересов в том или ином регионе обширной империи Османов. Россию в первую очередь интересовали Проливы и регионы Балканского полуострова, население которого ориентировалось на помощь российского правительства.

После завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. между Россией и Османской империей установился период равных, дружественных отношений. Победа России не только принесла ей некоторые, хотя и небольшие, территориальные приобретения, но и послужила к расширению прав Сербии, которая по хатт-и шерифам 1830 и 1833 гг. добилась предоставления ей автономных прав в составе Османской империи⁷. Особое неприятие со стороны западных держав вызвали статьи о присоединении к России черноморского побережья Кавказа от устья реки Кубань до пристани Св. Николая, что значительно расширяло саму возможность вести морскую политику, несмотря на сложный характер взаимоотношений российских властей с местным населением. «Черкесы», как называлось все население черноморского побережья в официальных бумагах, еще долго не признавали власти Российской империи и считали себя подданными Порты, которая

³ Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. СПб., 1857. С. 79.

⁴ Горяинов С. Договор 11 (23) сентября 1805 года между Россией и Турцией // Известия МИД. Кн. 5. СПб., 1912. С. 247–249.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 1098. Л. 87. Обзорение главнейших сношений России с Турцией и начал, на коих должны быть установлены на будущее время.

⁶ Там же.

⁷ Подробнее см.: Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., 2009.

оказывала им поддержку вооружением. Тем не менее присутствие России на Черном море расширялось, что требовало дополнительных возможностей для осуществления экономических и внешнеполитических задач.

Таким образом, к 1833 г., когда началась новая страница в определении статуса Проливов, была совершенно очевидной заинтересованность правительства России в расширении функций российского флота в регионе Босфора и Дарданелл – этому способствовали рост торговых оборотов южнорусского купечества, вовлеченность России в общеевропейскую политику, задачи обороны новых территорий и расширение связей с балканскими народами, опирающимися на русскую военную и политическую поддержку в своих требованиях независимости от Порты.

Помощь, предоставленная российским правительством Турции в 1833 г., оказалась достаточно неожиданной, принимая во внимание недавно завершённую войну, да и весь многолетний опыт военного противостояния двух соседних держав на протяжении предшествующих веков. Выступление египетского паши Мухаммеда Али, намеревавшегося присоединить к своим владениям сирийские территории, создавало реальную угрозу султану Махмуду II, не сумевшему организовать против мятежного паши должного сопротивления турецкой армии. Мухаммед Али пользовался в своих владениях всей полнотой власти и поддержкой Франции, искавшей союзников в противостоянии с Портой. Выступление египетского паши вызвало резко негативную реакцию российского императора, усмотревшего в этом «бунт» против законной власти и вставшее, по мнению Николая I, в один ряд с европейскими революциями 1830-х годов, которые были безоговорочно осуждаемы российским сувереном. По воспоминаниям участника Босфорской экспедиции Н.Н. Муравьева, Николаю I принадлежат слова: «Надобно низвергнуть этот новый зародыш зла и беспорядка, надобно показать влияние наше в делах Востока»⁸. Таким образом, Николай I, оставаясь верен принципам Священного союза, переживавшего свое второе рождение в период европейских революций 1830-х годов, рассчитывал укрепить влияние России в Турции, включая Балканы и Черноморские проливы.

Мухаммед Али, номинально оставаясь вассалом султана, фактически был независимым правителем Египта. Целью его военного выступления, которое вел его сын Ибрагим-паша, было присоединение Сирии. Военные силы паши быстро продвигались к Константинополю, султанские войска, не оказав им должного сопротивления, терпели поражения. В этих условиях Махмуд II вынужден был обратиться к европейским правительствам с просьбой о помощи. Англия и Франция не смогли быстро определить свое отношение к происходящим событиям, а Россия с неожиданной готовностью откликнулась на просьбу султана. Выбор союзника, правда, Махмуд II объяснил словами «утопающий и за змею хватается».

У российского императора были собственные причины откликнуться на поступившую просьбу. Во-первых, это был период мирных отношений с Турцией, которая вынуждена была выплачивать России репарации после поражения в последней войне. Во-вторых, отказ западных держав был на руку Николаю I – это значило, что в русско-турецких отношениях не будет посредников, участие которых всегда только осложняло решение восточных дел. В-третьих, Россия опасалась, что это место может занять Франция, ее клиентом был Египет, и в результате вмешательства ее роль на Востоке возрастет. Вполне вероятно, император уже тогда мог предполагать, что его посредничество в турецко-египетском конфликте принесет России возможные выгоды, – и не ошибся.

Н.Н. Муравьев, сыгравший самую активную роль в осуществлении Босфорской экспедиции, оставил воспоминания «Русские на Босфоре в 1833 году». В них подробно представлена предыстория этого события и дан детальный отчет обо всем происходившем в этот период. Особо ценно, что книга написана непосредственным участником событий, неоднократно имевшим подробные разговоры с Николаем I о целях предполагавшегося

⁸ *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869. С. 11.

предприятия и не пытавшимся «перетянуть» на себя успех завершённого дела. Перед началом экспедиции генерал-лейтенант Муравьев получил подробные инструкции, согласно которым он должен был отправиться сначала к Мухаммеду Али и изложить ему позицию российского императора. Только получив отказ египетского паши подчиниться воле султана, российскому представителю следовало обратиться к Махмуду II с предложением помощи. Но и на этот случай было разработано несколько вариантов действий, если султан не принимал помощь России, Муравьев имел специальные инструкции по достойному отказу от продолжения миссии и возвращению на родину.

Уже в октябре 1832 г. в Петербурге ясно осознавали, какая угроза нависла над Османской империей. Весть о победах египетской армии широко разнеслась по европейским столицам. Получив назначение выехать в Турцию и Египет, Муравьев должен был докладывать о положении турецкой армии. Победы Ибрагим-паши, писал Муравьев с берегов Босфора, «поставили турецкую империю на край гибели», во время сражения при Кони турки переходили на сторону египтян тысячами⁹. Одновременно с Муравьевым по этому же маршруту Генеральный штаб решил послать полковника А.О. Дюгамеля, который имел отдельное и весьма обширное задание. Во-первых, он должен был собрать сведения обо всех укреплениях на берегах Босфора; во-вторых, представить сведения о состоянии турецких военных сил — как сухопутных, так и морских; в-третьих, обратить внимание на состояние вооруженных сил Египта; в-четвертых, определить на берегах Проливов точки, выгодные для высадки десанта; и, наконец, совершив путешествие сухим путем через Сирию в Александрию, собрать сведения о морских и сухопутных силах Мухаммеда Али, а также о настроениях местного населения¹⁰.

С пути своего следования Дюгамель докладывал, что положение Турции «очень сложное», Ибрагим-паша успешно продвигается и турецкое правительство «в упадке». Народ безразличен к происходящему, и это опаснее для Порты, чем военные успехи египтян¹¹. В следующем донесении Дюгамель еще раз подтвердил, что положение Турции критическое, ее армия покинула Конию в беспорядке, Ибрагим-паша продвигается к берегам Босфора, и ничто не может его остановить. Именно в этом докладе Дюгамель использует страшное для российских властей слово «революция» — ее хочет совершить Ибрагим-паша в Константинополе¹². Рапорты Дюгамеля и его сведения, подтвержденные донесениями Муравьева, стали ключевыми для решения Петербурга прийти на помощь султану. Турция на грани краха, и в случае победы войск Мухаммеда Али в Константинополе воцарится ставленник Франции. В Киеве, например, уже считали, что Ибрагим-паша дошел до Константинополя, — эти слухи распространяли поляки, которые, как обычно, преувеличивали опасность «по собственным своим видам»¹³.

Выполняя эту ответственную миссию, Н.Н. Муравьев должен был донести до султана условия Мухаммеда Али, при которых он соглашался остановить наступление на Сирию. Махмуд II к тому времени уже ожидал прибытия русской эскадры. Развитие дальнейших событий свидетельствует о драматизме ситуации, разрешившейся благополучно для России благодаря дипломатическому таланту как Н.Н. Муравьева, так и российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева.

На берега Босфора прибыли три русские эскадры. Первая под командованием контр-адмирала М.П. Лазарева, вошедшая в Босфор 8 февраля 1833 г., не имела высадочного десанта, который прибыл на второй эскадре под командованием контр-адмирала

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 20 об. Н.Н. Муравьев А.И. Чернышеву. 20 декабря 1832 г.

¹⁰ Там же. Л. 7–8. Предписание военного министра Дюгамелю. 28 октября 1832 г. Некоторые документы этого фонда были использованы Г.А. Гребенщиковой в работе «Босфорская военно-морская операция. 1833 год». См.: Военно-исторический журнал. 2018. № 7. С. 44–51.

¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 13. А.О. Дюгамель Н.Н. Муравьеву. 4 (16) декабря 1832 г.

¹² Там же. Л. 18 об. А.О. Дюгамель А.И. Чернышеву. 16 (28) декабря 1832 г.

¹³ Там же. Л. 41.

М.П. Кумани 24 марта. В апреле к ним присоединилась еще одна эскадра под руководством контр-адмирала И.И. Стожевского. Всего на рейд в Буюк-дере прибыли 10 линейных кораблей, 4 фрегата, корвет, бриг и несколько транспортных, бомбардировочных и коммерческих судов — всего 18 вымпелов¹⁴. Все эти суда не стали продвигаться в глубь константинопольского рейда, а остановились напротив дипломатического квартала Буюк-дере и Терапия, где размещались резиденции послов Англии, Франции и России, чем вызвали настоящий дипломатический скандал.

Французский посланник А.-Р. Руссен заявил турецким министрам, что готов урегулировать турецко-египетский кризис. Чтобы избежать недоразумений, Порты была вынуждена направить Бутеневу ноту с просьбой вывести русские эскадры, как в ней было упомянуто, «в угоду французскому посланнику»¹⁵. Подобная ссылка на требование, выдвинутое Францией, была неприемлема для российского посланника. А.П. Бутенев не принял турецкой ноты, и турки должны были уступить. Таким образом, все дальнейшие переговоры и сама возможность заключения будущего договора были обязаны решимости и твердости российского посланника. «По скромности Бутенева блистательный подвиг его остался безгласен», — пишет Муравьев¹⁶.

Безусловно, ни Англия, ни Франция не могли безоговорочно принять триумф России. Их объединенная эскадра прибыла в Смирну и ждала команды отправиться к Дарданеллам. Неожиданную поддержку Россия получила со стороны Австрии. К. Меттерних предлагал европейским кабинетам рассматривать действия России только лишь как «эффективное средство поддержать на Востоке мир и существующее территориальное положение»¹⁷. Более того, австрийский канцлер предупредил российского посла в Вене Д.П. Татищева о готовящемся выступлении англичан и французов. Он считал, что Франция не может претендовать на роль единственной покровительницы Османской империи, и приложил немало усилий к тому, чтобы уверить Порту в «благородной и незаинтересованной» политике России.

Муравьев по предписанию военного министерства должен был устроить на обоих берегах Босфора по одному укрепленному пункту с военными гарнизонами, что соответствовало намерению приобрести «два каменистых уголка», содержащемся в «Записке» Дашкова. Изучив местность, он решил остановиться на самом возвышенном участке азиатского берега напротив Буюк-дере, у горы Великанов. Там и расположился лагерем русский военный десант — всего 11 тыс. человек. Вопреки желанию европейских послов, на аудиенции, данной Муравьеву, султан просил его не покидать Босфора до окончания египетских дел. Таким образом, пишет Муравьев, «мы распространяли влияние свое без кровопролития и овладевали Проливами без победы»¹⁸.

Военный лагерь стал местом притяжения высшего константинопольского общества, которое собиралось здесь послушать русские песни в исполнении солдат и матросов. Султан, демонстрируя свое доброжелательное отношение к российским войскам, выразил желание принять участие в смотре войск и флота. Смотр состоялся 15 апреля 1833 г. Махмуд II, объехав ратный строй, приветствовал его по-русски: «Здорово, ребята!». Он остался доволен состоянием русской эскадры, где его поразили порядок и послушание команды, а также торжественным приемом на берегу и корабле. Отчет об этих событиях публиковался в русской прессе. Так, в «Военном журнале» говорилось: «Наш могучий и прославленный орел дружелюбно простер широкое крыло свое к луне Востока»¹⁹. Султан оказал необыкновенное внимание, и «в день Святой Пасхи прислал он в лагерь

¹⁴ Гребенщикова Г.А. Российский флот при Николае I. СПб., 2014. С. 281. В статье «Босфорская военно-морская операция. 1833 год» этот автор говорит о 33 вымпелах.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 211. Л. 314 об. —325. Д.П. Татищев К.В. Нессельроде. 14 (26) марта 1833 г.

¹⁶ Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 191.

¹⁷ Международные отношения на Балканах. 1830—1856 гг. М., 1990. С. 232.

¹⁸ Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 217.

¹⁹ Военный журнал. 1833. № 5. С. 134, 138.

нарочного чиновника, которому поручено было поздравить от его имени... всех чинов отряда с сим торжественным праздником», — писали «Санкт-Петербургские ведомости»²⁰. Все православные воины российского отряда были наделены красными яйцами и вином, что само по себе было достаточно необычным для мусульманской страны.

Однако самые важные события происходили в султанском дворце в Константинополе. В мае в турецкую столицу прибыл специальный уполномоченный Николая I А.Ф. Орлов. «Его императорское величество, желая засвидетельствовать искреннюю свою попечительность о пользах султана среди настоящего смутного положения дел на Востоке, поручил своему генерал-адъютанту графу Орлову особую миссию к сему государю. Граф Орлов отправляется в Константинополь в качестве чрезвычайного посла на все продолжение сей временной миссии», — сообщалось в российских газетах²¹. Обычно император привлекал своего личного друга для особо важных дипломатических поручений, опираясь на его ум, находчивость и чувство юмора. Орлов уже бывал в Турции при подписании Адрианопольского мира, некоторые его статьи, весьма выгодные для России, были включены в текст благодаря личным качествам российского уполномоченного. На этот раз Орлов имел поручение заключить с Портой новый договор относительно статуса Черноморских проливов. Условия договора были разработаны еще в Петербурге, но весьма важной была демонстрация полной добровольности и взаимовыгодности заключаемого союза. Этому соответствовали как личное письмо султана Николаю I с выражением благодарности, так и нота Порты от 26 июня 1833 г., в ней говорилось: «Дружба и благорасположение, оказанные империи Османской... имели последствием утверждение как в настоящем, так и в будущем времени союза и доверенности»²².

Таким образом, именно Порта впервые заговорила о союзе, а российские власти с готовностью подхватили намерение завершить свою морскую экспедицию «прочным и почетным» соглашением. Тем более его условия уже привез в Константинополь Орлов. Однако неверно было бы говорить, что союз был заключен «под жерлами русских пушек». Об этом же писала историк Н.С. Киняпина в статье, посвященной договору²³. Она впервые обратила внимание на то, что Порта предложила заключить договор только после того, как Орлов обратился к ней за разрешением вывести российскую эскадру из Босфора, поскольку счел ее миссию завершенной. Конечно, никакого официального «разрешения» на вывод эскадры от Порты не требовалось, но своим обращением Орлов еще раз подчеркнул, что русские моряки находятся на Босфоре по воле турецкого правительства. Это, безусловно, свидетельствует о выдающемся дипломатическом таланте российского представителя, который был высоко оценен Николаем I. «Наконец, 28-го в 11-м часу пополудни при попутном ветре вся наша эскадра с десантом снялась с якоря и, благополучно выступив из Босфора, направилась в российские порты», — говорилось в докладе Орлова Николаю I. Босфорская экспедиция была завершена.

Отдельно следует сказать еще об одной миссии, которая была выполнена в продолжение экспедиции. Командующий российскими войсками в Дунайских княжествах П.Д. Киселев, ожидавший приказа выступить на помощь Порте «сухим путем», напомнил военному министру, что Генеральный штаб не имеет точных топографических карт Румелии, а те, что были сделаны во время последней войны, недостаточны. Военный министр поддержал Киселева, посчитав его инициативу «весьма полезной» для произведения съемки европейской Турции. Он напомнил, что в десантном отряде находятся шесть офицеров Генерального

²⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 29.IV.1833.

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. 12.IV.1833.

²² Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XII. СПб., 1898. С. 263.

²³ Киняпина Н.С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. 1958. № 2. С. 43.

штаба и к ним направлен новый отряд из пяти топографов с офицером²⁴. Император, ознакомившись с предложениями, повелел довести эти намерения до сведения Орлова и приступить к топографическим изысканиям, заручившись резолюцией императорского посланника, который должен был получить согласие турецкой стороны. 1 апреля 1833 г. на фрегате «Эривань» отряд топографов вышел из Константинополя к Дарданеллам. К 6 июня экспедиция была завершена, и Дюгамель, возглавивший эту миссию, представил секретный отчет на 31 листе²⁵. Еще в инструкции Муравьева говорилось, что Дюгамель прежде всего должен был отклонить всякую мысль турецких властей о желании морской экспедиции занять Дарданеллы. Отряд из инженер-полковника К.И. Бюрно, поручика Дайнези и морского офицера должен снять «глазомерно» оба берега Пролива, наблюдая за строительством укреплений и состоянием турецкой артиллерии. В случае возникновения угрозы приближения египетской эскадры, Дюгамель должен был остаться в Дарданеллах²⁶. Отдельным секретным распоряжением Муравьева на Дюгамеля возлагалась обязанность собрать сведения о действиях французов и англичан на Средиземном море, в Архипелаге и у берегов Александрии²⁷.

Во время стоянки десантного корпуса в долине Ункяр-Искелеси у подошвы горы Великанов был произведен осмотр берегов Босфора — как азиатского, так и европейского — силами отряда топографов и полевых инженеров под руководством полковника Генерального штаба А.И. Менда. В результате этих изысканий были составлены подробные карты и описания дорог, рек и всего рельефа и изгибов Босфорского пролива. Всего в Генеральный штаб поступило 14 планов, маршруты и тригонометрические вычисления сети Босфора, а также профили укреплений с картами и описаниями²⁸. В представленных документах указывалось состояние дорог и может ли по ним пройти артиллерия, а также намечались места, наиболее удобные для расположения десантных отрядов. Это были сведения, весьма полезные для составления плана действий против египетских войск; однако не меньшую важность они представляли для русского Генерального штаба в видах развития будущих отношений с Османской империей.

В память о пребывании на Босфоре Н.Н. Муравьев предложил оставить особый знак в виде большого камня, который специально был привезен на азиатский берег силами русского десанта. Надпись, предложенная Муравьевым, гласила: «В память Олега — полки Николая». Однако Орлов посчитал неуместным напоминать туркам о былых подвигах русского войска и предложил оставить на камне лишь дату «июня 25 дня 1833 года», что и было сделано. Турецкие власти также решили внести свою лепту в увековечивание данного события и расширили надпись, которая в окончательном варианте выглядела так: «Сей отломок скалы воздвигнут в память пребывания русских войск гостями в этой долине. Да уподобится дружба между обеими державами твердости и постоянности камня сего, и да будет она долго воспеваема устами друзей»²⁹. В турецком тексте обращает на себя внимание то, что русские войска названы «гостями», и это должно было подчеркнуть присутствие здесь русских моряков в результате «доброй воли» турецкого правительства.

В память об экспедиции все ее участники были награждены памятными медалями, золотыми для офицерского состава и серебряными для рядовых — с русской и турецкой стороны. Австрийский посланник в Петербурге граф Фикельмон был награжден Николаем I орденом Св. Андрея Первозванного в благодарность за поддержку, оказанную австрийским правительством в сложной международной ситуации. Австрийский представитель в Константинополе барон Штюрмер также удостоился русского ордена Св. Анны

²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 130 об. О топографической съемке некоторых мест Европейской Турции. 16 мая 1833 г.

²⁵ Там же. Л. 135—135 об. Рапорт Н.Н. Муравьева А.И. Чернышеву. 1 апреля 1833 г.

²⁶ Там же. Л. 138. Инструкция Н.Н. Муравьева А.О. Дюгамелю. 30 марта 1833 г.

²⁷ Там же. Л. 141. Н.Н. Муравьев А.О. Дюгамелю. Секретно. [без даты].

²⁸ Там же. Л. 186—189. Рапорт А.И. Менда А.И. Нейдгарту. 29 июня 1833 г.

²⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. 860—1917 гг. М., 2002. С. 309.

1-й степени «за искреннее содействие, оказанное нашим полномочным по делам, имевшим целью сохранение Оттоманской империи»³⁰.

Самым желанным следствием предпринятой экспедиции стало заключение договора, получившего название Ункяр-Искелесийского по названию местечка, где стоял лагерь русский десант. Он был подписан 26 июня (8 июля) 1833 г. графом Орловым, носил оборонительный характер и должен был действовать в течение восьми лет. Наиболее важное для России условие содержалось в «отдельной секретной» статье, по которой Россия и Турция обязались прийти друг другу на помощь в случае военного конфликта с третьими державами. При этом предполагалось, что Турция закроет Дарданельский пролив для вражеских флотов, т.е. Порта обязалась «не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом». Россия, со своей стороны, должна была прийти на помощь султану «сухим путем и морем»³¹. Условие о закрытии Дарданелл имело принципиальное значение, поскольку Порта являлась хозяйкой Проливов и могла пропускать иностранные суда по своему усмотрению. Даже торговые корабли должны были получать специальные ферманы от турецких властей для того, чтобы выйти с товарами в Черное море. Обязанность России прийти на помощь «морем» также являлась для российских властей желанным условием данного договора, поскольку подразумевала возможность в случае военной необходимости ввести свои вооруженные суда в Босфорский пролив — никакого другого морского пути в Константинополь просто не существовало.

Несмотря на то что главные для российской стороны условия договора были «спрятаны» в секретной его статье, они очень быстро стали известны европейским политикам. Реакция на договор была бурной, хотя Порта поспешила заверить западные кабинеты, что договор «не имеет никакого отношения ни в настоящем, ни в будущем к какой-либо мысли об агрессии или наступлении и заключен только с намерением успешно послужить собственным интересам Высокой Порты и в соответствии с желанием двух сторон»³². Однако в Европе считали, что вполне могли бы «успешно послужить интересам Высокой Порты» без участия российской стороны, которая, по их мнению, получила беспрецедентные преимущества в регионе Проливов. Англия даже пригрозила заключить союз с египетским пашой, если Россия не откажется от договора с Турцией. Французское правительство постаралось смягчить впечатление от понесенной неудачи. На заседании палаты депутатов министр иностранных дел Франции А.-В. де Бройль заявил: «Я не полагаю, чтобы положение турецких дел должно было возбуждать важные опасения»³³. Эти слова были призваны успокоить общественное мнение, но не смогли скрыть истинной тревоги правящих кругов о сложившемся, весьма невыгодном для западных держав, положении на Востоке. «Петербургский кабинет сделал из Турции официального своего подчиненного, а из Черного моря — русское озеро, — писал Ф. Гизо, — без того, чтобы что-либо мешало ей самой (России. — *Е.К.*) из него выйти и перебросить в Средиземное море свои суда и войска»³⁴. В результате твердой позиции османского правительства, заявившего в официальной ноте, что оно свободно «заключать по своему независимому желанию договор с той дружественной державой»³⁵, с какой сочтет нужным, протесты западных держав не оказали своего действия, и союзный флот был вынужден покинуть Смирну.

Ункяр-Искелесийский договор явился крупной дипломатической победой России — недаром он вызвал яростное сопротивление со стороны заинтересованных держав, которые в последующие годы пытались добиться его отмены. Выгоды его были очевидны — Россия получала право на проход военного флота, пусть только в период военного времени. Закрытие Дарданелл также представлялось западным партнерам мерой, направленной против

³⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 9.VIII.1833.

³¹ Юзефович Т. Указ. соч. С. 92.

³² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 244. Л. 18 об. — 19.

³³ Сын Отечества и Северный архив. 1834. № 5. С. 215.

³⁴ Цит. по: *Тарле Е.В.* Крымская война // Тарле Е.В. Сочинения: в 12-ти т. Т. 8. М., 1959. С. 142.

³⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1854. Л. 46.

их вмешательства в турецкие дела. Таким образом, договор явился пиком успеха восточной политики России в регионе Проливов, тем достижением, на которое российские власти ориентировались в последующие годы, когда действие соглашения было прекращено и, по-существу, в подобной форме уже никогда не возобновлялось³⁶.

Одновременно следует признать определенную недоговоренность статей договора, что, по мнению исследователя вопроса о Проливах С. Горяинова, ослабляло его выгоды для России³⁷. Его условия могли толковаться по-разному, но, без сомнения, он явился правопреемником двух предшествовавших договоров 1799 и 1805 гг., в которых оговаривались права русского флота в Черном море и Проливах. Следовательно, статьи договора могли толковаться расширительно к выгоде российской стороны. Это относилось и к условию о закрытии Дарданелл. Ряд исследователей придерживаются точки зрения, что закрытие этого пролива для третьих держав подразумевает его открытость для русского флота. Так, С. Гагарин утверждал: «Раз Турция закрывает Дарданеллы исключительно ради интересов России как ее союзницы, то и открытие их для пропуска только русских судов, когда это необходимо России, тут подразумевается»³⁸. Таким образом, договор попал под пристальное изучение правоведов-международников, которые могли толковать его статьи по-разному. Очевидно одно – Россия никогда не выдвигала требований прохода своих военных судов через Черноморские проливы, опираясь на статьи Ункяр-Искелесийского договора, хотя и высоко оценивала его значение для политики России на Востоке³⁹. Закрытие Дарданелл в интересах России обеспечивало недосыгаемость российских рубежей со стороны вражеского флота, что представляло для нее важное стратегическое преимущество.

Профессионализм российских дипломатов на Босфоре, слаженные действия морских отрядов, подготовленность к заключению важного документа и правильно выбранный для этого момент – все эти элементы позволили России подписать один из самых успешных международно-правовых документов в истории ее внешней политики на Востоке. Не следует списывать со счетов благоприятную международную обстановку, воцарившуюся после завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в результате которой Россия значительно усилила свое влияние в Османской империи.

Факт заключения русско-турецкого военного договора нарушал стереотип представления об исключительно противоборствующих отношениях двух соседних империй. Скорее, он еще раз подтверждал исходный тезис о желательном характере двусторонних отношений, провозглашенный в начале XIX в. и повторенный во время работы «Особого комитета» в 1829 г. Этот тезис гласил о выгодности для России продолжения существования Османской империи. «Странно, что общее мнение приписывает мне желание овладеть Константинополем и Турецкою империею, – говорил российский император. – Мне выгодно держать Турцию в том слабом состоянии, в котором она ныне находится. Это и надобно поддерживать, и вот настоящие сношения, в коих я должен оставаться с султаном»⁴⁰. Можно утверждать, что и после заключения Ункяр-Искелесийского договора внешнеполитические задачи России оставались прежними – содействовать сохранению Османской империи, не допуская преобладания в отдельных ее частях политического влияния той или иной заинтересованной европейской державы. Таким образом, Османская империя, распада которой ждали в Европе с конца XVIII в., в очередной раз избежала своего разрушения благодаря помощи вековой противницы – России. Заключенный в 1833 г. договор на долгие десятилетия остался для России примером наиболее успешно-го решения проблемы Проливов в истории русско-турецких отношений.

³⁶ Следует отметить, что в отечественной историографии присутствует и другое мнение по данному вопросу. См.: *Иванов Д.Н.* Черноморский флот и первый турецко-египетский кризис 1831–1833 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 2. С. 53–59.

³⁷ *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 34.

³⁸ *Гагарин С.* Константинопольские проливы // Русская мысль. 1915. № 4. С. 106.

³⁹ Россия и Черноморские проливы... С. 117.

⁴⁰ *Муравьев. Н.Н.* Указ. соч. С. 449.

Библиография

- Гагарин С.* Константинопольские проливы // Русская мысль. 1915. № 4. С. 43–67.
- Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.
- Горяинов С.* Договор 11 (23) сентября 1805 года между Россией и Турцией // Известия МИД. Кн. 5. СПб., 1912. С. 247–249.
- Гребенщикова Г.А.* Российский флот при Николае I. СПб., 2014.
- Гребенщикова Г.А.* Босфорская военно-морская операция. 1833 год // Военно-исторический журнал. 2018. № 7. С. 44–51.
- Иванов Д.Н.* Черноморский флот и первый турецко-египетский кризис 1831–1833 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 2. С. 53–59.
- Киняпина Н.С.* Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. 1958. № 2. С. 30–49.
- Кудрявцева Е.П.* Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., 2009.
- Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XII. СПб., 1898.
- Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990.
- Милутин Д.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. СПб., 1857.
- Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. 860–1917 гг. М., 2002.
- Россия и Черноморские проливы (XVII–XX столетия). М., 1999.
- Тарле Е.В.* Крымская война // Тарле Е.В. Сочинения: в 12-ти т. Т. 8. М., 1959.
- Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1862.

References

- Gagarin S.* Konstantinopolskije prolivi [The Straits of Constantinople] // Russkaja misl [Russian thought]. 1915. № 4. S. 43–76. (In Russ.)
- Gorainov S.* Bosphor i Dardanelli [Bosporus and Dardanelles]. Sankt-Peterburg, 1907. (In Russ.)
- Gorainov S.* Dogovor 11 (25) sentjabrja 1905 goda mezdu Rossijeju i Turcijeju [The treatment of 11 (25) September between Russia and Turkey] // Izvestija MID [News of the Ministry of international relations]. Кн. 5. Sankt-Peterburg, 1912. S. 247–249. (In Russ.)
- Grebensjikova G.A.* Bosforskaja voenno-morskaja operacija 1833 god [Bosporus naval operation.1833] // Voenno-istoricheskij zhurnal [Military-historical magazine]. 2018. № 7. S. 44–51. (In Russ.)
- Grebensjikova G.A.* Rossijskij flot pri Nikolaje I [The Russian Fleet under Nicholas I]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)
- Ivanov D.N.* Cernomorskij flot I pervij turecko-egipetskij crisis 1831–1833 [Black sea fleet and the first Turkish-egiptian crisis of 1831–1833] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istotija [Bulletin of Sankt-Petersburg university. History]. 2008. № 2. S. 53–59. (In Russ.)
- Juzefovich T.* Dogovori Rossii s vostokom, politiceskije i trgovije [Treaties of Russia with East, political and trade]. Sankt-Peterburg, 1862. (In Russ.)
- Kinjarina N.S.* Unkiar-Iskelessijskij dogovor 1833 goda [Unkiar-Iskelessi treatment of 1833] // Naucnije dokladi visshhej shkoli [Scientific reports of higher school]. 1958. № 2. S. 30–49. (In Russ.)
- Kudriavtseva E.P.* Rossija i stanovlenije serbskoj gosudarstvennosti [Russia and becoming of serbian state]. 1812–1856 gg. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Martens F.F.* Sobranije traktatov i konvencij zaklucennih Rossijeju s inostrannimi derzavami [Collection of tractates and conventions of Russia and foreign states]. Т. XII. Sankt-Peterburg, 1898. (In Russ.)
- Mezdnarodnije otnoshenija na Balkanah [International relations on the Balkans]. 1830–1856 gg. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Milutin D.* Istorija vojni 1799 goda mezdu Rossijeju i Francijeju v carstvovanije imperatora Pavla I [The history of the war of 1799 among Russia and France in the time of emperor Paul I]. Т. III. Sankt-Peterburg, 1857. (In Russ.)
- Muravijev N.N.* Russkije na Bosfore v 1833 godu [Russians on the Bosphorus in 1833]. Moskva, 1869. (In Russ.)
- Очерки истории Министерства иностранных дел России [Essays of the history of russian Ministry of international relations]. Т. 1. 860–1917. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Rossija i cernomorskije prolivi (XVII–XX stoletija) [Russia and the Black Sea Straits (17th–20th centuries)]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Tarle E.V.* Krimskaja vojna [The war of Crimea] // Tarle E.V. Sochineniia [Essays]: v 12-ti t. Т. 8. Moskva, 1959. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640028070-5

© 2023 г. Н.С. ИВАНОВ

ДОКТРИНА МОНРО И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (XIX – начало XX века)

Иванов Николай Серафимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: nik3334@yandex.ru

Scopus Author ID: 57224398966; ORCID: 0000-0001-5040-540X

Аннотация. В статье анализируется один из главных аспектов доктрины Монро, принятой Соединенными Штатами в 1823 г., – соперничество и противостояние Британии, которая играла роль мирового гегемона вплоть до 70-х годов XIX в. В историографии при рассмотрении этого вопроса игнорируется или преуменьшается фактор противостояния США и Великобритании в Латинской Америке. Во многих недавних зарубежных работах доктрина Монро рассматривается именно под таким углом зрения. Автор анализирует период подготовки доктрины Монро, включая основные аспекты политики «нейтралитета» в годы Войны за независимость Южной Америки, поддержку латиноамериканских патриотов в их борьбе с испанской метрополией в контексте скрытой борьбы между США и Британией. При разработке доктрины Монро никоим образом не учитывались претензии молодых государств Южной Америки на суверенное развитие, равноправие в международных отношениях. Действие доктрины началось в неблагоприятных для США условиях неоспоримого мирового господства Британии в военной и экономической областях. Однако к концу XIX в. ситуация изменилась коренным образом в пользу США. В статье анализируются корректировка первоначального содержания доктрины в ходе борьбы между США и Британией в XIX – начале XX в., а также различные уступки Вашингтону со стороны Лондона в этот период. Хотя англо-американское соперничество в Латинской Америке продолжалось в первой трети XX в., однако уже к концу Первой мировой войны стало ясно, что власти США перешли к новому этапу гегемонизма, когда в 1919 г. президент В. Вильсон предложил видоизмененную доктрину Монро распространить на весь мир.

Ключевые слова: доктрина Монро, США, Великобритания, страны Латинской Америки, международное сотрудничество, международное соперничество.

N.S. Ivanov

The Monroe Doctrine and Anglo-American Rivalry in Latin America, 19th – early 20th centuries

Nikolay Ivanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: nik3334@yandex.ru

Scopus Author ID: 57224398966; ORCID: 0000-0001-5040-540X

Abstract. In the article, the author analyses the issues related to the US adoption of the Monroe Doctrine in 1823 in the context of Anglo-American confrontation and rivalry in Latin America. The author examines the relations between the USA and Great

Britain during the Spanish American wars of independence, the main aspects of the policy of “neutrality”, the actual support of Latin American patriots in their struggle against the Spanish metropole.

Despite the common interest in preventing European competitors from entering South America, the Americans did not sign a joint document with the British, despite repeated proposals from London. The Doctrine was put into effect under conditions unfavourable to the US, characterised by Britain’s unchallenged world domination in military and economic power. However, by the end of the nineteenth century, the situation changed dramatically in favour of the USA. The author analyses the content of the Doctrine (“America for the Americans”), its adjustment in the course of the rivalry between the USA and Great Britain in the nineteenth and early twentieth centuries, and the concessions made by the UK in its rivalry with its strategic competitor. In all events related to the Anglo-American rivalry in Latin America, the Monroe Doctrine was the “starting point” for the actions and statements of American politicians, and it is not by chance that President Woodrow Wilson stated at the 1919 Paris Peace Conference that the doctrine should be extended to the whole world.

Keywords: Monroe Doctrine, United States, United Kingdom, Latin American countries, international co-operation, international rivalry.

Доктрина Монро, принятая в США 200 лет назад, как пишут современные американские историки, стала в XIX в. таким же «священным» документом, как конституция и Декларация независимости¹. К ее юбилею выпущены монографии и статьи, где рассматриваются самые различные аспекты доктрины. Однако в них упускается из виду или преуменьшается фактор противостояния США и Великобритании в Латинской Америке, что вызвано во многом серьезными сдвигами в отношениях между этими странами с конца XIX в. («особые отношения», «англосаксонское единство»), связанными с «гегемонистским транзитом», переходом США на лидирующие позиции. В недавно вышедших работах Д. Модесте, Г. Ливингстоуна, Р. Хеффнера, К. Шейки, Дж. Мартца, Л. Шульца, Д. Свенсона и других авторов доктрина Монро рассматривается именно под таким углом зрения, что также в значительной степени связано с тесными союзническими отношениями между США и Англией на современном этапе².

В ряде работ совершенно правомерно указывается на то, что содержание доктрины в течение двух веков менялось (и порой кардинальным образом), так что, постулированная в качестве защиты принципов демократии и республиканизма на американском континенте, она использовалась в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, организации государственных переворотов, насаждения авторитарных диктатур, полицейского и военного насилия и произвола, создания «эскадронов смерти» и расправ с политическими оппонентами. «Латинская Америка, некогда колонизованная Европой, — пишет бывший посол Гренады в ряде стран Д. Модесте, — была повторно колонизована Соединенными Штатами, [превратившись] в империю другого типа, ставшую врагом латиноамериканской демократии»³.

Доктрина Монро была непосредственно связана с англо-американским противостоянием на латиноамериканском континенте. После принятия Декларации о независимости в 1776 г. и до начала XIX в. влияние США на Латинскую Америку было минимальным, поскольку американцы были заняты внутренней консолидацией общества, борьбой между федералистами и сторонниками конфедерации, «английской» партией (А. Гамильтон), ориентировавшейся на английскую политическую модель, и «французской» (во главе с Т. Джефферсоном).

¹ Swanson D. The Monroe Doctrine at 200 and What to Replace it With. New York, 2023. P. 85.

² Schake K. Safe Passage: The Transition from British to American Hegemony. Cambridge; London, 2017; Modeste D.M. The Monroe Doctrine in a Contemporary Perspective. Routledge, 2020; Santa-Cruz A. US Hegemony and the Americas: Power and Economic Statecraft in International Relations. Routledge, 2020.

³ Modeste D. Op. cit. P. 28.

В эпоху наполеоновских войн США придерживались нейтралитета, декларацию о котором Дж. Вашингтон подписал в 1793 г.

При сохранении формальных отношений, как пишет В.В. Согрин, «Великобритания не упускала случая, чтобы наказать США за выход из [состава] империи»⁴. Английские военные корабли захватывали американские торговые суда, грубо нарушали международное право, что явилось поводом для объявления Вашингтоном войны бывшей метрополии в 1812 г. Конфликт продлился почти три года и закончился подписанием Гентского договора 1814 г. Он трактовался Вашингтоном как победа над самой могущественной империей мира и вызвал рост патриотических настроений в американском обществе, стремление к торговой и политической экспансии, прежде всего в Южной Америке, к призывам блокировать вмешательство европейцев в дела Нового Света.

В Войне за независимость между Испанией и ее мятежными колониями в Южной Америке как США, так и Великобритания официально придерживались политики «нейтралитета». Однако многочисленные заявления и указы о «невмешательстве» были не более чем уловкой. Британцы нарушали почти все принятые ими обязательства⁵. Практически с первого дня боев за независимость британские моряки служили во флотилиях латиноамериканских повстанцев. Только в 1818 г. шесть британских экспедиционных корпусов были скрытно переброшены к северному побережью Южной Америки. Там их объединили в «Британский легион». Его ряды состояли из закаленных в битвах с Наполеоном и дисциплинированных бойцов, которыми командовали опытные офицеры. Легион сыграл значительную роль в борьбе с Испанией под началом «Освободителя» Южной Америки С. Боливар.

Английское оружие и военное снаряжение (излишки которого скопились в Британии во время наполеоновских войн) открыто прибывали в Южную Америку на военных кораблях и торговых судах⁶. Власти США также стремились обозначить свои позиции в преддверии дележа «испанского наследства»⁷. Однако усилия американцев были несравнимы с тем, что могла позволить себе могущественная Британия. Лондон (как и Вашингтон) не хотел допустить европейских конкурентов к богатствам Латинской Америки.

Державы, победившие Наполеона, создали Священный союз, но Англия отказалась формально войти в него. Союз встал на защиту монархий, включая испанскую корону. И этот факт был мастерски обыгран во внешней политике Британии, которая всячески подчеркивала свою роль «спасительницы» Южной Америки от «злых происков» Испании и других европейских монархий.

При этом беззастенчиво использовалось незнание освободителями латиноамериканских стран всех тонкостей европейской политики. Так, еще на Ахенском конгрессе Священного союза в 1818 г. была принята резолюция об отказе от применения военной силы в отношении Южной Америки. Тогда испанский король Фердинанд VII в 1819 г. решился организовать военную экспедицию в район Рио-де-ла-Платы своими силами. Но она так и не прибыла в Южную Америку, так как колоссальные расходы на ее подготовку полностью подорвали королевскую казну. Экономический крах стал причиной либеральной революции в Испании, и смена режима в 1820 г. фактически поставила крест на планах реставрации испанской королевской власти в Южной Америке.

Тем не менее после Веронского конгресса Священного союза в 1822 г. для манипулирования общественным мнением в Южной Америке власти Лондона утверждали, что спасли континент от «смертельной опасности», якобы связанной с планами организации совместной интервенции европейских держав для реставрации власти испанской короны

⁴ Согрин В.В. Американская цивилизация. М., 2020. С. 33.

⁵ Tatum E.H. Jr. The United States and Europe, 1815–1823: A Study in the Background of the Monroe Doctrine. Berkeley, 1936. P. 151–153.

⁶ Webster C.K. Britain and the Independence of Latin America. Oxford, 1944. P. 39–46.

⁷ Niles Weekly Register (Baltimore). 31.I.1818. P. 371; Lockey J.B. Pan-americanism. Its Beginnings. New York, 1920. P. 172–175.

в Новом Свете. Но все это было явной неправдой. Вопрос о Южной Америке занимал второе-степенное место и даже формулировался как «признание независимости южноамериканских государств» (нигде в документах ни разу не упоминалась организация военной экспедиции).

Однако министр иностранных дел Британии Дж. Каннинг вознамерился снискать для Британии лавры «спасителя испанской Америки от козней Священного союза».

И с подачи властей английские газеты опубликовали и широко распространили фальшивку — так называемый «секретный Веронский договор», заключенный якобы между Россией, Францией Австрией и Пруссией, в котором монархи клялись силой уничтожить любые конституционные правительства в Старом и Новом Свете. В Латинской Америке (да и в Европе) многие десятилетия этот «документ» воспринимался как подлинный, а Каннинг выступал в роли «рыцаря, победившего четырехглавого дракона»⁸.

Это была одна из первых масштабных фальшивок в новой истории, сознательное извращение ситуации с целью создания «образа врага» в лице европейских монархий и подчинения своему влиянию новых независимых государств Южной Америки⁹. Любопытно, что эту подделку использовали через сто лет во время дебатов в сенате США в декабре 1917 г. для оправдания интервенции американских войск в Европу¹⁰.

Для подкрепления веронской фальшивки Каннинг в октябре 1823 г. соорудил так называемый «меморандум Полиньяка». Во время беседы с Ж. Полиньяком, назначенным послом Франции в Лондоне, Каннинг задал вопрос, имеет ли Франция захватнические планы в отношении Южной Америки. Естественно, Полиньяк ответил «нет», так как на самом деле таких планов не было. Тогда министр сказал: «Давайте изложим это на бумаге и подпишем». Полиньяк, не зная всех тонкостей протокола, простодушно подписал эту бумагу. В итоге Каннинг представил перед латиноамериканцами (да и США) дело так, что он «вынудил Полиньяка под угрозой военного конфликта между Англией и Францией отказаться от всякой идеи французской агрессии или захвата сфер влияния в бывших колониях Испании» (тот факт, что посол явно не имел подобных полномочий, никого не интересовал). Этот «меморандум» использовался как «доказательство» того, что захватнические планы со стороны Франции имели место, но были пресечены благодаря англичанам.

Американские власти, прекрасно зная о фальсификации, тем не менее использовали ее для подготовки доктрины Монро. Президент Монро и его сотрудники (прежде всего государственный секретарь Д.К. Адамс, фактический автор доктрины) якобы «сочли необходимым предпринять шаги, чтобы предотвратить любое движение в этом направлении»¹¹. И 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании конгрессу США президент заявил, что Западное полушарие является зоной, закрытой для вмешательства европейских держав («Америка для американцев»).

В декларации провозглашался принцип запрета на дальнейшую колонизацию территории Западного полушария европейскими странами. Утверждалось, что сложившуюся международную обстановку США «сочли созревшей для утверждения в качестве принципа, с которым связаны права и интересы Соединенных Штатов, того, что американские континенты, ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны впредь рассматриваться в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой».

Помимо того, в доктрине проводилось сравнение политических систем европейских держав с американской политической системой, которая объявлялась более совершенной,

⁸ Schellenberg T.R. The Secret Treaty of Verona: A Newspaper Forgery // The Journal of Modern History. 1935. Vol. 7. № 3. P. 280–291; Torre del Río R. de la. El falso tratado secreto de Verona de 1822 // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2011. Vol. 33. P. 277–293.

⁹ Kossak M. El contenido burgués de las Revoluciones de independencia en América Latina // Secuencia. 1989. № 13. P. 144–162.

¹⁰ US Congressional Record-Senate. Washington, 1917. P. 66.

¹¹ Inman S.G. The Monroe Doctrine and Hispanic America // The Hispanic American Historical Review. 1921. Vol. 4. P. 636.

«созревшей благодаря мудрости ее самых просвещенных граждан и в рамках которой мы пользуемся беспрецедентным счастьем». На этом основании, а также в связи с тем, что в «войнах европейских держав, в вопросах, касающихся их самих, мы никогда не принимали участия», президент Монро заявил от имени США: «Мы будем рассматривать любую попытку со стороны европейских держав распространить их систему на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия». При этом уточнялось, что США не намерены препятствовать европейским державам свободно распоряжаться своими колониями в Западном полушарии: «Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела существующих колоний или зависимых территорий какого-либо европейского государства».

Что же касается латиноамериканских государств, добившихся независимости и признанных правительством США, то, по словам Монро, «мы не можем рассматривать вмешательство в их дела со стороны какой-либо европейской державы с целью их подчинения или контроля любым другим способом их судьбы иначе, как проявление недружественного отношения к Соединенным Штатам»¹².

Как видно из текста послания Монро, в сформулированной им доктрине четко и категорично заявлялось, что США отныне не намерены мириться с дальнейшей экспансией европейских держав в Западном полушарии. Но в ней ничего не говорилось по поводу того, что сами США не намерены проводить экспансионистскую политику в отношении своих южных соседей. По этому вопросу в послании содержались очень туманно сформулированные заявления о «правах и интересах Соединенных Штатов», которые фактически означали, что США могут действовать в Западном полушарии так, как они считают для себя выгодным.

Так, в послании говорилось о намерении правительства США следовать провозглашенному курсу, «если не произойдут изменения, которые, по мнению нашего правительства, должны привести к соответствующим коррективам со стороны Соединенных Штатов, необходимым для их безопасности».

Более того, провозглашалось, что расширение территории США и «экспансия нашего населения... оказали счастливейшее влияние на все высшие интересы нашего Союза», и декларировалось право США «принять любую меру, которая может стать необходимой» для увековечивания «американской системы»¹³. Эти положения доктрины Монро были продиктованы стремлением представить американские экспансионистские интересы как отражение «естественных» потребностей развития США.

В большинстве работ, посвященных доктрине Монро, утверждается, что «отцы-основатели» США и бывшие президенты Т. Джефферсон и Дж. Мэдисон выступали за необходимость подписания совместного англо-американского заявления. Однако, пишут они, госсекретарь Д.К. Адамс счел целесообразным сделать заявление от имени США, дабы его страна не выглядела «крохотной шлюпкой, которая тащится в кильватере британского боевого корабля». И президент Монро якобы согласился с его аргументацией¹⁴.

Но ситуация была намного сложнее. Главную роль сыграло уже сформировавшееся противостояние между США и Британией по вопросу о будущем господстве в Латинской Америке. Имперские амбиции проявились в политике США уже в начале XIX в. Американский историк А. Уитекер считал, что, вопреки сложившемуся убеждению, идея «Западного полушария» служила не столько для поддержания и функционирования политической структуры межамериканских отношений и их географической локации, сколько для олицетворения «специфического подхода к мировой политике, призванного закрепить доминирующие позиции США в этом регионе»¹⁵. Он определил интеллектуальные

¹² *Sexton J.* The Monroe Doctrine: Empire and Nation in Nineteenth-Century America. New York, 2011. P. 87–90; *Hamilton R.M.* The Monroe Doctrine: The Birth of American Foreign Policy. New York, 2017.

¹³ *Sexton J.* Op. cit. P. 59–61.

¹⁴ *Cavanagh Hodge C., Nolan C.J.* U.S. Presidents and Foreign Policy: From 1789 to the Present. Santa Barbara, 2007. P. 59; *McGrath T.* James Monroe: A Life. New York, 2020. P. 518.

¹⁵ *Whitaker A.P.* The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline. Ithaca, 1954. P. 6.

истоки концепции «Западного полушария» в первые два десятилетия XIX в. в стремлении Томаса Джефферсона исключить европейское влияние из Америки и его известной идеи Америки как «полушария в себе и для себя»¹⁶. Также немалую роль в ее формулировании сыграла доктрина «явного предначертания» (*Manifest Destiny*), которая использовалась для первых экспансионистских планов, связанных с колонизацией «дикого Запада» и геноцидом местного населения.

Помимо этого, отказ американцев подписать совместную декларацию с англичанами был связан с «кубинским вопросом». В ту пору судьба Кубы с ее исключительно важным стратегическим положением привлекала внимание всех крупнейших политиков и дипломатов¹⁷.

В октябре 1822 г. Каннинг писал своему двоюродному брату, британскому послу в Вашингтоне, о том, что Соединенные Штаты с их неутолимой жадой захватов новых земель попытаются оккупировать Кубу. Приводя в качестве аргументов донесения офицеров военно-морского флота США, газетные статьи и другие свидетельства, он указывал также на то, что американцы в переписке уж слишком горячо отрицают наличие у них подобных планов, «что также подозрительно, ибо излишний пыл, проявленный без причины, наводит на мысль о наличии у них именно той злонамеренности, которую они на словах осуждают»¹⁸.

Эти подозрения британского министра были небезосновательными. Госсекретарь Адамс хотел на самом деле аннексировать Кубу, либо побудить ее добровольно войти в США на правах одного из штатов¹⁹. Однако препятствием этому могла стать совместная с англичанами декларация против Священного союза²⁰. Именно поэтому Каннинг настоял на одностороннем заявлении. Более того, когда президент Монро прислал Адамсу окончательный текст своего послания для прочтения, тот вдруг увидел формулировку, почерпнутую, видимо, у Каннинга: «Соединенные Штаты не имеют намерения приобретать любые территории, принадлежащие Испании, ни мирным способом, ни военной силой». И госсекретарь просто вычеркнул эту фразу президента²¹.

Доктрину Монро в момент ее создания можно признать некоей «декларацией о намерениях» или (выражаясь современным языком) «красной линией» во взаимоотношениях с европейскими странами. Фактически США в одностороннем порядке сообщили о том, что рассматривают Западное полушарие как свой стратегический «задний двор». Смутно утверждалось, что США делают акцент на республиканизм в противовес монархиям (хотя Вашингтон признал независимость Бразилии во главе с императором Педру I в 1824 г.).

При разработке доктрины Монро никоим образом не учитывались чаяния народов Южной Америки на соверенное развитие, равноправие в международных отношениях. В дневниках Адамса содержится следующая запись, датированная 19 сентября 1820 г.: «Что касается американской системы, то она полностью и исключительно образуется нами самими. Между Северной и Южной Америкой не существует ни общности принципов, ни единства интересов»²².

В треугольнике Англия – США – Латинская Америка последней изначально была определена роль сырьевого придатка, экономического «лузера». Пользуясь слабостью колоний в первоначальный период после освобождения, англосаксы (по обе стороны

¹⁶ Ibid. P. 27–29.

¹⁷ Inman S.G. Op. cit. P. 636.

¹⁸ Public Record Office, F. O., America 165. George Canning to Stratford Canning, October 11, 1822 // The American Historical Review. 1906. Vol. 11. № 4. P. 789.

¹⁹ Temperley H.W.V. The Later American Policy of George Canning // The American Historical Review. 1906. Vol. 11. P. 789–791.

²⁰ Adams J.Q. Memoirs. Vol. VI. New York, 2010. P. 177–178, 203.

²¹ Ibid. P. 193–196.

²² Adams J.Q. Diary. Vol. 31. 1820 // Massachusetts Historical Society. URL: https://www.masshist.org/jqdiaries/php/doc?id=jqad31_2 (дата обращения: 15.07.2023).

Атлантики) всячески поощряли сепаратизм и разбили континент на «управляемые» страны. Они не скупались на кредиты и займы, чтобы затянуть долговую удавку на шею молодых государств. И, наконец, они всячески тормозили промышленное развитие, прежде всего создание латиноамериканцами своего флота. А без него возможность какой-то игры на противоречиях между соперниками была сведена к нулю. В ликвидации в Латинской Америке начатков мануфактурного производства и, самое главное, судостроения между США и Англией, несмотря на соперничество между ними, было полное взаимопонимание и консенсус²³.

Континент сотрясали постоянные гражданские конфликты и войны (вину за которые как англичане, так и американцы, естественно, возлагали на самих же местных жителей, «прирожденных анархистов»). Долговые кризисы и дефолты, длившиеся десятилетиями, были вызваны политикой европейских (прежде всего британских) банкиров и финансовым кризисом 1825 г., который разразился в Лондоне и поразил Европу, США и более всего Латинскую Америку²⁴.

Совокупное воздействие внешних заимствований, долговой удавки и политики «свободной торговли» стало основополагающим инструментом нового способа неокOLONIALного подчинения латиноамериканских стран, который применялся в XIX в.

Доктрина Монро, предусматривавшая «исключительные права» Соединенных Штатов на доминирующие позиции в Западном полушарии, стала важнейшей вехой на гегемонистском пути США. Однако в 20-е годы XIX в. мало кто из политиков обратил на нее внимание, так как в Латинской Америке доминировала самая могущественная держава того времени — Британия. Созданный ею «мост доверия» с национально-освободительным движением латиноамериканцев был крайне важным для англичан, главная задача которых состояла в расколе Южной Америки на множество «независимых» государств и подчинения их своим экономическим и политическим интересам. С этой целью поощрялись все местные сепаратистские движения и, напротив, всеми силами и средствами наносились удары по объединительным инициативам. При подготовке Панамского конгресса 1826 г. С. Боливар рассчитывал, что Лондон поддержит его в планах создания единой испано-американской демократической федерации, перестройки всемирных международных отношений на основах справедливости.

Однако Британия пошла по пути заключения двусторонних соглашений с сепаратистскими режимами, инициации распрей и конфликтов между латиноамериканскими странами. Дипломатическое признание независимых республик дополнялось различными преференциями в торговле, статусом «наиболее благоприятствуемой нации», гарантиями возврата британских кредитов (и закупки на них только английских товаров) и проч. Пять лондонских банков установили полный контроль над латиноамериканским рынком: Barclays, B.A. Goldsmith and Co, Herring, Powles and Graham, Baring Bros. и N.M. Rothschild and Sons. Все они, помимо финансовых операций, были основными акционерами самых прибыльных латиноамериканских горнодобывающих и сырьевых компаний²⁵.

Каннинг, естественно, безоговорочно выступал против той части доктрины Монро, в которой декларировалось, что американский континент в будущем будет закрыт для колонизации европейскими державами. Это совершенно противоречило имперским планам Британии на «испанское наследство». Однако перевес сил на стороне Британии был столь значительным, что они могли практически не обращать внимания на действия североамериканских «конкурентов» не только в торговле, но и во всех других вопросах, включая переделку государственных границ.

²³ USNA, J. M. MacPherson to Van Buren, Cartagena, Dec. 14, 1829, Despatches from United Consuls in Cartagena, 1822–1906, roll I. Charles M. Ricketts to Canning, Lima, Dec. 27, 1826 // British Consular Reports on the Trade and Politics of Latin America, 1824–1826 / ed. R.A. Humphreys. London, 1940. P. 137–140.

²⁴ *Marichal C. A Century of Debt crises in Latin America: from Independence to the Great Depression, 1820–1930.* Princeton, 1989. P. 43–67.

²⁵ *Ibid.* P. 24–30.

Англичане презрительно называли доктрину Монро и попытки патрулирования побережья континента «бумажной блокадой». Несмотря на принятие доктрины Монро, США не имели средств противостоять англичанам. Британские корабли даже не брезговали пиратством, останавливали и грабили американские торговые суда. Успехи Англии в навязывании экономического, политического и культурного империализма позволили главе Форин-офиса Дж. Каннингу заявить в 1824 г.: «Дело сделано, последний гвоздь вбит, Испанская Америка свободна, и если мы не провалим дело сами, она будет принадлежать Англии»²⁶.

В первые десятилетия независимости латиноамериканских стран влияние Великобритании было преобладающим. Если она поставляла самые различные промышленные изделия, то Соединенные Штаты, несмотря на свой значительный экономический рост, все еще жили за счет своих ферм, лесов и рыболовства. Основным товаром США на латиноамериканском рынке была пшеничная мука.

Несмотря на «жесткую» репутацию доктрины, которая сложилась к концу XIX в., у США в течение полувека с момента ее принятия не было никаких рычагов для реализации заявленных целей. Британцы в 1833 г. даже не вспомнили о ней, когда аннексировали Фолклендские (Мальвинские) острова. С согласия Лондона Испания в 1861 г. восстановила свой колониальный контроль над Санто-Доминго (в настоящее время Доминиканская Республика), а в 1861–1867 гг. Британия, Франция и Испания организовали интервенцию в Мексику (пока в США бушевала Гражданская война) и установили там свой марионеточный режим.

Тем не менее к середине XIX в. на фоне экономических и финансовых неурядиц в Англии конкурентные позиции США и Британии начали постепенно выравниваться за счет динамичного развития американской экономики. Немалую роль в этом сыграл огромный приток рабочей силы из Британии²⁷. Индустриализация в США была бы невозможна без навыков, приобретенных у иммигрантов из Англии – квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала. Кроме того, американцы никогда не гнушались технологическим пиратством, попросту игнорируя международное законодательство в сфере авторских прав²⁸.

Уже к середине XIX в. Англия, несмотря на всю мощь своего флота и неоспоримые позиции лидера в научно-техническом прогрессе, с опаской относилась к Соединенным Штатам. Это ярко проявилось в целой серии событий, связанных с американо-мексиканской войной 1846–1848 гг.

К середине 30-х годов, когда мексиканское государство было на грани распада, местные власти Техаса и Юкатана пожелали отделиться от Мексики. Британия, признавшая республику Техас в 1842 г., была против ее присоединения к США, опасаясь роста могущества своего основного конкурента и верная излюбленной тактике создания «буферных зон» между государствами. Однако у ее властей не было уже напора, изобретательности, предприимчивости, которые были характерны для начала века.

Этот водораздел в англо-американских отношениях, свидетельствующий о военно-политическом паритете, четко отразил американский посол в Париже У. Кинг в секретной депеше госсекретарю Дж. Кэлхуну: «В вопросе о присоединении Техаса не должно быть никаких колебаний. Рычание британского льва должно только побуждать нас к немедленным действиям. Колебаться в нашем курсе из опасения враждебности Британии значило бы опозорить нас в глазах всей Европы. После того как акт [о присоединении Техаса] будет подписан, Англия начнет жаловаться, может быть, она даже будет угрожать, и ее газеты разразятся оскорблениями, но на этом все и закончится, ибо при всей своей

²⁶ *Temperley H.W.V.* Op. cit. P. 796.

²⁷ *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970.* Washington (D.C.). 1975. P. 106.

²⁸ *Ben-Atar D.S.* Trade Secrets: Intellectual Piracy and the Origins of American Industrial Power. New Haven (Conn.), 2004; *Johns A.* Piracy: The Intellectual Property Wars from Gutenberg to Gates. Chicago, 2009.

мощи Британия чувствует, что война с нами нанесет ей больший ущерб, чем с какой-либо другой страной»²⁹.

В декабре 1845 г. Британии пришлось испытать чашу унижения после утверждения в Конгрессе США закона о присоединении Техаса к Соединенным Штатам. Но на этом цепь дипломатических и политических поражений англичан не закончилась. В январе 1846 г. они были вынуждены подписать «Орегонский договор», который предусматривал уступку земель, находившихся в совместном американо-британском владении, Соединенным Штатам. Причем под давлением Вашингтона граница была установлена не по широте 42° (на чем настаивали британцы), а 49°, предложенных американцами.

В американо-мексиканской войне 1846–1848 гг. Британии пришлось играть роль «нейтральной державы», наблюдая, как рушатся ее планы создания «независимой Калифорнии», и к землям ее основного конкурента отходит более половины территории Мексики. Лондону пришлось довольствоваться ролью посредника в заключении мирного договора, по которому США захватили 2,3 млн км² мексиканской территории, увеличив площадь своей страны более чем на 30%, благодаря чему сразу же вошли в число ведущих держав мира.

В этом соперничестве чаша весов все более склонялась в пользу США. В годы Гражданской войны в США (1861–1865) британцы могли еще диктовать свои условия, пользуясь военно-морским превосходством. Они заставили северян вернуть дипломатов Конфедерации, направлявшихся в Англию для переговоров о помощи южанам в Гражданской войне, которых сняли с британского почтового пакетбота «Трент» в ноябре 1861 г. Этот эпизод, по мнению ряда историков, поставил США и Британию на грань полномасштабной войны и стал «самой мрачной страницей во взаимоотношениях между Британией и США на протяжении всей Гражданской войны»³⁰. Несмотря на то что представителей южан отпустили в 1862 г., они так и не смогли добиться от Англии дипломатического признания Конфедерации.

После войны США заставили Лондон оплатить денежные претензии, связанные с рейдерством корабля конфедератов «Алабама» во время Гражданской войны, которое поощрялось англичанами. «Алабамская претензия» распространялась также на другие корабли южан, которые совершали с территории Канады (в то время английской колонии) нападения на торговые суда северян. Англия была вынуждена в 1872 г. оплатить часть предъявленной претензии в размере 15,5 млн долл.³¹ (О. фон Бисмарк назвал это «самым очевидным признаком слабости и упадка Британии»³²). И общая сумма претензий до сих пор не погашена (она выставлена на сайте Госдепа), так как США считают, что «подрывные» действия англичан затянули Гражданскую войну на два года.

Благодаря огромному притоку инвестиций из Британии, поощрявшихся канцлером казначейства (а затем премьер-министром) Б. Дизраэли, США смогли в кратчайшие сроки создать мощный военно-морской флот. Броненосец высшего класса («монитор») «Монаднок» был отправлен в Сан-Франциско вокруг Латинской Америки, мыса Горн, и его поход стал демонстрацией влияния США в Западном полушарии. В борьбе за военно-морское господство к 1866 г. США практически сравнялись с Британией³³. Американские торговцы уже могли не опасаться нападений британских рейдеров.

Почувствовав свою уязвимость, британская внешняя политика по отношению к США с 1865 г. стала преимущественно политикой «умиротворения» (appeasement). Хотя, как

²⁹ King to Calhoun, December 28, 1844 // Report of the American Historical Association. Vol. II. New York, 1899. P. 1014.

³⁰ *Braveboy-Wagner J.A.* The Venezuela-Guyana Border Dispute: Britain's Colonial Legacy in Latin America. Abington, 2019. P. 54.

³¹ Alabama Claims of the United States of America against Great Britain // Reports of International Arbitral Awards. 1871. Vol. XXIX. New York, 2012. P. 125–134.

³² *Kent G.* Bismarck and his times. New York, 1978. P. 108.

³³ *Fuller H.J.* Op. cit. P. 270–277.

отмечает П. Кеннеди, «этот термин был дискредитирован впоследствии умиротворением А. Гитлера со стороны Н. Чемберлена в ходе мюнхенских переговоров 1938 г.», он не имел столь негативного смысла в 60-е годы XIX в., хотя данная политика подвергалась резкой критике британскими «имперцами» за уступки и компромиссы³⁴.

Падение роли Англии в Западном полушарии отразилось на ее позиции во время испано-американской войны 1898 г. Еще до ее начала в 1897 г. премьер-министр Р. Солсбери заявил, что Британия не будет возражать против приобретения Гавайских островов и Филиппин Соединенными Штатами. Некоторое время Лондон упрямылся в отношении Кубы, предлагая придать острову (тогдашней колонии Испании) статус доминиона. В посланиях англичан Госдепу США и Конгрессу в начале апреля 1898 г. указывалось, что война в условиях, когда Испания объявила о прекращении боевых действий против повстанцев, борющихся за независимость Кубы, будет рассматриваться мировым сообществом как «нелегитимная»³⁵.

Однако с началом войны Великобритания безоговорочно поддержала США. Лидеры Демократической партии США, находившиеся в этот период в оппозиции, предположили даже, что между правительствами двух стран был заключен секретный договор, по которому Британия согласилась поддерживать США в обмен на поддержку Англии в ближневосточных делах³⁶. В Европе многие деятели открыто возмущались тем, что Англия «поощряет империалистические амбиции США»³⁷. Незвизрая на протесты в своем собственном парламенте, лидеры английских консерваторов, находившихся тогда у власти, А. Бальфур и Н. Чемберлен открыто призывали к заключению военного союза с США, некоторые даже ратовали за передачу британского флота Соединенным Штатам на правах аренды³⁸.

Важную роль в снижении роли Британии стало признание Лондоном прав Вашингтона в урегулировании пограничного спора между Венесуэлой и Британской Гвианой в 1899 г. За 60 лет до этого англичане установили границу между ними по так называемой «линии Шомбурга», захватив значительные прилегающие территории. Притязания Лондона еще более усилились с открытием месторождений золота и распространились вплоть до устья реки Ориноко. В конце 1880-х годов Британия распространила свой контроль еще более чем на 200 тыс. км² от территории Венесуэлы и отказалась признавать наличие спорных территорий.

В 1887 г. венесуэльское правительство разорвало дипломатические отношения с Великобританией и обратилось за помощью к США. Президент Г. Кливленд, основываясь на доктрине Монро, в 1895 г. предложил англичанам предоставить услуги по разрешению конфликта посредством арбитража и вынудил их принять американские условия. В феврале 1897 г. в Вашингтоне был подписан Арбитражный договор, согласно которому председателем третейского суда стал российский профессор Ф.Ф. Мартенс, который приступил к работе в Париже. В итоге слушаний была удовлетворена большая часть английских претензий, оставлена в силе «линия Шомбурга», но часть дельты Ориноко, где располагались золотодобывающие предприятия США, оставлена за Венесуэлой. Сам факт подчинения Британии решениям международного арбитража под эгидой США снижал авторитет и влияние Лондона и значительно повышал престиж Вашингтона³⁹.

³⁴ Kennedy P. *Strategy and Diplomacy, 1870–1945: Eight Studies*. London, 1983. P. 16, 21–24.

³⁵ Neale R.G. *British-American Relations during the Spanish-American War: Some Problems // Historical Studies: Australia and New Zealand*. 1953. Vol. 6. № 21. P. 79.

³⁶ Tyler D. *John Hay: From Poetry to Politics*. New York, 1933. P. 188–189.

³⁷ Neale R.G. *Op. cit.* P. 75.

³⁸ Olcott C.S. *The Life of William McKinley*. Vol. 2. Boston; New York, 1916. P. 130.

³⁹ Wagner J.B. *The Venezuela+Guyana Border Dispute: Britain's Colonial Legacy in Latin America*. Abington, 2019.

Возросший статус США был закреплен отказом Британии от своей 50%-й доли в будущем Панамском канале (договор Хейя – Паунсфота 1901 г.)⁴⁰, а также уклонением от активной поддержки Канады в споре о границе между ней и американской Аляской (этому способствовали угрозы со стороны президента Т. Рузвельта применить военную силу для разрешения конфликта)⁴¹.

В 1902 г. британские, итальянские и немецкие канонерки блокировали побережье Венесуэлы после того, как Каракас перестал выплачивать свои внешние долги. Это подтолкнуло президента Т. Рузвельта к резкому заявлению в 1904 г. о том, что Соединенные Штаты в качестве «международной полицейской державы» имеют право и ответственность пресекать «хронические правонарушения», «вопиющие случаи финансовой несостоятельности и возникновения гражданских беспорядков в регионе», вторгаться туда для «наведения порядка». Эти «дополнения Т. Рузвельта» к доктрине Монро фактически меняли ее смысл: если изначально она предупреждала европейские страны «держаться подальше» от Латинской Америки, то теперь постулировалось право Вашингтона вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских стран. В 1903 г. Соединенные Штаты принудительно «арендовали» Гуантанамо, важнейший порт Кубы, превратив его в первую американскую военную базу за рубежом (по сей день Вашингтон отказывается возвращать его Кубе). В течение следующих двух десятилетий американские войска оккупировали Доминиканскую Республику, Гаити и Никарагуа, а также высаживались в других странах региона.

Ко времени Первой мировой войны Соединенные Штаты обошли Британию в экономических отношениях с Латинской Америкой. В 1912 г. в экспорте стран региона США выдвинулись на первое место (29,7%), опередив Британию (20,7%). В импорте они также потеснили Англию (25,5% против 24,8%)⁴². Показатели Англии держались на относительно хорошем уровне только за счет торговли с Аргентиной – последним рынком на континенте, где еще сохранялось британское влияние. После экономического кризиса 1930-х годов британское влияние на Латинскую Америку стремительно сокращалось, и это падение продолжилось после Второй мировой войны. С потерей же аргентинского рынка после Фолклендской (Мальвинской) войны 1982 г. британские торгово-экономические связи с Латинской Америкой достигли своей нижней точки.

Важнейшим эпизодом, знаменовавшим победу этой доктрины, стал вывод в 1904–1906 гг. британских военно-морских сил из Западного полушария, которое Лондон признал «бесспорной американской сферой влияния»⁴³.

В политике по отношению к Латинской Америке рост могущества США сопровождался укреплением «панамериканизма» под эгидой Вашингтона, а также дальнейшим ужесточением доктрины Монро, расширением ее географических рамок.

Хотя соперничество между США и Великобританией в Латинской Америке продолжалось в первой трети XX в., однако уже к концу Первой мировой войны стало ясно, что власти США перешли к новому этапу гегемонизма, когда видоизмененную доктрину Монро было предложено распространить на весь мир. Эта цель была озвучена в выступлении президента В. Вильсона на Парижской мирной конференции в 1919 г.⁴⁴ Как отмечали современники, вопреки логике и предшествующим дополнениям к доктрине, которые утверждали односторонние права США, Вильсон сделал этого документа настолько расплывчатым, что он стал (по его словам) основой для важнейшей 10-й статьи устава Лиги Наций. В ней говорилось о том, что государства – члены Лиги при-

⁴⁰ Major J. Prize Possession: The United States Government and the Panama Canal 1903–1979. Cambridge, 2003. P. 34–36.

⁴¹ Adams L. Brothers Across the Ocean: British Foreign Policy and the Origins of the Anglo-American “special Relationship”, 1900–1905. London, 2012. P. 99.

⁴² Balmer-Thomas V. The Economic History of Latin America Since Independence. Cambridge, 2003. P. 74–76.

⁴³ Kennedy P. Op. cit. P. 16, 21–24.

⁴⁴ The North American Review. 1920. Vol. 212. № 780. P. 590.

нимали на себя обязательства «противодействовать агрессии, уважать территориальную целостность и существующую политическую независимость членов Лиги». Более того, Вильсон провозгласил: «Если мир хочет мира, он должен следовать моральным предписаниям Америки»⁴⁵.

Эта доктрина всегда вызывала бурю негодования со стороны латиноамериканских стран, которые рассматривали ее как идеологическую основу для империалистической политики США в их регионе, многочисленных интервенций и государственных переворотов, постоянного вмешательства во внутренние дела. Она, пишет американский исследователь М. Фридман, за два века, прошедших после ее принятия, «стала настоящим проклятием для Латинской Америки»⁴⁶.

Библиография / References

- Sogrin V.V.* Американская цивилизация. М., 2020.
Sogrin V.V. Amerikanskaya civilizaciya [American Civilization]. Moskva, 2020. (In Russ.)
Adams J.Q. Diary. Vol. 31. 1820 // Massachusetts Historical Society. URL: https://www.masshist.org/jqadiaries/php/doc?id=jqad31_2 (access date: 15.07.2023).
Adams J.Q. Memoirs. Vol. VI. New York, 2010.
Adams L. Brothers Across the Ocean: British Foreign Policy and the Origins of the Anglo-American “special Relationship”, 1900–1905. London, 2012.
Alabama Claims of the United States of America against Great Britain // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XXIX. 1871. United Nations. New York, 2012. P. 125–134.
Balmer-Thomas V. The Economic History of Latin America Since Independence. Cambridge, 2003.
Ben-Atar D.S. Trade Secrets: Intellectual Piracy and the Origins of American Industrial Power. New Haven (Conn.), 2004.
Braveboy-Wagner J.A. The Venezuela-Guyana Border Dispute: Britain’s Colonial Legacy in Latin America. Abington, 2019.
British Consular Reports on the Trade and Politics of Latin America, 1824–1826 / ed. R.A. Humphreys. London, 1940.
Cavanagh Hodge C., Nolan C.J. U.S. Presidents and Foreign Policy: From 1789 to the Present. Santa Barbara, 2007.
Friedman M.P. Return of the Monroe Doctrine: Making Latin America Irate again // Center for Latin American and Latino Studies, 02.02.2017. URL: <https://aulablog.net/2017/02/02/return-of-the-monroe-doctrine-making-latin-america-irate-again> (access date: 15.07.2023).
Hamilton R.M. The Monroe Doctrine: The Birth of American Foreign Policy. New York, 2017.
Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970. Washington (D.C.). 1975.
Inman S.G. The Monroe Doctrine and Hispanic America // The Hispanic American Historical Review. 1921. Vol. 4. № 4. P. 635–676.
Kennedy P. Strategy and Diplomacy, 1870–1945: Eight Studies. London, 1983.
Knock T.J. To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. New York, 1992.
Kossak M. El contenido burgués de las Revoluciones de independencia en América Latina // Secuencia. 1989. № 13. P. 144–162.
Lockey J.B. Pan-americanism. Its Beginnings. New York, 1920.
Major J. Prize Possession: The United States Government and the Panama Canal 1903–1979. Cambridge, 2003.
Marichal C. A Century of Debt crises in Latin America: from Independence to the Great Depression, 1820–1930. Princeton, 1989.
McGrath T. James Monroe: A Life. New York, 2020.
Modeste D.M. The Monroe Doctrine in a Contemporary Perspective. Routledge, 2020.
Neale R.G. British-American Relations during the Spanish-American War: Some Problems // Historical Studies: Australia and New Zealand. 1953. Vol. 6. № 21. P. 70–79.
Olcott C.S. The Life of William McKinley. Vol. 2. Boston; New York, 1916.

⁴⁵ *Knock T.J.* To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. New York, 1992. P. 113.

⁴⁶ *Friedman M.P.* Return of the Monroe Doctrine: Making Latin America Irate again // Center for Latin American and Latino Studies, 02.02.2017. URL: <https://aulablog.net/2017/02/02/return-of-the-monroe-doctrine-making-latin-america-irate-again> (дата обращения: 23.11.2022).

DOI: 10.31857/S013038640028071-6

© 2023 г. А.Ю. ПАВЛОВ

ПОДДЕРЖКА ФЛОТОМ НАСТУПЛЕНИЯ АРМИИ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ В 1916 году

Павлов Андрей Юрьевич – профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: a.y.pavlov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57220813403; ORCID: 0000-0002-1095-4022

Аннотация. В статье на основе материалов Российского государственного архива военно-морского флота, Российского государственного военно-исторического архива рассматривается взаимодействие Черноморского флота с Кавказской армией. Последняя успешно наступала на Эрзерум и в начале февраля 1916 г. овладела им. В том же месяце 1916 г. на правом фланге Кавказской армии начал наступление вдоль побережья Черного моря отряд под командованием генерала Ляхова. Этот относительно небольшой по численности отряд имел серьезное преимущество перед другими. Продвигаясь вдоль побережья, он мог рассчитывать на помощь со стороны российского Черноморского флота. Довольно быстро стало понятно, что успех наступления будет зависеть именно от эффективности действий Черноморского флота по оказанию всесторонней поддержки сухопутным силам. Отсутствие удобных сухопутных коммуникаций поставило Приморский отряд в зависимость от подвоза всего необходимого морем. Флот обеспечивал артиллерийскую поддержку, снабжение, а также создавал возможность обхода вражеских позиций посредством высадки войск в тылу врага. Данная ситуация представляет собой редкий для российских вооруженных сил периода Первой мировой войны пример успешного долгосрочного взаимодействия армии и флота. Несмотря на имевшиеся между армейскими и флотскими командными структурами разногласия, командование Черноморского флота смогло сформировать эффективную систему взаимодействия с Приморским отрядом, что стало залогом успеха наступательных операций сухопутных войск. В статье также рассмотрены формы и методы этого взаимодействия, ставшего основой успеха, продемонстрировано, как военная необходимость заставила морское и армейское командования преодолеть традиционное взаимное недоверие.

Ключевые слова: Черноморский флот, Кавказская армия, Трапезунд, Первая мировая война, Кавказский фронт.

A.Yu. Pavlov

Fleet Support to the Army Offensive on the Caucasus Front in 1916

Andrey Pavlov, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: a.y.pavlov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57220813403; ORCID: 0000-0002-1095-4022

Abstract. At the beginning of 1916, the Caucasus was the only theatre of operations of the Great War from which good news for the Entente were coming. The Russian Caucasus Army successfully advanced on Erzurum and captured this Turkish fortress in early February. In February 1916, the forces of the Russian Caucasus Army's right flank group started an offensive along the southern coast of the Black Sea. It soon became clear that the main factor of its success will be naval support. Mountainous territory and the absence of roads made the Army entirely dependent on the Russian Navy. It provided the land forces with artillery support, logistics, communication and reconnaissance. Even tactical maneuvers were not possible without the Navy: the only way to envelop a Turkish defensive line was to land troops in its rear. The Russian Black Sea Fleet managed to establish an effective system of communication and coordination with the advancing army units, helping them reach their goals. This is one of not well-known examples of the dominant role of naval support in the success of the army offensive. In this article, the author examines the scope and forms of interaction between the Army and the Navy in order to demonstrate how the warfare conditions could force to overcome traditional mistrust and misunderstanding of the two Services.

Keywords: Black Sea Fleet, Caucasus Army, Trebizond, Great War, Caucasus Front.

INTRODUCTION

At the end of 1915, when the news of the withdrawal of Allied troops from Gallipoli became known, Russian commanders nervously awaited the possible transfer of the freed Turkish troops to the Caucasus. In order to deny Turks the opportunity to advance using the fresh forces, the headquarters of the Caucasus Army decided to get ahead of the enemy and take the strategic initiative in their own hands. The result of this decision was the beginning of a series of offensive operations in the Caucasus theatre of operations in the first half of 1916. The specificity of the Caucasus front, consisting mainly of a mountainous landscape that made it difficult to organize any offensive operations, as well as an underdeveloped communications network, forced the command of the Russian Caucasus Army to split their forces into several groups that were forced to operate almost independently from each other, moving along the available lines of communication. One of the groups commanded by general Vladimir Lyakhov was advancing along the Black Sea coast and was thus named: Coastal Group. It was this group that was soon almost completely dependent on the support of the Russian Black Sea fleet, and it was up to Lyakhov to build a relationship with the naval command.

OPERATIONS PLANNING

Forming the strategy of the campaign of 1916, the command of the Black Sea Fleet and the Russian Caucasus Army understood the necessity of cooperation, but built their plans separately, knowing that the final decision will be made in Stavka (Headquarter of the Supreme Commander-in-Chief). At the same time, the Army and the Navy needed each other to carry out their plans and exchanged opinions amidst the planning process. Both the Navy and the Army were aware of the dangers of the arrival to the Caucasus of Turkish troops, liberated after the withdrawal of Entente's forces from Gallipoli, and were considering different options. Headquarters of the Caucasus Army planned to launch an attack before the arrival of Turkish reinforcements, striking the main blow towards the Turkish fortress of Erzurum. The Coastal Group of Lyakhov was to advance along the coast, diverting the attention of some of the Turkish forces. Before the operation began, Commander of the Caucasus Army general Nikolai Yudenich, asked not only for direct support for the Coastal Group, but also for cooperation of the Fleet in another matter.

He suggested that the Commander of the Black Sea naval forces admiral Andrei Eberhardt use Russian supremacy at sea to begin regular strikes on the Turkish southern coast of the Black Sea, where laid one of the roads which the Turks used to transport troops to the Caucasus¹.

The headquarters of the Black Sea Fleet was considering its own options. Organizing regular naval strikes against the Turkish coast was, in the opinion of the naval staff, the worst course of action for the Fleet. It threatened to permanently divert the main naval forces from the main task – disruption of Turkish transportation communications in the western part of the Black Sea, the continuation of the blockade of Zonguldak coal regions and the elimination of the transportation of supplies to the Caucasus armies of the Turks². It was possible that certain circumstances leading to the activation of the enemy maritime forces could arise and Navy understood that something must be done³.

An alternative plan of action was being created at the headquarters of the Black Sea Fleet. They believed that the situation could be improved by capturing one of the Turkish ports on the southern coast of the Black Sea. Preparing to act against Bosphorus before the war, Russians were establishing naval bases in the western part of the Black Sea. On the eastern coast of the Caucasus such bases did not exist. The only military port and sea fortress was in Batumi, but even this port could not house and accommodate large naval forces, besides, it was too far from the most active regions of the Russian navy⁴. A port was needed that would allow the main naval forces to simultaneously support the Russian land force, block the Turkish coast and fight against the enemy fleet in the western part of the sea. According to the Black Sea Fleet headquarters estimates the Turkish port of Sinop could fit that role⁵. Its capture, however, was considered a promising target for the future, while the first step was proposed to be the acquisition of a small, but important point on the coast – port Trabzon⁶.

The Russian Supreme Command did not support Eberhardt's plan. The Chief of Staff of Russian Supreme Commander-in Chief general Mikhail Alekseev, was convinced that the outcome of the war will be decided in the European theater, on the French front and the Russian Western front, and the army cannot provide troops for secondary operations⁷. In December 1915 at the Inter-Allied Military Conference at Chantilly, the Allies agreed to organize a joint offensive on all fronts in 1916 and Alekseev needed all power for the embodiment of the general plan, the details of which were yet to be discussed⁸. In this regard, the main task of the Black Sea Fleet has remained the same – the blockade of the Turkish coast.

The command of the Caucasus Army had the same thoughts. On January 10, 1916 began the attack of the main forces of the Russian Caucasus Army on Erzurum. The Coastal direction was seen as secondary even in the Caucasus and general Yudenich was not going to send additional forces to join the group of Liakhov⁹. So far, nobody was planning on assigning Lyakhov the task of a long-term offensive along the coast.

COASTAL GROUP – “LIKE ON AN ISLAND”

The success of the offensive by the Russian Caucasus Army on Erzurum led to a change of the Coastal Group's goals. To strengthen the right flank of the Caucasus front, in late January

¹ Юденич – Эбергарду. 26 декабря 1916 г. // Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 609. Оп. 1. Д. 884. Л. 11.

² Козлов Д.С. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2012. С. 271.

³ Записка о действиях флота. Январь 1916 г. // РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 884. Л. 3.

⁴ Now – port in Georgia.

⁵ Первое приближение плана весенне-летней кампании 1916 г. Январь 1916 г. // РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 870. Л. 84.

⁶ Эбергард – Русину. 12 апреля 1916 г. // Там же. Д. 893. Л. 12.

⁷ Алексеев – Эбергарду. 16 января 1916 г. // Там же. Д. 884. Л. 60.

⁸ Алексеев – Жилинскому. 9 декабря 1916 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1165. Л. 68.

⁹ Гончаров В. Действия Приморского отряда Кавказской армии. Траpezундская операция // Кавказский фронт Первой мировой войны. М., 2004. С. 667.

1916 general Liakhov was ordered to move to the Turkish port of Rize, located on the way to the port of Trabzon. Thus, the command of the Caucasus Army chose the worst plan of action for the Navy. As it turned out, gradual advancement of the land troops along the Black Sea coast required tremendous effort on behalf of the fleet, sustaining which required diverting the naval forces for long periods of time. The fleet was to provide the army unit, numbering about 15,000 people and 50 guns, with constant protection from the sea, artillery support and all necessary supplies. The Black Sea Fleet headquarters was urgently forced to strengthen small naval unit stationed in Batumi. To the two destroyers and one gunboat there, were added the old battleship “Rostislav”, two destroyers and another gunboat. The Navy had allocated only older ships. They did not have to engage with the primary forces of the German-Turkish fleet and fit their supporting role well.

Initially, the navy Command suggested that the actions of ships would be limited to artillery support of the ground forces, helping break Turkish positions, after which the only course left for the ground army would be to pursue the enemy¹⁰. However, it turned out that things were not so simple. The terrain of the offensive region was mountainous, allowing to attack only along the coastal strip. In such circumstances it was easier to defend than to attack and the Turkish troops actively used that to their advantage by creating a series of well-fortified positions. Another advantage for the defenders, were numerous streams and rivers that crossed the coast and emptied into the sea. Upon breaking the initial Turkish defenses, there were no roads to be found for advancement and the Russian troops had to use the trails and rely primarily on assistance provided by the fleet. It soon became clear that even certain tactical tasks required the ground troops to enlist the help of the navy. Landing from the sea into the flank and the rear of the enemy was often the only alternative to a direct attack on the well-fortified positions. The more success the Coastal Group had in advancing and the further troops drifted away from their bases, the more they depended on the support of the fleet.

Black Sea Fleet command was forced to put up with the relocation of its forces for a long time as well as with the need to regularly provide additional combat and transport ships to support the advancing Russian troops. The command of the Russian Caucasus Army initially preferred to act through Stavka when requesting the aid from the Fleet¹¹. When Liakhov was ordered to advance on Trabzon, the order to support the offensive came directly to Eberhardt from Stavka. The headquarters of the Black Sea Fleet acted similarly.

The offensive of the Coastal Group was developing fairly well. Having overcome several Turkish defensive lines, at the beginning of March 1916 the Russians managed to capture port Rize. In this operation, the main roles were played by three amphibious operations during which the fleet landed infantry battalions behind the enemy lines. The emergence of Russian forces from the Turkish rear front forced them to abandon their position every time without much of a fight, so all Russians had to do was to pursue the Turks. Capturing Rize had special significance since this city had a small port. Although this port could not become a base for naval operations, its use greatly eased the process of supporting the troops of Liakhov. Further progress of Russians toward Trabzon required expanding the scale of naval operations. The assault on Trabzon in April 14-15 of 1916 was the most massive and successful operation in which naval forces played the most active part.

Disagreements between the Navy and Army commanders, especially in the first stage of the operation, sometimes led to difficulties. Despite this, the Black Sea Fleet Command was aware of its responsibility in front of the Army. Later, in April 1916, in one of his orders Eberhardt ordered his subordinates to be particularly attentive to the wishes of the army commanders, as troops of the Coastal Group “are like on an island”, being totally dependent on naval support¹².

COORDINATION OF MISSION PLANS

The Fleet headquarters was naturally unhappy with the status quo. Regular requests by the Army to allocate ships to provide artillery support and transport troops were distracting the naval

¹⁰ Доклад Кетлинского. 28 января 1916 г. // РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 893. Л. 71.

¹¹ Там же.

¹² Приказ Эбергарда 14 апреля 1916 г. // Там же. Д. 894. Л. 27.

forces from their main task. The decision of the Caucasus Army Staff to advance along the coast “tied” the fleet to eastern part of the Black Sea. This in turn, weakened the blockade of the Turkish coal region and enabled the Turks to use submarines and cruisers¹³. Such turn of events caused discontent in Stavka. The Naval Department of Stavka demanded that admiral Eberhardt maintain the blockade of the Turkish coast and block the exit out of Bosphorus, which was something the Black Sea Fleet was unable to accomplish. A second rank captain Aleksandr Bubnov, serving at the time in Stavka, believed that the Black Sea Fleet commanders simply lacked decisiveness¹⁴. At the headquarters of the Black Sea Fleet, opinion on the matter was different and had serious reasons to be so.

At the start of the offensive, the headquarters of the Caucasus Army did not seek to coordinate their plans with the Fleet ahead of time. In February 1916 they informed the Navy of their plans in just a few days in advance, demanding naval support. It was not a big issue at a time when the necessary support could be provided by the ships of the small Batumi unit. However, when it became necessary to borrow from the main forces of the Fleet, the problem of early joint planning of operations became particularly serious. This was compounded by the fact that the Coastal Group operated quite independently, and its commander could make his own decisions about the scope and timing of individual operations. Liakhov often asked for help from the Fleet two to three days prior to an operation and although it was documented as a request, it contained specific orders on what to do.

From early on, admiral Eberhardt attempted to streamline the system of cooperation between the Army and Navy regarding the process of operation planning. He understood that establishing closer ties with the Army command would benefit everyone. Even during the initial period of the offensive of the Coastal Group at the end of February, he sent one of his closest advisors to the headquarters of the Caucasus Army: chief of the Department of Operations captain of the first rank Kazimir Ketlinskiy, to develop a mechanism for coordinating mission plans. Ketlinskiy was ready to defend the interests of the Fleet but considered the Army’s requests seriously as well. He believed that with good cooperation “the Fleet could benefit the Army more than it apparently expects”¹⁵. A meeting with the Commander-in Chief of the Caucasus Army general Yudenich was held in recently captured Erzurum on February 21, 1916. Its participants reached an agreement on how the cooperation between the Navy and Army was to continue: during the planning period the Army headquarters should consult with the Fleet; if urgent assistance is needed from the Fleet – the Army command should communicate what exactly must be done and the Fleet will decide on ways in which to achieve the set goal; negotiations between the Army and the Navy should be conducted only through the headquarters of the Caucasus Army and the Black Sea Fleet, because all naval forces, including Batumi unit, take orders only from the headquarters of the Black Sea Fleet and cannot follow the instructions of land command¹⁶.

It would seem that the agreement satisfied both sides, but in the future, the Army often acted differently from what was the agreement dictated. The plan of the offensive of the Coastal Group on Trabzon that began shortly after the meeting in Erzurum was not coordinated with the headquarters of the Black Sea Fleet in advance. Once again, the Army decided on the worst option for the Fleet to progress along the coast instead of a fast amphibious operation directly into the Trabzon region. The mission plan was received at the headquarters of the Black Sea Fleet only on March 28 while the operation itself began on April 7¹⁷. The situation was further complicated for the Navy by Stavka’s decision to finally allocate new land forces from the armies of the Russian Southwestern Front for the operation to capture Trabzon, which the navy had to carry and drop off in the region marked for the land offensive. Since this operation was deemed highly important by Stavka, the Black Sea Fleet was again forced to act according to plan developed by the Caucasus Army, without the ability to change it. Moreover, during the operation, in spite of the agreement, the Commander-in-Chief of the Fleet did not receive requests even from the staff of the Caucasus Army, but

¹³ Записка о действиях флота. Январь 1916. // Там же. Д. 884. Л. 1.

¹⁴ Бубнов А.Д. В царской Ставке. Нью-Йорк, 1955. С. 224.

¹⁵ Записка Кетлинского. Февраль 1916 г. // РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 884. Л. 74.

¹⁶ Соглашение в Эрзеруме от 8 февраля 1916 г. // Там же. Л. 99.

¹⁷ Приказ Эбергарда. 20 марта 1916 г. // Там же. Л. 269.

instead the commander of the Coastal Group general Liakhov. Liakhov not only set the target for the fleet, but also the number and class of the ships, often sending requests four to five days prior to their implementation date¹⁸.

It so happened that an effective system of cooperation of the Army and Navy was formed only by the commencement of the operation of the seizure of Trabzon. In April, Ketlinsky, was once again sent by Eberhardt for negotiations with the Army command. This time he went to the headquarters of the Coastal Group of Liakhov and the purpose of his visit was to determine the causes of the conflicts that arose between the Army and Navy. After returning Ketlinsky presented his assessment of the situation. From his point of view, the main problem was that, acting alone, Liakhov did not comply with the provisions of the agreement while the Navy did not require him to do so¹⁹. Another major problem was that the Army command was not aware of the conditions of naval operations and often required the Navy to do the impossible. As a matter of principle, it is possible to agree with this assessment. Liakhov was a Cossack officer, he perfectly knew the Caucasus where he spent his entire service. An excellent cavalry officer, he had no understanding of naval conditions during action at sea.

However, Ketlinsky also admitted the mistake of the Fleet, which was made by the Black Sea Fleet headquarters when assigning unsuitable officers for communication with the headquarters of the Coastal Group. Traditional mutual distrust between the naval and army officers manifested itself fully. Navy officers were united by their sense of belonging to a special caste and their common disdainful attitude towards their army colleagues. Ketlinsky himself witnessed how ostentatiously disrespectful the naval officers behaved in respect to Liakhov who was significantly higher than them in rank. A Soviet military historian and a naval officer himself, Nikolai Novikov, having analyzed the situation after World War I, also deemed the Army primarily responsible²⁰. The same time he did admit that army officers had reasons to disbelieve the ability of the fleet to conduct large amphibious operations because nothing of such nature had been done previously.

The cooperation procedures for the approval of mission plans established in Erzurum could hardly be adhered to at all times. Combat situations were changing rapidly, the Coastal Group operated quite independently, and in its actions contained a high degree of flexibility. In these circumstances it was natural for Liakhov to make decisions without lengthy preparation and to address his requests for support to the commander of the naval forces in the Black Sea or even directly to the commander of Batumi naval unit.

ARTILLERY SUPPORT PROVIDED BY THE FLEET

In January 1916 general Eberhardt, describing the role of the fleet in future operations, listed three types of action: artillery support and protection of supply routes, delivery of supplies, transport and landing of troops²¹. Artillery support was first on the list. Indeed, without it, the Coastal Group had little chance to be successful. The Coastal Group at various times had only 40–50 guns, but they were 76 mm (3 inch) field and mountain guns. Although the Russian 76 mm gun was quite effective against infantry, their effectiveness at shooting on fortified positions was not too high. By 1916, the Russian Army was still experiencing a shortage of artillery and ammunition, although it was not as severe as in 1915. In addition, the Caucasus front was occupied with many Cossack units less armed than the infantry. Typically, infantry and cavalry units had only their own divisional artillery at their disposal. In early 1916, Russian command had to assemble an artillery group in preparation for the assault of Erzurum. According to the recollections of colonel Evgeniy Maslovskiy, serving at the Caucasus Army headquarters, a significant portion of the Caucasus Army's field artillery: more than 160 guns and almost all of the heavy guns including the old fortress cannons, were allocated for that purpose²².

¹⁸ Ляхов – Эбергарду. 26 марта 1916 г. // Там же. Д. 937. Л. 203.

¹⁹ Отчет Кетлинского. 28 апреля 1916 г. // Там же. Д. 870. Л. 21.

²⁰ Новиков Н.В. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М., 1937. С. 177.

²¹ Телеграмма Юденича. 22.01.1916 // РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1049. Л. 4.

²² Масловский Е.В. Мирровая война на Кавказском фронте, 1914–1917 гг. Париж, 1933. С. 266.

The Black Sea fleet was not the first to provide artillery support for ground forces. In September 1915, the Russian Baltic Sea fleet ships have already conducted such operations. As a result of a retreat of the Russian Army in 1915, the front line was pressed tightly against the coast of the Baltic Sea and the Russian ships were able to bombard German positions. Then it was clear that even old battleships, unfit for naval battles against enemy's modern ships, and smaller ships, such as destroyers carrying few guns can serve as excellent artillery support for the ground forces.

From the land army's standpoint, the warship was primarily seen as a combat platform with various guns, including long-range artillery and a large stock of ammunition. This platform could fire on several targets simultaneously, bombard the enemy's flank and rear, and quickly change location. All these advantages of naval artillery support became apparent at an early stage of the Coastal Group's offensive. On February 5–6 in 1916, the Batumi Naval unit comprising of the old battleship "Rostislav", two gunboats and four destroyers helped Russian troops brake through the Turkish positions that had previously been unsuccessfully attacked by the Russian infantry. Particularly successful were the next steps of the offensive on February 15–16. Liakhov sent the plan of operations and the necessary maps to the commander of the naval unit a few days in advance. The Navy was also better prepared for the fight, the primary care being the improvement of communications with the shore to receive information on targets and accuracy adjustments. At first, the messages were transmitted via signal flags with the help of a special team that was sent to the shore. In the second case, information transmission was carried out using a radio station, assembled specifically for this purpose by radio-operators of the "Rostislav" and placed on the shore²³. This arrangement played an important role in achieving success, since neither the Army nor the Navy had a way of mapping enemy positions previously and had to detect them during the battle.

Ships simultaneously fired on multiple targets: barbed wire fences, trenches, and artillery positions. They used mainly the 152 mm and 75 mm cannons, but when clearing Turkish fortified position took longer than was expected, the "Rostislav" used her main caliber 254 mm (10 inch) cannons. To destroy a fortified point using this method took only four shells²⁴. Attempts of the Turks to retreat to alternate positions and fortify there were not successful because the ships quickly pursued the enemy and opened fire on new targets. At one point in battle, ships came close enough to the shore to use their machine guns. Each time the ships managed to maintain the fire on the Turkish flank along the trenches, making it so more severe for the Turks. When the Turkish troops began to retreat, the destroyers came in from the back and transferred fire onto the fleeing infantry. Liakhov was very pleased with the Fleet's performance and in a telegram to Eberhardt, he expressed his appreciation saying that the fleet "brilliantly completed with the task"²⁵.

In preparation for the assault on Trabzon on March 9th, Liakhov submitted a plan of action for the artillery support ships directly to the headquarters of the Black Sea Fleet. It involved the participation of the main forces of the Batumi naval unit from the 12th to the 21st of April in bombardment of the Turkish front lines, fortifications of the Trabzon fortress and rear roads²⁶. Right before the mission, sea and land forces received substantial reinforcements. The Coastal Group was reinforced with two Cossack foot (plastun) brigades while the Batumi naval unit was strengthened by another battleship, the "Panteleimon" (former "Potemkin"). Until that moment, mostly medium caliber guns were used to support the ground troops, but now the land forces were to attack a fortress, and although it was not too strong, the additional heavy guns of the "Panteleimon" could prove to be very useful.

The operation to capture Trabzon was of great importance. Yudenich arrived in Batumi himself to control the situation. He did not however, interfere with the procedures of the operation. Interestingly, colonel Maslovskiy, a staff officer of the Caucasus Army located next to Yudenich, wrote after the war that he did not know how two battleships and escort ships appeared at the

²³ Римский-Корсаков – Эбергарду. 9 февраля 1916 г. // РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 890. Л. 31.

²⁴ Донесение командира «Ростислава». 7 февраля 1916 г. // Там же. Л. 29.

²⁵ Ляхов – Эбергарду. 6 февраля 1916 г. // Там же. Л. 23–25.

²⁶ Ляхов – Эбергарду. 26 марта 1916 г. // Там же. Д. 937. Л. 203.

Turkish positions as Caucasus Army headquarters did not send a request for their participation in the operation. He suggested that the Russian ships were sent by Eberhardt to intercept Turkish ships and the naval unit commander decided to help the army himself²⁷. Maslovskiy never found out that Liakhov had long preferred to contact Eberhardt and the commander of Batumi naval unit captain of the 1st rank Mikhail Rimsky-Korsakov directly. The operation was planned in advance and some army artillery officers who had the necessary maps were on board the ships. Moreover, Eberhardt already agreed on the necessity to pass operational control of the ships that supported the offensive of the ground forces to Liakhov. Commanders of ships were allowed to discontinue support of the ground units only in extreme cases imposed on them by conditions at sea²⁸. A fairly effective system of cooperation of marine and land forces was finally established. It differed from one provided for in the Erzurum agreement and was formed not as the result of new negotiations, but the recognition by main actors of the practicality of cooperative action.

Fleet ensured the success of the offensive and this time, on April 14, the bombardment of Turkish front lines significantly eased the assault. After breaking the initial defenses, ground troops began to prepare for the assault of the fortress and the ships went back to Batumi. Novikov, having served as a naval officer, found no other explanation as to why Liakhov sent ships to the port before the final assault, except general's desire to direct all glory in his own favor, by taking the city "in an impressive land assault"²⁹. The reality, however, was that Liakhov planned to give the troops a break and prepare an assault on April 19, hoping to enlist the help of the fleet once again. During this pause, there was no reason to keep the ships in the war zone. In his plan presented to Eberhardt, it was proposed that on April 19–21, both battleships and other ships will fire at Trabzon's artillery batteries and defenses while the destroyers will operate in the enemy rear³⁰. Apparently, it was the overall domination of Russian Black Sea Fleet that forced the Turks to abandon attempts to defend the fortifications of Trabzon. The assault was not required since the Turks voluntarily abandoned it on April 16.

LOGISTIC SUPPORT

Supplying the Coastal Group with necessary supplies, transportation of reinforcements and evacuation of injured soldiers became a recurring job of the Navy. While artillery support was required only during offensive operations, this work has become a persisting pattern. In February 1916, when the Coastal Group was still relatively close to Batumi, Liakhov had three transport ships at his disposal. For some time, these ships were able to handle their task, but as the front line moved away from their supply bases, the army units began to feel a lack of sufficient support. The land troops commander demanded more ships from the Fleet and eventually their number was increased to three times the original size, although the naval command believed that the problems arose due to the inability of Lyakhov and his staff to use the available means effectively³¹.

After the capture of the port Rize, the supply job was assigned to the Transport Flotilla of the Black Sea Fleet. This flotilla was established in March 1915 and consisted of former civilian ships requisitioned during the war to transport people and cargo³². The creation of such merger was intended to strengthen the Fleet's capabilities of a large-scale amphibious operation. Plans for the organization of large landing mission to capture Bosphorus were being developed in Russia since the end of the XIX century. On the eve of the outbreak of the war, the Russian command canceled the mission due to a lack of transport ships. When the British and French naval forces launched an operation against the Dardanelles, Russian Supreme Command once again considered the possibility of capturing the area, in case Allies succeeded in Dardanelles. In February 1915, the

²⁷ Масловский Е.В. Указ. соч. С. 327.

²⁸ Приказ Эбергерда. 14 апреля 1916 г. // РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 894. Л. 27.

²⁹ Новиков Н.В. Указ. соч. С. 210.

³⁰ Ляхов – Эбергарду. 26 марта 1916 г. // РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 937. Л. 203.

³¹ Эбергард – Русину. 12 апреля 1916 г. // Там же. Д. 893. Л. 11–25.

³² Айрапетов О.Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 212.

decision to resume the preparation for an expedition to Bosphorus was accepted and thus began the formation of the transport fleet for transportation of troops and supplies. In July 1915, it consisted of over 80 ships, separated into seven groups located in the ports of Sevastopol, Odessa, Nikolaev and Kherson. Having significant amounts of transport and cargo ships ready to for the pick-up and relocation of people and supplies became a great advantage when a need to substantially increase support for the offensive of the Coastal Group at Trabzon arose.

The successful capture of Rize, on the one hand eased the process of providing supplies, but on the other hand, the Fleet was now facing new challenges. It turned out that another group of the Caucasus Army under the command of general Mikhail Przhhevskiy that was advancing parallel to Liakhov's group deep in Turkish territory, also needed supplies. All necessary supplies could be brought up to that group from Rize as well. The main advantage of controlling the port was the fact that it could be converted into a logistical supply base for Russian ground forces. If previously the Fleet had to constantly bring up all the necessary items, it was now possible to create stores in Rize and periodically replenish them. A good road ran along the coast from Rize to Trabzon, allowing Rize to supply the advancing troops. However, the port of Rize was not well-suited to receive such a large number of goods. There was also another problem – the port was not protected from possible attacks by Turkish and German naval forces. Meanwhile the cruiser “Breslau” continued her periodic raids on coasts occupied by Russian soldiers and bombarding the troops. Finding a solution to all these problems was also the responsibility of the Fleet, namely the Transport Flotilla of admiral Aleksandr Khomenko. Port of Trabzon was much better suited not only for the purpose of supplying the ground troops from the sea, but also as a small base for naval forces. Shortly after its capture, began the work meant to improve the port and ensure its defense against possible attacks from the sea; the responsibility for all these concerns were laid upon the Fleet. Fortified positions were being built for the batteries of 254 mm (10 inch) and 152 mm (6 inch) guns and nets were installed to protect the port from submarines. Until the equipment was operational, two gunboats and three destroyers were transferred to the fortress in Trabzon³³. It can be noted that overall, the navy accomplished its goal of supporting the ground troops well. The Coastal Group did not experience significant shortages of anything that was necessary.

THE FLEET'S TRANSPORTATION AND LANDING OF TROOPS

At the first stage of the offensive, the transport and landing of small contingent of ground forces were carried out by transport ships and warships of Batumi Naval unit. During the time when the fleet was supporting the Coastal Group, ships belonging to the Transport Flotilla had to carry and land ground troops regularly. The Black Sea Fleet did not have any experience with such transportations previously, so the Russian commanders carefully studied landing operations of the Allies. A special group of navy officers was sent in July 1915 to study this experience in Gallipoli. The product of their reports and education was a revised set of instructions. In November 1915, a new “Guide for amphibious operations in the Black Sea” was adopted and in January 1916, an order from The Chief of Staff of Russian Supreme Commander-in-Chief general Alekseev was issued concerning the cooperation of the Army and Navy during landing operations³⁴.

Under the new rules, the transport operations were to be led by the commander of the Transport Flotilla. His powers were extended for the duration of the operation: under his command were port commanders in locations where the troops were picked up and their points of landing. Alekseyev's order also introduced a new position within the Black Sea Fleet – Landing Commander, to which admiral Mitrofan Kaskov was the first to be appointed. Ranked under the Transport Flotilla Commander, the Landing Commander directly supervised each operation. Under his command were transport ships, escorts and support, and even the land troops until the completion of their transportation ashore. He was also tasked with development of a plan of operation and its coordination with the Army commanders.

³³ Каськов – Эбергарду. 22 мая 1916 г. // РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 894. Л. 77.

³⁴ Приказ Алексея. 16 января 1916 г. // Там же. Л. 20.

The first task assigned to admiral Kaskov in March 1916 was to develop a plan of landing ground troops in Trabzon. At that point the commander of the Black Sea Fleet still retained hope of receiving at least one division of land troops from the Army to be used in an assault on the Turkish port from the sea. The operation involved using the Transport Flotilla ships, three battleships, and all forces of Batumi Naval Unit including the battleship, destroyers, and other ships³⁵. It is interesting to note that the command of the Fleet planned to land troops on the enemy bank during battle, although the preparation for such operation in the Black Sea had never been carried out. This apparently explains the Fleet's readiness to allocate four battleships for the operation, since their artillery could clear the enemy from the bank and provide opportunity to land the ground forces without major losses.

The Fleet did have some experience of landing small units on an enemy shore; however, this was not done by the Transport Flotilla. In the first half of March 1916, supporting the offensive of the Coastal Group, ships of the Batumi Naval Unit landed troops three times at the rear positions of the Turks, carrying one infantry battalion in each case. All three operations were successful, but the Turks normally noticed Russian soldiers at a time when the majority had already gotten to the shore. Each time a successful landing became crucial to the success of the offensive. During this period, ships from Batumi also supplied reinforcements and even then, there were problems caused by the Army commanders demanding the Fleet to do what it could not. A typical situation was described in the report of the head of the Batumi Naval unit Rimsky-Korsakov. On March 21, 1916, the ships had to drop 24 officers, 900 soldiers and 95 horses with arms and supplies to strengthen the Coastal Group. Lyakhov insisted that troops landed as close to the front lines as possible despite the objections of naval officers. Sailors understood that the weather made landing on the unprepared shore dangerous but were forced to obey orders. As a result, the first landing boat capsized due to large waves. Fortunately, the 12 people who were on board were able to get ashore. Soon after, the ships headed for port Rize and landed the troops there without problems³⁶.

The transportation maneuvers involving relatively large contingents of troops had to be taken on by the ships of the Transport Flotilla. The first such operation was conducted on April 6–8 of 1916. Before commencing the offensive on Trabzon, Stavka decided to reinforce the Coastal Group with two Cossack foot brigades, which the Transport Flotilla had to deliver from Novorossiysk to the war zone. The primary contingents of both the Transport Flotilla and the Black Sea Fleet participated in the mission. Two modern dreadnoughts came out to sea with an escort to provide cover for the transport ships. On one of the two was Eberhardt himself. Overall, there were too many commanders present at the operation. The person in charge should have been Kaskov, but he had only recently begun his duties, so the commander of Transport Flotilla admiral Khomenko took over the leadership position. On one of the ships heading to port Rize, arrived general Yudenich. Under these conditions, disagreements could not be avoided. When the landing of troops in Rize was in full swing, Liakhov requested from the naval commanders that at least part of reinforcements was dropped off as close to the front as possible. The reason was that the Turks, knowing that Coastal Group should be receiving reinforcements, decided to attack before fresh Russian forces arrived at the front. The frontal Russian units had to repel furious attacks of the Turks and Liakhov, supported by Yudenich, decided to use ships to move his new fighting force into battle as quickly as possible. Admirals refused to change their plan of action, but soon found a compromise – the day after troops landed in Rize, they were again loaded onto ships rushed to the front. Just a few days, the Fleet transported 499 officers and 17 828 soldiers, 2913 horses, 462 cattle, 12 guns, 320 tons of cargo and even 5 camels without any losses³⁷.

After the capture of Trabzon, the fleet carried out an even more massive operation which transferred two infantry divisions to the coastal front. Strengthening the Russian troops in this area clearly demonstrated that the success of the Coastal Group did not go unnoticed in Stavka. The

³⁵ Приказ Эбергарда. 27 февраля 1916 г. // Там же. Д. 884. Л. 4.

³⁶ Рапорт Римского-Корсакова. 12 марта 1916 г. // Там же. Д. 937. Л. 68.

³⁷ Эбергард – Русину. 12 апреля 1916 г. // Там же. Д. 893. Л. 11–25.

Squad's advances and the capture of an important Turkish port was a major success for the Caucasus Army and gave hope for good strategic opportunities in the war against Turkey in the future. However, in 1916, the Caucasus campaign remained a secondary focus while the European theatre of operations was expected to require the most effort. Because of this belief, the primary goal for the Caucasus Army was to establish a foothold in the areas it had taken over which seemed to be far from easy – Russians were expecting arrival of Turkish reinforcements. The headcount of divisions ready to be transported to Trabzon was twice the number of two Cossack foot brigades that were delivered there earlier. The divisions also had more artillery, auxiliary units, and a larger volume of cargo. The port Mariupol in the Azov Sea was chosen as the loading point, making the trip noticeably longer. Granted, the Navy now had experience and organizing this operation proved less difficult. It was again necessary to use the primary naval forces, postponing all other missions at the time. Dreadnoughts, cruisers, and destroyers were out at sea providing cover for the ships of the Transport Flotilla³⁸. The transportation and landing went smoothly without any complications and the troops safely traveled to Trabzon. The last operation of this kind was conducted in June of 1916, using one dreadnought and several destroyers to transport a naval infantry battalion from Odessa to Trabzon.

DEFENDING AGAINST ATTACKS FROM THE SEA

An offensive along the coastal zone gave the Coastal Group a big advantage – the support of the Fleet. However, on the other hand, this situation became dangerous at those times when the Fleet could not protect the land forces from possible enemy attack from the sea. Although in 1916, the Russian Fleet mostly controlled the Black Sea, the actions of the Coastal Group forced the Germans and Turks use more actively naval forces capable to avoid the encounter with the main Russian force. Firstly, intensified was the use of the German submarines and the cruiser “Breslau”. Vulnerability to attacks from the sea troubled Liakhov and forced him to ask the Black Sea Fleet headquarters for help. In this regard, there were also disagreements between the Navy and Army. The Navy believed that the total dominance of Russian Fleet was sufficient protection for the advancing Russian troops and that constantly sending ships to protect the land troops was unnecessary. However, in particularly important moments the Fleet responded to the Army's requests. In early March 1916, the dreadnought “Imperatrissa Maria” and two destroyers were deployed for the protection of the land forces and their supporting ships. The main purpose of these forces was to protect the ships transporting troops and cargo, as well as the artillery support ships, from enemy submarine attacks. The Fleet did not consider the attacks of the “Breslau” a great danger and did not think it necessary to keep the ships at sea to protect from her attacks. According to Eberhardt, this German ship was only seen in action twice, the first time it mistakenly fired on Turkish positions and the second time the victims numbered 4 soldiers and approximately 20 wounded³⁹.

The primary naval forces always provided cover from the sea at times when the transport fleet was transporting troops. Eberhardt understood the severity of losing even one transport ship. Usually, the command deployed only the fastest ships – one or both dreadnoughts, cruisers, and destroyers. In June 1916, the dreadnought “Imperatitsa Ekaterina Velikaya” and three destroyers were sent to escort only two transport ships carrying a naval infantry battalion⁴⁰. These measures were very timely. German submarine activity in the first half of 1916 was steadily increasing, especially after a large German submarine U-33 arrived in Istanbul. German submarines managed to sink a number of small Russian cargo ships in different parts of the Black Sea, however, thanks to the precautions of the Black Sea fleet headquarters, the Russian fleet suffered no major losses.

CONCLUSION

Results of the joint operations of the Russian Black Sea Fleet and the Coastal Group of the Caucasus Army were very positive. At the beginning of the operations, commanders of the

³⁸ План действий флота. 28.04.1916 // Там же. Д. 870. Л. 5–7.

³⁹ Эбергард – Русину. 12 апреля 1916 г. // Там же. Д. 893. Л. 11–25.

⁴⁰ Приказ Эбергарда. 11 июня 1916 г. // Там же. Д. 894. Л. 108.

Caucasus Army presented the Coastal Group only with limited objectives, assuming that it will only be used to cover the flank of the main forces of the Army. The success of this group added to the importance of this region and Lyakhov received increasingly ambitious missions. The most important reason behind success was the close and effective interaction between the Navy and the Army, which allowed a relatively small land squad, detached from the supply lines, to attack successfully for nearly four months. Such interaction was possible primarily because the goals of Army and Navy generally coincided. The Caucasus Army was advancing, and the Coastal Group ensured the safety of its flank, while the capture of the Turkish ports Rize and Trabzon limited the opportunities of the Turks to bring in reinforcements and other necessary supplies. For the Black Sea Fleet, the main task of which was a blockade of the Turkish coast and the termination of all Turkish action at sea, capturing even a smaller Turkish ports was also important. The ability to define common goals, stems from the fact that the army and naval command were able to overcome the traditional distrust of each other and form a system of cooperation. Mutual dissatisfaction can be seen periodically in the remaining documents from the headquarters of the Black Sea fleet and the Caucasus Army, there were no situations in which this dissatisfaction would inhibit the progress of any missions. Often, the Fleet commanders made concessions and complied with the requests of the Army commanders despite their dissatisfaction with Army's plans and the way they were carried out. Even while disagreeing with the plans of the Caucasus Army, the headquarters of the Black Sea Fleet acted in accordance with them. This did not happen solely because the orders were given by Stavka, noting that requests for assistance often came directly from the commander of the Coastal Group general Liakhov. The Navy was fully aware of its responsibility and understood the importance of the support it provided for the Army and was ready to accept the fact that army commanders did not always follow the agreement on rules of cooperation put together by the two headquarters. At times when the situation and common sense truly demanded digressing from this agreement the Navy did not mind.

Библиография

Айрапетов О.Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002.

Бубнов А.Д. В царской Ставке. Нью-Йорк, 1955.

Гончаров В. Действия Приморского отряда Кавказской армии. Трапезундская операция // Кавказский фронт Первой мировой войны. М., 2004. С. 665–685.

Козлов Д.С. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2012.

Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте, 1914–1917 гг. Париж, 1933.

Новиков Н.В. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М., 1937.

References

Airapetov O.R. Na Vostochnom napravlenii. Sud'ba Bosforskoj ekspeditsii v pravlenie imperatora Nikolaja II [In the Eastern direction. The fate of the Bosphorus Expedition during the reign of Emperor Nicholas II] // Posledniaia voina imperatorskoj Rossii [The Last War of Imperial Russia]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Bubnov A.D. V tsarskoj Stavke [In the Tsar's Headquarters]. New York, 1955. (In Russ.)

Goncharov V. Deistviia Primorskogo otriada Kavkazskoi armii. Trapezundskaia operatsiia [Actions of the Primorsky detachment of the Caucasus Army. Trebizond operation] // Kavkazskii front Pervoi mirovoi voiny [Caucasus front of the First World War]. Moskva, 2004. S. 665–685. (In Russ.)

Kozlov D.S. Narushenie morskikh kommunikatsii po opyту deistvii Rossiiskogo flota v Pervoi mirovoi voine [Violation of sea communications on the experience of the Russian Fleet in the First World War] (1914–1917). Moskva, 2012. (In Russ.)

Maslovskii E.V. Mirovaia voina na Kavkazskom fronte [World War on the Caucasus Front], 1914–1917 gg. Paris, 1933. (In Russ.)

Novikov N.V. Operatsii flota protiv berega na Chernom more v 1914–1917 gg. [Fleet operations against the coast on the Black Sea in 1914–1917]. Moskva, 1937. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640028072-7

© 2023 г. **Е.Ю. СЕРГЕЕВ**

ВОЗДЕЙСТВИЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ СРЕДНЕГО ВОСТОКА НА СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1920-х годов

Сергеев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com

Scopus Author ID: 56445046700; ORCID: 0000-0001-7834-5824; РИНЦ: С-8571-2018

Данная статья подготовлена в рамках проекта «Трансферты колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны» (РНФ № 22-18-00011).

Аннотация. Автор анализирует воздействие антиколониальных движений Среднего Востока на советско-британские отношения 1920-х годов. Выбранный регион, который включал Персию, Афганистан, северо-западную Индию, Китайский Туркестан (Синьцзян) и Тибет, всегда играл важную роль в двустороннем политическом и экономическом диалоге. Вместе с тем оценка связи событий в азиатских государствах с динамикой политических процессов в Советском Союзе и Соединенном Королевстве еще не являлась предметом специального исследования, несмотря на значительное количество научных публикаций, посвященных истории их взаимоотношений. Основанная на широкой источниковой базе, включающей дипломатическую переписку, аналитику экспертов, комментарии журналистов и личные впечатления современников, статья рассматривает сценарии действий Кремля и Уайтхолла на Среднем Востоке с учетом долгосрочных прогнозов различных политических групп в советских и британских правящих кругах. Выводы, которые делает автор, позволяют уточнить причины и характер отказа от идеи «мировой революции» в Москве, с одной стороны, и последовавшего перехода от монопартийных к общенациональным коалиционным кабинетам в Лондоне — с другой.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, внешняя политика, антиколониальное движение, национально-освободительные движения, Средний Восток, Персия, Иран, Афганистан, северо-западная Индия, Синьцзян, Тибет.

E.Yu. Sergeev

The Impact of Anti-Colonial Movements in the Middle East upon the Soviet-British Relations in the 1920s

Evgeny Sergeev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities; State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com

Scopus Author ID: 56445046700; ORCID: 0000-0001-7834-5824; РИНЦ: С-8571-2018

The article was prepared as part of the project “Transfers of Colonial Order: Domestic Security Patterns after the Great War” (RNF № 22-18-00011).

Abstract. The author analyses the impact of anti-colonial movements in the Middle East on Soviet-British relations in the 1920s. The region, which comprised Persia, Afghanistan, Northwest India, Chinese Turkestan (Sinkiang), and Tibet always played an important role in bilateral political and economic dialogue. However, the assessment of the correlation between events in Asian states and the dynamics of political developments inside both the Soviet Union and the United Kingdom has not yet been the subject of special studies, despite a significant quantity of academic publications covering the history of their relationship. Drawing on a wide range of sources, including diplomatic correspondence, analytical reviews by experts, journalists' comments and personal impressions of contemporaries, the author examines scenarios of actions plotted by the Kremlin and Whitehall in the Middle East, while taking into account the long-term forecasts which various political groups put forward to the Soviet and British leading circles. The conclusions drawn by the author made it possible to clarify the reasons and nature of Moscow's abstention from the idea of "world revolution", on the one hand, and of London's subsequent transition from mono-party to nationwide coalition Cabinets, on the other.

Keywords: USSR, Great Britain, foreign policy, anti-colonial movements, national liberation movements, Middle East, Persia, Iran, Afghanistan, North-West Frontier of India, Sinkiang, Tibet.

Проблема оценки характера и особенностей антиколониальных движений, которые понимаются автором как деятельность национальных партий и общественных групп с целью ликвидации зависимости от великих держав и обретения государственного суверенитета, сохраняет актуальность на фоне современных геополитических трансформаций. Помимо значимости для самих народов Азии, Африки и Латинской Америки, указанные движения оказывали серьезное влияние как на внутривнутриполитические события в самих метрополиях, так и на отношения между ними. Их примером могут служить Россия (СССР) и Великобритания, которые длительное время соперничали на Среднем Востоке – обширном регионе, охватывавшем Персию, Афганистан, северо-западную пограничную провинцию Британской Индии и Китайский Туркестан (Синьцзян).

Исходя из значимости ситуации на этих буферных, т.е. промежуточных между российскими (советскими) и британскими владениями, территориях, автор ставит своей целью рассмотреть воздействие локальных национально-освободительных движений на диалог между Москвой и Лондоном в сложную эпоху укрепления Версальско-Вашингтонского миропорядка, а также изучить влияние их двусторонних контактов на положение дел в указанном регионе.

Анализ имеющегося корпуса источников, включая официальную переписку и свидетельства непосредственных участников противостояния СССР и Великобритании на Среднем Востоке, позволяет осветить немало вопросов, без ответов на которые вряд ли возможно получить объективное представление о причинах, характере и последствиях советско-британского соперничества в Азии. К их числу относится формулирование целей политики Кремля и Уайтхолла, поиск ими эффективных средств защиты своих национальных интересов и обеспечение регионального направления дипломатической деятельности в общем контексте двусторонних отношений.

Здесь стоит отметить, что перу зарубежных и отечественных исследователей принадлежит немало содержательных работ о позитивных, а чаще негативных аспектах советско-британского взаимодействия в странах Азии¹. При этом оценки соперничества

¹ *Coates W., Coates Z.* Soviets in Central Asia. London, 1951; *Stahl K.* British and Soviet Colonial Systems. London, 1951; *Park A.* Bolshevism in Turkestan. 1920–1927. New York, 1957; *Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World, 1917–1958. Washington, 1959; *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. A Study of the Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966; *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока. 1920–1927 гг. М., 1968; *Monroe E.* Britain's Moment in the Middle East (1914–1971). Baltimore, 1981; *Jeffery K.* The Eastern Arc of Empire: A Strategic View, 1850–1950 // Journal of Strategic Studies. 1982. № 5. P. 531–545; *Keller S.* To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941. Westport (Con.); London, 2001; *Johnson R.* Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London, 2006; *Harrison R.* Britain in the Middle East, 1619–1971. London etc., 2016; *Сагумбаев А.В.* Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М., 2018.

Москвы и Лондона в Персии², событий в Афганистане³, а также антиколониального движения в Британской Индии⁴, Синьцзяне и Тибете⁵ под влиянием Коммунистического интернационала (Коминтерна) довольно противоречивы. Подчеркнем, что так называемое басмаческое движение в Центральной Азии заслуживает отдельного рассмотрения, которое не входит в задачу автора в этой статье.

Характеризуя принципиальные позиции сторон относительно общего положения дел в Азии, необходимо обратить внимание на беседу временного поверенного (фактически полпреда СССР) Х.Г. Раковского и министра иностранных дел Соединенного Королевства О. Чемберлена, которая состоялась 3 апреля 1925 г. по инициативе советского представителя. В ответ на его заявление, что советское правительство поддерживает самоопределение народов Востока, глава Форин офис констатировал, что такая политика лишь будет способствовать «распаду Британской империи, устранив тем самым возможность договориться с Москвой»⁶.

Показательно, что в руководстве СССР и Великобритании на протяжении 1920-х годов высказывались различные точки зрения относительно методов укрепления своих позиций на Среднем Востоке. Что касается кремлевской верхушки, то ее представители считали возможным осуществление трех сценариев.

Москва учитывала спад революционной волны в Европе, а потому там звучали предложения продолжить «мировую революцию» на пространствах Азии. Главными сторонниками такой точки зрения являлись члены Политбюро ЦК РКП(б) Л.Д. Троцкий и Г.Е. Зиновьев. Документы, конфискованные британской полицией благодаря обыскам лондонской штаб-квартиры Коммунистической партии Великобритании (КПВ) в октябре 1925 г., ясно указывали на причастность Коминтерна к антиправительственной деятельности в британских доминионах и колониях⁷. Не случайно, говоря об угрозе «большевизации» националь-

² *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca; New York, 1949; *Rezun M.* The Soviet Union and Iran from the Beginning of the Pahlavi Dynasty until the Soviet Invasion in 1941. Geneva, 1981; *Володарский М.И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). London, 1985; *Sabahi H.* British Policy in Persia, 1918–1925. London, 1990; *Арабаджян З.А.* Иран: противостояние империям (1918–1941). М., 1996.

³ *Stewart R.* Fire in Afghanistan 1914–1929. New York, 1973; *Barthorp M.* Afghan Wars and the North-West Frontier 1839–1947. London, 2002; *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). Москва; Липецк, 2007; *Его же.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008; *Weis P.L.* British Strategic Policy towards Afghanistan 1919–1929. M.A. Thesis. Halifax, 2008; *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. Москва; Барнаул, 2010.

⁴ *Samra C.S.* India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. Bombay, etc., 1959; *Elliot J.G.* The Frontier 1839–1947. The Story of North-West Frontier of India. London, 1968; *Das D.* India from Curzon to Nehru and After. London, 1969; *Haithcox J.* Communism and Nationalism in India, M.N. Roy and Comintern Policy 1920–1939. Princeton (N.J.), 1971; *Peele G.* Revolt over India // The Politics of Reappraisal 1918–1939 / eds G. Peele, C. Cook. New York, 1975. P. 114–145; *Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. A Study of Soviet Policy towards India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. New Delhi, 1987; *Ramnath M.* Haj to Utopia. How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire. Berkeley, etc., 2011; *Sielaff A.* Soviet Influence in British India: Intelligence and Paranoia within Imperial Government in the Interwar Years. M.A. Thesis. Boulder (Col.), 2011; *Жирова Н.С.* Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном (1922–1943). Липецк, 2018.

⁵ *Miller N.* Soviet Imperialism and Sinkiang. New York, 1951; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. London, 1984; *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1999; *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006 (см. также издание на англ. яз.: *Andreyev A.* Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy, 1918–1930s. Leiden, 2003); *Обухов В.Г.* Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007; *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М., 2013.

⁶ Раковский – Литвинову, 3 апреля 1925 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 069. Оп. 9. П. 20. Д. 4. Л. 16.

⁷ Review of the Communist activities in British colonies and dominions, October 1925 // The National Archives of the United Kingdom (далее – TNA). KV 3/21.

ных движений в колониальных и зависимых странах, министр транспорта консервативного правительства У. Эшли отмечал: «В Египте, Индии, даже среди племен Центральной Африки они (агенты Коминтерна. — *Е.С.*) за работой, возбуждая ненависть и презрение к белому человеку и всей его деятельности»⁸.

Второй сценарий означал нормализацию отношений с западными странами ценой отказа от соперничества на «азиатской периферии». Сторонником такого подхода выступал народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин, предложивший 22 мая 1925 г. британскому временному поверенному в СССР У. Питерсу восстановить действие положений конвенции 1907 г. о разграничении сфер влияния обеих держав в Персии и Китае⁹.

Третий вариант курса большевиков на Среднем Востоке постепенно складывался у И.В. Сталина и его сторонников. На практике он определялся поиском оптимального сочетания первого и второго подходов, хотя сама логика внутрипартийной борьбы заставляла сталинскую группу в зависимости от конкретной ситуации критиковать как адептов первого, так и второго сценария выстраивания отношений с Лондоном, представляя концепцию «строительства социализма в одной стране, окруженной враждебными империалистическими государствами», как единственно возможную альтернативу новой вооруженной интервенции, а значит, и мировой войне. Хорошо известно, что складывание этой концепции началось во второй половине 1925 г., получив доктринальное оформление в декабре на XIV съезде ВКП(б), в резолюциях которого Рейнский гарантийный пакт 1925 г. характеризовался как новое издание договоров Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.¹⁰

Говоря о британской внешнеполитической повестке, отметим, что к середине первого послевоенного десятилетия для значительной части властной элиты Соединенного Королевства вырисовывалась необходимость сочетания традиционных методов жесткого силового давления с применением новых колониальных практик. Среди последних можно назвать поддержку национальных движений умеренного типа на Среднем Востоке, например Всеиндийской мусульманской лиги во главе с Мохаммедом Али Джинной. Как известно, работа комиссии Дж. Саймона (впоследствии министра иностранных дел) на территории Индостана в 1928 г. позволила сформулировать юридические основания для принятия закона об управлении доминионом, что, в свою очередь, открыло возможность утверждения первой конституции Индии¹¹.

Признавая необходимость федерализации империи как основы британского глобального лидерства, многие видные тори высказывали различные точки зрения не только в публичных выступлениях, но и на страницах *The Round Table Journal* — периодического издания, отражавшего взгляды правоконсервативных кругов. К числу последовательных охранителей имперских устоев относились тогдашние канцлер казначейства У. Черчилль, а также министры колоний Л. Эмери и по делам Индии Ф. Смит, больше известный как лорд Биркенхед. Все они стремились предложить, если так можно сказать, новый вариант «доктрины Монро» для британских владений в Азии, рассматривая военную авиацию как главный инструмент сохранения там позиций Лондона¹². Показательно, что фактически все правые тори поддержали заявление Биркенхеда с трибуны парламента в июне 1926 г.: «Советское правительство стремится окружить Индию кольцом большевистских государств»¹³.

⁸ Ashley W. The Menace of Communism // *English Review*. 1925. № 12. P. 633.

⁹ Peters to O. Chamberlain, 22 May 1925 // *Documents on British Foreign Policy, 1919–1939* (далее — DBFP) / eds. W.N. Medlicott, D. Dakin et al. First ser. Vol. XXV. London, 1984. P. 672. См. подробнее: *Sabahi H.* Op. cit. P. 198–200.

¹⁰ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1924–1925 бюджетный год // *Документы внешней политики СССР* / отв. ред. А.А. Громыко. Т. 9. М., 1965. С. 612.

¹¹ *Жирова Н.С.* Указ соч. С. 101.

¹² Memorandum by Amery for the Cabinet, 11 May 1925 // TNA. CAB 24/173/37. F. 435–440.

¹³ Цит. по: *Hughes M.* *British Foreign Secretaries in an Uncertain World, 1919–1939*. London; New York, 2006. P. 75.

Не менее продолжительные споры происходили на заседаниях различных исследовательских центров главных оппонентов консерваторов — представителей Рабочей партии. Выступая за изменение колониального статус-кво, часть лейбористских лидеров, например А. Гендерсон, Х. Далтон и У. Ситрин, основываясь на мнениях экспертов Консультативного комитета по международным вопросам (Labour's Advisory Committee on International Questions), предлагали трансформировать империю в Содружество, которое могло бы состоять из трех уровней: метрополия — белые доминионы — азиатские и африканские колонии¹⁴.

Им возражали Дж. Лэнсбери, А. Понсонби, Ч. Бакстон, принадлежавшие к левому крылу лейбористов. Изучая опыт Советского Союза, особенно практику национально-государственного размежевания народов Туркестана, они сформулировали идею преобразования империи в социалистическое содружество равноправных наций посредством серии политических реформ¹⁵.

В итоге следует признать, что отсутствие какой-либо целостной концепции региональной политики как в Москве, так и в Лондоне на фоне коллизий, обусловленных соперничеством различных группировок внутри большевистского, а равно и британского руководства, серьезно нарушало последовательность дипломатических шагов Кремля и Уайтхолла.

События 1925—1926 гг. подтверждают сделанный вывод. Начнем с ситуации в Персии (Иране) как важнейшей страны, за влияние на которую Россия и Великобритания боролись на протяжении XIX в. Новый раунд их соперничества начался в результате свержения династии Каджаров и утверждения режима Реза-шаха Пехлеви в 1921—1925 гг. Комментируя дежурное заявление британского дипломата о «красной опасности», напомним читателю, что речь идет о неудавшейся попытке Москвы, поддерживавшей сепаратистские движения, добиться в начале 1920-х годов создания на северных границах Персии и Афганистана независимых государственных образований, примером чему могла служить так называемая Гилянская республика¹⁶.

Эта неудача заставила Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) в середине 1920-х годов перейти к фактической реанимации традиционной геополитической линии российской дипломатии. Не случайно ведущие иранские газеты отмечали: «В основе своей политики Россия совершенно не изменилась, и теперешние правители Севера продолжают, в сущности, ту же политику, что проводили и [министры иностранных дел царской России А.П.] Извольский и [С.Д.] Сазонов... Они (большевики. — Е.С.) желают привлечь к себе народы Азии для того, чтобы проложить себе дорогу к Персидскому заливу, Оманскому (Аравийскому. — Е.С.) морю и Индии»¹⁷.

Оказывая сильное политическое и экономическое давление на правительство шаха, Москва стремилась распространить сферу влияния на северные провинции Ирана, т.е. восстановить положение, существовавшее до 1917 г. Основной задачей советская дипломатия считала обеспечение доминирования на берегах южного Каспия, отказываясь на протяжении длительного времени эвакуировать свой воинский контингент из порта Энзели, где он находился с весны 1920 г.¹⁸

¹⁴ *Thomas J.H.* Labour and the Empire // *World Today*. 1924. № 5. P. 487—489. См. подробнее: *Sylvest C.* A Commanding Group? Labour's Advisory Committee on International Questions 1918—1931 // *The British Labour Party and the Wider World* / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 48—63; *Shepherd J.* A Gentleman at the Foreign Office: Influences Shaping Ramsay Macdonald's Internationalism in 1924 // *Ibid.* P. 25—47.

¹⁵ *Howe S.* Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918—1964. Oxford, 1993. P. 44—52.

¹⁶ Meeting of the Cabinet, 20 May 1925 // TNA. CAB 23/50/6. См. подробнее: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918—1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 328—370.

¹⁷ *Володарский М.И.* Указ. соч. С. 107—108.

¹⁸ Чичерин — Богомолу, 14 августа 1925 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 32. Д. 450. Л. 91—94.

Со своей стороны Форин офис также на словах выступал за консолидацию режима Реза-хана, предложив ему, помимо щедрых финансовых субсидий, помощь в реализации проектов развития дорожной сети, строительства линий связи, аэродромов и морских портов¹⁹. Символом новой политики Лондона на Среднем Востоке должно было стать открытие в 1928 г. регулярной авиалинии Лондон — Каир — Карачи. Однако в реальности британцы намеревались прежде всего контролировать торговое судоходство в районе Персидского залива, а главное — нефтедобычу на промыслах Англо-персидской нефтяной компании, акционерами которой являлись некоторые высокопоставленные лица в кабинетах Уайтхолла.

Кроме того, в истеблишменте справедливо обращалось внимание на угрозу позициям Британии в случае формирования у границ Индостана военно-политического блока в составе Турции, Персии и Афганистана под эгидой СССР²⁰. Однако договоры между Анкарой, Тегераном и Кабулом о тесном сотрудничестве, заключенные в 1926–1928 гг., свидетельствовали главным образом о неприятии этими государствами как большевистской идеологии, так и планов сохранения привилегированного статуса британских юридических и физических лиц на их территории²¹.

Выделив, по данным британских дипломатов, более 40 тыс. ф.ст. на субсидии высокопоставленным персидским чиновникам, советская сторона добилась подписания 1 октября 1927 г. нескольких соглашений с правительством шаха, включая пакт о нейтралитете, торговый договор и конвенцию о рыболовстве на Каспии²². Однако ценой восстановления экономических позиций на севере Персии явились отказ от поддержки местных коммунистов и постепенное прекращение большевистской пропаганды в стране²³.

Еще более важное значение в контексте соперничества России (СССР) и Великобритании на Среднем Востоке имел Афганистан — предмет их постоянной заботы на протяжении XIX–XX вв. Здесь необходимо иметь в виду, что для Москвы важно было обеспечить безопасность границ сразу трех республик, созданных в результате национально-государственного размежевания 1924–1925 гг., — Туркменской, Узбекской и Таджикской, положив конец рейдам басмачей на советскую территорию. А для Лондона принципиальное значение имело блокирование гипотетических путей военного вторжения из большевистской Средней Азии в северо-западную Индию через горные проходы Гиндукуша.

Как отмечал в меморандумах для членов Кабинета лорд Биркенхед, после заключения британо-афганского договора в Равалпинди, завершившего третью англо-афганскую войну 1919 г., правительство эмира Амануллы получило полную свободу действий во внутренней и внешней политике. Используя ситуацию для лавирования между Москвой и Лондоном, афганский правитель пытался, что называется, «столкнуть их лбами», чтобы получить от каждой из соперничавших сторон как можно больше финансовых субсидий, вооружения и инвестиций для проведения серии реформ и создания в стране современной инфраструктуры — линий связи, стратегических шоссе и аэродромов. С точки зрения Биркенхеда, которую он пытался донести до премьера С. Болдуина и членов кабинета, перед британской дипломатией в связи с Афганистаном стояли две проблемы: нестабильность режима Амануллы, сталкивавшегося с восстаниями племен, подстрекаемых традиционалистски настроенным духовенством, а также усиливавшаяся опасность советского проникновения в страну. Эта угроза, по мнению главы министерства, вице-короля

¹⁹ Наступление английского империализма на Афганистан и Персию (статьи, документы, материалы). Спец. вып. № 8. Ташкент, 1929. С. 10–22.

²⁰ Lorraine to India Office, 30 January 1926 // British Library. Asian and African Studies (далее — BLAAS). Indian Office Records (далее — IOR). L/PS/10/1038.

²¹ *Володарский М.И.* Указ. соч. С. 122–131.

²² Clive to A. Chamberlain, 21 October 1927 // BLAAS. IOR. L/PS/10/1038.

²³ Среднеазиатское бюро ВКП(б). Краткие политико-экономические сведения по Хорасанской провинции Персии, 1 сентября 1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2210. Л. 25–46.

Индии Р. Айзекса (лорда Рединга) и посланника в Кабуле Ф. Хамфриса, обуславливалась резким увеличением числа советских авиаторов в юго-восточных провинциях Афганистана и поставками военных самолетов для афганских войск. Кроме того, обеспокоенность британских дипломатов вызывали проекты строительства на советские кредиты телеграфной линии Кабул — Кандагар с продлением до Герата и планы Москвы учредить консульства в ряде административных центров на юго-востоке страны²⁴.

По сообщениям Хамфриса, летом 1925 г. на афганской территории находилось более 80 советских представителей, включая 29 военных летчиков-инструкторов, что в 10 раз превышало количество проживавших в столице британцев²⁵. В свою очередь антиправительственное выступление трех племен численностью до 50 тыс. человек в пограничной провинции Пактия на рубеже 1924—1925 гг., известное как Хостский мятеж, было расценено некоторыми кремлевскими руководителями с подачи большевистских спецслужб как очередной британский заговор против Амануллы²⁶. Стремясь использовать ситуацию для продолжения «мировой революции», Зиновьев и его сторонники предложили в 1925 г. заключить секретное соглашение с эмиром по формированию повстанческих отрядов в северо-западной пограничной провинции Индии (СЗПП) для нападения на британские гарнизоны и лояльные им племена. И хотя эта инициатива была отвергнута большинством членов Политбюро, они все же решили сформировать в Афганистане широкую сеть резидентов и информаторов, что вызвало резкий протест Чичерина, который выступал за урегулирование советско-британских разногласий в странах Азии путем переговоров²⁷.

События всеобщей забастовки мая 1926 г. на Британских островах только усилили подозрительность экспертов Форин офис, внимательно наблюдавших за продолжавшимся с осени 1925 г. конфликтом вокруг острова Урт-Тагай на пограничной р. Пяндж, откуда отряды басмачей совершали рейды в Туркестан. Хотя в феврале 1926 г. советские пограничники покинули остров, а учрежденная двусторонняя комиссия приступила к переговорам, Биркенхед на очередном заседании Кабинета настоятельно рекомендовал Форин офис предупредить Кремль, что «военная оккупация афганского Туркестана с целью его последующего присоединения к СССР в любых форме и виде будет рассматриваться как повод к войне (*casus belli*)»²⁸.

Важно подчеркнуть, что алармистские настроения членов консервативного правительства относительно ситуации в Афганистане объяснялись еще одной региональной угрозой, а именно перспективой превращения китайского Синьцзяна в новую социалистическую республику, что могло способствовать распространению большевистского влияния даже на Тибет²⁹.

Серьезные опасения британской стороны касательно изменения позиции афганского эмира, который, судя по оптимистическому заявлению полпреда Л.Н. Старка, «определенно принял нашу (советскую. — Е.С.) ориентацию»³⁰, получили подтверждение после заключения в конце августа 1926 г. советско-афганского договора о нейтралитете и взаимном ненападении. Новый поворот внутривосточной борьбы в Афганистане, связанный с восстанием под предводительством таджика Бацаи Сакао, бывшего

²⁴ Memoranda by Lord Birkenhead for the Cabinet, 9 June, 7 December, 11 December 1925 // TNA. CAB 24/173/88. F. 831—838; CAB 24/176/16. F. 69—72; CAB 24/176/23. F. 110.

²⁵ Humphreys to the Government of India, 6 July 1925 // Afghanistan Strategic Intelligence. British Records 1917—1970 / ed. A.L.P. Burdett. Vol. 1. Chippenham, 2002. P. 682.

²⁶ Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. С. 148—153.

²⁷ Там же. С. 168.

²⁸ Memorandum by Maxse for the Cabinet, 22 June 1926 // TNA. FO 800/259. F. 537—539.

²⁹ Об опасениях британского правительства в отношении усиления советских позиций в Афганистане см. подробнее: Memorandum by Hoare for the Cabinet on Chinese Turkestan, 19 December 1932 // TNA. T 161/699.

³⁰ Humphreys to A. Chamberlain, 20 April 1925 // DBFP. First ser. Vol. XXV. P. 660—662; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919—1925). Сб. документов / сост. Ю.Н. Тихонов. М., 2017. С. 442.

военнослужащего армии эмира, окончательно похоронил надежду лидеров Коминтерна инициировать в 1928 г. революционный подъем на восточных рубежах Британской империи.

Отметим в этой связи существенную роль, которую играло состояние СЗПП для сохранения регионального баланса сил. Материалы пресс-бюро советского полпредства в Лондоне показывают, с каким вниманием Москва относилась к публикациям британских газет, муссировавших вопрос о «большевистской угрозе» Британскому Раджу со стороны Афганистана. К примеру, консервативная газета *The Morning Post* в июле 1926 г. дважды уведомила своих читателей о военной активности русских в провинциальных центрах Джалалабаде и Кандагаре, где якобы началось строительство авиационных баз, с которых самолеты противника получали возможность в короткое время достигнуть так называемой зоны свободных племен или, другими словами, буферной территории между Афганистаном и Индией³¹.

О планах руководителей Коминтерна создать сеть комитетов по руководству национально-освободительным движением в Персии, Афганистане, Индии и Китае, добившись согласования их работы с деятельностью тред-юнионов в метрополии, британские спецслужбы были прекрасно осведомлены³². Согласно данным индийских историков, на средства, выделенные Коминтерном в 1925–1928 гг., КПВ ежегодно направляла в Индию от четырех до шести своих эмиссаров из числа индусов – бывших студентов британских университетов, прошедших подготовку в специальных центрах, чтобы координировать антиправительственные выступления³³. В новых условиях эта деятельность тем не менее рассматривалась британским консервативными как продолжение имперской политики царской России. Не случайно, выступая 26 октября 1926 г. на очередной имперской конференции, лорд Биркенхед отметил резкую интенсификацию попыток «красных агентов» проникнуть на территорию Индостана в сравнении с периодом геополитического соперничества двух держав в рамках Большой игры второй половины XIX – начала XX в.³⁴

Нетрудно понять, что антиколониальные выступления народов в западных регионах Китая также влияли на советско-британские отношения. Непосредственно в Синьцзяне главной проблемой для Москвы к середине 1920-х годов стало сосредоточение там 70 тыс. беженцев из России, среди которых «непримиримые» противники большевиков составляли 15–20%. Именно они создавали воинские союзы бывших военнослужащих царской армии и участников Белого движения, образуя благоприятную среду для деятельности агентов британских спецслужб и антибольшевистского подполья на территории СССР³⁵.

Уайтхолл рассматривал Китайский Туркестан еще одним важным стратегическим регионом на северо-западных подступах к имперским владениям. Как свидетельствуют данные разведки, чиновники колониальной администрации в Индии стремились контролировать транспортные пути через Синьцзян, пресекая перемещения десятков революционеров и транзит крупных партий вооружения. Поэтому британцы укрепляли позиции в южной части Синьцзяна – Кашгарии, тогда как север региона, Джунгария, фактически оказался под контролем советских консульских представителей³⁶.

При этом Москва и Лондон были в равной степени обеспокоены активизацией различных сепаратистских движений на территории Синьцзяна, цель которых состояла в отделении от Китайской республики и провозглашении суверенного исламистского государства. Однако, не в пример британцам, некоторые советские руководители, включая

³¹ Английская пресса о «красной угрозе» Индии, июль 1926 г. // АВП РФ. Ф. 69. Оп. 15. П. 51. Д. 53. Л. 64–67.

³² *Petrie D. Communism in India, 1924–27. Calcutta, 1927. P. 80–82.*

³³ *The Times. 3.V.1928. См. подробнее: Samra C.S. Op. cit. P. 114–115, 136.*

³⁴ *Smith F.E. The Life of F.E. Smith, First Earl of Birkenhead. London, 1959. P. 535.*

³⁵ *Обухов В.Г. Указ. соч. С. 142–143; Наземцева Е.Н. Указ. соч. С. 98.*

³⁶ *Note by V. Short, Officer of the India Government Intelligence Bureau, 14 March 1926 // Afghanistan Strategic Intelligence. P. 693–695. Также см.: Nyman L.-E. Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang, 1918–1934. Malmoe, 1977. P. 75.*

Сталина, рассчитывали использовать сепаратистов для превращения Синьцзяна в опорный регион влияния СССР на всю Восточную и Южную Азию³⁷.

Появление осенью 1925 г. в Кашгаре нового генерального консула, участника Гражданской войны, бывшего латышского стрелка М.Ф. Думписа, которое совпало по времени с назначением на аналогичный пост британского представителя Дж. Джиллана, знаменовало начало очередного раунда советско-британского противоборства в Синьцзяне. Хотя внимание Уайтхолла в этот период было сосредоточено на революционном движении в приморских провинциях Китая, заключение секретного соглашения между Москвой, националистическим правительством в Кантоне и милитаристами левой политической ориентации вызвало серьезные опасения Лондона, поскольку предполагалось образовать исламскую республику на территории Синьцзяна и пограничной с ним северо-западной провинции Ганьсу во главе с антибритански настроенным генералом Фэн Юйсяном, но под советским протекторатом.

Активизация деятельности агентов Коминтерна и большевистских спецслужб в Китае достигла апогея во второй половине 1926 – начале 1927 г. Иллюстрациями могли служить празднование 1 Мая в Кашгаре под красными флагами, а также настойчивое стремление московских эмиссаров установить контакты с духовным лидером Тибета Далай-Ламой XIII, что встретило решительный протест облеченных полномочиями лиц³⁸. Однако все усилия синьцзянского губернатора (дубаня) Ян Цзэнсиня заручиться поддержкой британских представителей в перевооружении территориальных сил, чтобы нейтрализовать влияние революционеров и сепаратистов, не приносили результата, пока националистическое правительство не перешло под абсолютный контроль генерала Чан Кайши в апреле 1927 г. Только тогда начались аресты коммунистов, а вместе с ними и исламских сепаратистов, особенно экстремистов из числа уйгуров и дунган³⁹.

Не менее противоречиво развивались отношения большевистского руководства и с Тибетом, претендовавшим в это время на независимый статус, о котором Далай-Лама XIII объявил еще в 1913 г., не будучи признанным Лигой Наций после ее создания спустя шесть лет. Впрочем, и в этом случае происходило столкновение различных точек зрения в кремлевских кабинетах. Если Чичерин предлагал Сталину направить в Лхасу дипломатическую миссию, чтобы заключить с британцами новое соглашение о разграничении сфер влияния, то, например, заведующий монголо-тибетским отделом Исполкома Коминтерна С.С. Борисов, побывавший в августе 1924 – мае 1926 г. на территории высокогорной страны, заявил в лекции студентам Коммунистического университета трудящихся Востока: «Для нас противодействие английскому вторжению, закрепление нашего влияния разными путями в Тибете, конечно, стимулируется прежде всего тем моментом, что он находится по соседству с Индией, что по существу он является заключительным звеном той нашей линии соприкосновения с Англией, которая начинается с Турции и кончается в Китае»⁴⁰.

18 декабря 1925 г. член коллегии НКВД С.И. Аралов направил в Политбюро докладную записку с изложением необходимости установления советского контроля над теократическим государством. Отметив активную антибольшевистскую деятельность британского дипломатического агента полковника Ф. Бейли в Сиккиме, пограничном княжестве к юго-востоку от Лхасы, Аралов подчеркнул: «Пока Англия не захватила важнейшие командные позиции в Тибете, необходимо противопоставить ее агрессии все наши реальные возможности»⁴¹. Именно поэтому в 1926 г. Москва командировала туда советско-монгольскую миссию А.Ч. Чапчаева, членам которой после нескольких месяцев

³⁷ Обухов В.Г. Указ. соч. С. 208.

³⁸ Нутан Л.-Е. *Op. cit.* P. 60.

³⁹ *Ibid.* P. 68–69.

⁴⁰ Андреев А.И. Указ. соч. С. 266–267.

⁴¹ Там же. С. 281.

многотрудного и опасного путешествия удалось достичь тибетской столицы, где они находились с мая по декабрь 1927 г.⁴²

Практически в то же время другая, неофициальная экспедиция под руководством известного художника и буддолога Н.К. Рериха, имевшего на руках сразу три паспорта — советский, британский и французский, также попыталась достичь Лхасы. Отметим, что, готовясь к путешествию в Москве, Рерих встречался не только с Чичериным и его заместителем Л.М. Караханом, но и начальником Иностранного отдела ОГПУ Г.И. Бокием. В дневниковой записи от 5 апреля 1926 г. супруга художника Е.И. Рерих следующим образом формулировала цель экспедиции: «Если Союз Советов признает буддизм учением коммунизма, то наши общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности»⁴³.

По сути, основная идея Рериха — объединение исповедовавших буддизм народов Азии в Монголо-Сибирское государство — Священный союз Востока, по его терминологии, означала бы ликвидацию британского влияния на территории всей Центральной Азии. Поэтому он намеревался убедить верховного правителя Тибета вступить в партнерские отношения с СССР, для чего участники экспедиции везли с собой крупную партию оружия, предназначенного для национальной армии, в создании которой советские военные инструкторы намеревались оказать непосредственное содействие. Однако попытки Рериха достичь Лхасы в конце 1927 — начале 1928 г. оказались неудачными из-за блокирования единственной дороги в столицу Тибета местными властями, сильно обеспокоенными угрозой большевизации их страны, о перспективе которой не уставал повторять Бейли в покоях Далай-Ламы⁴⁴.

Завершая рассмотрение антиколониальных движений, выделим основные направления советско-британского дипломатического противостояния в государствах Среднего Востока. Первым из них, безусловно, являлась борьба за влияние на местных правителей, начиная с иранского шаха или афганского эмира и заканчивая локальными вождями и региональными духовными лидерами — шейхами и пёрами. Средствами достижения этой цели обычно служили щедрые финансовые субсидии и поставки вооружения, а также откомандирование в регион военно-технического персонала. Основным полем соперничества здесь выступали Афганистан и Синьцзян.

Еще одним вектором двусторонних отношений в связи с антиколониальной борьбой являлась разработка масштабных проектов формирования транспортной и коммуникационной инфраструктуры на Среднем Востоке, практически лишенного телеграфных линий, автомобильных дорог и аэродромов. Таким образом, Москва и Лондон всемерно покровительствовали увеличению объемов экспортно-импортных операций, стремясь вытеснить конкурентов с региональных рынков. В этом плане главным полигоном их соперничества являлся Иран.

К третьей важной сфере воздействия национальных движений на советско-британские отношения необходимо отнести соревнование в области пропаганды и агитации. Источники свидетельствуют, что оно состояло в стремлении убедить широкие массы либо в преимуществах большевизма как идеологии, наиболее отвечающей национальным устремлениям азиатских народов, либо, наоборот, обосновать единственно возможный сценарий их плавного эволюционного перехода к политическому суверенитету без каких-либо революционных потрясений в соответствии с либеральными принципами индустриальной демократии. Яркие примеры соперничества Москвы и Лондона за умы не только образованного меньшинства, но и малокультурного меньшинства можно найти в описываемый период на территории Индостана и Тибета.

⁴² Там же. С. 291–294.

⁴³ Рерих Е.И. Листы дневника. 1925–1927. М., 2012. С. 124.

⁴⁴ Андреев А.И. Указ. соч. С. 300–308.

Оценивая степень воздействия ситуации в государствах Среднего Востока на политику Кремля и Уайтхолла, следует учитывать усиление в ней националистических тенденций. Этот процесс, требующий, очевидно, более детального анализа, отразился в постепенном отказе большевистского руководства от идеи экспорта «мировой революции» и переходе британского истеблишмента к формированию общенациональных многопартийных кабинетов в 1930-е годы, что объяснялось необходимостью реализации правящими кругами консенсусных внешнеполитических решений возникавших имперских проблем в более сжатые сроки.

Библиография

- Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.
- Арабаджян З.А.* Иран: противостояние империям (1918–1941). М., 1996.
- Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1999.
- Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М.; Барнаул, 2010.
- Володарский М.И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). London, 1985.
- Документы внешней политики СССР / отв. ред. А.А. Громыко. Т. 9. М., 1965.
- Жирова Н.С.* Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном (1922–1943). Липецк, 2018.
- Обухов В.Г.* Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007.
- Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М., 2013.
- Наступление английского империализма на Афганистан и Персию (статьи, документы, материалы). Спец. вып. № 8. Ташкент, 1929.
- Перух Е.И.* Листы дневника. 1925–1927. М., 2012.
- Сагимбаев А.В.* Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М., 2018.
- Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019.
- Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). Сб. документов / сост. Ю.Н. Тихонов. М., 2017.
- Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк, 2007.
- Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008.
- Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока. 1920–1927 гг. М., 1968.
- Afghanistan Strategic Intelligence. British Records 1917–1970 / ed. A.L.P. Burdett. Vol. 1. Chippenham, 2002.
- Ashley W.* The Menace of Communism // English Review. 1925. № 12. P. 625–635.
- Barthorp M.* Afghan Wars and the North-West Frontier 1839–1947. London, 2002.
- Coates W., Coates Z.* Soviets in Central Asia. London, 1951.
- Das D.* India from Curzon to Nehru and After. London, 1969.
- Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 (DBFP) / eds W.N. Medlicott, D. Dakin, et al. First ser. Vol. XXV. London, 1984.
- Elliot J.G.* The Frontier 1839–1947. The Story of North-West Frontier of India. London, 1968.
- Haitheox J.* Communism and Nationalism in India, M.N. Roy and Comintern Policy 1920–1939. Princeton (N.J.), 1971.
- Harrison R.* Britain in the Middle East, 1619–1971. London, etc., 2016.
- Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. London, 1984.
- Howe S.* Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964. Oxford, 1993.
- Hughes M.* British Foreign Secretaries in an Uncertain World, 1919–1939. London; New York, 2006.
- Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. A Study of Soviet Policy towards India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. New Delhi, 1987.
- Jeffery K.* The Eastern Arc of Empire: A Strategic View, 1850–1950 // Journal of Strategic Studies. 1982. № 5. P. 531–545.
- Johnson R.* Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London, 2006.
- Kapur H.* Soviet Russia and Asia. A Study of the Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966.
- Keller S.* To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941. Westport (Con.); London, 2001.

- Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca; New York, 1949.
- Miller N.* Soviet Imperialism and Sinkiang. New York, 1951.
- Monroe E.* Britain's Moment in the Middle East (1914–1971). Baltimore, 1981.
- Park A.* Bolshevism in Turkestan. 1920–1927. New York, 1957.
- Nyman L.-E.* Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang, 1918–1934. Malmö, 1977.
- Peele G.* Revolt over India // The Politics of Reappraisal 1918–1939 / eds G. Peele, C. Cook. New York, 1975. P. 114–145.
- Ramnath M.* Haj to Utopia. How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire. Berkeley, etc., 2011.
- Rezun M.* The Soviet Union and Iran from the Beginning of the Pahlavi Dynasty until the Soviet Invasion in 1941. Geneva, 1981.
- Sabahi H.* British Policy in Persia, 1918–1925. London, 1990.
- Samra C.S.* India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. Bombay, etc., 1959.
- Shepherd J.* A Gentleman at the Foreign Office: Influences Shaping Ramsay Macdonald's Internationalism in 1924 // The British Labour Party and the Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 25–47.
- Sielaff A.* Soviet Influence in British India: Intelligence and Paranoia within Imperial Government in the Interwar Years. M.A. Thesis. Boulder (Col.), 2011.
- Smith F.E.* The Life of F.E. Smith, First Earl of Birkenhead. London, 1959.
- Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World, 1917–1958. Washington, 1959.
- Stahl K.* British and Soviet Colonial Systems. London, 1951.
- Stewart R.* Fire in Afghanistan 1914–1929. New York, 1973.
- Sylvest C.* A Commanding Group? Labour's Advisory Committee on International Questions 1918–1931 // The British Labour Party and the Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 48–63.
- Thomas J.H.* Labour and the Empire // World Today. 1924. № 5. P. 487–489.
- Weis P.L.* British Strategic Policy towards Afghanistan 1919–1929. M.A. Thesis. Halifax, 2008.

References

- Andreyev A.I.* Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy, 1918–1930s. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)
- Arabadjan Z.A.* Iran: protivostoyanie imperiam (1918–1941) [Iran: Resistance to Empires (1918–1941)]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Barmin V.A.* Sovetskii Soyuz i Sinkiang 1917–1941 gg. (Regional'nyi faktor vo vneshnei politike Sovetskogo Soyuza). [Soviet Union and Sinkiang 1917–1941 (Regional Factor in the Soviet Union's Foreign Policy)]. Barnaul, 1999. (In Russ.)
- Boiko V.S.* Vlast' i oppositsiya v Afganistane: ocbennosti politicheskoi bor'by v 1919–1953 gg. [Power and Opposition in Afghanistan: Features of Political Struggle in 1919–1953]. Moskva; Barnaul, 2010. (In Russ.)
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR [Documents of the USSR Foreign Policy] / ed. A.A. Gromyko. Vol. 9. Moskva, 1965. (In Russ.)
- Kheifets A.N.* Sovetskaya Rossiya i sopredel'nye strany Vostoka. 1920–1927 gg. [Soviet Russia and the Neighbouring Countries of the East. 1920–1927]. Moskva, 1968. (In Russ.)
- Nastuplenie angliiskogo imperialism na Afganistan i Persiyu (stat'i, dokumenty, materialy) [The Offensive of British Imperialism upon Afghanistan and Persia (articles, documents, materials)]. Tashkent, 1929. Special issue № 8. (In Russ.)
- Nazemtseva Ye.N.* Russkaya emigratsiya v Sinkiang (1920–1930-e gg.) [Russian Emigration in Sinkiang (1920–1930)]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Obukhov V.G.* Skhvatka shesti imperii. Bitva za Sinkiang [The Fight of Six Empires. The Combat for Sinkiang]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Rerikh Ye.I.* Listy dnevnika. 1925–1927 [Folios of Diary. 1925–1927]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Sagimbaev A.V.* Kolonial'naya politika Velikobritanii v mezhoennyy period: prichiny i osobennosti transformatsii [Great Britain's Colonial Policy in the Interbellum: Grounds and Peculiarities of Transformation]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Sergeev E.Iu.* Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniia, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniuu [The Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations, 1918–1924: from Intervention to Recognition]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Sovetskaya Rossiya v bor'be za "afganskii koridor" (1919–1925). Sbornik dokumentov [Soviet Russia in the Struggle for the "Afghan Corridor" (1919–1925). Collection of Documents] / comp. Yu.N. Tikhonov. Moskva, 2017. (In Russ.)

- Tikhonov Yu.N.* Politika velikikh derzhav v Afganistane i pushtunskie plemena (1919–1945) [Great Powers' Policy in Afghanistan and the Pashtun Tribes (1919–1945)]. Moskva; Lipetsk, 2007. (In Russ.)
- Tikhonov Yu.N.* Afganskaya voina Stalina. Bitva za Tsental'nuyu Asiyu [The Afghan War of Stalin. The Fight for Central Asia]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Volodarskii M.I.* Sovety i ikh yuzhnye sosedi Iran i Afganistan (1917–1933) [(The Soviets and Their Southern Neighbour-States Iran and Afghanistan (1917–1933)]. London, 1985. (In Russ.)
- Zhirova N.S.* Sotrudnichestvo indijskoi partii "Gadar" s Kominternom (1922–1943) [Collaboration of the Indian Party "Gadar" with the Comintern (1922–1943)]. Lipetsk, 2018. (In Russ.)
- Afghanistan Strategic Intelligence. British Records 1917–1970 / ed. A.L.P. Burdett. Vol. 1. Chippenham, 2002.
- Ashley W.* The Menace of Communism // English Review. 1925. № 12. P. 625–635.
- Barthorp M.* Afghan Wars and the North-West Frontier 1839–1947. London, 2002.
- Coates W., Coates Z.* Soviets in Central Asia. London, 1951.
- Das D.* India from Curzon to Nehru and After. London, 1969.
- Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 (DBFP) / eds W.N. Medlicott, D. Dakin, et al. First ser. Vol. XXV. London, 1984.
- Elliot J.G.* The Frontier 1839–1947. The Story of North-West Frontier of India. London, 1968.
- Haithcox J.* Communism and Nationalism in India, M.N. Roy and Comintern Policy 1920–1939. Princeton (N.J.), 1971.
- Harrison R.* Britain in the Middle East, 1619–1971. London, etc., 2016.
- Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. London, 1984.
- Howe S.* Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964. Oxford, 1993.
- Hughes M.* British Foreign Secretaries in an Uncertain World, 1919–1939. London; New York, 2006.
- Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. A Study of Soviet Policy towards India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. New Delhi, 1987.
- Jeffery K.* The Eastern Arc of Empire: A Strategic View, 1850–1950 // Journal of Strategic Studies. 1982. № 5. P. 531–545.
- Johnson R.* Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London, 2006.
- Kapur H.* Soviet Russia and Asia. A Study of the Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966.
- Keller S.* To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941. Westport (Con.); London, 2001.
- Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca; New York, 1949.
- Miller N.* Soviet Imperialism and Sinkiang. New York, 1951.
- Monroe E.* Britain's Moment in the Middle East (1914–1971). Baltimore, 1981.
- Park A.* Bolshevism in Turkestan. 1920–1927. New York, 1957.
- Nyman L.-E.* Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang, 1918–1934. Malmoe, 1977.
- Peele G.* Revolt over India // The Politics of Reappraisal 1918–1939 / eds G. Peele, C. Cook. New York, 1975. P. 114–145.
- Ramnath M.* Haj to Utopia. How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire. Berkeley, etc., 2011.
- Rezun M.* The Soviet Union and Iran from the Beginning of the Pahlavi Dynasty until the Soviet Invasion in 1941. Geneva, 1981.
- Sabahi H.* British Policy in Persia, 1918–1925. London, 1990.
- Samra C.S.* India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. Bombay, etc., 1959.
- Shepherd J.* A Gentleman at the Foreign Office: Influences Shaping Ramsay Macdonald's Internationalism in 1924 // The British Labour Party and the Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 25–47.
- Sielaff A.* Soviet Influence in British India: Intelligence and Paranoia within Imperial Government in the Interwar Years. M.A. Thesis. Boulder (Col.), 2011.
- Smith F.E.* The Life of F.E. Smith, First Earl of Birkenhead. London, 1959.
- Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World, 1917–1958. Washington, 1959.
- Stahl K.* British and Soviet Colonial Systems. London, 1951.
- Stewart R.* Fire in Afghanistan 1914–1929. New York, 1973.
- Sylvest C.* A Commanding Group? Labour's Advisory Committee on International Questions 1918–1931 // The British Labour Party and the Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 48–63.
- Thomas J.H.* Labour and the Empire // World Today. 1924. № 5. P. 487–489.
- Weis P.L.* British Strategic Policy towards Afghanistan 1919–1929. M.A. Thesis. Halifax, 2008.

DOI: 10.31857/S013038640025683-9

© 2023 г. А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

«МЯГКАЯ СИЛА» СТАЛИНА: ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ИНОСТРАННЫМ ВОИНСКИМ ФОРМИРОВАНИЯМ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Безугольный Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: besu111@yandex.ru

Scopus Author ID: 57221167901

Аннотация. Иностранные воинские формирования, созданные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны, подчеркивали коалиционный характер борьбы против нацистской агрессии. Во второй половине войны они стали инструментом продвижения геополитических интересов Советского Союза в Восточной Европе, в связи с чем строительство иностранных войск получило новый импульс. Статья подготовлена на впервые вводимых в научный оборот документах Центрального архива Министерства обороны РФ и посвящена анализу деятельности в годы Великой Отечественной войны особого органа военного управления, непосредственно подчиненного высшему руководству страны, — Уполномоченного по иностранным формированиям в СССР. Эта структура осуществляла координацию и контроль работы по формированию польских, чехословацких и югославских воинских частей как внутри советского военного ведомства, так и на межведомственном и международном уровнях. Актуальность статьи обусловлена тем, что в отечественной и зарубежной литературе этот институт изучен крайне слабо и сегодняшние знания о нем фрагментарны. Между тем речь идет о весьма эффективном инструменте советской «мягкой силы», способствовавшем распространению военно-политического влияния сталинского руководства на страны Восточной Европы. За годы войны институт уполномоченного пережил сложную эволюцию, несколько раз менял функции и наименования. Неизменной всегда оставалась прямая командная вертикаль между И.В. Сталиным и уполномоченным, что обеспечивало последнего крайне широкими административно-контрольными возможностями, несмотря на то что этот орган даже не был четко нормативно оформлен.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, иностранные воинские формирования, Красная армия, Генеральный штаб, польская армия в СССР, Польша, И.В. Сталин, Г.С. Жуков, В. Андерс, З. Берлинг.

A.Yu. Bezugolny

Stalin's "Soft Power": Activities of the Commissioner for Foreign Military Formations in the USSR During the Great Patriotic War

Alexey Bezugolny, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: besu111@yandex.ru

Scopus Author ID: 57221167901

Abstract. Foreign military formations established on the Soviet territory, more than anything else, epitomised the coalition nature of the struggle against Nazi aggression. In the latter stages of the war, they became a powerful tool for promoting the geopolitical interests of the Soviet Union in Eastern Europe, in connection with which the formation of alien troops received a new powerful impetus. The article draws on the documents of the Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation, which are introduced into the academic circuit for the first time. The author analyses the activities of a special body of military administration directly subordinate to the highest leadership of the country, namely the Commissioner for Foreign Formations in the USSR during the Great Patriotic War. He coordinated and supervised the formation of Polish, Czechoslovak, and Yugoslav military units both within the Soviet military establishment and at the interdepartmental and international levels. In the research literature, this institution has been very poorly studied and current knowledge about it is fragmentary, which determines its academic relevance. It was a highly effective instrument of Soviet “soft power”, which facilitated the extension of the Stalinist leadership’s military and political influence over the countries of Eastern Europe. During the war years, the institution of the Commissioner underwent a complex evolution, changing its functions and its name several times. The direct command vertical between Stalin and the Commissioner invariably remained unchanged, which provided the latter with extremely wide administrative and control possibilities, despite the fact that this institution was not even clearly defined.

Keywords: USSR, Great Patriotic War, armed forces, alien military formations, Red Army, General Staff, military command, Polish Army in the USSR, Poland, Joseph Stalin, Georgy Zhukov, Władysław Anders, Zygmunt Berling.

Традицию формирования войск, укомплектованных иностранцами, можно встретить в любой исторической эпохе и едва ли не в любой армии мира. Причины этого явления могли быть самыми разными — от нехватки собственных людских ресурсов до стремления подорвать моральный дух противника, используя в своих целях бывших солдат его армии. Разнообразны были и формы комплектования иностранных войск: найм за деньги и иные материальные блага, вербовка добровольцев, принудительный призыв. Советская эпоха не составила в этом отношении исключения и дает богатый исторический материал для анализа.

Особенно большой размах иностранные формирования в СССР приобрели в годы Великой Отечественной войны, достигнув максимума к ее окончанию. В мае 1945 г. в иностранных частях, воевавших совместно с Красной армией, числилось 561,3 тыс. человек, в том числе 375,1 тыс. человек — в действующей армии. Только в сухопутных войсках (без учета авиации) насчитывалось 40 дивизий (в том числе 33 пехотные и горнострелковые) и 44 бригады (в основном технических родов войск) иностранных войск¹. Штатная численность Войска польского — самого многочисленного из иностранных войск — достигла 446,2 тыс. человек, а списочная численность — 304 тыс. человек². В 1944–1945 гг. иностранные воинские части активно привлекались к вооруженной борьбе, приняв участие в таких важных операциях, как Киевская, Яско-Кишиневская, Дербеценская, Белградская, Висло-Одерская, Будапештская, Берлинская, Пражская и др.

Строительство иностранных воинских формирований в СССР в годы Великой Отечественной войны — политическая импровизация советского руководства, учитывавшего не только и не столько военные, сколько внешнеполитические резоны для Советского Союза. В первые годы войны на правах союзных войск формировались польские, чехословацкие, югославские, французские, в конце войны — норвежские части. Позднее широко использовался быстро растущий ресурс военнопленных из армий, противостоящих СССР. Формировались румынские, венгерские части.

¹ Боевой и численный состав иностранных военных формирований в Красной армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Статистический сборник № 13). М., 2009. С. 15–20.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 15а. Оп. 1917. Д. 7. Л. 1–95.

Необходимость координации и контроля усилий всех сторон, участвовавших в этом процессе, обусловила возникновение в структуре руководства советскими вооруженными силами особого органа — Уполномоченного по иностранным формированиям. Исторически сложилось, что этот институт ведал только союзными войсками — польскими, чехословацкими и югославскими, — ставшими наиболее многочисленными³. Оформляясь постепенно, по мере усложнения и расширения задач, менялись и функционал, и наименования этого органа, о чем будет сказано ниже.

Несмотря на разнообразие литературы, работ, полно раскрывающих деятельность Уполномоченного по иностранным формированиям, нет. Некоторые сведения на эту тему представлены в кандидатской диссертации И.И. Шинкарева⁴, посвященной усилиям советских военных и государственных органов по созданию и развитию иностранных формирований. В статьях историка спецслужб А.А. Здановича проанализированы чекистские аспекты деятельности уполномоченного Г.С. Жукова, бывшего штатным сотрудником системы НКВД — НКГБ⁵. Сообщения об этом институте можно встретить и в ряде других публикаций⁶. Зарубежные историки упоминают фигуру «генерала НКВД Жукова» на этой «чрезвычайно ответственной должности»⁷, однако для них он еще большая загадка, чем для их российских коллег.

Между тем этот вопрос, безусловно, представляет научный интерес, хотя бы по той причине, что указанный орган стал вполне эффективным рабочим инструментом в формулировании и реализации советской политики «мягкой силы», если понимать под ней ненасильственное продвижение политических интересов сталинского руководства в Восточной Европе.

Следует отметить, что многие документы, можно сказать даже документальные пласты, до сих пор находятся на секретном хранении в Центральном архиве Министерства обороны РФ и Центральном архиве Федеральной службы безопасности. Одно это позволяет считать представленную статью лишь хорошей возможностью для продолжения дискуссии о методах и механизмах сталинской «мягкой силы» в годы войны. В то же время состояние источников дает возможность достаточно четко очертить контуры этого малоизвестного даже в кругах профессиональных историков Великой Отечественной войны органа военного управления. Настоящее исследование основано на рассекреченных в последние годы архивных документах Генерального штаба Красной армии (ГШ КА), Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии и других центральных органов Наркомата обороны СССР, участвовавших в строительстве иностранных войск. Кроме того, в России издано большое количество документальных

³ Хотя случались и исключения. Например, с марта по июнь 1942 г. уполномоченный генерал-майор А.П. Панфилов от имени советского командования провел несколько встреч в Москве с представителями движения «Свободная Франция», выясняя возможность участия сухопутных французских войск в боях на советско-германском фронте (Советско-французские отношения Т. 1. М., 1983. С. 74, 99, 386). Сменивший А.П. Панфилова уполномоченный Г.С. Жуков весной 1944 г. провел большую предварительную работу по подготовке формирования венгерской пехотной бригады из военнопленных-добровольцев. Жуковым был подготовлен проект постановления ГКО, однако он не был реализован (*Желицкий Б.И.* Венгрия новейших времен: очерки политической истории 1944–1994 гг. М., 2017. С. 63–65).

⁴ *Шинкарев И.И.* Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 14–20.

⁵ *Зданович А.А.* Роль НКВД в формировании польской армии В. Андерса (1941–1942 гг.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 53–60; *Его же.* «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». Рождение Войска польского (1942–1944 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 48–54.

⁶ *Марына В.В.* Чехословацкие воинские части в СССР. 1941–1945 годы // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 83–106; *Филиппов В., Ларин Г.* Против общего врага. Советские воины в Войске польском. 1943–1968. Рязань, 2021. С. 46, и др.

⁷ *Staćczyk H., Zwoliński S.* Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945. Warszawa, 2015. S. 39.

сборников, нередко весьма содержательно и разносторонне раскрывающих различные аспекты темы⁸.

* * *

В советской делопроизводственной документации под иностранными понимались те воинские формирования, личный состав которых по признаку гражданства (подданства) или национальности представлял народы, чей основной этнический массив находился за пределами СССР (так называемые «несоветские народы»). Отсюда наименование «иностранцы». В этом их отличие от другого широко распространенного типа воинских формирований — национальных. Последние комплектовались тоже по мононациональному принципу, но уже советскими гражданами, представлявшими народы, чей этнический ареал лежал в границах СССР.

В годы Великой Отечественной войны иностранные формирования стран-союзниц не включались в состав советских вооруженных сил, а представляли иностранные государства и их правительства в изгнании или же общественно-политические организации, признанные Советским Союзом в качестве легитимных и полномочных представителей стран, оккупированных Германией и ее союзниками. Они присягали на верность своим странам и по окончании войны возвращались на родину. Военнослужащие этих армий говорили на родном языке, носили национальную форму одежды, подчинялись уставам своей армии в отношении внутреннего устройства, несения службы и дисциплинарной практики. Все эти моменты учитывались в соответствующих межгосударственных соглашениях, поскольку они выражали и подчеркивали суверенность создававшихся в СССР иностранных войск. Таким образом, всеми средствами артикулировался союзный и равноправный характер взаимоотношений между Красной армией и иностранными войсками.

Чаще всего государственные решения, определявшие порядок формирования, комплектования, размещения, снабжения иностранных частей и соединений, оформлялись постановлениями Государственного Комитета Оборона (ГКО). За годы войны было принято 32 таких постановления. Почти половина из них (14) относилась к польским формированиям. Хронологически наибольшее количество постановлений было принято в 1944 г. (10) и в 1945 г. (7), когда создание иностранных формирований достигло наибольшего размаха. Кроме постановлений ГКО решения об иностранных формированиях могли оформляться приказами Ставки ВГК⁹, что фактически означало иным образом изложенную волю И.В. Сталина, возглавлявшего оба эти органа. Наконец, нередко новые формирования объявлялись директивами ГШ КА. Они могли издаваться в развитие постановлений ГКО или же «в соответствии с указаниями народного комиссара обороны», которые давались Сталиным устно или в форме письменных резолюций во время совещаний непосредственно начальнику Генштаба, его заместителям или же передавались через уполномоченное должностное лицо по иностранным формированиям, о котором пойдет речь в данной статье.

ГШ КА непосредственно занимался формированием иностранных войск. Он готовил штаты формируемых частей, определял место и сроки формирования, способы и

⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994; Катюнь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: в 2-х т. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999; Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы. М., 2000; Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах, 1944–1945. Документы и материалы. М., 2000; Катюнь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катюни. Документы. М., 2001; Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов: в 4-х т. Т. 4. М., 2017, и др.

⁹ Среди важнейших — приказ Ставки ВГК № 302010 от 3 октября 1944 г. об образовании фронта Войска польского, формировании фронтового управления и подчиненных ему частей и соединенный усиления. См.: Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16 (5–4). Ставка ВГК. 1944–1945 гг. Документы и материалы. М., 1999. С. 155–156.

источники их комплектования личным составом, а также обеспечения материальной частью, вооружением, транспортом и иным имуществом. С 4 мая 1943 г. вся организационная работа была сосредоточена в руках вновь образованного Главного организационного управления Генштаба, начальником которого до конца войны был генерал-лейтенант А.Г. Карпоносов, являвшийся также заместителем начальника Генштаба.

Директивой Генерального штаба за подписью заместителей его начальника генерал-полковника А.И. Антонова или генерал-лейтенанта А.Г. Карпоносова задачи по формированию и комплектованию иностранных частей распределялись ответственным исполнителям — командующему войсками военного округа, в котором было назначено формирование, начальникам главных управлений (политического, кадров, формирования и укомплектования, связи и др.), а также начальнику тыла, командующим артиллерией, бронетанковыми и механизированными войсками в части, касающейся их полномочий. Формирование возлагалось на командира создаваемой части или соединения — генерала или офицера иностранной армии.

Однако описанная организационная схема, вполне рабочая для формирования воинских частей Красной армии, в случае с иностранными этим не ограничивалась, поскольку почти всегда имелся контрагент, с которым так или иначе согласовывались параметры будущих воинских формирований, — иностранное правительство или иной орган, признанный советским правительством в качестве полномочного представителя иностранного государства. Таким образом, иностранные формирования требовали определенных дипломатических усилий. Координация и согласование позиций советских органов военного управления с иностранными органами власти, военными миссиями и командованием формируемых частей и соединений представляли собой нетривиальную задачу.

Другой специфической проблемой было изыскание людских ресурсов, подходящих для иностранных формирований по параметрам гражданства, национальности, политической лояльности и, конечно, физической годности к военной службе, а также организация их военной подготовки по советским боевым уставам, на советском вооружении и военной технике. Большинство контингента, использованного для укомплектования иностранных войск в годы войны, находилось в ведении НКВД: иностранцы, содержащиеся в лагерях для интернированных и военнопленных, ссыльнопоселенцы. Обеспечение лояльности иностранных войск шло прежде всего за счет подбора командного состава, что требовало тесного контакта с органами НКВД — НКГБ. Прокоммунистический настрой массы иностранных военнослужащих обеспечивался насыщением частей представителями левых партий в качестве культурно-просветительских (политических) работников. Изыскание таких кадров требовало подключения структур Коминтерна, с июня 1943 г. — Отдела международной информации ЦК ВКП(б).

Уже 3 июля 1941 г. советское правительство выразило принципиальное согласие приступить к формированию на территории СССР «национальных комитетов и национальных частей» из представителей западных и южных славян, пострадавших от нацистской агрессии, — поляков, чехов и словаков и жителей Югославии. Сразу было заявлено, что Советский Союз не претендует на включение таких воинских частей в состав Красной армии. Переговоры с польскими и чехословацкими представителями начались уже в первые недели войны. Вел их заместитель начальника Оперативного управления ГШ КА генерал-майор А.М. Василевский¹⁰. После его назначения 1 августа 1941 г. начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба ведение переговоров перешло к исполняющему должность начальника Разведывательного управления ГШ

¹⁰ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 21.

генерал-майору танковых войск А.П. Панфилову¹¹ — боевому командиру, участнику военного конфликта на озере Хасан. В начале августа Панфилов, непосредственно участвовавший в подготовке предложений советской стороны по военному соглашению с Польшей, представил В.М. Молотову проект основных принципов такого соглашения¹². За Василевским некоторое время сохранялось общее курирование польских формирований.

Поручение ведения переговоров с иностранными военными делегациями Разведуправлению Генштаба выглядело логично, поскольку профессионально оно изучало иностранные армии, а также имело в своем составе военно-дипломатическое подразделение — Отдел внешних сношений. В то же время Разведуправление не занималось организационным строительством воинских частей.

Первоначально все дело ограничивалось именно военной дипломатией. Соглашения, обозначившие параметры будущих воинских формирований, были подписаны с представителями польского правительства в эмиграции 14 августа 1941 г., с чехословацкими представителями — 27 сентября 1941 г. В дальнейшем польские формирования под руководством генерала В. Андерса значительно опередили по темпам и масштабам организации чехословацкие, и в первый период войны внимание советского правительства в большей степени было сосредоточено именно на них.

17 августа 1941 г. был составлен первый доклад А.П. Панфилова на имя начальника ГШ маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, который был подписан им в качестве «Уполномоченного Генштаба Красной армии по польским формированиям»¹³. И.В. Сталин внимательно ознакомился с протоколами переговоров с представителями польского командования, визировал их и дважды вызывал Панфилова к себе. 19 ноября 1941 г. Панфилов получил от ГКО аналогичный польскому мандат «Уполномоченного Верховного Командования СССР по связи с чехословацкой военной миссией и по реализации советско-чехословацкого военного соглашения от 27 сентября 1941 г.»¹⁴.

Формальным заместителем А.П. Панфилова являлся майор госбезопасности Г.С. Жуков¹⁵, на деле же он был фактически независим от начальства, курируя польские формирования по линии спецслужб. Он нередко именовался «уполномоченным», как и Панфилов (без приставки «заместитель»), причем не только от военного командования, но и от Совета Народных Комиссаров СССР. Жуков периодически замещал Панфилова на совещаниях и в командировках, участвовал в переговорах с польским и чехословацким командованием. По версии А.А. Здановича, Жуков изначально получил «совершенно идентичный мандат с А. Панфиловым», т.е. мандат уполномоченного, однако было принято решение представлять его в переговорах заместителем армейского генерала Панфилова, чтобы не «смущать» польских партнеров по переговорам¹⁶. Так или иначе, справедливо вести речь о двух со-уполномоченных при формальном главенстве Панфилова.

¹¹ *Панфилов, Алексей Павлович* (1898–1966) — генерал-лейтенант танковых войск, Герой Советского Союза. С июня 1940 по июль 1942 г. — исполняющий должность начальника, начальник Разведывательного (с февраля 1942 г. — Главного разведывательного) управления ГШ КА. С августа 1941 по июль 1942 г. — Уполномоченный Главного командования КА по формированию польской армии. С августа 1942 г. — заместитель командующего 3-й танковой армией, с октября 1943 г. — командир 6-го, затем 3-го гвардейского танкового корпусов (Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 2. М.; Жуковский, 2006. С. 159–160).

¹² Советско-польские отношения... Т. 4. С. 159.

¹³ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 29, 32, 38, 44.

¹⁴ Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: в 2-х т. Т. 1. М., 2015. С. 176.

¹⁵ *Жуков, Георгий Сергеевич* (1907–1978) — генерал-лейтенант (1945). Лишен звания в 1954 г. С февраля 1941 г. — заместитель начальника 1-го отдела 2-го управления НКГБ СССР; с сентября 1941 г. — начальник 4-го отдела 2-го управления НКВД СССР; с мая 1943 г. — начальник 7-го отдела 2-го управления НКГБ СССР. Уволен в октябре 1954 г. (*Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954: справочник. М., 2010. С. 377–378).

¹⁶ *Зданович А.А.* Роль НКВД... С. 57.

Аналогично ситуация сложилась и на чехословацком направлении. Когда 19 ноября 1941 г. Панфилов был назначен уполномоченным по чехословацким формированиям, Жуков в постановлении ГКО, подписанном Молотовым, упомянут не был¹⁷. Тем не менее уже 28 декабря 1941 г. Панфилов и Жуков подавали на рассмотрение Молотова проект постановления ГКО о чехословацких формированиях, оставив свои подписи под единым заголовком: «Уполномоченные Главного командования Красной армии по формированию чехословацкой армии на территории СССР»¹⁸.

Отметим, что и Панфилову, и Жукову новый фронт работ достался в нагрузку к основным обязанностям. Оба не имели практического опыта ни в области военной дипломатии, ни в области строительства вооруженных сил и осваивали новые для себя сферы деятельности на ходу.

Панфилов и Жуков в переговорах с польской (а затем и чехословацкой) стороной при выработке и согласовании с высшими органами власти и военным ведомством советской переговорной позиции опирались на собственные штатные аппараты – Разведуправления Генштаба, возглавляемое Панфиловым, и 4-го отдела 2-го (контрразведывательного) управления НКВД, который возглавлял Жуков (отдел специализировался на агентурно-оперативной работе по польской, чехословацкой, югославской, греческой и норвежской линиям¹⁹). Справочные материалы для докладов уполномоченного высшему руководству страны нередко готовились силами всего 2-го управления НКВД и подписывались начальником управления комиссаром госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотовым²⁰. Протокольную часть военно-дипломатической работы обеспечивал Отдел внешних сношений Разведуправления Генштаба, его офицеры участвовали в переговорах с иностранными военными миссиями.

Следует отметить, что активное участие в вопросах согласования параметров иностранных формирований, особенно в 1941–1942 гг., принимал Молотов – и как заместитель председателя советского правительства, ответственный за координацию гражданских ведомств (Наркомфина, Наркомздрава и т.д.) в связи с иностранными формированиями, и как нарком иностранных дел, через ведомство которого шло налаживание международных каналов связи с союзными правительствами и военными миссиями. Молотову направлялась значительная часть текущей документации, связанной с иностранными формированиями. Как член ГКО он лично правил проекты постановлений, направляя их затем на согласование Сталину²¹. Отдельные постановления ГКО второстепенного характера Молотов подписывал единолично²².

По мере запуска практической работы по формированию польских войск уполномоченный неизбежно вовлекался в сложный организационный процесс: подбор кадров, размещение, снабжение, оснащение польских войск – все это так или иначе проходило через его руки. Осенью 1941 г. обстановка в пунктах формирования (Бузулук, Тозек, Татищево) существенно обострилась в связи с наплывом туда поляков, освобожденных из лагерей и мест ссылки, численность которых существенно превышала лимиты по размещению и содержанию. Польская сторона настаивала на дальнейшем расширении формирований, а советская,

¹⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 25. Л. 193. Постановление ГКО № 914 от 19 ноября 1941 г.

¹⁸ Там же. Д. 32. Л. 4.

¹⁹ Петров Н.В. Указ. соч. С. 21, 27, 46, 378.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 25. Л. 193–194.

²¹ Например, смысловой правке Молотова подверглись проекты постановлений ГКО № 863сс от 3 ноября 1941 г. о материальном содержании польской армии в СССР; № 1096сс от 3 января 1942 г. о чехословацкой бригаде на территории СССР и др. (Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 182–183; Оп. 2. Д. 24. Л. 145–152; Д. 32. Л. 1–8).

²² В частности, постановления ГКО № 864сс от 4 ноября 1941 г. о выделении польской армии 4 млн руб.; № 914 от 19 ноября 1941 г. о назначении Панфилова уполномоченным по связи с чехословацкой военной миссией и др. (Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 184; Оп. 2. Д. 24. Л. 153–154; Д. 25. Л. 193).

напротив, требовала сперва завершить начатое. Острые разногласия возникли по поводу сроков отправки польских дивизий на фронт и способа их использования в военных действиях. В итоге в начале ноября 1941 г. на высшем уровне было принято решение ужесточить условия формирования и содержания польских войск, ограничив количество пайков до 30 тыс. штук, усилить контроль за расходом пайков и выплатой денежных окладов. 6 ноября 1941 г. Панфилов довел до сведения польского командования, что «впредь организация польских формирований, а также отпуск имущества и продовольствия будут производиться только через меня»²³. Он потребовал от Андерса: «Со всеми запросами по устройству и обеспечению вверенных Вам частей польской армии прошу обращаться только в мой адрес Уполномоченного Главного Командования Красной Армии по формированию польской армии: г. Москва, Гоголевский бульвар, дом № 6, или по этому же адресу к начальнику штаба по польским формированиям майору Сосницкому В.Т.»²⁴.

Таким образом, осложнение ситуации с польскими формированиями подтолкнуло к сосредоточению организационно-распорядительных функций в руках уполномоченного и появлению рабочего аппарата (штаба), который ведал прежде всего делопроизводством: Сосницкий готовил документы, в том числе проекты постановлений ГКО, взаимодействовал с другими государственными органами (НКВД, НКВД), заверял документы. Скорее всего, речь идет о штатном работнике Разведуправления, по должности занимавшемся польскими делами. Были ли у Сосницкого помощники, выяснить не удалось. Как бы то ни было, даже такой «штаб» в глазах польских представителей являлся самостоятельным органом военного управления. На определенную автономизацию уполномоченного указывало и «выпадение» из наименования его должности Генштаба. Замена ГШ на формально не существовавшее в структуре управления советскими вооруженными силами «Главное командование Красной армии» отсылает к прямому руководству со стороны Сталина, который в начальный период войны был крайне заинтересован в нормализации советско-польских отношений и трансляции этой нормализации западным союзникам. Поэтому в силу объективных обстоятельств деятельность уполномоченного оказалась в фокусе внимания вождя. Явно зачаточная институализация этого органа не должна смущать: она была вполне органична общему, хорошо известному по источникам синкретизму высших военно-политических органов руководства страной и вооруженными силами, главный пример которого давал сам Сталин, совмещавший множество должностей с пересекающимися правами и полномочиями²⁵.

В местах формирования польских войск своеобразный местный аппарат уполномоченного образовывали офицеры связи. Здесь четко проявилось разделение функций между двумя со-уполномоченными. По согласованию с польской стороной в августе 1941 г. было определено, что в каждой польской дивизии и в каждом полку будет по одному офицеру связи — и от ГШ КА, и от НКВД. Их курирование возлагалось соответственно на Панфилова и Жукова, представлявших, таким образом, параллельные организационные направления — по линии военного командования и по линии спецслужб. Армейские офицеры контролировали ход формирования в соответствии со штатным расписанием и помогали польским офицерам налаживать боевую учебу с учетом опыта текущей войны. Группу офицеров связи ГШ возглавлял сотрудник Разведуправления Генштаба полковник И.Я. Черствой. Офицеры НКВД вели контрразведывательную и агентурную работу, проводили

²³ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 48.

²⁴ Там же.

Сосницкий, Владимир Гаврилович (1902–?). На военной службе с 1926 г. В 1941 г. — майор, начальник 3-го отделения (информационного) разведывательного отдела штаба фронта Резервных армий и Резервного фронта. В дальнейшем — начальник оперативного отдела штаба 34-го стрелкового корпуса 46-й армии 3-го Украинского фронта, затем — 2-го Украинского фронта (сайт «Память народа»).

²⁵ *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001. С. 395–397; *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 463; Государственный Комитет Обороны СССР. Т. 1. С. 6; *Сорокин А.К.* «Практический работник» Георгий Маленков. М., 2021. С. 180.

изъятия из польских частей или заявляли отвод тем лицам, на которых имелся компрометирующий материал²⁶. Работа двух групп офицеров связи почти не пересекалась, и даже совещания они проводили по отдельности.

Летом 1942 г. в финале провальной и крайне затратной истории с армией Андерса ее в конце концов пришлось эвакуировать на Ближний Восток в распоряжение британского командования. Панфилов был отстранен от должности уполномоченного, а вскоре и от должности начальника ГРУ ГШ КА. Он не был привлечен к ответственности за неудачу, к которой едва ли был причастен, и продолжил службу на высших командных должностях в танковых войсках. Скорее можно говорить о недосмотре спецслужб, долго и упорно пытавшихся склонить к сотрудничеству лично Андерса, но игнорировавших сигналы от оппозиционно настроенных офицеров из его ближнего круга, на них-то можно было опереться в работе со всей польской армией.

В конце июля 1942 г. Панфилова на посту уполномоченного сменил Жуков. В дальнейшем этот орган находился под безраздельным контролем спецслужб. Поскольку Г.С. Жуков является главным персонажем статьи, стоит уделить его личности несколько строк. На службу в органы НКВД он пришел с комсомольской работы, имея за плечами девятиклассное образование и вечерний комвуз. Профильного образования он так и не получил. В органах НКВД дослужился до начальника дорожно-транспортного отдела НКВД на Западной железной дороге, после чего был отстранен от должности. В 1939–1940 гг. более полутора лет находился в резерве назначения отдела кадров НКВД в связи с чисткой органов от участников репрессий 1937–1938 гг. В вину ему вменялось «непринятие достаточных мер к недопущению извращений в следственной работе в 1938 г. в ДТО НКВД Западной ж.д.»²⁷.

Осенью 1939 г., оставаясь в резерве отдела кадров НКВД, Жуков был прикомандирован к оперативной группе ГУГБ НКВД, работавшей на занятой советскими войсками территории Польши и выявлявшей участников подпольных антисоветских организаций. На этом поприще он отличился и был отмечен начальником управления В.Н. Меркуловым²⁸. 14 октября 1940 г. Жуков был назначен в одну из двух бригад оперативных работников НКВД, имевших задачу выяснить готовность бывших польских военнослужащих сражаться на стороне СССР в случае нападения на нее гитлеровской Германии. Соображения Г.С. Жукова легли в основу доклада Л.П. Берии на имя И.В. Сталина о возможности формирования польской части, но проект не был реализован в связи с начавшейся войной. Очевидно, что уже тогда энергичный лейтенант госбезопасности был замечен высоким начальством. После этого в феврале 1941 г. он был назначен на должность в центральный аппарат выделенного из НКВД Наркомата государственной безопасности (НКГБ) и его карьера быстро пошла в гору. Меньше чем за полгода Жуков трижды был повышен в звании и в августе 1941 г. предстал перед польскими и чехословацкими военными уже майором госбезопасности (эквивалент армейского полковника).

Знал ли он какие-либо иностранные языки — неизвестно (со слов Андерса, польским он не владел²⁹). Однако, несмотря на скромное образование, это был человек не без способностей и обладавший определенным обаянием. Со многими иностранцами у него складывались теплые доверительные отношения, насколько это было возможно с учетом обстоятельств и его основной профессии. Член югославской военной миссии М. Джилас

²⁶ По воспоминаниям генерала В. Андерса, в период формирования его войск в районе Бузулука в начале 1942 г. «особенно явным стало вмешательство советских властей в нашу внутреннюю жизнь. Многие, выйдя из лагеря, не возвращались и пропадали бесследно, как это вообще и происходит в Советской России. Случалось, что НКВД хватал людей прямо в наших лагерях. Мы активно протестовали, но, несмотря на официальные обещания, что подобное больше не повторится, все это продолжалось до тех пор, пока армия пребывала в границах СССР». См.: *Андерс В.* Без последней главы. Польская армия в СССР // Звезда. 2013. № 2. С. 112.

²⁷ *Петров Н.В.* Указ. соч. С. 378.

²⁸ *Зданович А.А.* Роль НКВД... С. 54.

²⁹ *Андерс В.* Указ. соч. // Звезда. 2013. № 2. С. 111.

описывал Г.С. Жукова следующим образом: «Стройный и бледный блондин, еще молодой и очень находчивый, не без юмора и тонкого цинизма — свойств нередких среди работников секретных служб». Джилас явно был очарован этим, по его словам, «отличным служакой», который «больше верил в силу, чем в идеи, как средство осуществления коммунизма»³⁰. На Андерса Жуков тоже произвел благоприятное впечатление «человека разумного и энергичного. Преданный Сталину душой и телом, он был типичным молодым русским коммунистом, однако наши отношения складывались раз от разу все лучше»³¹. В августе 1942 г., навсегда покидая Советский Союз, Андерс попрощался с Жуковым «сердечно», потому что, «несмотря на то что это был человек полностью преданный советскому режиму, он отличался порядочностью» и обеспечил польским войскам хорошо организованную эвакуацию. Не говоря уже о том, что «прежде всего благодаря ему я смог освободить из лагерей и тюрем многие тысячи людей, которые, скорее всего, никогда бы уже не увидели свободы»³².

Аппаратный вес Жукова быстро рос. За два года пребывания в должности уполномоченного Сталин вызывал его не менее 21 раза³³ (для сравнения: Панфилова за год работы уполномоченным — только 5). В феврале 1943 г. с введением новых специальных званий для сотрудников органов госбезопасности Жуков получил генеральское звание комиссара государственной безопасности. При этом до конца войны он оставался на руководящих должностях в центральном аппарате НКВД — НКГБ. В мае 1943 г., после очередного разделения наркоматов, Жуков был переведен в НКГБ, возглавив отдел по борьбе с агентурой иностранных разведок, наблюдению за посольствами, иностранными миссиями и иноподданными.

Весной 1943 г. формирование польских войск на территории СССР возобновилось. В мае началось формирование 1-й пехотной дивизии им. Т. Костюшко. Жуков и сотрудник возглавляемого им 7-го отдела 2-го управления НКГБ непосредственно участвовали в конструировании нового, более лояльного и створчивого, чем лондонское правительство, польского контрагента — Союза польских патриотов во главе с писательницей Вандой Василевской. Жуков также занимался подбором и проверкой руководящего состава для 1-й польской пехотной дивизии. 21 апреля 1943 г. он лично дал главному кандидату на пост командира дивизии полковнику З. Берлингу положительную характеристику, отметив, что тот «много работает над собой, изучая произведения тов. Ленина, Сталина и советскую военную литературу»³⁴. Как и большинство интернированных поляков, Берлинг был вынужден принять советское гражданство в 1943 г., и время от времени уполномоченный по иностранным формированиям в СССР напоминал ему об обязанностях советского гражданина³⁵. С польскими военными и политическими деятелями в 1943 г. Жуков действовал заметно более целеустремленно и уверенно, чем с Андерсом, с ним много времени было потрачено на увещания, уговоры и выяснение того, «когда польская армия думает воевать»³⁶. Возможно, инициативность Жукова была связана со стремлением реабилитироваться за просчеты, допущенные в работе с Андерсом и его окружением, лояльность которых Советскому Союзу была сильно переоценена чекистами.

Постановление ГКО № 3294сс от 6 мая 1943 г., объявившее о сформировании 1-й польской пехотной дивизии, венчало большую негласную работу с польскими

³⁰ Джилас М. Разговоры со Сталиным. Франкфурт-на-Майне, 1970. С. 39–40.

³¹ Андерс В. Указ. соч. // Звезда. 2013. № 1. С. 169.

³² Андерс В. Указ. соч. // Звезда. 2013. № 2. С. 133.

³³ Судя по всему, не все визиты Жукова в кабинет Сталина были зафиксированы в журнале записей принятых Сталиным лиц. По крайней мере, об одной такой встрече в кабинете Сталина в Кремле, произошедшей ранней весной 1944 г., вспоминал М. Джилас. Г.С. Жуков сопровождал югославскую делегацию (В. Терзич, М. Джилас) и принимал участие в переговорах, давая необходимые пояснения Сталину (Джилас М. Указ. соч. С. 57–62).

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 732. Л. 383.

³⁵ Носкова А. Ф. Генерал З. Берлинг: штрихи к политическому портрету // Профессор Московского университета И.М. Белявская (к 90-летию со дня рождения). М., 2005. С. 270.

³⁶ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 62.

политэмигрантами и оставшимися в СССР польскими офицерами, проведенную органами госбезопасности. Ими же был инспирирован поток писем от проживавших в различных уголках Советского Союза поляков, требовавших создать союзную Красной армии польскую воинскую часть. Именно на эти письма ссылалась Василевская, убеждая Сталина в необходимости такого решения³⁷. На этот раз в руках уполномоченного были сосредоточены все организационные рычаги. В постановлении ГКО, проект которого готовил сам Жуков, прямо указывалось: «Проведение практических мероприятий по формированию и обеспечению польской стрелковой дивизии возложить на комиссара государственной безопасности т. Жукова». ГКО обязывал начальников главных управлений НКО (в постановлении перечислены А.С. Щербаков, А.В. Хрулев, Е.А. Щаденко, Ф.И. Голиков, Я.Н. Федоренко, Н.Д. Яковлев) и даже наркома путей сообщения Л.М. Кагановича «выполнять все заявки т. Жукова, связанные с формированием, вооружением, снабжением и боевой подготовкой польских частей»³⁸.

Первоначально Жукову приходилось несколько педалировать эту необычную формулу, напоминая, в частности, начальнику Оргучетного управления Генштаба генерал-майору Н.И. Четверикову, к которому стекались все организационные вопросы, связанные с польской дивизией, что «товарищи – Каганович, Щербаков, Хрулев, Щаденко, Голиков, Яковлев и Федоренко – указанным выше постановлением ГКО обязываются выполнять мои заявки, связанные с формированием, вооружением, снаряжением, снабжением и боевой подготовкой дивизии»³⁹. Однако в дальнейшем эта конфигурация стала привычной, и аналогичная формула неоднократно повторялась в постановлениях ГКО, регламентирующих формирование польских, чехословацких, югославских воинских частей (№ 3904 от 10 августа 1943 г., № 4598сс от 17 ноября 1943 г., № 4859сс от 30 декабря 1943 г. и др.). Фактически уполномоченный был наделен распорядительными и контрольными полномочиями в отношении формируемых иностранных войск. Более определенно эти функции были прописаны директивой ГШ КА от 27 июня 1944 г. № Орг/2/310101, которой уполномоченному было поручено «руководство и наблюдение за формированием соединений, частей и учреждений Польской армии»⁴⁰.

За Жуковым также оставались обязанности оперативно-чекистского сопровождения польских формирований, в которые входила как гласная, так и негласная работа с руководством Союза польских патриотов и другими представителями польской политической эмиграции в СССР, польским командным составом, а также организация и укомплектование культурно-просветительского (т.е. политического) и информационного (т.е. контрразведывательного) аппарата польских войск.

В 1942–1943 гг. началась активная работа уполномоченного с чехословацкими и югославскими представителями. В отличие от «польского вопроса», здесь отсутствовали серьезные территориальные или политические разногласия. Согласования с признанными Советским Союзом национальными правительствами Чехословакии и Югославии шли значительно легче. Сложнее было найти подходящий личный состав для этих частей. В течение всего 1942 г. удалось укомплектовать лишь один пехотный чехословацкий батальон. 29 апреля 1943 г. постановлением ГКО № 3265сс почти одновременно с 1-й польской дивизией было санкционировано формирование 1-й отдельной чехословацкой бригады (командир – полковник Л. Свобода). 30 декабря 1943 г. постановлением ГКО № 4859сс было объявлено о формировании второй бригады – воздушно-десантной. Формированием занимался штаб Московского военного округа, а Жукову поручалось

³⁷ Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino. Warszawa, 2003. S. 35.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 113. Л. 168–169.

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 578. Л. 18 об.

⁴⁰ Имелись в виду вновь формируемые польские соединения и части: два армейских корпусных управления, одно управление танкового корпуса, две пехотные дивизии, танковый и самоходный полки, заградительная бригада, несколько военных училищ и школ и др.

уточнение штатов и подбор «из числа содержащихся в лагерях НКВД в качестве военнопленных лиц чехословацкой национальности и гражданства»⁴¹. Проект постановления ГКО Г.С. Жуков готовил лично, согласовав его с главой чехословацкой военной миссии Г. Пикой («с учетом пожеланий, высказанных чехами»), но «исходя из наличных ресурсов людского контингента на территории СССР»⁴².

В случае с югославами Г.С. Жуков аккумулировал обращения югославского посла С. Симича в различные советские инстанции (НКИД, Всеславянский комитет) и 5 октября 1943 г. напрямую обратился к народному комиссару внутренних дел Л.П. Берии с предложением сформировать отдельный югославский батальон в основном из числа хорватских военнопленных. 17 ноября 1943 г. вышло постановление ГКО № 4598сс о формировании на территории СССР отдельного югославского батальона общей численностью 1200 человек, проект которого также был подготовлен лично Жуковым. «Все вопросы формирования, учебно-хозяйственной и боевой деятельности» были возложены на уполномоченного⁴³.

В первой половине 1944 г., в благоприятных внешнеполитических условиях и за счет новых источников комплектования (освобожденные западные регионы СССР, военнопленные) интенсивно развивались польские, чехословацкие и югославские формирования. Если по состоянию на 1 июля 1943 г. списочная численность иностранных формирований на территории СССР составляла 14,5 тыс. человек, то через полгода — 43,9 тыс. человек⁴⁴, а к 1 июня 1944 г. — уже 147,2 тыс. человек (из которых 113 тыс. являлись польскими)⁴⁵. Советское руководство готовило иностранные формирования для выполнения важной политической миссии — освобождения их родной земли.

Наибольшего аппаратного веса должность уполномоченного достигла весной—летом 1944 г. С марта по июль Жуков был принят Сталиным 11 раз, в основном по польским делам, которые всю войну оставались в центре внимания вождя. По свидетельству очевидца, Жуков, как правило, сопровождавший иностранные делегации, во время приемов «быстро и молча записывал распоряжения Сталина»⁴⁶. На отдельных документах, подготовленных Жуковым, имеются пометки самого Сталина, а на всех них — многочисленные отметки высших должностных лиц Генштаба и главных управлений НКО об исполнении («реализовано») с номером соответствующей директивы или приказа⁴⁷.

Расширение функций уполномоченного повлекло за собой последовательную смену наименований его должности: в 1942 г. — «Уполномоченный Главного командования по формированию польских и чехословацких войск»⁴⁸, а с конца 1943 г., с добавлением югославского направления, — «Уполномоченный Ставки ВГК по иностранным формированиям на территории СССР»⁴⁹.

⁴¹ РГАСПИ Ф. 644. Оп. 2. Д. 184. Л. 160–163.

⁴² Там же. Д. 254. Л. 228–235.

⁴³ Там же. Л. 40.

⁴⁴ Боевой и численный состав... С. 17.

⁴⁵ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 666. Л. 3, 38.

⁴⁶ Джилас М. Указ. соч. С. 62.

⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 729. Л. 101–104, 109.

⁴⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 11425. Д. 22. Л. 9.

⁴⁹ Документальная коллекция Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — Документальная коллекция НИИВИ ВАГШ ВС РФ). Ф. 202. Оп. 244. Д. 5. Л. 2. В 1943–1944 гг. в документах, в том числе на типографских бланках и штампах самого уполномоченного, можно встретить и другие варианты: «Уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии по военным формированиям на территории СССР», «Уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования по польским военным формированиям на территории СССР» и т.д. Разночтения можно встретить даже в одном документе. Например, в документе, подписанном заместителем Г.С. Жукова генерал-майором А.М. Беляновым, на типографском бланке значилось: «Уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии по военным формированиям на территории СССР», в то время как сам подписант обозначил себя «зам[естителем] Уполномоченного СНК СССР» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. Л. 16).

В целом командная вертикаль, ведущая от Сталина к уполномоченному, по сравнению с тем временем, когда этот пост занимал Панфилов, заметно оживилась, была четче артикулирована, а сам исполнитель наделен широкими полномочиями. Наименование его должности могло звучать по-разному, однако в любом случае оно напрямую отсылало к Верховному Главнокомандующему и председателю СНК СССР И.В. Сталину. Источники сохранили свидетельства, что Сталин напрямую отдавал распоряжения Жукову. В частности, вечером 13 марта 1944 г. командир 1-го польского армейского корпуса генерал З. Берлинг был принят Сталиным и изложил ему свой замысел развертывания корпуса в общевойсковую армию. Сталин одобрил этот план. Затем был вызван Жуков⁵⁰, получивший соответствующие распоряжения о формировании армии. На следующий день Жуков обратился к А.И. Антонову (накануне тот у Сталина не был), изложив ему решение вождя («Народный комиссар обороны Советского Союза товарищ Сталин 13 марта с.г. приказал...») о развертывании польского корпуса в армию и формировании новых частей, учреждений и заведений армейского подчинения. В заключение Жуков писал: «Прошу Вас дать необходимые распоряжения, вытекающие из приказа Народного комиссара обороны, и об отданных распоряжениях прошу меня уведомить»⁵¹. В рабочей переписке встречаются и иные свидетельства прямых указаний Сталиным Антонову через Жукова («Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза тов. Сталин приказал мне передать Вам...»; «Народный комиссар обороны тов. Сталин 13 марта с.г. приказал...»⁵² и т.п.).

Жуков лично готовил многие важнейшие документы, связанные со строительством иностранных войск. Эти материалы направлялись Сталину в форме проектов постановлений ГКО и впоследствии, как правило, утверждались им. Например, Жуков разработал временное положение о Военном совете Польской армии, согласовал его содержание и персональный состав самого Военного совета между советским и польским командованием⁵³. Временное положение было утверждено постановлением ГКО № 5523сс от 3 апреля 1944 г.

Кроме И.В. Сталина, Г.С. Жуков нередко напрямую докладывал наркому иностранных дел В.М. Молотову и наркому внутренних дел Л.П. Берии, руководителю Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакову и другим высшим должностным лицам, когда это касалось их ведомственных интересов или полномочий. Каждый раз, излагая существо вопроса, Жуков не просто информировал вышестоящее руководство, но высказывал свое экспертное мнение («по моему мнению», «я считаю») и выдвигал конкретные предложения, которые часто воплощались в решениях ГКО, Генштаба и т.д. Профессиональная карьера Жукова росла стремительно. 29 марта 1944 г. он получил очередное специальное звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, соответствовавшее армейскому званию генерал-лейтенанта.

Должность уполномоченного длительное время не была нормативно оформлена, но на практике круг его обязанностей ограничивался вопросами координации и контроля организации иностранных воинских формирований. Однако иногда волей обстоятельств уполномоченный втягивался в планирование и обеспечение боевых операций с участием иностранных формирований. Так, например, в конце 1943 – начале 1944 г. в связи с подготовкой восстания в Словакии на Жукова несколько раз выходили чехословацкие военные представители, которые просили его «поставить перед советским правительством вопрос, в каких конкретно размерах они могут рассчитывать на военную помощь со стороны СССР»⁵⁴. Для доклада Сталину Жукову пришлось вникнуть во все подробно-

⁵⁰ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 428.

⁵¹ Документальная коллекция НИИВИ ВАГШ ВС РФ. Д. 5. Л. 66–67.

⁵² ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 583. Л. 5; Д. 729. Л. 47–48.

⁵³ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 50–51.

⁵⁴ Советский Союз и Словацкое национальное восстание. Предисловие В.В. Марьиной // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 110–111.

сти планируемого восстания и формулировать проект предложений советской стороны. В феврале 1944 г. по поручению В.М. Молотова Г.С. Жуков встречался с чехословацкими генералами А. Нижборским, Г. Пикой и Я. Кратохвилем, а затем выяснял у А.И. Антонова позицию советского высшего военного руководства по этому вопросу⁵⁵.

Расширение иностранных формирований потребовало организационного укрепления аппарата уполномоченного. 7 апреля 1944 г. директивой ГШ КА № Орг/6/307447 при уполномоченном был создан небольшой штаб, начальником которого назначен майор Л.П. Александров⁵⁶. В штабе предусматривались следующие должности: начальник штаба, инспекторы боевой подготовки, артиллерии, бронетанковой службы, материально-технического и финансового довольствия, адъютант, делопроизводитель и шофер — всего восемь человек. 4 мая 1944 г. в штат добавили переводчиков с чешского и югославского⁵⁷ языков. 23 мая вместо инспектора материально-технического и финансового довольствия был введен старший инспектор службы тыла, а вместо делопроизводителя — инспектор канцелярии. У Г.С. Жукова также появилось двое заместителей — генерал-майоры А.М. Белянов⁵⁸ и А.М. Давыдов⁵⁹. Оба они являлись сотрудниками НКВД.

10 мая 1944 г. было введено в действие Положение о штабе уполномоченного, определившее задачи и полномочия данного органа и его сотрудников. Штаб предназначался для координации с управлениями НКО работы, связанной с формированием, комплектованием, материально-техническим обеспечением, боевой подготовкой и боевой деятельностью иностранных воинских формирований; сбора и изучения всех материалов о состоянии и боевой деятельности данных формирований; составления информационно-отчетных документов для руководящих инстанций; рассмотрения представлений и ходатайств иностранного командования⁶⁰. В положении прямо указывалось, что аппарат уполномоченного связывает между собой Ставку Верховного Главнокомандования и Генштаб Красной армии с командованиями иностранных войск, а также с представительствами иностранных военных миссий и компартий по всем вопросам формирования, боевой подготовки, кадрового обеспечения и материального снабжения и обеспечивает контроль за выполнением правительственных решений и приказов Верховного Главнокомандования, мобилизационными, довольствующими и инспектирующими органами Красной армии в отношении иностранных формирований. Согласно положению от 10 мая 1944 г., по указанию уполномоченного Ставки или начальника его штаба, инспекторы совместно с соответствующими управлениями НКО планировали программы тактических учений для иностранных формирований, давали заключения по представлениям иностранного командования, относящиеся к назначению, перемещению офицеров или

⁵⁵ Там же. С. 111–114.

⁵⁶ Александров, Лев Петрович (1910–1975) — майор, с июня 1941 г. — оперуполномоченный, начальник отделения 4-го отдела 2-го управления НКГБ СССР; с мая 1943 г. — заместитель начальника, начальник отделения 7-го отдела 2-го управления НКГБ СССР (Петров Н.В. Указ. соч. С. 146–147). Александров уже какое-то время работал в аппарате уполномоченного до его назначения на должность начальника штаба. По крайней мере, его подпись встречается на одном из документов, датированном 29 февраля 1944 г. (Документальная коллекция НИИВИ ВАГШ ВС РФ. Ф. 210. Оп. 252. Д. 4. Л. 57).

⁵⁷ Так в документе. Очевидно, имелся в виду сербохорватский язык.

⁵⁸ Белянов, Александр Михайлович (1903–1994) — генерал-майор, с 1939 г. в органах НКВД. С июля 1944 г. по январь 1945 г. — заместитель Уполномоченного СНК СССР по иностранным формированиям на территории Советского Союза (Петров Н.В. Указ. соч. С. 192–193).

⁵⁹ Давыдов, Александр Михайлович (1899–1980) — генерал-лейтенант, в органах ОГПУ — НКВД — СМЕРШ с 1923 г. В годы Великой Отечественной войны начальник Каширского, затем Малоярославского секторов охраны НКВД Московской зоны обороны, заместитель начальника, начальник ОО НКВД — ОКР СМЕРШ ряда армий, заместитель уполномоченного СНК СССР по иностранным формированиям; уполномоченный СНК СССР по репатриации советских граждан в Румынии и Германии (1945–1947) (Петров Н.В. Указ. соч. С. 324–325).

⁶⁰ Шинкарев И.И. Указ. соч. С. 17.

присвоению воинских званий, а также наблюдали за подготовкой курсантов и слушателей в военно-учебных заведениях⁶¹.

В этот период уполномоченный находился в центре всей работы по формированию иностранных войск. В аппарат Жукова в копиях направлялась основная переписка между советским Генштабом и главными управлениями НКО, а также между штабом начальника тыла и подчиненных ему управлений. Он мог запрашивать у главных управлений любые справки по укомплектованию командным, политическим и рядовым составом, материальной частью, вооружением, денежному содержанию иностранных войск и иные документы. К нему же стекались все ходатайства и заявки от иностранных командиров, которые удовлетворялись Главным организационным управлением Генштаба только после утверждения Жуковым. Необходимость такой визы прямо оговаривалась в директиве ГШ⁶². Уполномоченный осуществлял отбор и согласование заявок иностранных командований на недостающий офицерский состав, вооружение, материальную часть и другие вопросы. Жуков перенаправлял их для исполнения в Главное организационное управление Генштаба, Организационно-мобилизационное управление Главного управления кадров НКО, Управление начальника тыла, Главное политическое управление РККА и в другие центральные органы военного управления. Таким образом, уполномоченный был не только в курсе процесса строительства иностранных формирований, но и имел возможность влиять на его содержание. В случае необходимости он обращался непосредственно к начальникам главных управлений, заместителям начальника Генштаба.

Хотя очевидно, что прямые контакты между Сталиным и Жуковым были редки, сама их возможность придавала уполномоченному чрезвычайно высокий статус. В системе высшего военно-политического руководства страны на какое-то время он приобрел большой вес, на равных общаясь с заместителем начальника Генштаба, начальниками главных управлений НКО, от имени Верховного Главнокомандующего требуя от них безусловного выполнения всех своих заявок. В то же время рабочего аппарата, позволявшего бы проводить работу по формированию иностранных войск самостоятельно, у Жукова так и не появилось. Сформированный в апреле 1944 г. небольшой штаб выполнял функции секретариата. Поэтому в практической работе Жуков всецело опирался на Генштаб. Разработка штатного расписания иностранных частей, отдача распоряжений военным округам и главным управлениям НКО, последующий контроль и корректировка процесса формирования — все это оставалось в руках Главного организационного управления ГШ КА.

Нельзя не отметить, что, хотя все иностранные формирования в 1943–1945 гг. — а их были сотни — проходили через Главное организационное управление ГШ КА, в его составе так и не была создана специальная штатная структура, ответственная за эту работу, если не считать таковой группу по учету иностранных формирований в СССР (начальник — майор М.Д. Приземнов), сформированную 10 мая 1944 г. в составе 1-го (организационно-планового⁶³) отдела Организационно-учетного управления Главного организационного управления.

Практический контроль ГШ КА за формированием, комплектованием и повседневной боевой подготовкой иностранных войск осуществлялся офицерами Генштаба, которые руководствовались в своей работе «Положением для офицеров Генерального штаба в войсках Красной армии». Фактически функции офицеров Генштаба в иностранных войсках выходили за рамки этого положения, поскольку эти офицеры являлись организаторами всей боевой подготовки иностранной воинской части в тылу и контролерами выполнения приказов вышестоящего командования в бою⁶⁴. Офицерам Генштаба были приданы профессиональные офицеры-инструкторы по родам войск. Они проводили инструктаж командиров-иностранцев перед их занятиями с солдатами и присутствовали

⁶¹ Там же. С. 17–18.

⁶² Документальная коллекция НИИВИ ВАГШ ВС РФ. Ф. 202. Оп. 244. Д. 5. Л. 98.

⁶³ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 33. Д. 5. Л. 92.

⁶⁴ Шинкарев И.И. Указ. соч. С. 22.

на большинстве занятий. Советские офицеры могли также выступать с лекциями перед офицерами, сопровождая демонстрацией работы технических средств, оружия и т.д. с целью передачи знаний и навыков большой аудитории.

Между тем во второй половине 1944 г. условия строительства иностранных войск коренным образом изменились. Почти повсеместно Красная армия перешла государственную границу Советского Союза. В освобождаемых территориях сопредельных государств общее руководство за осуществлением гражданского управления передавалось военным советам соответствующих фронтов. Официальные контакты с военным командованием иностранных войск осуществлялись через вновь организованные советские военные миссии. Они содействовали скорейшему восстановлению работы местных органов государственной власти. Комплектование иностранных войск происходило теперь главным образом за счет местных людских ресурсов, а советские военные власти оказывали непосредственную помощь в мобилизации и формировании этих войск. Несоизмеримо, по сравнению с 1941–1943 гг. и даже началом 1944 г., выросли масштаб и география строительства иностранных войск. В капитулировавших Румынии и Болгарии национальные вооруженные силы переформировывались в соответствии с требованиями советской стороны; в Польше формировалась уже третья общевойсковая армия и фронтовое управление. В сентябре 1944 г. советские войска вступили на территорию Югославии и оказали помощь 350-тысячной хорошо организованной Народно-освободительной армии Югославии. Шла комплексная работа по перестройке югославской партизанской армии в армию регулярного типа, для чего создавались технические войска, готовился командный состав, осуществлялось перевооружение по единому штату. Одновременно переформировывались и перевооружались или вновь формировались десятки дивизий и бригад. Союзные воинские формирования начали создавать в конце 1944 г. даже в Норвегии.

В этих условиях с большим трудом сформированные до середины 1944 г. на территории Советского Союза иностранные части в значительной степени растворились в массе национальных вооруженных сил (исключение составляли польские и чехословацкие войска). Со вступлением на территорию стран Восточной Европы крайне хлопотная и длительная работа по выявлению нужного контингента иностранцев среди военнопленных, ссыльнопоселенцев, политических эмигрантов и других категорий, разбросанных по самым дальним уголкам Советского Союза, теперь оказалась избыточной: военнослужащие армий стран-сателлитов массово сдавались в плен и нередко направлялись в бой немедленно распоряжениями войсковых командиров⁶⁵. Дело формирования войсковых частей из военнопленных естественным образом перешло в руки военных советов фронтов.

Такой масштаб работы был уже не под силу небольшому штабу Жукова. К тому же в условиях быстро менявшейся военно-стратегической и политической обстановки на советско-германском фронте полномочия Жукова и его штаба неизбежно сталкивались с полномочиями иных структур, возникавших в силу обстоятельств на различных участках фронта. Уполномоченный стал лишь одним из многочисленных действующих лиц на «фронте» иностранных формирований.

На главном направлении работы уполномоченного – польском – ситуация резко изменилась, как только появились органы власти новой Польши – Польский комитет национального освобождения (ПКНО), которому в июле 1944 г. были переданы полномочия по комплектованию частей Войска польского. 2 августа 1944 г. представителем СНК СССР при ПКНО был назначен член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Н.А. Булганин. Ему в обязанности вменялись контроль за соблюдением советской стороной советско-польских соглашений от 26 июля 1944 г.,

⁶⁵ Например, в боях за Будапешт в феврале 1945 г. из сдавшихся венгерских солдат при стрелковых дивизиях формировались роты, которые ставились на довольствие на общих основаниях и вводились в бой. К 18 февраля численность таких рот в трех стрелковых корпусах достигла 2,5 тыс. человек (Русский архив. Т. 14 (3–2). С. 375).

предусматривавших разделение военно-административных функций на освобождаемых территориях Польши, оказание содействия ПКНО в организации органов власти, разоружение отрядов Армии крайовой и т.д.⁶⁶ В числе прочего представитель СНК СССР должен был «оказывать всемерное содействие» ПКНО «в осуществлении мероприятий по организации, формированию и укомплектованию польской армии»⁶⁷. Ближайшим помощником Булганина стал начальник советской военной миссии в Польше генерал-лейтенант С.С. Шатилов, через которого проходили многие конкретные вопросы, связанные с укомплектованием и снабжением польских войск. В марте 1945 г. он занял пост Булганина. Его заместителем до конца войны был генерал-лейтенант С.Н. Красильников, отвечавший за советско-польские контакты по линии военных органов управления.

Довольно скоро все вопросы, связанные с польскими формированиями, замкнулись на Булганина, многолетнего члена ЦК ВКП(б) и заместителя председателя правительства. Правда, последнего поста он лишился в результате реорганизации высших органов управления 15 мая 1944 г., зато 17 ноября 1944 г. получил воинское звание генерала армии и занял должность заместителя наркома обороны. Булганин лично принимал решения, связанные со строительством иностранных войск. Например, в январе 1945 г. он вразрез с мнением ГШ КА утвердил ряд сверхштатных формирований польской армии, а Антонову пришлось лишь принять это к исполнению⁶⁸. В дальнейшем полномочия Булганина распространились и на другие иностранные армии. Так, 21 февраля 1945 г. он утвердил формирование по предложению Союзной контрольной комиссии в Венгрии (возглавлялась членом Военного совета 2-го Украинского фронта генерал-полковником И.З. Сусайковым) двух венгерских пехотных дивизий⁶⁹.

Югославское направление в течение лета 1944 г. также постепенно вышло из-под ведения Жукова и перешло в Главное разведуправление Красной армии. В июле уполномоченный совместно с ГРУ формировал воздушный мост и две военно-воздушные базы в целях снабжения и переброски резервов для Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ)⁷⁰. 7 сентября 1944 г. постановлением ГКО № 6512сс в структуре ГРУ был создан Специальный отдел численностью 15 военнослужащих, во главе которого был поставлен полковник (с ноября 1944 г. — генерал-майор) А.Ф. Бедняков. На отдел возлагался широкий круг обязанностей: контроль за снабжением югославской армии, подбор советских офицеров, подготовка югославских офицеров и т.д.⁷¹ С этих пор все организационные директивы, относящиеся к новым формированиям НОАЮ, адресуются начальнику ГРУ НКО генерал-лейтенанту И.И. Ильчеву.

В этих условиях объем полномочий Жукова быстро сокращался. Еще 25 июля 1944 г. вышло очередное постановление ГКО, которое в духе всех предыдущих аналогичных решений обязывало ГШ КА и командование Войска польского согласовывать с Жуковым штатные изменения в польских частях⁷². Однако с конца июля Жуков неожиданно был выключен из активной работы на должности уполномоченного и более никак не участвовал в формировании иностранных войск. По какой-то причине он был возвращен на штатную должность во 2-е управление НКГБ и продолжил работу, курируя польское направление. Ведомством уполномоченного стал руководить Давыдов⁷³. 24 сентября 1944 г. Давыдов представил на имя Сталина и Молотова доклад с результатами работы

⁶⁶ Русский архив. Т. 16 (5–4). С. 125.

⁶⁷ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.; Новосибирск, 2001. С. 351.

⁶⁸ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 764. Л. 5.

⁶⁹ Русский архив. Т. 14 (3–2). С. 372.

⁷⁰ Постановление ГКО № 6071сс 17 июня 1944 г. «О создании в Бари (Италия) базы и авиагруппы по транспортировке грузов в Югославию» (Государственный Комитет Оборона СССР. Т. 2. С. 357).

⁷¹ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 91–94.

⁷² Постановление ГКО № 6250сс от 25 июля 1944 г.

⁷³ Документальная коллекция НИИВИ ВАГШ ВС РФ. Ф. 210. Оп. 252. Д. 4. Л. 99, 115.

аппарата Уполномоченного СНК СССР по помощи югославским войскам с мая по 7 сентября 1944 г. Последняя дата совпадает с днем учреждения Специального отдела ГРУ и, очевидно, что доклад являлся попыткой доказать свою значимость на фоне образования нового органа, ответственного за югославское направление. Давыдов приписал ведомству уполномоченного вообще все достижения, к которым были причастны очень многие ведомства: создание авиационной базы в итальянском Бари, организация переброски продовольственных, медицинских грузов и оружия по воздушному мосту, изготовление военной униформы для югославской армии, подготовка радистов и т.д.⁷⁴

Также определенное участие аппарат уполномоченного продолжал принимать в чехословацких делах: сюда по-прежнему обращались представители чехословацкой военной миссии с просьбами на имя советского верховного главнокомандования. Фактически круг вопросов, которым занимался уполномоченный в этот период, сузился до подбора в лагерях военнопленных лиц с тем или иным гражданством — прежде всего румын и венгров, воинские части из которых формировались в последние месяцы войны. 10 января 1945 г. по решению СНК СССР аппарат Уполномоченного Ставки ВГК по иностранным формированиям в СССР был упразднен⁷⁵.

Формирование иностранных войск в Советском Союзе в 1941–1944 гг. и дальнейшее их строительство в освобождаемых странах Восточной Европы в 1944–1945 гг. представляет собой интересный опыт сосредоточенных, хорошо слаженных усилий советских и иностранных государственных и военных органов, позволивших в кратчайшие сроки построить мощные, правильно организованные и современно оснащенные национальные армии. Значительная заслуга в этом принадлежит организаторским усилиям особого органа — Уполномоченного Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным формированиям в СССР.

Библиография

- Андерс В.* Без последней главы. Польская армия в СССР // Звезда. 2013. № 1. С. 157–200; № 2. С. 110–136. Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы. М., 2000.
- Государственный Комитет Обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: в 2-х т. М., 2015.
- Джилас М.* Разговоры со Сталиным. Франкфурт-на-Майне, 1970.
- Зданович А.А.* «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». Рождение Войска польского (1942–1944 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 48–54.
- Зданович А.А.* Роль НКВД в формировании польской армии В. Андерса (1941–1942 гг.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 53–60.
- Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.; Новосибирск, 2001.
- Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. М., 2001.
- Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997.
- Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001.
- Марьина В.В.* Чехословацкие воинские части в СССР. 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 83–106.
- Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
- Носкова А.Ф.* Генерал З. Берлинг: штрихи к политическому портрету // Профессор Московского университета И.М. Белявская (к 90-летию со дня рождения). М., 2005. С. 263–279.
- Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954: справочник. М., 2010.
- Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994.
- Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах, 1944–1945. Документы и материалы. М., 2000.

⁷⁴ Русский архив. Т. 14 (3–2). С. 215–216.

⁷⁵ Шинкарев И.И. Указ. соч. С. 25.

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16 (5–4). Ставка ВГК. 1944–1945 гг. Документы и материалы. М., 1999.

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 23 (12–4). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы, 1944–1945 гг. М., 2001.

Советский Союз и Словацкое национальное восстание. Предисловие В.В. Марьиной // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 101–131.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: в 2-х т. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999.

Сорокин А.К. «Практический работник» Георгий Маленков. М., 2021.

Филиппов В., Ларин Г. Против общего врага. Советские воины в Войске польском. 1943–1968. Рязань, 2021.

Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

Starczyk H., Zwoliński S. Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945. Warszawa, 2015.

Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino. Warszawa, 2003.

References

Anders V. Bez poslednej glavy. Pol'skaya armiya v SSSR [Without the last chapter. The Polish Army in the USSR] // *Zvezda*. 2013. № 1. S. 157–200; № 2. S. 110–136. (In Russ.)

Dzhilas M. Razgovory so Stalinyim [Conversations with Stalin]. Frankfurt a.M., 1970. (In Russ.)

Filippov V., Larin G. Protiv obshchego vraga. Sovetskie voiny v Vojske Pol'skom. 1943–1968 [Against a common enemy. Soviet soldiers in the Polish Army. 1943–1968]. Ryazan', 2021. (In Russ.)

Gosudarstvennyi Komitet Oborony SSSR. Postanovleniia i deiatel'nost'. 1941–1945 gg. Annotirovannyi katalog [The State Defense Committee of the USSR. Resolutions and activities. 1941–1945. Annotated catalog]: v 2-kh t. Moskva, 2015. (In Russ.)

Iz Varshavy. Moskva, tovarishchu Beriia... Dokumenty NKVD SSSR o pol'skom podpol'e. 1944–1945 gg. [From Warsaw. Moscow, Comrade Beria... Documents of the NKVD of the USSR about the Polish underground. 1944–1945]. Moskva; Novosibirsk, 2001. (In Russ.)

Katyn'. Mart 1940 g. – sentyabr' 2000 g.: Rasstrel. Sud'by zhivyh. Ekho Katyni. Dokumenty [Katyn. March 1940 – September 2000: Execution. The fate of the living. The echo of Katyn. Documents]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Katyn'. Plenniki neob'yavlennoj vojny. Dokumenty i materialy [Katyn. Prisoners of Undeclared War. Documents and materials]. Moskva, 1997. (In Russ.)

Kumanev G.A. Ryadom so Stalinyim [Next to Stalin]. Smolensk, 2001. (In Russ.)

Mar'ina V.V. Chekhoslovackie voinskie chasti v SSSR. 1941–1945 gody [Czechoslovak military units in the USSR. 1941–1945] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2010. № 3. S. 83–106. (In Russ.)

Mikoyan A.I. Tak bylo. Razmyshleniya o minuvshem [So it was. Reflections on the past]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Noskova A.F. General Z. Berling: shtrihi k politicheskomu portretu [General Z. Berling: touches to a political portrait] // Professor Moskovskogo universiteta I.M. Belyavskaya (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya) [Professor of Moscow University I.M. Belyavskaya (to the 90th anniversary of his birth)]. Moskva, 2005. S. 263–279. (In Russ.)

Petrov N.V. Kto rukovodil organami gosbezopasnosti. 1941–1954: spravochnik [Who led the state security agencies. 1941–1954: handbook]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Russkij arhiv. Velikaya Otechestvennaya. T. 14 (3–1). SSSR i Pol'sha: 1941–1945. K istorii voennogo soyuza. Dokumenty i materialy [Russian archive. The Great Patriotic War. Vol. 14 (3–1). USSR and Poland: 1941–1945. To the history of the military Union. Documents and materials]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Russkij arhiv. Velikaya Otechestvennaya. T. 14 (3–2). Krasnaya Armiya v stranah Central'noj, Severnoj Evropy i na Balkanah, 1944–1945. Dokumenty i materialy [Russian Archive: The Great Patriotic War. Vol. 14 (3–2). The Red Army in Central, Northern Europe and the Balkans, 1944–1945. Documents and materials]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Russkij arhiv. Velikaya Otechestvennaya. T. 16 (5–4). Stavka Verhovnogo Glavnogo Komandovaniya. 1944–1945 gg. Dokumenty i materialy [Russian Archive. The Great Patriotic War. Vol. 16 (5–4). The Headquarters of the Supreme High Command. 1944–1945]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Russkij arhiv. Velikaya Otechestvennaya. T. 23 (12–4): General'nyj shtab v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dokumenty i materialy, 1944–1945 gg. [Russian archive. The Great Patriotic War. Vol. 23 (12–4): The General Staff during the Great Patriotic War: documents and materials, 1944–1945]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Shinkarev I.I. Rol' Sovetskogo Soyuz v sozdanii vooruzhennyh sil stran Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Evropy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The role of the Soviet Union in the creation of the armed forces of the countries of Eastern and Southeastern Europe during the Great Patriotic War]: dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 1966. (In Russ.)

Sorokin A.K. "Prakticheskij rabotnik" Georgij Malenkov ["Practical worker" Georgy Malenkov]. Moskva, 2021.

Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope. 1944–1953 gg.: v 2-kh t. Dokumenty. T. 1. 1944–1948 gg. [The Soviet factor in Eastern Europe. 1944–1953: in 2 vols. Documents. Vol. 1. 1944–1948]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Sovetskij Soyuz i Slovackoe nacional'noe vosstanie. Predislovie V.V. Mar'inov [The Soviet Union and the Slovak National Uprising. Preface by V.V. Maryina] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 1996. № 5. S. 101–131. (In Russ.)

Voennoplennye v SSSR. 1939–1956: dokumenty i materialy [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956: documents and materials]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Zdanovich A.A. "Pol'skaya voinskaya chast'... vysoko podnimet ves i avtoritet pol'yakov v hode vojny i v stanovlenii poslevoennoj Evropy". Rozhdenie Vojska pol'skogo (1942–1944 gg.) ["The Polish military unit... will raise the weight and authority of Poles high during the war and in the formation of post-war Europe". The Birth of the Polish Army (1942–1944)] // Voенно-istoricheskij zhurnal [Military history magazine]. 2011. № 2. S. 48–54. (In Russ.)

Zdanovich A.A. Rol' NKVD v formirovanii pol'skoj armii V. Andersa (1941–1942 gg.) [The role of the NKVD in the formation of the Polish army of V. Anders (1941–1942)] // Voенно-istoricheskij zhurnal [Military history magazine]. 2010. № 9. S. 53–60. (In Russ.)

Stańczyk H., Zwoliński S. Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945. Warszawa, 2015.

Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino. Warszawa, 2003.

© 2023 г. А.В. ЗОРИН

ЯН МАСАРИК В АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ, 1945–1948 годы

Зорин Артём Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (Киров, Россия).

E-mail: arzor@list.ru

Scopus Author ID: 57195672370; ORCID: 0000-0002-3238-9036; Researcher ID: W-1762-2018

Аннотация. Ян Маса́рик (1886–1948) являлся главой Министерства иностранных дел Чехословакии в один из наиболее сложных периодов ее истории – с 1940 по 1948 г. Пик его профессиональной карьеры пришелся на послевоенные годы, когда ЧСР оказалась на переднем рубеже разворачивавшегося советско-американского противостояния. Маса́рик, будучи младшим сыном первого президента республики Т.Г. Маса́рика и ближайшим сподвижником его преемника Э. Бенеша, выступал за сохранение демократических традиций и тесных отношений с Западом, тогда как на практике Прага постепенно втягивалась в сферу влияния Москвы. Его жизнь трагически оборвалась в марте 1948 г. вскоре после прихода к власти в Чехословакии коммунистов. До сих пор это событие остается предметом многочисленных дискуссий и обсуждений. Остается открытым вопрос, как сложилась бы судьба этого политика и его страны, если бы он остался жив. Цель статьи – рассмотреть фигуру Маса́рика в последние годы жизни через призму его восприятия американскими дипломатами. Предлагается выяснить, связывали ли они с Маса́риком надежды на усиление западной ориентации ЧСР и противостояние советскому влиянию, в чем видели причины его внезапной смерти. На основе изучения материалов дипломатической переписки делается заключение, что, несмотря на известность Маса́рика как прозападного политика, он не рассматривался в США в качестве влиятельной политической фигуры. Его отказ присоединиться к антикоммунистическим силам внутри страны и поддержка Москвы на международной арене вызвали недовольство в Вашингтоне. Смерть Маса́рика получила отклик в американских политических кругах. Но в госдепартаменте не пытались детально разобраться в ее причинах и поставить под сомнение официальную версию о суициде.

Ключевые слова: Ян Маса́рик, Чехословакия, история, США, внешняя политика, двусторонние отношения, политические деятели, биографии, Э. Бенеш.

A.V. Zorin

Jan Masaryk in American Diplomatic Correspondence, 1945–1948

Artem Zorin, Vyatka State University (Kirov, Russia).

E-mail: arzor@list.ru

Scopus Author ID: 57195672370; ORCID: 0000-0002-3238-9036; Researcher ID: W-1762-2018

Abstract. Jan Masaryk (1886–1948) was the head of the Czechoslovak Ministry of Foreign Affairs during the most difficult period in the history of Czechoslovakia, from 1940 to 1948. The peak of his professional career came in the post-war years, when CSR was at the centre of the unfolding Soviet-American confrontation. As a son of the first Czechoslovak President Tomáš Garrigue Masaryk and the closest associate of his successor Edvard Beneš, Jan Masaryk was trying to advocate democratic traditions in his country and preserve close relations with the West. But in practice, Prague was increasingly drawn into Moscow's sphere of influence. His life was tragically cut short in March 1948, soon after the Communists takeover. Until now his death remains the subject of various theories and discussions. The question of how the fate of this politician and his country would have unfolded had he stayed alive remains open. The purpose of the article is to consider Masaryk in a new context, namely through his perception by American diplomats. The author attempts to ascertain whether they associated their hopes for strengthening the western orientation of the Czech Socialist Republic and countering Soviet influence with Masaryk, and what they believed to be the reasons for his sudden death. The article draws on a study of American diplomatic correspondence. The author concludes that despite Masaryk's reputation as a pro-Western politician, in the United States he was not considered an important and influential figure in Czechoslovakia. His refusal to join anti-communist forces at home and his support for Moscow in the international arena caused resentment in Washington. Masaryk's death resonated in American political circles. Yet the State Department made no attempt to investigate its causes in detail or to question the official version of his suicide. Nevertheless, Masaryk became a tragic symbol of resistance to communism and the collapse of the last hopes for maintaining close relations between Czechoslovakia and the West.

Keywords: Jan Masaryk, Czechoslovakia, history, United States, foreign policy, bilateral relations, political figures, biographies, Beneš.

Яна Масарика (1886–1948) можно назвать одним из наиболее известных чехословацких политиков и дипломатов XX в. Он был сыном первого президента Чехословацкой республики (ЧСР) Т.Г. Масарика и ближайшим сподвижником его преемника Э. Бенеша. С 1940 по 1948 г. он занимал пост министра иностранных дел в нескольких составах чехословацкого правительства. Из них пять лет он провел в эмиграции. По возвращении на родину после окончания войны Масарик воспринимался многими соотечественниками как символ восстановления заложенных его отцом демократических порядков и тесных отношений с западными странами. Однако Чехословакия быстро оказалась втянутой в разворачивавшееся между СССР и США противостояние. В феврале 1948 г. в ней был установлен коммунистический режим, и ЧСР стала частью советской сферы влияния.

Имя Масарика чаще всего упоминается в связи с его трагической смертью, произошедшей 10 марта 1948 г. Официально ее причиной был суицид. Но в западной публицистике и историографии это событие приобрело характер символического и отчаянного протеста против уничтожения чехословацкой свободы и демократии. А Масарик предстал одной из первых жертв холодной войны. Однако дискуссии о том, было ли это действительно самоубийство, убийство (совершенное советскими спецслужбами или местными

коммунистами), либо несчастный случай, продолжают до настоящего времени¹. Это свидетельствует о сохранении интереса к личности Масарика.

Последние годы жизни Масарика пришлось на период серьезных политических трансформаций. В это время между бывшими союзникам по антигитлеровской коалиции нарастали взаимные подозрения и разногласия, обострялся конфликт идеологий, выдвигались конкурирующие геополитические программы².

В рамках данной статьи фигура Масарика представлена в новом для историографии ключе – в контексте генезиса холодной войны через призму его восприятия американскими дипломатами. Опираясь на комплекс опубликованных и неопубликованных документов (переписку госдепартамента с посольством США в Праге и материалы личного архива американского посла в ЧСР Л. Штейнгардта³), предлагается разобраться в следующих вопросах: рассматривали ли Масарика в США как проводника собственных интересов, связывали ли с ним надежды и ожидания по сопротивлению советскому давлению, в чем видели причины его смерти и допускали ли возможность использования ее в пропагандистских целях?

Прежде всего необходимо кратко напомнить основные факты биографии Яна Масарика. Он родился в 1886 г. в семье известного чешского философа профессора Томаша Масарика и американки Шарлотты Гарриг. В возрасте 20 лет Ян отправился на родину матери в США и провел там шесть лет, зарабатывая на жизнь физическим трудом. Он работал на предприятии известного чикагского бизнесмена и филантропа Ч. Крейна. Позже Масарик женился на его дочери (брак длился с 1924 по 1931 г.). Перед Первой мировой войной Ян вернулся на родину и вскоре поступил на службу в австро-венгерскую армию. Тем временем его отец был вынужден отправиться в эмиграцию, возглавив движение за создание Чехословакии. Ее независимость была провозглашена 28 октября 1918 г. Т.Г. Масарик был избран первым президентом республики и оставался на этом посту до 1935 г.

Ян в феврале 1919 г. получил должность секретаря в Министерстве иностранных дел, а уже в ноябре того же года стал чехословацким временным поверенным в делах в Вашингтоне. С октября 1920 г. он вновь работал в должности секретаря МИДа, в 1921–1922 гг. проходил службу в посольстве ЧСР в Лондоне. В апреле 1925 г. Я. Масарик был назначен чехословацким посланником в Великобритании и оставался им на протяжении тринадцати лет⁴.

В конце 1938 г., после подписания Мюнхенского соглашения, Масарик подал в отставку. Уже в следующем году, когда Германия окончательно уничтожила остатки чехословацкой независимости, он включился в процесс организации эмигрантских органов сопротивления. В учрежденном Э. Бенешем в Лондоне правительстве в изгнании Масарик получил пост министра иностранных дел. В этой должности он боролся за восстановление независимости своей родины, добиваясь поддержки чехословацкого правительства, его вооруженных формирований и движения Сопротивления на родине со

¹ См.: Jan Masaryk: Úvahy o jeho smrti / ed. L. Kremlíčková. Praha, 2005; *Řezník J.* Kdy opravdu zemřel Jan Masaryk. Praha, 2014; *Janděčková V.* Svědectví o smrti Jana Masaryka: Nová odhalení odkrývají pochybná “fakta” a odsouvají staré “pravdy”. Praha, 2021.

² *Юнблюд В.Т.* Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 4. С. 57, 67.

³ US National Archives and Records Administration (далее – NARA). Record groups (RG) 59, 84, 208; Laurence A. Steinhardt papers (далее – LASP). Library of Congress. Manuscript Division; Foreign relations of the United States (далее – FRUS). 1946. Vol. VI. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1969; FRUS. 1947. Vol. IV. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1972; FRUS. 1948. Vol. IV. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1974.

⁴ Masaryk Jan // Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. URL: https://www.mzv.cz/jnp/cz/o_ministerstvu/organizacni_struktura/utvary_mzv/specializovany_archiv_mzv/kdo_byl_kdo/masaryk_jan.html (дата обращения: 30.06.2023).

стороны союзников — держав антигитлеровской коалиции, вел регулярные радиопередачи на Би-би-си для своих соотечественников.

На протяжении войны Масарик неоднократно посещал США, где также занимался пропагандистской работой, выступая перед самыми разными аудиториями⁵. У Масарика сложился широкий круг знакомых и друзей в Америке. Но лишь один раз, 12 февраля 1942 г., он удостоился аудиенции президента Ф.Д. Рузвельта⁶.

Накануне окончательного освобождения ЧСР весной 1945 г. Масарик вместе с Бенешем отправился в Москву для переговоров о составе нового чехословацкого правительства. Оно было сформировано на коалиционной основе из представителей шести чешских и словацких партий. При этом разделенные на две отдельные партии (чешскую и словацкую) коммунисты получили некоторые преимущества. Главой кабинета был назначен чехословацкий посол в СССР левый социал-демократ З. Фирлингер. Масарик сохранил пост министра иностранных дел, но отказался вступить в какую-либо партию. Его заместителем был назначен словацкий коммунист В. Клементис.

К концу войны Масарик являлся довольно известной фигурой как внутри, так и за пределами Чехословакии. В международных отношениях у него сложилась репутация прозападного политика. Хотя он открыто заявлял о необходимости развития дружеских отношений с Москвой, в СССР к нему сложилось неоднозначное отношение. В справке советского посольства в Великобритании от 30 октября 1943 г. Масарик был назван «проанглийским и в еще большей степени проамериканским человеком», недружелюбно настроенным к СССР⁷. Но И.М. Майский (посол СССР в Лондоне в 1932–1943 гг.) весной 1945 г. дал Масарику положительную характеристику. По его мнению, хотя «по воспитанию, привычкам, традициям» Масарик был гораздо ближе к Западу, но относился с общей симпатией к СССР, был сторонником советско-чехословацкого союза и понимал, что будущее ЧСР «гораздо теснее связано с Востоком, чем с Западом»⁸.

Интересно, что аналогичной характеристики в госдепартаменте США подготовлено не было. Это могло свидетельствовать о том, что Масарика отлично знали в Америке и не нуждались в подобных документах. В подготовленном весной 1945 г. докладе Управления стратегических служб (предшественнике Центрального разведывательного управления) Масарик был назван человеком, «которого хорошо принимают в западных странах и который поэтому больше, чем кто-либо другой, мог сделать восточную ориентацию своей страны приемлемой для США и Великобритании»⁹.

Правда, сам Масарик к концу войны не демонстрировал большого энтузиазма относительно своей будущей карьеры на родине. Накануне поездки в Москву весной 1945 г. в частном разговоре с американским дипломатом Дж. Брюинсом Масарик сообщил, что не хотел оставаться в своей должности и даже не стремился к возвращению в Чехословакию.

⁵ Czechoslovak Sources and Documents. № 1. Speeches of Jan Masaryk in America. New York, 1942.

⁶ Telegrafická zpráva J. Masaryka a V. Hurbana Ministerstvu zahraničních věcí ČSR. 1942, 12. února, Washington // Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1942. Svazek I. S. 150.

⁷ Чехословакия и чехословацкое правительство в Лондоне. Октябрь 1943 г. // Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 396. Л. 63–66; Интернет-проект МИД РФ «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции». URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/5/?PAGEN_1=29 (дата обращения: 14.02.2023).

⁸ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2-х т. Т. 1. 1944–1948 гг. / отв. редактор Т.В. Волокитина. М., 1999. С. 174; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1. М.: Новосибирск, 1997. С. 162.

⁹ The New Czechoslovak Government. R&A report № 3015 // NARA. RG 208. Office of Overseas War Information. Central files 1941–1945. Box 274.

Он предпочел бы жить в США либо в качестве частного лица (у него было хорошее предложение о работе от радиокompании *CBS*), либо в качестве чехословацкого посла¹⁰.

Тем не менее Масарик по совету президента Бенеша принял пост министра. Было очевидно, что причиной этого решения являлась необходимость уравновесить значительно усилившееся влияние коммунистов и продемонстрировать стремление к сохранению близких отношений ЧСР с западными державами. Уже тогда в госдепартаменте появились опасения, что чехословацкий МИД мог оказаться под контролем Клементиса, поскольку Масарик проводил слишком много времени в дипломатических миссиях за рубежом¹¹.

Из Москвы Масарик отправился на конференцию в Сан-Франциско, в то время как остальные члены нового правительства ЧСР переехали сначала в находившийся под советским контролем город Кошице, а в мае 1945 г. в Прагу. Масарик провел за границей несколько месяцев. Прибывший в июле в Чехословакию посол США Л. Штейнгардт в одном из своих первых докладов в Вашингтон сообщал, что из-за долгого отсутствия министра его заместитель Клементис самостоятельно формировал штат внешнеполитического ведомства из рядов компартии. Штейнгардт допускал возможность скорой отставки Масарика и его назначения послом в Вашингтон или Лондон¹².

Но отставки не последовало. Масарик сохранил свою должность и после прошедших в мае 1946 г. парламентских выборов, по результатам которых пост главы правительства перешел к лидеру коммунистов К. Готвальду. Масарик продолжил представлять интересы ЧСР на международных конференциях. Но отношения между ЧСР и США к этому времени стали ухудшаться. Прага пыталась добиться от Вашингтона выделения крупных кредитов, необходимых для восстановления экономики. При этом в стране была проведена серия социалистических реформ, в том числе масштабная национализация предприятий. Часть из них была связана с американским бизнесом, требовавшим немедленной компенсации понесенных расходов. Но Прага не желала соглашаться на предъявляемые ей требования. Это вызывало растущее недовольство в Вашингтоне, как и открытая поддержка правительством ЧСР действий Москвы на международной арене¹³.

Масарик в качестве министра иностранных дел выступал за продолжение мирного сотрудничества между союзниками по Антигитлеровской коалиции, сохранение Прагой близких отношений и с Москвой, и с Вашингтоном, равную ориентацию на Восток и Запад. В своих публичных речах, посвященных годовщине смерти Ф.Д. Рузвельта и открытию памятника президенту В. Вильсону в Праге в 1946 г., он высказывался с благодарностью в адрес США за оказанную помощь¹⁴. В частных беседах с американцами министр прямо заявлял о приверженности независимости ЧСР и нежелании подчиняться давлению со стороны Москвы. Во время визита в СССР в июле 1946 г. Масарик заверил американского посла У. Смита, что чехи не намеревались «продавать свои души» Советам и отворачиваться от Запада¹⁵.

При необходимости Масарик оказывал американским дипломатам помощь в организации их работы. Например, когда в конце 1945 г. были повышены цены в гостинице,

¹⁰ Memorandum of conversation. January 17, 1945 // Ibid. RG 84. Czechoslovakia. US embassy, Prague. Classified general records, 1945–1957. Box 3.

¹¹ The new Czechoslovak Government in Kosice. April 11, 1945 // LASP. Box 46.

¹² Steinhardt to the Secretary of State. July 26, 1945 // NARA. RG 84. Czechoslovakia. US embassy, Prague. Classified general records, 1945–1957. Box 1.

¹³ См.: Зорин А.В. Проблема компенсации за американскую собственность в Чехословакии в 1945–1948 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 208–223.

¹⁴ Steinhardt to the Secretary of State. April 15, 1946 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/4-1546; Bruins to the Secretary of State. July 12, 1946 // Ibid. 860F.00/7-1246.

¹⁵ Smith to the Secretary of State. July 26, 1946 // FRUS. 1946. Vol. VI. P. 208.

где проживали сотрудники посольства США, Масарик вынес вопрос на заседание правительства и добился отмены данного решения¹⁶.

Но его политический вес внутри страны снижался. И это беспокоило госдепартамент. Когда в 1946 г. стало известно о намерении Масарика посетить США с целью добиться выделения крупного кредита, курировавший ЧСР в госдепартаменте Ф. Уильямсон просил посла Штейнгардта конфиденциально сообщить Масарику об опасности данной миссии для его репутации. Решение о кредите не могло быть принято в результате проты дипломатических переговоров без одобрения Конгресса. Их провал мог подорвать политическое влияние Масарика в Чехословакии¹⁷.

При этом способность Масарика направлять внешнеполитический курс Праги вызвала сомнения. Летом 1946 г. американское посольство получило неприятную ноту с обвинениями Вашингтона в дискриминации ЧСР при продаже американского военного имущества. Масарик в это время находился в Париже, и Штейнгардт расценил данный шаг как результат укрепления позиций коммунистов. Резкий ответ со стороны госдепартамента привел к извинениям Праги¹⁸.

Но общее недовольство американцев чехословацким внешнеполитическим курсом продолжало накапливаться. Оно достигло пика, когда на Парижской конференции летом 1946 г. члены делегации ЧСР во главе с Масариком в присутствии госсекретаря Дж. Бирнса поддержали аплодисментами выступление заместителя министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского, обвинившего США в стремлении экономически поработить Европу. В ответ Бирнс распорядился приостановить выделение кредитов Чехословакии¹⁹. Глава Центрально-Европейского отдела госдепартамента Дж. Риддлбергер просил Штейнгардта откровенно разъяснить Масарику американскую позицию и объяснить, что в Вашингтоне хотели получить от Праги «конкретные доказательства дружбы», включая «некоторую переориентацию» ее внешней политики²⁰.

В госдепартаменте росло недовольство действиями Масарика. По мнению Риддлбергера, даже Готвальд и Клементис лучше понимали сложившуюся ситуацию, а Масарик должен был предотвратить некоторые из «нежелательных шагов» чехословацкого правительства. В письме Штейнгардту он замечал: «Я разделяю ваше чувство разочарования в этом человеке, который вполне мог использовать свой опыт и имя, чтобы противостоять коммунистическим экстремистам в интересах прозападных элементов и всерьез попытаться повлиять на формирование такого курса правительства, который не привел бы к отчуждению от Советского Союза и в то же время позволил бы сохранить дружеские отношения с Соединенными Штатами. Я вижу, что он демонстрировал слабость или слепоту как в своей внешней политике, так и в политике кабинета, в то время как нужно было проявить твердость и проницательность»²¹.

Этот отзыв отчасти был результатом характеристик, которые давал Масарику сам Штейнгардт. В то время он положительно отзывался даже о некоторых коммунистических членах чехословацкого правительства. Клементиса посол характеризовал как «способного, трудолюбивого и добросовестного» человека, настроенного консервативнее и разумнее многих некоммунистических членов кабинета²². А Готвальда описывал как человека «здорового смысла и прирожденной проницательности, желающего учиться,

¹⁶ Steinhardt to Masaryk. November 21, December 17, 1945; Steinhardt to Bruins. December 26, 1945 // NARA. RG 84. American mission to the Czech government in exile, London. General records, 1941–1945. Box 14.

¹⁷ Williamson to Steinhardt. February 14, 1946 // LASP. Box 50.

¹⁸ Steinhardt to the Secretary of State. August 14, 1946 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.24/8-1446.

¹⁹ Byrnes to Clayton. August 30, 1946 // FRUS. 1946. Vol. VI. P. 216.

²⁰ Riddleberger to Steinhardt. October 3, 1946 // LASP. Box 50.

²¹ Riddleberger to Steinhardt. December 2, 1946 // Ibidem.

²² Steinhardt to the Secretary of State. December 7, 1945 // NARA. RG 84. Czechoslovakia. US embassy, Prague. Classified general records, 1945–1957. Box 3.

глубокого чехословацкого патриота, вряд ли склонного к дальнейшим экстремистским предприятиям»²³.

Президент Бенеш пытался объяснить Штейнгардту действия Масарика и чехословацкого МИДа практическими соображениями. Он заявлял, что Прага была вынуждена публично поддерживать позицию Москвы, чтобы удержать СССР от вмешательства во внутренние дела ЧСР. По мнению президента, данная тактика могла помочь его стране как можно скорее вернуться к «довоенным стандартам демократии» и в долгосрочной перспективе была более выгодной для США, чем «бессмысленные голосования на международных конференциях»²⁴.

При этом в Вашингтоне не пытались публично поддержать Масарика, продемонстрировать его ценность для американско-чехословацких отношений. Когда в октябре 1946 г. он отправился в США на заседание Генеральной ассамблеи ООН, Вашингтон ответил отказом на запрос о встрече с президентом Г. Трумэнном, сославшись на его большую занятость²⁵. Возможно, это соответствовало действительности (Риддлбергер заверял Штейнгардта, что никто не намеревался «дискриминировать чехов»²⁶), но не способствовало укреплению репутации Масарика как прозападного политика в ЧСР.

К началу 1947 г. критическое отношение к Масарику окончательно утвердилось в американском посольстве в Праге. Замещавший в это время Штейнгардта Брюинс полагал, что Масарик оставался министром только формально, в действительности же контроль над МИДом находился в руках Клементиса, а Чехословакия уже практически превратилась в советского сателлита²⁷.

О своем недовольстве Масариком американским дипломатам заявляли и некоторые чехословацкие политики: председатель парламентского комитета по иностранным отношениям И. Духачек, лидер Народной (католической) партии²⁸ Я. Шрабек. По их мнению, Масарик уступил реальную власть Клементису и полностью следовал советской линии во внешней политике. Они рассматривали возможность смещения Масарика и передачи контроля над МИДом коммунистам, чтобы представитель одной из некоммунистических партий взамен мог получить пост главы какого-нибудь другого министерства²⁹.

Штейнгардт полагал, что Масарик все еще сохранял высокую популярность и поддержку в обществе, но его политическое влияние снижалось. Первой причиной этого посол считал внешний фактор. Масарик стремился сохранить хорошие отношения одновременно и с западными странами, и с СССР, но международная обстановка не способствовала этому. На данное обстоятельство накладывалась внутривластная борьба в ЧСР. Чтобы не нарушать хрупкого равновесия между коммунистами и их противниками и не создавать впечатления, будто Прага отказывается от равной ориентации на Восток и на Запад, Масарик отказывался открыто примкнуть к какой-либо партии. Он не был готов встать на сторону прозападных сил и оказать сопротивление «агрессивному советскому влиянию». Сказывался и субъективный момент – Штейнгардт полагал, что Масарик держался за свой пост, поскольку он позволял вести привычный ему свободный образ жизни и часто посещать западные страны. По мнению американского посла, это превращало Масарика в «практически идеальный инструмент» советского влияния.

²³ Steinhardt to the Secretary of State. July 3, 1946 // FRUS. 1946. Vol. VI. P. 204.

²⁴ Steinhardt to the Secretary of State. December 23, 1946 // Ibid. P. 238–241.

²⁵ Hickerson to EU. November 26, 1946 // NARA. RG 59. Officer-in-Charge Polish, Baltic and Czechoslovak Affairs. Records relating to Czechoslovakia, 1946–1953. Entry 1173A. Box 1.

²⁶ Riddleberger to Steinhardt. December 3, 1946 // LASP. Box 50.

²⁷ Bruins to the Secretary of State. March 13, 1947 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/3-1347; Bruins to the Secretary of State. June 6, 1947 // Ibid. 860F.00B/6-647.

²⁸ Bruins to the Secretary of State. Feb. 21, 1947 // Ibid. 860F.00/2-2147.

²⁹ Bruins to the Secretary of State. March 14, 1947 // Ibid. 860F.00/3-1447.

Штейнгардт полагал, что в итоге Масарику придется все-таки примкнуть либо к коммунистам, либо к социал-демократам³⁰.

С точки зрения Штейнгардта, Масарик был уже «относительно неважен» для чехословацкой политической сцены, а «его отставка или смерть не привели бы к существенным изменениям» в политике ЧСР³¹. В качестве альтернативы Масарику на посту министра иностранных дел Штейнгардт предпочел бы лидера Национально-социалистической партии П. Зенкла, по словам посла, осознававшего необходимость сопротивления советскому влиянию для сохранения независимого положения Чехословакии³².

Следующий удар по репутации Масарика в США был нанесен летом 1947 г., когда Вашингтон инициировал масштабную программу оказания экономической помощи Европе (План Маршалла). Чехословацкое правительство первоначально приняло приглашение принять участие в обсуждении ее условий. Но вскоре выехавшая в Москву делегация в составе Готвальда, Масарика и министра юстиции национального социалиста П. Дртины известила правительство о необходимости отмены этого решения. О подробностях поездки американским дипломатам сообщил не Масарик, а Зенкл и Дртина. Они уверяли что изменение позиции правительства по вопросу об участии в Плане Маршалла явилось результатом жесткого давления со стороны И. Сталина³³. О том же сообщил чехословацкий поверенный в делах в Вашингтоне Й. Ганч, утверждавший, что советскому давлению в Москве было невозможно сопротивляться³⁴.

Масарик публично отрицал советское вмешательство в политику ЧСР. По мнению американцев, он делал это по просьбе Готвальда³⁵. При этом замещавший Штейнгардта в Праге летом 1947 г. Ч. Йост полагал, что Масарик так и не смог убедить Москву и коммунистов в своей лояльности³⁶. Лишь своему близкому другу британскому дипломату Р.Б. Локкарту он позже откровенно заметил, что «ехал в Москву как министр независимого суверенного государства, а вернулся лакеем советского правительства»³⁷.

Публично Масарик продолжал демонстрировать оптимизм. Осенью 1947 г. он вновь прибыл в США. В госдепартаменте у него состоялись две встречи: первая с новым начальником Центрально-Европейского отдела Дж. Бимом и заместителем госсекретаря Р. Ловеттом, вторая — с госсекретарем Дж. Маршаллом. Согласно записи беседы с американской стороны, во время первой встречи Масарик много шутил и произвел приятное впечатление на собеседников. Он пытался оправдаться и восстановить пошатнувшееся к нему доверие. Министр заверял, что чехи дорожили своей независимостью и не собирались добровольно отдавать себя под контроль Москвы. Масарик подчеркивал свою популярность в стране и ограниченное влияние коммунистов. В свете предстоящих в 1948 г. в ЧСР парламентских выборов он был даже готов отказаться от нейтралитета и примкнуть к какой-нибудь политической партии, чтобы не допустить победы коммунистов. При этом министр просил от американцев более явно продемонстрировать заинтересованность в Чехословакии. В отношении своих просоветских действий на международных конференциях Масарик признавал, что действительно допускал критику в адрес США. Но при этом всегда старался соблюдать определенные рамки³⁸.

Во время получасовой беседы с Маршаллом министр вновь указал, что его действия носили вынужденный характер и часто противоречили личным взглядам, выразил

³⁰ Steinhardt to the Secretary of State. May 8, 1947 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 206–208.

³¹ Conference at the Embassy. September 24, 1947 // LASP. Box 67.

³² Steinhardt to the Secretary of State. May 8, 1947 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 206–208.

³³ Lukes I. On the edge of the Cold War: American diplomats and spies in postwar Prague. New York, 2012. P. 173.

³⁴ Memorandum of conversations. July 29, 1947 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/7-2947.

³⁵ Yost to the Secretary of State. August 4, 1947 // Ibid. 860F.00/8-447.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Lockhart R.B. Jan Mmasaryk. A personal Memoir. Norwich, 1956. P. 66.

³⁸ Memorandum of Conversation. October 29, 1947 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 237.

готовность бороться за сохранение демократии в своей стране³⁹. В публичном заявлении об этой встрече Масарик отметил лишь, что считал разговор с Маршаллом «очень удовлетворительным»⁴⁰, но в частном разговоре с Локкартом он жаловался, что американцы не понимали мотивов его действий. Некоторые друзья в США пытались убедить его порвать с политической карьерой и перебраться в Америку. Но он не намеревался этого делать⁴¹.

Осенью Штейнгардт сообщил о возможности скорой отставки Масарика из-за бесмысленности его нынешнего положения⁴². На рубеже 1947–1948 гг. до американских дипломатов доходила информация, что Масарик рассматривал предложения о вступлении либо в ряды Социал-демократической, либо Национально-социалистической, либо Народной партии и был готов открыто выступить против коммунистов. Но этого так и не произошло⁴³.

В феврале 1948 г. в Праге разразился масштабный политический кризис. Поводом стали действия находившегося под контролем коммунистов Министерства внутренних дел. Лидеры умеренных партий⁴⁴ обвинили его руководство во вмешательстве в политические процессы и попытались добиться проведения расследования. Поскольку Готвальд оказывал этому противодействие, 20 февраля 12 министров от трех некоммунистических партий подали президенту заявления об отставке. Они рассчитывали увлечь за собой социал-демократов, после чего должен был состояться роспуск кабинета и объявлено о формировании нового. При этом ожидалось, что до подведения итогов парламентских выборов будет образовано правительство на непартийной основе. Однако этот план провалился. 14 из 26 членов кабинета остались на своих местах, включая Масарика. Это позволило Готвальду потребовать у президента Бенеша сохранить действующее правительство, заменив выбывших министров.

Бенеш несколько дней отказывался идти на уступки коммунистам. Последние организовали в Праге и других городах многотысячные демонстрации вооруженных рабочих. Под давлением Готвальда, упоминавшего о возможном советском вмешательстве, и опасаясь начала гражданской войны, президент капитулировал. 25 февраля выбывшие члены правительства были заменены другими, лояльными коммунистами. Под руководством КПЧ в стране развернулась массовая чистка государственных учреждений и политических партий. Оппозиционные политики в массовом порядке начали покидать пределы ЧСР⁴⁵. В ответ на эти события США, Великобритания и Франция в совместном заявлении осудили установление в ЧСР однопартийной диктатуры и уничтожение демократии⁴⁶.

Во время кризиса Масарик вновь воздержался открыто встать на чью-либо сторону, сказавшись больным. На это решение оказали влияние продемонстрированная

³⁹ Memorandum of Conversation. November 14, 1947 // Ibid. P. 242–244.

⁴⁰ Bruins to Steinhardt. December 8, 1947 // LASP. Box 53.

⁴¹ Lockhart R.B. Op. cit. P. 68.

⁴² Steinhardt to the Secretary of State. November 4, 1947 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.002/11-347.

⁴³ Bruins to the Secretary of State. January 15, 1948 // Ibid. 860F.00/1-1548; Bruins to the Secretary of State. February 5, 1948 // Ibid. 860F.00/2-548; CIA Report № SO11698. February 2, 1948. DDRS-200344-i1-3 // CIA official website. FOIA Electronic Reading Room. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/> (дата обращения: 14.02.2023).

⁴⁴ В американской дипломатической переписке к числу умеренных и демократических партий относились Национально-социалистическая, Народная (католическая) и словацкая Демократическая партии. Им противопоставлялись левые радикалы – коммунисты. Социал-демократическая партия делилась на две фракции: левая тяготела к коммунистам, правая – к умеренным силам. См.: Зорин А.В. Политические партии Чехословакии глазами американских дипломатов, 1945–1948 годы // Россия и Америка в XXI веке. 2018. Вып. 4. URL: <http://rusus.jes.su/s207054760000068-1-1> (дата обращения: 30.06.2023).

⁴⁵ Подробнее о развитии кризиса см.: Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Т. 2. М., 2005. С. 66–75; Марына В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948. М., 2013. С. 412–429.

⁴⁶ FRUS. 1948. Vol. IV. P. 738.

коммунистами широкая народная поддержка, быстрота и решительность их реакции, колебания Бенеша, спонтанный и непродуманный характер действий руководства умеренных партий. В обновленном кабинете он сохранил свой пост. Штейнгардт смог встретиться с министром только 27 февраля. По словам посла, Масарик со слезами на глазах пытался оправдать свои действия. Он утверждал, что отставка министров была для него полной неожиданностью, он решил остаться в правительстве лишь временно, чтобы попытаться сдержать коммунистов и помочь их противникам покинуть страну. По его словам, он уже спас таким образом около 250 человек⁴⁷.

О последних днях жизни Масарика хорошо известно из разных источников. 6 марта он посетил резиденцию президента Бенеша в Сезимово Усти. 7 марта отмечалась 98-я годовщина рождения его отца, и Масарик навестил его могилу в Ланах. В тот же день его спутница, американская писательница М. Девенпорт, с которой министр встречался последние несколько лет, по его просьбе срочно покинула Чехословакию и вылетела в Лондон. 9 марта Масарик вновь посетил Бенеша в связи с аудиенцией нового польского посла и затем вернулся в Прагу.

10 марта в 6:30 утра тело Масарика было найдено под окнами его квартиры в Чернинском дворце, где располагался чехословацкий МИД. Американское посольство было оперативно проинформировано о случившемся. Уже в 9 утра Штейнгардт направил в госдепартамент сообщение: «Чиновник Министерства иностранных дел только что подтвердил слух, что сегодня утром Масарик скончался, после того, как сегодня рано утром выпрыгнул из окна своей квартиры в Чернинском дворце»⁴⁸.

Посол проинформировал о случившемся по телефону М. Девенпорт. Сведения об этом разговоре содержатся в воспоминаниях Локкарта (лично навестившего Девенпорт в гостинице) и в одном из писем Штейнгардта. Согласно последнему, Девенпорт позволила ему, чтобы подтвердить информацию о смерти. Из разговора Штейнгардт сделал вывод, что она не располагала информацией о намерении Масарика совершить самоубийство или о грозившей ему непосредственной опасности. Также было непонятно, намеревался ли Масарик вскоре последовать за ней в Лондон⁴⁹. Локкарт в своих воспоминаниях указывал, что Девенпорт ожидала его скорого приезда⁵⁰.

Вечером Штейнгардт передал новую информацию в Вашингтон. Он поддержал версию о самоубийстве. По мнению посла, причиной могло стать глубокое чувство отчаяния, которое Масарик испытывал последние несколько дней из-за обрушившейся на него критики и презрения со стороны близких друзей, сторонников на Западе и соотечественников. Это заключение совпадало с озвученной на следующий день официальной информацией, согласно которой в квартире Масарика были найдены письма с упреками от его британских и американских друзей. На решение уйти из жизни могли, по мнению Штейнгардта, повлиять готовившаяся отставка Бенеша и неспособность объяснить себе необходимость дальнейшего вхождения в состав коммунистического правительства. «В отчаянии он, похоже, обратился к самоубийству как единственному способу выразить свое неодобрение недавними событиями», — заключал посол. Штейнгардт подчеркивал, что этот шаг полностью искупил вину Масарика и превратил его в мученика в глазах соотечественников⁵¹.

Этот же вывод Штейнгардт повторил в послании от 12 марта⁵². При этом посол сообщал о широко распространившихся в ЧСР слухах, что Масарик на самом деле был убит.

⁴⁷ Steinhardt to the Secretary of State. February 27, 1948 // FRUS. 1948. Vol. IV. P. 741.

⁴⁸ Steinhardt to the Secretary of State. March 10, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/3-1048.

⁴⁹ Steinhardt to Vedeler. April 7, 1948 // Ibid. 860F.00/4-748.

⁵⁰ Lockhart R.B. Op. cit. P. 74.

⁵¹ Steinhardt to the Secretary of State. March 10, 1948 // FRUS. 1948. Vol. IV. P. 743; Steinhardt to the Secretary of State. March 11, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.032/3-1148.

⁵² Steinhardt to the Secretary of State. March 12, 1948 // Ibid. 860F.00/3-1248.

Сам он по-прежнему придерживался официальной версии⁵³. Помимо Штейнгардта, в разговорах с американскими дипломатами ее поддерживали французский посол в Праге М. Дежан⁵⁴ и чехословацкий посол в Москве О. Горак⁵⁵.

Реакция на смерть Масарика в США была достаточно громкой. Сразу несколько членов Конгресса США выступили с заявлениями, представляя его сторонником свободы и демократии, жертвой коммунистического переворота⁵⁶. Представитель ЧСР при ООН Ян Папанек во время проведенной 10 марта пресс-конференции признавал новое чехословацкое правительство и фактически поставил под сомнение официальную версию чехословацких властей⁵⁷. Из госдепартамента Штейнгардту также сообщили, что в честь Масарика прошли поминальные службы в Вашингтоне и Нью-Йорке⁵⁸.

Через несколько дней Штейнгардт проинформировал госдепартамент о похоронах Масарика и речи Готвальда, пытавшегося представить погибшего министра сторонником нового правительства, жертвой «клеветы и жестокого обращения» со стороны Запада⁵⁹. В то же время, по мнению посла, в обществе усиливалось чувство стыда за недостаточное сопротивление коммунистам и добровольный отказ от демократических традиций. Как замечал Штейнгардт, смерть Масарика стала «катализатором общественных настроений» в гораздо большей степени, чем произошедший государственный переворот⁶⁰.

Практически сразу после смерти министра Штейнгардту стали поступать различные свидетельства и слухи, которые он периодически отправлял в Вашингтон. Большинство из них были анонимными. Лишь в нескольких случаях посол называл конкретные имена своих источников. Среди них были жена начальника протокола МИДа доктора Я. Скалицкого (американка по рождению)⁶¹, глава президентской канцелярии Я. Смутный⁶².

В начале апреля Штейнгардт обобщил расходившиеся с официальной версией сведения и направил их в госдепартамент. Согласно этой информации, в ночь смерти Масарика в здание МИДа вошли четверо крепких мужчин-иностранцев славянской внешности, позже раздались три выстрела, затем из здания вывезли два гроба. Другие источники указывали, что в комнате Масарика были обнаружены следы борьбы, министр пытался выбраться из квартиры через окно и случайно сорвался вниз. Еще один слух утверждал, что Масарика выбросили из окна, предварительно отравив или накачав наркотиками. Поводом к убийству мог быть готовившийся им побег из ЧСР. Посол признавал, что ни один из этих слухов не находил надежного подтверждения. Но заключал, что их не следовало полностью игнорировать⁶³.

Его озадачивало отсутствие предсмертной записки, поскольку Масарик придавал большое значение публичным высказываниям. Вместе с тем в пользу самоубийства свидетельствовало наличие психических проблем у матери и сестры Масарика, которые, по мнению посла, имели наследственный характер. Штейнгардт признавался, что начал сомневаться в официальной версии, но мог лишь надеяться, что «рано или поздно мы получим зацепку или ключ, который разрешит головоломку, хотя мы никогда не сможем доказать, что это было убийство». Если это было так, считал посол, то за устранением Масарика стояла Москва, а не местные коммунисты⁶⁴.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Caffery to the Secretary of State. March 13, 1948 // Ibid. 860F.002/3-1348.

⁵⁵ Smith to the Secretary of State. April 20, 1948 // Ibid. 860F.00/4-2048.

⁵⁶ US Congress. Congressional record. Proceedings and debates of the 80th Congress. Vol. 94. Part 2. Washington, 1948. P. 2472, 2474, 2608.

⁵⁷ Unsigned document. March 10, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/3-1048.

⁵⁸ Vedeler to Steinhardt. March 23, 1948 // LASP. Box 57.

⁵⁹ Steinhardt to the Secretary of State. March 16, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/3-1648.

⁶⁰ Steinhardt to the Secretary of State. March 17, 1948 // Ibid. 860F.00/3-1748.

⁶¹ Steinhardt to the Secretary of State. March 12, 1948 // Ibid. 860F.002/3-1248.

⁶² Steinhardt to the Secretary of State. April 29, 1948 // Ibid. 860F. 002/4-2948.

⁶³ Steinhardt to the Secretary of State. April 8, 1948 // Ibid. 860F.002/4-848.

⁶⁴ Steinhardt to Vedeler. April 7, 1948 // Ibid. 860F.00/4-748.

В качестве еще одного подтверждения официальной версии Штейнгардт привел рассказ камердинера Масарика, переданный ему Смутным. Тот обнаружил в комнате министра много вынутых из упаковок бритвенных лезвий и связанные друг с другом шнуры от пиджамных брюк. Это могло свидетельствовать о том, что Масарик обдумывал разные способы самоубийства⁶⁵.

Штейнгардт заключал, что независимо от того, было что-либо из этого правдой или нет, смерть восстановила подорванную среди соотечественников репутацию Масарика. При этом он акцентировал внимание на том, что более трех четвертей населения поддерживало версию об убийстве⁶⁶. 21 мая Штейнгардт вновь заявил, что продолжал верить в версию о суициде⁶⁷. В госдепартаменте информация Штейнгардта вызывала лишь любопытство и слабые сомнения в официальной версии⁶⁸. Какими-либо доказательствами для ее опровержения в Вашингтоне не располагали.

Информация об обстоятельствах смерти приходила в госдепартамент и по другим каналам. Бывший секретарь Масарика И. Спацек в апреле был назначен советником чехословацкого посольства в Берне. От него американские дипломаты в Швейцарии получили некоторые сведения о последних днях жизни министра. Другие источники сообщали, что Масарик собирался вылететь из ЧСР на самолете, но был остановлен в аэропорту и возвращен в свою квартиру, после чего совершил самоубийство⁶⁹. Бывший чехословацкий посланник в Швейцарии Й. Адриал был убежден, что Масарика убили советские агенты⁷⁰. Версию убийства отстаивал и бывший представитель ЧСР при ООН Я. Папанек⁷¹.

Наиболее подробные сведения о последних днях жизни министра предоставил эмигрировавший из ЧСР О. Клингер, долгое время работавший личным врачом Бенеша и Масарика. По его словам, министр в разговорах с ним упоминал о возможной эмиграции уже осенью 1947 г. Во время Февральского кризиса именно Клингер помог Масарику притвориться больным, чтобы избежать участия в работе правительства. В последние дни перед смертью министр готовился покинуть ЧСР и предлагал Клингеру отправиться вместе с ним. Он просил М. Девенпорт срочно отправиться в Лондон, чтобы позже присоединиться к ней. 6 марта Масарик с Клингером обедали в резиденции Бенеша в Сезимово Усти. При этом, по словам Клингера, Масарик негативно высказывался о самоубийстве, особенно о выпрыгивании из окна. Во время следующего посещения резиденции президента Масарик сообщил Клингеру о готовности вылететь из ЧСР следующим утром из небольшой деревушки около Праги. Но 10 марта утром Клингер, пытаясь созвониться с Масариком, узнал о его смерти. Доктор указывал, что, вопреки установленным правилам, его не пригласили на вскрытие. Хотя никаких конкретных доказательств убийства у Клингера не было, фактически он поддерживал эту версию. По его мнению, Масарик был принципиальным противником суицида и боялся физической боли⁷².

Еще одно свидетельство было получено Брюинсом от двух бывших секретарей Масарика в июле. Они были убеждены в самоубийстве и указывали на подавленное состояние министра в последние дни его жизни. По их словам, Масарик вел себя необычно и прямо упоминал о возможности суицида. Оба присутствовали при вскрытии и констатировали отсутствие огнестрельных ран и следов отравления⁷³.

Таким образом, никаких серьезных оснований ставить под сомнение официальную версию чехословацких властей о смерти Масарика в Вашингтоне не было. Несмотря на

⁶⁵ Steinhardt to the Secretary of State. April 29, 1948 // Ibid. 860F.002/4-2948.

⁶⁶ Steinhardt to the Secretary of State. April 30, 1948 // FRUS. 1948. Vol. IV. P. 747–754.

⁶⁷ Steinhardt to Vedeler. May 21, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/5-2148.

⁶⁸ Vedeler to Steinhardt. April 28, 1948 // LASP. Box 57.

⁶⁹ Vincent to the Secretary of State. May 3, 1948 // NARA. RG 59. CDF 1945–49. 860F.00/5-348.

⁷⁰ Vincent to the Secretary of State. May 25, 1948 // Ibid. 860F.00/5-2548.

⁷¹ Unsigned to Williamson. June 11, 1948 // Ibid. 860F.00/6-1148.

⁷² Raynor to Vedeler. July 9, 1948 // Ibid. 860F.002/7-948.

⁷³ Bruins to the Secretary of State. July 16, 1948 // Ibid. 860F.002/7-1648.

широкую огласку, которую это событие приобрело в американских политических кругах, оно носило скорее символический характер. В мемуарах Г. Трумэна, опубликованных в 1956 г., бывший президент назвал смерть Масарика «драматическим символом трагического окончания свободы» в Чехословакии⁷⁴.

Можно заключить, что в послевоенные годы Ян Масарик не рассматривался американскими дипломатами как влиятельная политическая фигура. Несмотря на репутацию прозападного политика, его реальные действия скорее вызывали недовольство в Вашингтоне. Нежелание Праги идти на уступки в спорных вопросах, поддержка инициатив Москвы привели к ухудшению американско-чехословацких отношений. В госдепартаменте полагали, что за этими действиями стояли коммунисты, но Масарик не был способен противостоять их влиянию и сопротивляться советскому давлению. К 1948 г. американские дипломаты в Праге считали его малозначительной фигурой и не связывали с ним каких-либо надежд на изменение внешнеполитического курса ЧСР. Тем не менее смерть Масарика приобрела широкий резонанс и нашла отклик в политических кругах США. Попытки посла Штейнгардта разобраться в причинах и обстоятельствах смерти свелись к сбору распространявшихся в Праге и не имевших под собой надежных оснований слухов. Госдепартамент также не получил оснований для оспаривания официальной версии о самоубийстве и обвинения чехословацких коммунистов либо СССР в причастности к смерти министра. Для США это событие приобрело лишь символическое значение, знаменуя окончательный отход Праги от попыток сохранить близкие отношения с западными странами.

Библиография

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в 2-х т. Т. 1. 1944–1948 гг. М.: Новосибирск, 1997.

Зорин А.В. Политические партии Чехословакии глазами американских дипломатов, 1945–1948 годы // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 4. URL: <http://rusus.jes.su/s20705476000068-1-1> (дата обращения: 30.06.2023).

Зорин А.В. Проблема компенсации за американскую собственность в Чехословакии в 1945–1948 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 208–223.

Марына В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2-х т. Т. 1. 1944–1948 гг. / отв. редактор Т.В. Волокитина. М., 1999.

Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. Кн. 2. М., 2005.

Юнгблюд В.Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 4. С. 52–79.

Jan Masaryk: Uvahy o jeho smrti / ed. L. Kremlickova. Praha, 2005.

Janděčková V. Svědectví o smrti Jana Masaryka: Nová odhalení odkrývají pochybná “fakta” a odsouvají staré “pravdy”. Praha, 2021.

Lockhart R.B. Jan Masaryk. A personal Memoir. Norwich, 1956.

Lukes I. On the edge of the Cold War: American diplomats and spies in postwar Prague. New York, 2012.

Řezník J. Kdy opravdu zemřel Jan Masaryk. Praha, 2014.

References

Chekhiya i Slovakiya v XX veke: ocherki istorii [Czechia and Slovakia in the Twentieth Century: Essays on History]: v 2-kh kn. Kn. 2. Moskva, 2005. (In Russ.)

Jungblud V.T. Mirovoi poriadok 1945 g. – protsess s “otkrytym” prodolzheniem [The World Order of 1945 – a process with an “open” continuation] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO University]. 2020. № 4. S. 52–79. (In Russ.)

Mar'ina V.V. Vtoroj prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek: 1884–1948 [The Second President of Czechoslovakia Edvard Beneš: Politician and Man: 1884–1948]. Moskva, 2013. (In Russ.)

⁷⁴ Truman H. Memoirs. Vol. II. Years of trial and hope. Garden City, 1956. P. 241.

Sovetskii faktor v Vostochnoi Evrope. 1944–1953 gg. Dokumenty [The Soviet factor in Eastern Europe. 1944–1953. Documents]: v 2-kh t. T. 1. 1944–1948 gg. / otv. redaktor T.V. Volokitina. Moskva, 1999. (In Russ.)

Vostochnaia Evropa v dokumentakh rossiiskikh arkhivov. 1944–1953 gg. [Eastern Europe in the documents of the Russian archives. 1944–1953]: v 2-kh t. T. 1. 1944–1948 gg. Moskva; Novosibirsk, 1997. (In Russ.)

Zorin A.V. Politicheskie partii Chekhoslovakii glazami amerikanskikh diplomatov, 1945–1948 gody [Czechoslovak political parties in American diplomats assessments, 1945–1948] // Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in the 21st century]. 2018. № 4. URL: <http://rusus.jes.su/s207054760000068-1-1> (access date: 30.06.2023). (In Russ.)

Zorin A.V. Problema kompensatsii za amerikanskiu sobstvennost' v Chekhoslovakii v 1945–1948 gg. [The problem of compensation for American property in Czechoslovakia in 1945–1948] // Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki [Izvestiya Ural Federal University. Series 2. Humanities]. 2020. T. 22. № 4 (202). S. 208–223. (In Russ.)

Jan Masaryk: Uvahy o jeho smrti / ed. L. Kremlickova. Praha, 2005.

Janděčková V. Svědectví o smrti Jana Masaryka: Nová odhalení odkrývají pochybná “fakta” a odsouvají staré “pravdy”. Praha, 2021.

Lockhart R.B. Jan Masaryk. A personal Memoir. Norwich, 1956.

Lukes I. On the edge of the Cold War: American diplomats and spies in postwar Prague. New York, 2012.

Řezník J. Kdy opravdu zemřel Jan Masaryk. Praha, 2014.

DOI: 10.31857/S013038640024014-3

© 2023 г. А.Н. СОРОКИН

ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ СССР КАНЦЛЕРА ФРГ АДЕНАУЭРА

Сорокин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия).

E-mail: SorokinAN@omsu.ru

Scopus Author ID: 57214146211; ORCID: 0000-0001-7942-7266; Researcher ID: K-5356-2018
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00267.

Аннотация. В статье анализируются внешнеполитические взгляды канцлера Федеративной Республики Германия (ФРГ) Конрада Аденауэра на предпосылки изменения Советским Союзом своего внешнеполитического курса. Учитывая доминирующее положение Аденауэра в системе принятия внешнеполитических решений, именно эти взгляды долгие годы формировали концептуальные основы восточной политики ФРГ. В комплексе убеждений канцлера выделяются два ключевых блока, связанных с ожиданиями экономического кризиса в СССР и роста советско-китайских противоречий. Экономические проблемы в совокупности со сменой поколений и необходимостью повышать жизненный стандарт населения должны были привести Советский Союз, по мнению канцлера, к ограничению гонки вооружений и уступкам Западу. Важным фактором для Аденауэра выступали также советско-китайские противоречия, которые также должны были сдерживающим образом повлиять на советскую внешнюю политику. В перспективе данные проблемы должны были вынудить Советский Союз к сдаче позиций в Европе, к уступкам в германском вопросе. Эти две важнейшие составляющие сформировали теорию кризисов, которой канцлер делился со своими собеседниками по внешнеполитической проблематике. Источниками исследования послужили в первую очередь документы из архива Аденауэра в Рёндорфе (ФРГ).

Ключевые слова: СССР, Германия, К. Аденауэр, холодная война, теория конвергенции, внешняя политика, Китай.

A.N. Sorokin

Chancellor Adenauer's Theory of Crises of the USSR

Aleksei Sorokin, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

E-mail: SorokinAN@omsu.ru

Scopus Author ID: 57214146211; ORCID: 0000-0001-7942-7266; Researcher ID: K-5356-2018
The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-28-00267.

Abstract. In the article, the author analyses the foreign policy views of the FRG Chancellor Konrad Adenauer on the preconditions for the Soviet Union to change its foreign policy course. Given Adenauer's dominant position in the system of foreign policy decision-making, it was these views that for many years formed the conceptual foundations of the German eastern policy. The Chancellor's set of beliefs includes two key blocks related to the expectations of economic crisis

in the USSR and the escalation of Soviet-Chinese contradictions. Economic problems combined with generational changes and the need to raise the living standards of the population should have led the Soviet Union, in the Chancellor's opinion, to limit the arms race and make concessions to the West. The Soviet-Chinese contradictions which were supposed to have a restraining effect on Soviet foreign policy were also an important factor for Adenauer. In the long term, these problems should have forced the Soviet Union to give up its position in Europe and to make concessions on the German question. These two crucial components formed the theory of crises, which the Chancellor shared with his interlocutors on foreign policy issues. The sources of the study are primarily documents from Adenauer's archive in Röndorf, Germany.

Keywords: USSR, Germany, Konrad Adenauer, Cold War, convergence theory, foreign policy, China.

Первый федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр вошел в историю как отец-основатель западногерманского государства. Во внешней политике ФРГ он проводил прозападный курс. Это касалось и политики в отношении СССР. При оценке этой политики следует исходить из того, что ФРГ в период канцлерства Аденауэра скорее объект политики, чем ее субъект, а СССР – мировая держава, контролирующая треть немецкой территории.

Визит Аденауэра в Москву в 1955 г. закончился установлением дипломатических отношений между СССР и ФРГ и возвращением домой немецких военнопленных, осужденных за военные преступления и остававшихся в СССР. Переговоры сопровождались бурными дебатами по германскому вопросу, где стороны не могли найти общий язык; развитие экономических и культурных связей, которое предложил Советский Союз, в повестку переговоров западногерманской стороной включено не было. После 1955 г. до конца канцлерства Аденауэра отношения между ФРГ и СССР оставались напряженными. Это обстоятельство отмечается в российской историографии¹.

Превращение СССР в супердержаву, распространение коммунистической идеологии в мире Аденауэр воспринимал как угрозу², при этом не забывая функционально использовать ее для развития западной интеграции ФРГ. Пример тому – продвижение Аденауэром решения о ремилитаризации Боннской республики после начала Корейской войны в 1950 г.³

Аденауэр возглавил западногерманское государство, когда холодная война уже была реальностью, а годы его правления пришлось во многом на ее апофеоз⁴. ФРГ же, созданная из трех западных оккупационных зон, обладала ограниченным суверенитетом вплоть до 1955 г. Внешнеполитические взгляды Аденауэра укладывались в американскую «политику сдерживания» (федеральный канцлер называл ее «политикой силы» – единство демократического Запада перед лицом советской угрозы). Со смертью Дж.Ф. Даллеса и приходом к власти Дж. Кеннеди наметились разногласия между

¹ Петелин Б.В. Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 142–169; Сорокин А.Н. Советский Союз во внешнеполитической концепции Аденауэра // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 100–106.

² Gotto K. Adenauers Deutschland- und Ostpolitik 1954–1963 // Adenauer-Studien / Hrsg. von R. Morsey, K. Reppen. Bd. III. Mainz, 1974. S. 3–91; Haftendorf H. Adenauer und die Europäische Sicherheit // Konrad Adenauer und seine Zeit. Bd. 2. Beitrage der Wissenschaft. Stuttgart, 1976. S. 92–110; Meissner B. Die Ostpolitik Konrad Adenauers // Konrad Adenauer. 1876–1967. Stuttgart; Zürich, 1976. S. 125–138; Franz C. “Wir wählen die Freiheit!” Antikommunistisches Denken und politisches Handeln Konrad Adenauers // Hrsg. S. Kreuzberger, D. Hoffmann. “Geistige Gefahr” und “Immunisierung der Gesellschaft”. Antikommunismus und politische Kultur in der frühen Bundesrepublik. München, 2014. S. 145–159.

³ Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München; Wien, 1969; Doering-Manteuffel A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963. Darmstadt, 1983. S. 55; Morsey R. Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969. München, 1990. S. 28.

⁴ Schwarz H.-P. Anmerkungen zu Adenauer. München, 2004. S. 77.

ФРГ и США в подходах к Советскому Союзу и разрядке напряженности — это был один из признаков заката «эры Аденауэра»⁵.

Аденауэр не принимал возросшей роли СССР в рамках сложившегося послевоенного баланса сил, не признавал ГДР и отвергал возможность компромиссного, т.е. широко учитывающего интересы СССР, решения германского вопроса. Обосновывалась ли эта позиция иррациональным антикоммунизмом, русофобией времен холодной войны или имела под собой рациональный теоретический расчет?

Цель автора статьи — на основе изучения источников и литературы дать ответ на этот вопрос, раскрыв в результате одну из концептуальных основ восточной политики Аденауэра, а именно: ожидание позитивных для Запада изменений внешней политики СССР в результате кризисных явлений.

Главными целями внешней политики Аденауэра являлось вхождение ФРГ в западную систему союзов и обеспечение тем самым безопасности и стабильного вектора развития страны. Воссоединение Германии предполагалось достичь не за счет компромисса с Советским Союзом, а за счет уступок со стороны СССР в ходе разрядки. Советские уступки должны были произойти в результате фрустрации собственных агрессивных планов перед лицом консолидированной позиции Запада. Аденауэр говорил о разрядке, но понимал ее по-другому, чем стоявший у истоков этой политики Дж. Кеннеди и осуществившая ее в ФРГ социал-либеральная коалиция В. Брандта⁶.

Западногерманские историки пытаются систематизировать оценки и прогнозы Аденауэра относительно кризисных явлений в СССР. При этом они исходят из подчиненного характера восточной и германской политики первого федерального канцлера, из ее пассивного, оборонительно-выжидающего характера⁷. Г.-П. Шварц в статье «Представления Аденауэра в области германской политики 1955–1958 годов»⁸ дает общую характеристику факторов, которые, согласно убеждениям канцлера, должны были привести к свертыванию активной внешней политики СССР в Европе: это тенденции разрядки, необходимость разоружения, фрустрация перед лицом консолидированной позиции Запада, невозможность поддерживать высокий жизненный стандарт населения при существующем уровне гонки вооружений, угроза со стороны Китая. Убежденность Аденауэра в неминуемом конфликте Советского Союза с Китаем отмечали Г. Нидхарт, Н. Альтман⁹ и В. Вейденфельд¹⁰. При этом остались неисследованными влияние на концепцию канцлера теории конвергенции, оценка отдельных аспектов, таких как жилищные, продовольственные проблемы, зависимость от экспорта, в совокупности с

⁵ Hacke C. *Weltmacht wider Willen. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland*. Stuttgart, 1988. S. 88.

⁶ Klessmann C., Stöver B. *Die Deutschlandpolitik der Bundesregierung Adenauer und die politisch-parlamentarische Diskussion in dieser Zeit // Materialien der Enquete-Kommission "Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland"*. Bd. V/2. *Deutschlandpolitik, innerdeutsche Beziehungen und internationale Rahmenbedingungen*. Baden-Baden, 1995. S. 1622; Sorensen T.C. *JFK's Strategy of Peace // World Policy Journal*. 2003. Vol. 20. № 3. P. 2–6.

⁷ Schwarz H.-P. *Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien / Hrsg. von R. Morsey, K. Repgen*. Bd. I. Mainz, 1974. S. 71–108; *Haftendorn H. Sicherheit und Entspannung. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955–1982*. Baden-Baden, 1983. S. 69–78; *Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers*. Bonn, 1976; *Doering-Manteuffel A.* Op. cit.; *Foschepoth J. Westintegration statt Wiedervereinigung: Adenauers Deutschlandpolitik 1949–1955 // Adenauer und die deutsche Frage*. Göttingen, 1988. S. 29–60; *Steininger R. Steininger R. Eine vertane Chance. Die Stalin-Note vom 10. März 1952 und die Wiedervereinigung. Eine Studie auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten*. Berlin; Bonn, 1990. S. 30–31.

⁸ Schwarz H.-P. *Die deutschlandpolitischen Vorstellungen Konrad Adenauer 1955–1958 // Rhöndorfer Gespräche*. Bd. 2. *Entspannung und Wiedervereinigung*. Stuttgart; Zürich, 1979. S. 18–22.

⁹ Niedhart G., Altmann N. *Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers // Adenauer und die deutsche Frage*. Göttingen, 1988. S. 99–117.

¹⁰ Weidenfeld W. Op. cit.

попытками Аденауэра использовать эти проблемы для достижения собственных внешнеполитических целей.

В отношении советско-китайских противоречий за пределами изучения оказались попытки Аденауэра проверить и практически использовать свои прогнозы в реальной политике. Исследователи не пытались оценить прогностическую значимость и ценность теоретических построений канцлера в их совокупности. Не изучались источники — аналитические материалы, согласно которым канцлер строил и пытался верифицировать свою теорию кризисов.

Восполнить эти пробелы позволяет исследование документов архива Аденауэра в Рёндорфе (ФРГ). Анализ хранящихся в фонде 3 этого архива протоколов бесед с зарубежными политиками из нейтральных или дружественных ФРГ западных стран позволяет глубже изучить концепцию восточной политики первого федерального канцлера¹¹. Беседы представляют собой обмен мнениями, прежде всего по важнейшим внешнеполитическим вопросам, одна из центральных тем многих бесед — отношения ФРГ и стран Запада с Советским Союзом. Беседы проходили с глазу на глаз, без прессы и коммюнике. В дружеской обстановке стороны, как представляется, откровенно излагали собственные взгляды с целью в первую очередь проинформировать собеседника. В манере общения, подачи информации и своей точки зрения Аденауэром можно проследить еще и желание убедить собеседника, обосновать действующему или потенциальному союзнику собственные внешнеполитические подходы к Советскому Союзу.

Наряду с протоколами бесед, фонд 3 архива Аденауэра содержит аналитические записки, доклады и отчеты, поступавшие Аденауэру по внешнеполитическим вопросам. На многих документах можно видеть пометы канцлера, которые он делал, как правило, зеленым карандашом: обычно это подчеркивание либо другое выделение отдельных мест текста. Протоколы бесед и аналитические записки датируются 1956—1963 гг.; они были частично рассекречены во второй половине 2000-х — середине 2010-х годов; часть документов все еще закрыта для исследователей.

В августе 1961 г. в беседе с послом Люксембурга в ФРГ П. Майерусом, состоявшейся на фоне международного кризиса, вызванного строительством Берлинской стены, Аденауэр заявил: «Русские постепенно оказались в цейтноте, а именно из-за собственной молодежи и китайцев»¹². Что имел в виду федеральный канцлер?

Аденауэр был уверен, что рано или поздно Советский Союз будет вынужден уйти из ГДР и Восточной Европы. Скорого и полного краха советского режима канцлер ФРГ не ждал, но рассчитывал на возможное сокращение масштабов влияния СССР в Восточной Европе. Предпосылками для этого должны были стать сила и единство Запада, включая ФРГ, с одной стороны, и развитие кризисных тенденций и процессов во внутренней и внешней политике СССР — с другой. К внутренним кризисным процессам Аденауэр относил неготовность советской плановой экономики одновременно поддерживать высокий темп гонки вооружений и обеспечивать материальное благополучие собственного населения, которое со сменой поколений будет требовать большего.

Канцлер исходил из того, что в СССР растет новое поколение. На встрече с премьер-министром Индии Д. Неру он отметил: «В самом СССР работают новые силы. Воспитание и образование людей заметно. Люди задают вопросы и противостоят подавлению свободного волеизъявления»¹³.

Аденауэр оказался восприимчив к теории конвергенции, появившейся на Западе в 1950-е годы и предполагавшей постепенное сближение капитализма и социализма за счет заимствования лучших аспектов политической и экономической системы, наличия

¹¹ Adenauer-Archiv. Bestand III/59. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern // Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus.

¹² Ibid. Bestand III/55.

¹³ Ibid. Bestand III/54.

общих черт социального устройства, таких как автоматизация производства, рост технической интеллигенции. Теория конвергенции развивалась в 1960-е годы и нашла широкое отражение и активное применение в «новой восточной политике» федерального канцлера В. Брандта (1969–1974)¹⁴. Зачастую восточную политику Аденауэра и Брандта противопоставляют. Однако общим было влияние на нее теории конвергенции, но это влияние недостаточно изучено исследователями.

Без внимания Аденауэра не осталась телеграмма 1956 г. статс-секретаря МИДа ФРГ В. Хальштейна из Лондона. В ней он информирует канцлера о своем разговоре с министром иностранных дел Великобритании С. Ллойдом и его заместителем И. Киркпатриком относительно визита в Англию советских руководителей. Хальштейн телеграфировал: «Касательно положения внутри России у англичан сложилось впечатление, что техническое образование имеет большой прогресс. Возникновение нового технического класса представляет проблему советскому руководству, так как они хотят “думать и читать”. Киркпатрик говорил о новой “буржуазии”. Идет формирование собственности, даже больших состояний»¹⁵. Как видно, западные политики, в том числе Аденауэр, надеялись на трансформацию советского общества, на недовольство режимом среди растущего слоя технической интеллигенции. Инженерно-техническое образование в Советском Союзе в этот период пользовалось все возрастающей популярностью, что, однако, не вело к росту протестных настроений среди студентов и выпускников. В этом смысле ожидания западных политиков и советологов оказались бесплодны.

Советское руководство, по мнению канцлера ФРГ, вынуждено для обеспечения устойчивости системы и собственного господства обратиться к решению внутренних проблем. В итоге Советский Союз будет вынужден пойти и на разоружение, и на уступки Западу, в том числе по германскому вопросу. В разговорах с зарубежными политиками Аденауэр часто вспоминал свой визит в Москву 1955 г.: из этого единственного прямого соприкосновения не только с советским руководством, но и с советской действительностью он черпал информацию для аргументации своих взглядов. Аденауэр подчеркивал, что из-за гонки вооружений в СССР не удовлетворяются социальные запросы населения; по этой причине советской стороне желательно будет прийти к разоружению¹⁶. Американскому послу в ФРГ Д. Брюсу Аденауэр говорил, что русские должны будут сократить армию, например, на 2 млн, так как нуждаются в рабочей силе¹⁷.

Аденауэр очень серьезно относился к запущенному Хрущевым семилетнему плану развития народного хозяйства СССР (1959–1965). На взгляд канцлера, полноценное выполнение плана было возможно при условии снижения военных расходов и уровня конфронтации. Аденауэр полагал, что России нужен мир; социальное и экономическое положение в стране плохое: не хватает жилья, продовольствия, люди плохо одеты, депрессивны, «особенно женщины представляют собой безрадостную картину»¹⁸. Об этом канцлер говорил в беседе с итальянским премьер-министром А. Сеньи в 1956 г. Из разговоров с Хрущевым канцлер вынес заключение, что Советский Союз не сможет приступить к решению социальных задач, если будет вынужден вооружаться¹⁹. На встрече с президентом США Д. Эйзенхауэром Аденауэр вспоминал визит в Бонн А. Микояна весной 1958 г., в частности его слова, что в последние годы жизни Сталина не было никаких импульсов к развитию и планов перемен в экономике, все оставалось по-старому, поэтому Советский Союз должен догонять. Этим, по мнению Аденауэра,

¹⁴ Schmidt W. Willy Brandts Ost- und Deutschlandpolitik // Willy Brandts Außenpolitik / Hrsg. B. Rother. Wiesbaden, 2014. S. 161–257.

¹⁵ Adenauer-Archiv. Bestand III/99.

¹⁶ Ibid. Bestand III/26.

¹⁷ Ibid. Bestand III/56.

¹⁸ Ibid. Bestand III/26.

¹⁹ Ibidem.

Микоян «молчаливо признал экономические трудности»²⁰. В беседе с корреспондентом британской газеты «Ньюс Хроникл» Аденауэр говорил о «страшной потребности» в жилье, перед которой стоит Советский Союз, и делал вывод, что если бы Кремль пошел на решение вопроса нехватки жилья и увеличения производства потребительских товаров, то пришлось бы ограничить тяжелую промышленность или прекратить запланированные в нее инвестиции²¹.

Хрущев, всерьез взявшись за жилищную проблему, добился ощутимых успехов: с 1956 по 1963 г. в СССР было построено больше жилья, чем за предыдущие 40 лет²². Сокращение военных расходов при этом происходило, но не так драматично, как рассчитывал Аденауэр, т.е. без потери сферы влияния СССР в Европе. Советский Союз в тот период располагал достаточными ресурсами для поддержания статуса великой державы на мировой арене, повышая при этом уровень жизни населения, его жилищное и продовольственное обеспечение.

В беседе с послом США 6 мая 1958 г. Аденауэр отметил, что «Хрущев имеет настоящий интерес к разговору о разоружении. У него нет нимба Сталина и его заслуг в глазах населения. Хрущев должен иметь успех у русской общественности». Аденауэр верил, что Хрущев для этой цели должен консолидировать внутреннее положение и поднять жизненный стандарт населения. Но не сможет этого сделать одновременно с гонкой вооружений. В конце разговора с американским послом Аденауэр сказал, что считает Хрущева, «несмотря на эмоциональную манеру говорить, умным и расчетливым человеком, который размышляет над этим»²³.

Подобная оценка состояния советской экономики и перспектив развития гонки вооружений была распространена среди западных лидеров. Например, во время визита Аденауэра в США в 1957 г. госсекретарь Дж. Ф. Даллес говорил канцлеру, что гонка вооружений тяжела даже для такой индустриально развитой страны, как США, съедает до 10% валового национального продукта (ВНП), для СССР же, чей ВНП составляет лишь 1/3 от американского, идти в ногу с США представлялось ему особо обременительным экономически²⁴. Высокий уровень милитаризации советской экономики, безусловно, играл сдерживающую роль в развитии, был структурной слабостью, однако к серьезным кризисным явлениям он привел в совокупности с другими как экономическими, так и политическими факторами лишь в конце 1980-х годов. Вряд ли расчет Аденауэра простирался так далеко.

В июне 1959 г. Аденауэр принимал бывшего специального представителя (1941–1943) и затем посла (1943–1946) США в СССР А. Гарримана, который только что вернулся из шестинедельной поездки в Советский Союз. Можно предположить, что суждения этого видного американского государственного деятеля и признанного эксперта-практика по СССР должны были восприниматься канцлером серьезно. Гарриман вспоминал Сталина, с которым, по его словам, он встречался чаще, чем любой другой дипломат, сопоставлял фигуры, стиль руководства советских лидеров. Сталин, по мнению американского дипломата, наподобие Ленина, был оракулом, провозгласившим коммунистическую религию, которую сам не воспринимал серьезно. Напротив, Хрущев показался ему «верующим учеником», серьезно относящимся к абсурду коммунистического вероисповедания. Сравнивая атмосферу в Кремле, Гарриман отметил, что на смену страху при Сталине пришли расслабленность и даже шутки при Хрущеве. Так, замечание Гарримана, что Микоян был бы жестким бизнесменом и как капиталист стал бы очень богат, Хрущев со смехом парировал фразой, что тот родился на поколение

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² Власов С.А., Жанбосов А.Т., Бисенгалиев М.К. Жилищная проблема в СССР и холодная война // Жилищные стратегии. 2020. Т. 7. № 1. С. 31–44.

²³ Adenauer-Archiv. Bestand III/25.

²⁴ Ibid. Bestand III/54.

позже. На шуточное предложение отправить Микояна в США, если он будет им недоволен, Хрущев ответил, что лучше отправит его в Сибирь. Тут Микоян, включившись в диалог, заявил, что и эти времена прошли. Гарриман, делаясь впечатлениями от поездки в СССР, подчеркнул, что, хотя условия проживания и улучшились, вопрос жилищного строительства остается для советского руководства актуальным. Американский дипломат рассказывал также об относительных успехах механизации в СССР, за счет которой работники сельского хозяйства достигнут развития в промышленности. Аденауэр в ответ говорил о серьезности собственного восприятия семилетнего плана СССР, выражал опасения относительно того, что успехи его реализации в сочетании с подчинением европейского экономического потенциала способны сделать Советский Союз ведущей экономической державой мира²⁵.

После «берлинского ультиматума Хрущева» (Ноты советского правительства от 27 ноября 1958 г.) теория кризисов в СССР стала одной из центральных тем разговоров канцлера ФРГ с западными политиками. Хрущев, по мнению канцлера, чтобы отвлечь общественное внимание от внутренних вопросов, во внешней политике играет на обострение. Хотя советский лидер не хочет войны, его требования по Берлину, конечно, неприемлемы²⁶.

Зачастую канцлер пытался искать трудности в СССР там, где их не было. Так, в беседе с итальянским премьер-министром А. Фанфани Аденауэр заявил, что в России, кажется, существуют проблемы со школьным образованием. Речь, очевидно, шла о школьной реформе СССР. Законом 1958 г. «Об укреплении связи с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР» предусматривалось овладение в школе рабочими профессиями. В беседе с британским послом К. Стилом Аденауэр интерпретировал школьную реформу в СССР так: «Хрущев имеет оппозицию в высшем классе. Поэтому он заинтересован в том, чтобы студенты и старшеклассники работали на фабриках»²⁷. Такие «аналитические» суждения Аденауэра просто нелепы и свидетельствуют о полном незнании и непонимании им Советского Союза.

Исходя из своих представлений об СССР, первый федеральный канцлер не стремился существенно развивать огромный потенциал двусторонних экономических отношений. Наоборот, на закате канцлерства Аденауэра можно выделить две попытки федерального правительства способствовать экономическому сдерживанию СССР в контексте ожидания кризиса советской экономики. Первой стала поддержка правительством и бундестагом ФРГ решения НАТО об эмбарго на поставку труб большого диаметра в Советский Союз. Этим были сорваны уже заключенные договоры на поставку около 200 тыс. т труб, что вызвало справедливое возмущение западногерманских концернов и советской стороны. Решение это было принято под нажимом США, стремившихся таким образом предотвратить строительство советских трубопроводов в Европу, и вписывалось в видение Аденауэром экономики как одного из средств давления на СССР в ожидании экономического кризиса советской системы²⁸.

В последние месяцы канцлерства Аденауэр выступил против поставок зерна в СССР. Вернее, против сугубо коммерческого подхода к этому вопросу. В 1963 г. ввиду неурожая и неудачной аграрной политики Советский Союз был вынужден перейти к массовым закупкам зерна за рубежом. Канцлер увидел в этом подтверждение своих теоретических построений и возможность для Запада влиять на советскую политику²⁹. Аденауэр внимательно следил за зерновым кризисом в СССР. Архив Аденауэра содержит телеграмму

²⁵ Ibid. Bestand III/57.

²⁶ Ibid. Bestand III/25.

²⁷ Ibid. Bestand III/56.

²⁸ Rudolph K. Wirtschaftsdiplomatie im Kalten Krieg. Die Ostpolitik der westdeutschen Großindustrie 1945–1991. Frankfurt a.M., 2004. S. 170.

²⁹ Stent A. From Embargo to Ostpolitik: the Political Economy of West German-Soviet Relations. New York, 1982. P. 123.

западногерманского посольства в Москве от 7 октября 1963 г. В документе передавалось содержание выступлений Хрущева по этому поводу, а также делался прогноз, что Советский Союз вскоре должен будет прибегнуть к массовым продажам золота, к кредитованию, а также будет вынужден пересмотреть свои экономические приоритеты, прежде всего развитие тяжелой промышленности, включая оборонную. Прогнозировался отток инвестиций советского государства из тяжелой индустрии в аграрный сектор для предотвращения экономических кризисов³⁰.

Еще один документ, подготовленный министерством иностранных дел ФРГ в 1963 г., содержал краткий анализ последних тенденций советского экономического развития. Аденауэр отметил фрагменты текста, рассказывающие о кризисных явлениях: замедлении темпов инвестиций в том числе и в химической промышленности; приостановке крупных индустриальныхстроек; медленном прогрессе в автоматизации; исчерпании экстенсивных методов развития производства зерновых, стагнации животноводства. Отметил канцлер и раздел об импорте Советским Союзом зерна в 1963 г., который, согласно документу, в первый раз поставил под вопрос провозглашенную СССР продовольственную автаркию. При общей оценке советского импорта из стран Запада в 21%, авторами документа выделялся ряд наиболее важных экспортных товаров: оборудование для химической промышленности, трубы и др. Этот раздел также был подчеркнут канцлером. Несомненно, заинтересовал его и вывод: необходимо увязать западные поставки с политическим поведением СССР. Тогдашние советские экономические трудности рассматривались как, возможно, последний шанс получить политические уступки через конструирование экономических отношений³¹.

Аналитика такого рода отражалась и в публичных выступлениях канцлера. На встрече с западногерманскими журналистами в октябре 1963 г. Аденауэр говорил, что он не против поставок зерна русским, но только при одновременном требовании убрать стену в Берлине. Канцлер призывал к единству НАТО при увязывании экономического сотрудничества с политическими уступками СССР, заявлял, что конкуренты не помогают друг другу³². Канцлер предлагал давить на «болевыеточки» советской экономики, таким образом выжимая политические уступки. Как показывает опыт, санкционное давление редко бывает успешным. В 1960-е годы у Советского Союза хватало торговых партнеров в мире, чтобы закрыть дефицитные позиции. Даже внутри западного лагеря радикальная позиция Аденауэра не находила однозначной поддержки, а начавшаяся вскоре фаза глубокой разрядки и вовсе низвела на нет значение подобных теоретических построений.

Из внешних предпосылок грядущего кризиса советской внешней политики Аденауэр особую роль отводил противостоянию СССР и Китая. На канцлера глубочайшее впечатление произвела неофициальная беседа с Хрущевым на даче во время визита в Москву осенью 1955 г., когда советский лидер, возможно, выразил опасения по поводу роста населения Китая и якобы даже попросил у канцлера ФРГ помощи, чтобы справиться с китайской угрозой. Беседа на даче не протоколировалась³³. Кроме свидетельств Аденауэра, других документов, рассказывающих о ней, нет. Возникают определенные сомнения в том, что советский лидер всерьез рассчитывал на помощь от одного из самых последовательных антагонистов своей политики. Однако судя по тому, насколько часто обращался к этой теме канцлер, вплоть до последних дней правления, неофициальные разговоры про Китай во время его визита в Москву могли происходить. В книге воспоминаний Аденауэр приводит слова, якобы сказанные советским лидером: «Беспокойство перед Красным Китаем четко звучало в разговорах... Хрущев

³⁰ Adenauer-Archiv. Bestand III/119 (1).

³¹ Ibidem.

³² Adenauer K. Teegespräche 1961–1963. Berlin, 1992. S. 457–458.

³³ Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г.: документы и материалы / отв. ред. А.В. Загорский. М., 2005.

снова начал говорить о Красном Китае. Он назвал Красный Китай самой большой проблемой. “Представьте себе, в Красном Китае сегодня уже свыше 600 миллионов человек. Ежегодно добавляется еще двенадцать миллионов. Все они люди, которые живут горстью риса. Что станет – и при этом он всплеснул руками – что станет из этого?” Я подумал: дорогой друг, ты будешь однажды очень рад, если тебе больше не надо будет держать войска на Западе! Хрущев сказал довольно неожиданно: “Мы можем решить эту задачу! Но это очень тяжело. Поэтому я прошу Вас, помогите нам. Помогите нам справиться с Красным Китаем”»³⁴.

Протоколы бесед с зарубежными политиками содержат десятки ссылок канцлера на эту беседу с Хрущевым в качестве аргумента для обоснования неминувости конфликта СССР – КНР. Например, Аденауэр говорил об этом канадскому премьер-министру Дж. Дифенбекеру в 1958 г.³⁵, госсекретарю США К. Гертеру в 1959 г.³⁶, американскому посланнику по особым поручениям А. Гарриману в 1961 г.³⁷ Из того якобы состоявшегося на даче Хрущева разговора Аденауэр сделал однозначный вывод: однажды Хрущев будет рад, что ему не придется держать войска на Западе³⁸.

Иногда Аденауэр со своими собеседниками был не прочь обсудить «жареные» факты и слухи. В октябре 1958 г. федеральный канцлер принимал французского министра почты и телекоммуникаций Б. Корну-Жентилы. На встрече присутствовал и немецкий коллега последнего. На замечание Аденауэра, что отношения между СССР и Китаем не очень хорошие, федеральный министр почты и телекоммуникаций Р. Штюклен ответил, что, как говорят, китайские солдаты в Тибете осквернили портреты Хрущева. В продолжение разговора Аденауэр снова упомянул об озабоченности Хрущева отношениями СССР с Китаем, выраженной советским лидером во время беседы с канцлером ФРГ в 1955 г. на даче³⁹. Похоже, канцлер цеплялся за любой непроверенный, неоднозначный факт, чтобы обосновать свою «китайскую теорию».

С первым премьер-министром независимой Малайской Федерации Абдул Рахманом Аденауэр обсуждал в том числе рост влияния и признания Китая на международной арене, которые не нравились Советскому Союзу. При этом канцлер отметил, что Хрущев – «в первую очередь русский националист, а только затем коммунист»; он никогда не будет готов передать лидерство в коммунистическом блоке Китаю⁴⁰. Серьезные противоречия между СССР и Китаем действительно существовали. Их апофеозом стали столкновения на советско-китайской границе на острове Даманском в 1969 г. Но масштабного военного противостояния Москвы и Пекина не было ни во время Аденауэра, ни позже.

Интересно, что Аденауэр предпринимал попытки верифицировать свою «китайскую теорию», искал ее подтверждения в отчетах подчиненных и в беседах с японскими политиками, лучше знакомыми с ситуацией на Дальнем Востоке. И зачастую не находил. В 1959 г., беседуя с Аденауэром, премьер-министр Японии Нобусукэ Киси сказал, что японцы считают ошибочным мнение, согласно которому в обозримом будущем между СССР и КНР произойдет разрыв из-за конфликта интересов⁴¹. Японский министр иностранных дел Дзэнтаро Косака в 1961 г. сообщал канцлеру ФРГ, что определенные антирусские настроения в Китае есть, но рассчитывать на серьезный конфликт с СССР нет оснований. По оценке японского политика, Китай потенциально очень силен, но в

³⁴ Adenauer K. Erinnerungen 1953–1955. Stuttgart, 1994. S. 527–528.

³⁵ Adenauer-Archiv. Bestand III/25.

³⁶ Ibid. Bestand III/57.

³⁷ Ibid. Bestand III/26.

³⁸ Adenauer K. Erinnerungen 1953–1955. S. 528.

³⁹ Adenauer-Archiv. Bestand III/57.

⁴⁰ Ibid. Bestand III/26.

⁴¹ Ibid. Bestand III/87.

текущий момент возможности его еще ограничены⁴². Однако эти разговоры едва ли подействовали на канцлера отрезвляюще: он продолжал продвигать свои взгляды вплоть до конца канцлерства.

Концептуально Аденауэр исходил не только из пассивной, выжидательной позиции в отношении конфликта СССР – КНР, но и призывал повлиять на ситуацию. Протокол беседы с премьер-министром Японии Сигэру Ёсидой 1962 г. содержит изложение Аденауэром возможной активизации политики Запада по этому вопросу. По мнению канцлера, США должны были изменить свою жесткую политику в отношении КНР, чтобы приблизить Китай к идеологии западного мира. Китайцы казались Аденауэру больше националистами, чем настоящими коммунистами. Аденауэр в очередной раз вспомнил о страхе Хрущева перед Китаем, проявившемся в разговоре на даче. Путем политики определенной поддержки Китая Аденауэру казалось возможным облегчить переговоры с Советским Союзом. Ёсида в целом поддерживал канцлера ФРГ. Он считал, что «свободный мир» сейчас должен помочь Китаю, который испытывает большую нужду. В отношении СССР и Китая японский политик открыто заявил о необходимости применения старого британского правила «разделяй и властвуй»; однажды, на его взгляд, китайцы отойдут от Советского Союза⁴³.

Однако такой подход не преобладал среди японской политической элиты. Вскоре после Ёсиды Аденауэр принимал перспективного японского политика и будущего премьер-министра Эйсаку Сато, совершавшего зарубежную поездку. Аденауэр осторожно поделился с собеседником опасением, распространенным, по его словам, среди стран «свободного мира»: как только ситуация внутри Китая ухудшится и угроза удара в спину исчезнет, Советский Союз атакует «свободный мир». Поэтому, по словам канцлера, на Западе существует мнение, что не следует допускать такого ухудшения. Сато ответил, что прежний премьер-министр Ёсида придерживался как раз этой точки зрения, исходящей из правила классической дипломатии «разделяй и властвуй». Сам же он считал, что можно спокойно общаться со всеми представителями мирового коммунизма, не идя на компромиссы⁴⁴.

В 1962 г. Аденауэр принимал японского политика Кензо Матсумуро, признанного знатока Китая, как назвал его канцлер. Матсумуро несколько раз возглавлял торговые миссии в Китай, способствуя налаживанию связей своей страны с новым коммунистическим режимом КНР. Канцлер вновь вспомнил свой визит в Москву и разговор с Хрущевым, озабоченность последнего огромным приростом китайского населения, живущего горсткой риса, а также выразил надежду, что Советский Союз вынужден будет изменить свою политику в Европе, чтобы направить все силы на сдерживание Китая. В продолжение беседы канцлер отметил, что не считает политику США умной, поскольку американцы, с одной стороны, имеют конфликт с Советским Союзом, а с другой – абсолютную вражду с Красным Китаем. В ответ Матсумуро поделился своими впечатлениями от недавнего посещения Китая. Китайцы, на его взгляд, в построении нового общества больше опирались на национальную традицию, чем на коммунизм. Он отметил рост населения и экономики Китая, сопровождавшийся растущим желанием независимости от Советского Союза, который наблюдал за этим с недоверием. Японский гость рассказал канцлеру об отзыве советских технических советников и задержках в поставках советского оборудования, чем китайцы были недовольны. Но Матсумуро не считал, «что вскоре случится разрыв между Красным Китаем и Советским Союзом». В заключение Матсумуро согласился с Аденауэром, что изменение китайской политики США способно доставить большие затруднения Советскому Союзу⁴⁵.

⁴² Ibid. Bestand III/59.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid. Bestand III/61.

⁴⁵ Ibidem.

Четко определить отношение Аденауэра к правилу «разделяй и властвуй» в контексте конфликта СССР – КНР помогает изучение протокола беседы канцлера с американскими дипломатами. 2 октября 1962 г. Аденауэр принимал советника президента США по национальной безопасности М. Банди и посла США в ФРГ У. Даулинга. Аденауэр начал встречу развернутым пассажем относительно советской угрозы Европе. Вспоминая свой визит в Москву, канцлер отметил, что соображения Хрущева относительно Китая особенно живо сохранились в его памяти. Тогда у Аденауэра возникло впечатление, что Хрущев серьезно воспринимал китайскую угрозу и был ей озабочен. Далее канцлер сказал собеседникам, что «русские и китайские национальные характеры принципиально разные, потому что китаец чувствует себя намного выше и образованнее; он холоднее русского». Из слов канцлера можно сделать вывод, каким образом Аденауэр пытался играть на видимых ему противоречиях между СССР и КНР. Канцлер сообщил собеседникам, что «в течение многих лет он стремился объяснить выдающимся американцам, что Красному Китаю нужно немного помочь. Но всегда получал ответ, что Америка не может этого сделать из-за Чан Кайши и из-за общественного мнения. Сейчас Фонд Форда организует серию лекций по китайско-американским отношениям. Это, несомненно, может способствовать тому, что американское общественное мнение больше не так чувствительно к, правда, неофициальным, но уже в каком-то виде оформленным контактам с Красным Китаем»⁴⁶. Идея поддержки странами Запада Китая в его конфликте с СССР не нашла значительного распространения; ожидания и усилия канцлера были тщетны.

В 1962 г. Аденауэр на встрече с заместителем министра обороны, будущим президентом Израиля Ш. Пересом также высказался о советско-китайских противоречиях. По словам Аденауэра, за развитием в Красном Китае нужно следить особенно внимательно: «Мировоззрение китайцев отличается от советского. В то время как Советы являются атеистами, в Китае восстанавливаются буддийские храмы, строятся новые храмы. Противоречия между двумя странами действительно значительны. Хрущев семь лет назад уже говорил с ним о своих опасениях»⁴⁷.

Однако попытки Аденауэра найти различия в мировоззрении китайцев и русских для обоснования неминимости конфликта между СССР и КНР выглядят во многом искусственными. Аденауэр получал интересующую его аналитику относительно отношений СССР – КНР и положения на Дальнем Востоке и в Сибири. Западногерманский дипломат и внешнеполитический советник канцлера Х. Остерхельд составил для него ряд аналитических записок о Восточной Сибири. В записке от 23 января 1962 г. передаются личные впечатления двух сотрудников посольства ФРГ в СССР, посетивших регион в 1961 г. По мнению западногерманских дипломатов, китайской экспансии там не ощущалось. Сельское хозяйство в Сибири – занятие очень сложное, китайцы предпочитают для сельского хозяйства более теплые территории. Вывод: «Дальний Восток – прочный русский бастион. Китай слишком слаб, чтобы в этом десятилетии поставить под сомнение статус-кво в Монголии или на берегу Амура». Последнюю фразу Аденауэр подчеркнул.

В 1963 г. МИД ФРГ подготовил по запросу канцлера аналитическую записку об освоении Советским Союзом Восточной Сибири и возможных советских противоречиях с КНР. По поводу миграционных рисков МИД сообщал: «По данным министерства иностранных дел, нет никаких доказательств того, что приграничные районы будут более густо населяться с советской стороны, хотя опасения, что давление китайского населения однажды может быть направлено на малонаселенную Восточную Сибирь, широко распространены среди советского населения». В документе подчеркивалось, что СССР имеет в регионе крупные военные базы, оснащенные в том числе и ядерным

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

оружием, а в приграничных территориях превосходит Китай в военном отношении. Основной вывод гласил: «Однако, по имеющимся данным, китайского вторжения в Сибирь в настоящее время не ожидается. Случайные столкновения имеют сугубо местное значение»⁴⁸.

Аденауэр, даже если и начал испытывать внутренние сомнения, все же продолжал публично продвигать свою «китайскую теорию». В ноябре 1962 г. он принимал председателя Комитета Сената США по международным отношениям Дж. Фулбрайта. Стороны начали с обсуждения планов Китая завоевать некоторые районы Индии, о которых узнали от индийских политиков. Фулбрайт предположил, что Советский Союз не желал бы расширения территории Китая за счет Индии. Слово взял Аденауэр, который вновь вспомнил о своем разговоре с Хрущевым в 1955 г. Фулбрайт узнал об озабоченности советского лидера ежегодным приростом населения Китая в 12 млн человек и просьбе Хрущева о помощи со стороны ФРГ. Далее Аденауэр изложил свою «китайскую теорию», как видно, уже с определенными дополнениями, согласно экспертным и аналитическим оценкам: «Он, господин федеральный канцлер, был уже тогда убежден, что Красный Китай – это наше единственное спасение. Ситуация складывается так, что Советскому Союзу придется сосредоточить все свои усилия на Азии, и он будет счастлив, что у него нет проблем с Западом. В настоящее время Советский Союз превращает Восточную Сибирь в огромный индустриальный район. У них там большие запасы ископаемых, гидроэлектростанции, промышленность, но плохой климат. Он считает, что русские хотят превратить Восточную Сибирь в плотину против Красного Китая. Экспансия Китая может доставить только неприятности Советскому Союзу. Он надеется, что Советский Союз увидит, что для них было бы лучше защитить себя от 650 млн красных китайцев, чем от 200 млн американцев и 200 млн западных европейцев». Фулбрайт ответил, что «он рад слышать эти слова от господина федерального канцлера» и что «развитие, с точки зрения Запада, очень обнадеживающее»⁴⁹.

Таким образом, можно заключить, что страх Советского Союза перед Китаем и необходимость СССР улучшать жизнь собственного населения Аденауэр рассматривал как значимый фактор советского стратегического планирования международной политики. С этим фактором он связывал ожидания изменения внешнеполитического курса СССР в направлении отказа от дальнейшего расширения влияния и последующей сдачи собственных позиций в Европе. Что касается «китайской теории» канцлера ФРГ, то источником и главным доказательством ее послужил незапротокольный разговор с Хрущевым во время визита в Москву. По мнению канцлера, советско-китайские противоречия имели объективный характер и должны были побудить СССР пересмотреть свои отношения со странами Запада. Аденауэр пытался воздействовать на политическую элиту США с целью оказания Западом определенной поддержки Китаю в духе принципа «разделяй и властвуй». Предпосылки сворачивания активной советской политики на Западе Аденауэр видел в текущих и потенциальных экономических проблемах СССР. Хрущев, по его мнению, серьезно стремился повысить жизненный уровень населения своей страны, тем более что смена поколений и появление нового образованного класса в СССР дополнительно грозили советскому лидеру утратой доверия. При этом канцлер предполагал, что решать сложный комплекс внутренних социальных и экономических проблем при поддержании существовавшего уровня гонки вооружений Советскому Союзу будет затруднительно. На практике теория кризисов СССР, основанная на идее конвергенции, нашла выражение в сдерживании развития экономических связей ФРГ – СССР и нескольких акциях, направленных на их ограничение (поддержка эмбарго на поставку труб, призывы против сугубо коммерческого экспорта зерна в СССР). Прогностическая ценность теории Аденауэра о кризисном

⁴⁸ Ibid. Bestand III/27.

⁴⁹ Ibid. Bestand III/61.

развитии СССР невелика. Если предположения о неспособности СССР поддерживать высокий уровень жизни населения и одновременно вести гонку вооружений нашли свое частичное подтверждение в дальнейшем развитии событий (хотя и значительно позже и при условии смены политического курса СССР, ослабления советских политических институтов), то ставка на рост противоречий с Китаем как значимый фактор отказа Советского Союза от своей сферы влияния в Европе себя не оправдала: два коммунистических колоса избежали решительной схватки за гегемонию.

Библиография / References

- Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г.: документы и материалы / отв. ред. А.В. Загорский. М., 2005.
- Власов С.А., Жанбосов А.Т., Бисенгалиев М.К.* Жилищная проблема в СССР и холодная война // Жилищные стратегии. 2020. Т. 7. № 1. С. 31–44.
- Петелин Б.В.* Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 142–169.
- Сорокин А.Н.* Советский Союз во внешнеполитической концепции Аденауэра // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 100–106.
- Petelin B.V.* Konrad Adenauer: patriarch germanskoj politiki [Konrad Adenauer: Patriarch of German politics]. Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2006. № 3. S. 142–169.
- Sorokin A.N.* Sovetskij Soyuz vo vneshnepoliticheskoj koncepcii Adenauera [The Soviet Union in Adenauer's Foreign Policy Concept] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2018. № 55. S. 100–106.
- Vizit Kantslera Adenauera v Moskvu 8–14 sentiabria 1955 g.: dokumenty i materialy [The visit of Chancellor Adenauer to Moscow on September 8–14, 1955: documents and materials] / отв. ред. А.В. Загорский. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Vlasov S.A., Zhanbosov A.T., Bisengaliev M.K.* Zhilishchnaia problema v SSSR i kholodnaia voina [Housing problem in the USSR and the Cold War] // Zhilishchnye strategii [Housing strategies]. 2020. T. 7. № 1. S. 31–44.
- Adenauer K.* Erinnerungen 1953–1955. Stuttgart, 1994.
- Adenauer K.* Teegespräche 1961–1963. Berlin, 1992.
- Baring A.* Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München; Wien, 1969.
- Doering-Manteuffel A.* Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963. Darmstadt, 1983.
- Foschepoth J.* Westintegration statt Wiedervereinigung: Adenauers Deutschlandpolitik 1949–1955 // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen, 1988. S. 29–60.
- Franz C.* “Wir wählen die Freiheit!” Antikommunistisches Denken und politisches Handeln Konrad Adenauers // “Geistige Gefahr” und “Immunsierung der Gesellschaft”. Antikommunismus und politische Kultur in der frühen Bundesrepublik / Hrsg. S. Kreuzberger, D. Hoffmann. München, 2014. S. 145–159.
- Gotto K.* Adenauers Deutschland- und Ostpolitik 1954–1963 // Adenauer-Studien / Hrsg. von R. Morssey, K. Reppen. Bd. III. Mainz, 1974. S. 3–91.
- Hacke C.* Weltmacht wider Willen. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1988.
- Haftendorn H.* Adenauer und die Europäische Sicherheit // Konrad Adenauer und seine Zeit. Bd. 2. Beitrage der Wissenschaft. Stuttgart, 1976. S. 92–110.
- Haftendorn H.* Sicherheit und Entspannung. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955–1982. Baden-Baden, 1983.
- Klessmann C., Stöver B.* Die Deutschlandpolitik der Bundesregierung Adenauer und die politisch-parlamentarische Diskussion in dieser Zeit // Materialien der Enquete-Kommission “Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland”. Bd. V/2. Deutschlandpolitik, innerdeutsche Beziehungen und internationale Rahmenbedingungen. Baden-Baden, 1995. S. 1612–1635.
- Meissner B.* Die Ostpolitik Konrad Adenauers // Konrad Adenauer. 1876–1967. Stuttgart; Zürich, 1976. S. 125–138.
- Morsey R.* Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969. München, 1990.
- Niedhart G., Altmann N.* Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen, 1988. S. 99–117.
- Rudolph K.* Wirtschaftsdiplomatie im Kalten Krieg. Die Ostpolitik der westdeutschen Großindustrie 1945–1991. Frankfurt a.M., 2004.
- Schmidt W.* Willy Brandts Ost- und Deutschlandpolitik // Willy Brandts Außenpolitik / Hrsg. B. Rother. Wiesbaden, 2014.

Schwarz H.-P. Anmerkungen zu Adenauer. München, 2004.

Schwarz H.-P. Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien / Hrsg. von R. Morsey, K. Reppen. Bd. I. Mainz, 1974. S. 71–108.

Schwarz H.-P. Die deutschlandpolitischen Vorstellungen Konrad Adenauer 1955–1958 // Rhöndorfer Gespräche. Bd. 2. Entspannung und Wiedervereinigung. Stuttgart; Zürich, 1979. S. 18–22.

Sorensen T.C. JFK's Strategy of Peace // World Policy Journal. 2003. Vol. 20. № 3. P. 2–6.

Steininger R. Steininger R. Eine vertane Chance. Die Stalin-Note vom 10. März 1952 und die Wiedervereinigung. Eine Studie auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten. Berlin/Bonn, 1990.

Stent A. From Embargo to Ostpolitik: the Political Economy of West German-Soviet Relations. New York, 1982.

Weidenfeld W. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers. Bonn, 1976.

КНДР И КУБА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ (1960–1965): ГРАНИЦЫ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ»

Матвеева Наталья Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57891417800; *ORCID:* 0000-0002-5116-7498

Аннотация. Статья рассматривает начальный этап отношений между Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Республикой Куба. Новизна исследования состоит в том, что данный период двусторонних отношений, крайне значимый для понимания дальнейшей истории взаимоотношений двух стран, и интересы сторон, мотивирующие развитие отношений, до настоящего времени были малоизучены как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В статье оспаривается общепринятая трактовка северокорейско-кубинских отношений как исторически равных и братских, базирующихся только на социалистической солидарности и общей борьбе против империализма. На основании архивных документов советского посольства в Пхеньяне делается вывод, что для Северной Кореи нерушимая дружба с Кубой была мотивирована не только и, возможно, не столько желанием помочь братской стране в антиимпериалистической борьбе. Изначально КНДР стремилась стать для Кубы старшим партнером в политике и экономике, каковым по отношению к самой Северной Корее был Советский Союз. В статье анализируется, как Северная Корея для привлечения Кубы на свою сторону в политическом и идеологическом противостоянии внутри социалистического лагеря и в мире манипулировала информацией о Советском Союзе и советско-китайском расколе, стремясь дискредитировать СССР, преувеличить собственную роль в поддержке кубинской революции и продвинуть свою политическую позицию «нейтралитета», самостоятельности и опоры на собственные силы. Использование ранее не изученных архивных материалов позволяет лучше понять особенности начального этапа отношений Северной Кореи и Кубы – двух стран, которые сохранили тесные связи и после распада социалистического лагеря и продолжают придерживаться социалистического пути.

Ключевые слова: Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Куба, дипломатические отношения, архивы, МИД СССР, Архив внешней политики РФ, СССР, Китай, внешняя политика, экономические отношения, мировая система социализма.

N.I. Matveeva

The DPRK and Cuba in the Initial Period of Bilateral Relations, 1960–1965: The Limits of “Socialist Solidarity”

Natalia Matveeva, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57891417800; ORCID: 0000-0002-5116-7498

Abstract. In this article, drawing on recently declassified archive sources from the Soviet embassy in Pyongyang, the author aims to refute the traditional view of North Korean-Cuban relations as historically close and equal, based on socialist solidarity and a common struggle against imperialism. In it, she argues that for North Korea, its “unbreakable friendship” with Cuba was motivated by more than just a desire to help the “brotherly country” in its anti-imperialist struggle. Exploring the early phase of bilateral relations, the author looks behind the propaganda façade of internationalism and socialist solidarity to examine the pragmatic motives behind North Korean desire to establish strong relations with the new socialist Cuba. She argues that North Korea originally sought to adopt the same senior partner role to Cuba that the Soviet Union and Eastern European countries had with respect to North Korea itself, promoting a North Korean political and ideological model in Cuba and contrasting it with both the Soviet and Chinese models. North Korea used the growing Sino-Soviet rift to discredit both the Soviet Union and China, while simultaneously promoting itself and its model as an alternative to the two quarrelling socialist giants. The study of archival sources provides a more detailed insight into the early phase of North Korean-Cuban relations and contributes to an understanding of North Korean foreign policy and its characteristic features still in place today.

Keywords: Democratic People’s Republic of Korea, Republic of Cuba, diplomatic relations, archives, Ministry of Foreign Affairs of the USSR, Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, USSR, China, foreign policy, economic relations, world system of socialism.

С момента установления дипломатических связей между Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Республикой Куба в 1960 г. отношения двух стран провозглашаются официально как равные и братские, поскольку страны объединяет общая борьба против империализма. В этом ключе их зачастую рассматривают и пресса¹, и исследователи². По мнению Центрального разведывательного управления США, во времена холодной войны отношения между Северной Кореей и Кубой были теснее, чем между Северной Кореей и Советским Союзом³. Говоря о военном сотрудничестве двух стран, цитируют слова Рауля Кастро, сказанные в 1968 г.: «Если кого-то интересует мнение кубинцев по определенным вопросам, ему следует спросить корейцев. А если кто-либо спросит, какова позиция [Северной] Кореи в определенных случаях, он может спокойно спросить об этом у кубинцев. Наши взгляды полностью совпадают во всем»⁴. При этом считается, что первое десятилетие после

¹ *Cho S.* K’uba-puk’an-ün öttön kwan’gye? Puk, Soryön-i oemyöghan K’uba-e mugı musangjegong // *Dong-A Ilbo*. 5.VI.2016; *Marsh S.* Cuba and North Korea hold anti-US meeting and reject Donald Trump’s “arbitrary” nuclear demands // *The Independent*. 23.XI.2017; *Zwirko C.* Cuba, North Korea reaffirm historic ties at first summit in thirty years // *The North Korea News*. 4.XI.2018. URL: <https://www.nknews.org/2018/11/cuba-north-korea-reaffirm-historic-ties-at-first-summit-in-thirty-years/> (дата обращения: 12.07.2022); Лидер Кубы завершил визит в Пхеньян // *РИА Новости*. 7.XI.2018. URL: <https://ria.ru/20181107/1532243643.html?ysclid=18de0c2z18736809513> (дата обращения: 22.09.2022).

² *Berger A.* Target Markets: North Korea’s Military Customers. New York, 2016; *Taylor W.* North Korea and the Latin American revolution, 1959–1970. Vancouver, 2020.

³ См.: CIA Memo. North Korea – USSR: How Close Can They Get? 25 March 1986 // URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP86T01017R000605840001-7.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

⁴ *Berger A.* Op. cit. P. 97.

установления отношений было временем «особенно тесного сотрудничества»⁵. Однако практически нет исследований, посвященных именно начальному этапу двусторонних отношений в 1960-х годах. Исключения составляют только исследования роли Карибского кризиса 1962 г. в милитаризации Северной Кореи в контексте советско-китайского раскола⁶, однако из-за своей специфики они не уделяют достаточного внимания вопросам развития двусторонних дипломатических и экономических отношений и мотивации сторон.

Основной проблемой в исследовании отношений КНДР и Кубы, в особенности их начального этапа, является недостаток первичных источников. Закрытость Северной Кореи обуславливает фактическую невозможность доступа к информации и архивным материалам оттуда. И несмотря на предпринимаемые (или, по крайней мере, предпринимавшиеся до пандемии Covid-19) шаги к большей открытости на Кубе, эта тенденция не распространяется на архивы. Они по-прежнему практически закрыты для исследователей, изучающих историю острова после революции 1959 г.⁷

В этих обстоятельствах недавно рассекреченные и неизученные документы из архивов советского посольства в Пхеньяне представляют особый интерес. Первый посол Кубы в КНДР Лазаро Вигоа Арангурен, работавший в Пхеньяне в первой половине 1960-х годов, имел особенно теплые отношения с советским посольством. Он делился с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР В.П. Московским (1962–1965) впечатлениями о работе с северокорейцами и порой даже спрашивал его совета в вопросах, которые не мог обсуждать со своим правительством из-за дружеских отношений между Республикой Куба и КНДР⁸. Советский посол докладывал об этих беседах в Москву. В отсутствие прямых первичных источников эти доклады советского диппредставительства дают уникальную возможность изучить становление взаимоотношений двух стран.

В статье на основании анализа советских архивных материалов и северокорейской прессы подробно рассматривается ранний период северокорейско-кубинских отношений, от установления дипотношений к Карибскому кризису и его влияния на динамику двусторонних отношений и до середины 1960-х годов, когда смена руководства в СССР вновь сместила баланс сил в социалистическом лагере. Оспаривается принятая трактовка двусторонних отношений как равных, равных и братских. Архивные документы указывают на то, что изначально КНДР стремилась стать для Кубы старшим партнером в политике и экономике, каковым по отношению к самой Северной Корее являлся Советский Союз. Помимо этого, установление отношений с Кубой рассматривалось северокорейским руководством как первый шаг к дипломатической экспансии в «третьем мире» и продвижению северокорейской политической, идеологической и экономической модели.

Куба, расположенная около границ США, привлекала внимание КНДР еще до установления дипломатических отношений. В 1950-х годах КНДР поддерживала контакты с Народно-социалистической партией Кубы. В начале 1959 г. официальный орган Трудовой партии Кореи (ТПК) газета «Нодон синмун» превозносила успех кубинской революции. Серия статей прославляла кубинский народ и Народно-социалистическую партию (впоследствии ставшую правящей Коммунистической партией Кубы) за их неутомимое усердие в свержении «американского агента» Батисты и за готовность выступить против «американских агрессоров», несмотря на американскую военную мощь. «Нодон синмун» отмечала, что и Куба, и Северная Корея находятся на острие антиимпериалистической борьбы. Ведь Южная Корея, как ранее

⁵ Taylor W. Op. cit. P. 48–49.

⁶ Person J. Introduction // NKIDP e-Dossier № 12. The Cuban Missile Crisis and the Origins of North Korea's Policy of Self-Reliance in National Defense. Washington (D.C.), 2012. P. 1–4.

⁷ Gleijeses P. Inside the Closed Cuban Archives // The Wilson Center History and Public Policy Program blog, 31 July, 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/inside-the-closed-cuban-archives> (дата обращения: 01.03.2020).

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 18. П. 93. Д. 5. Л. 167.

Куба, была «оккупирована... американскими империалистами» и находилась под управлением «фашистского режима» Ли Сын Мана, поддерживаемого американцами⁹.

Поэтому неудивительно, что после победы кубинской революции Северная Корея вслед за Советским Союзом¹⁰ предложила свою дружбу и поддержку братской стране. Летом 1960 г. делегация КНДР приняла участие в конгрессе латиноамериканской молодежи в Гаване, а 29 августа 1960 г. Республика Куба стала 15 страной, с которой КНДР установила официальные дипломатические отношения. 1 сентября «Нодон синмун» опубликовала статью, провозглашавшую «новый шаг в развитии дружеских связей» между КНДР и Кубой в связи с установлением двустороннего культурного, научно-технического, экономического сотрудничества¹¹.

В социалистическом лагере в 1950–1960-х годах Северная Корея, экономически наименее развитая, занимала позицию младшего партнера и реципиента экономической помощи, что способствовало быстрому восстановлению и развитию северокорейской экономики, особенно после Корейской войны. Однако к концу 1950-х годов продолжающаяся экономическая и политическая зависимость от Советского Союза, КНР и Восточной Европы стала все больше тяготить северокорейского лидера Ким Ир Сена. Несмотря на попытки Северной Кореи развивать связи с нейтральными странами и даже выйти на западные рынки¹², зависимость эта сохранялась. Однако основные усилия Ким Ир Сена были направлены на политическую сферу. Он не одобрял изменений, происходивших в то время в СССР и Восточной Европе, – развенчание культа личности, риторика мирного сосуществования с Западом – и стремился к проведению собственной политики, которая была больше националистической, чем социалистической в советском понимании этого слова¹³.

По утверждениям Ким Ир Сена, отношения между социалистическими партиями должны были основываться на принципах независимости и равенства, и Северная Корея обладала правом «иметь свою точку зрения на все события, которые происходят в мире»¹⁴. Советский Союз и большинство братских стран, правда, не одобряли подобную риторику. Так, советские и болгарские дипломаты отмечали, что хотя у корейцев «выросло чувство национального самосознания», но кое в чем это чувство «уродливо преломляется»: национальное самосознание ставилось выше коммунистического мировоззрения¹⁵. Представители Монголии отмечали, что северокорейское дистанцирование азиатских социалистических стран от европейского пути развития их «обижает»¹⁶.

Присоединение Кубы к мировому социалистическому движению давало Северной Корее возможность стать для нее старшим товарищем в деле борьбы с империализмом.

В начале декабря 1960 г. кубинская экономическая делегация, возглавляемая Эрнесто Че Геварой, в рамках визита в страны соцлагеря посетила КНДР. Визит делегации освещался на первой странице «Нодон синмун» подробно и ежедневно, подробнее чем проходившее в то же время в Москве Совещание коммунистических и рабочих партий. Особенно подчеркивалась общая история противостояния американскому империализму и нерушимая дружба северокорейской и кубинского народов, выкованная в боях против американской агрессии¹⁷.

Кубинская делегация ознакомилась с основными достижениями Северной Кореи по восстановлению и развитию экономики, пострадавшей в Корейскую войну. Делегаты посещали

⁹ Нодон синмун. 3.4.I.1959.

¹⁰ СССР признал новое революционное правительство Кубы в феврале 1960 г. и заключил с ней соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве.

¹¹ Нодон синмун. I.IX.1960.

¹² Подробнее об этом см., к примеру: Miller O., Matveeva N. Trade Relations between the DPRK and the UK, 1961–1969: The Debate in Whitehall // Understanding Market Activities in North Korea / ed. Y. Kim. Washington (D.C.), 2023. P. 53–63.

¹³ Ланьков А.Н. Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее. М., 2009. С. 52.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 93. Д. 5. Л. 184.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Там же. Л. 161.

¹⁷ Нодон синмун. I.XII.1960.

сельскохозяйственные кооперативы, промышленные предприятия, в том числе завод имени Ким Чхэка, ведущее металлургическое предприятие страны. Ким Ир Сен считал тяжелую промышленность основой построения социализма¹⁸. Че Гевара был особенно впечатлен твердостью позиции Ким Ира Сена и успехами КНДР в развитии тяжелой промышленности. По утверждениям северокорейской стороны, он неоднократно говорил, что «корейский народ — талантливый народ, имеющий мудрое руководство в лице Трудовой партии Кореи и товарища Ким Ира Сена», и что «корейский народ движется вперед с такой большой скоростью, что за ним не может угнаться Куба»¹⁹.

Визит кубинской экономической делегации завершился подписанием соглашений о культурном, научно-техническом и экономическом сотрудничестве, а также торгового соглашения. При этом тексты документов, в особенности торгового, были подготовлены в основном северокорейской стороной при минимальном участии кубинцев. В совместном коммюнике, выпущенном в завершение визита, говорилось, что КНДР всесторонне поддерживает революционные достижения и борьбу кубинского народа за свободу и независимость от американских агрессоров, а также подтверждалась взаимная дружба и сотрудничество между Северной Кореей и Кубой²⁰.

Как отмечает историк Кэрол Ланкастер, прямая экономическая помощь в современном ее понимании появилась как «инструмент дипломатии холодной войны»²¹. Характер взаимоотношений с Кубой позволял Северной Корее быть не просто реципиентом помощи от братских стран, а самой стать донором. Правда, объективно в начале 1960-х годов она была не в состоянии оказать сколько-нибудь значимую помощь: экономика только оправлялась от последствий форсированного развития тяжелой промышленности в 1958—1959 гг., а в 1961 г. планировалось начать новый амбициозный экономический план, для выполнения которого КНДР самой требовалась помощь Советского Союза и Китая²².

Тем не менее объем двусторонней торговли значительно вырос после подписания соглашения в декабре 1960 г. К 1963 г. он составил порядка 8 млн руб. Учитывая сокращение торговли КНДР с СССР и Восточной Европой в первой половине 1960-х годов, вызванное охлаждением отношений с ними и их растущее нежелание покупать низкокачественные северокорейские товары и сырье по ценам выше среднерыночных, объем торговли Северной Кореей с Кубой был сравним с торговлей с ГДР или Польшей и был выше, чем с Румынией, Венгрией или Болгарией²³. Однако по перечню товаров торговля не была равнозначной. Северная Корея поставляла Кубе промышленное оборудование, металлорежущие станки, химическое сырье, стальной прокат, цветные металлы, часто реэкспортированные из СССР и восточноевропейских стран народной демократии, так как сама не производила запрашиваемого Кубой оборудования или сырья или производила в недостаточном для экспорта количестве²⁴. В свою очередь, Куба поставляла в Северную Корею сельскохозяйственную продукцию, преимущественно сахар²⁵. Структура торговли с Кубой, по иронии, была зеркальным отражением торговли КНДР с другими соцстранами. При этом отношение Северной Кореи к торговым контрактам как необязательным к выполнению — на что неоднократно жаловались страны соцлагеря в 1960-х годах²⁶ — не изменилось и применительно к Кубе.

По словам посла Вигоа, Куба выполняла все обязательства по торговле с КНДР. Северокорейские же торговые организации, ссылаясь на различного рода причины, не соблюдали

¹⁸ *Ким Ир Сен*. Сочинения. Т. 17. Январь—декабрь 1963. Пхеньян, 1984. С. 363.

¹⁹ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 452. Л. 7.

²⁰ Нодон синмун. 7.XII.1960.

²¹ *Lancaster C.* Foreign aid: diplomacy, development, domestic politics. Chicago, 2007. P. 25.

²² АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 16. П. 85. Д. 6. Л. 165—166.

²³ Там же. Оп. 19. П. 99. Д. 26. Л. 29.

²⁴ *Szalontai B.* Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953—1964. Stanford, 2005. P. 205.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 99. Д. 26. Л. 99.

²⁶ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 413. Оп. 13. Д. 86. Л. 11—156.

торгового соглашения с Кубой, причем «по ассортименту товаров, очень важных для экономики Кубы». Его советский коллега В.П. Московский замечал, что это «общая тенденция корейцев», связанная с тем, что они хотят начать торговать с Англией, Японией, Италией, ФРГ. А страны Запада, в отличие от государств соцлагеря, не согласны покупать северокорейские товары низкого качества по завышенной цене²⁷. Поэтому Северная Корея стремилась оставить качественные товары и ценное сырье (в том числе обещанные Кубе) для торговли с капиталистическими странами. Министр внешней торговли КНДР Ли Ир Гён, пытаясь объяснить сложившуюся ситуацию, говорил, что торговать с соцстранами, конечно, хорошо, поскольку торговля с ними «происходит на взаимовыгодных условиях, без запросов и без жульничества», но «ничего не поделаешь, иногда приходится, хотя и в небольшом масштабе, торговать и с капиталистами»²⁸. Идеология и общее дело борьбы с империализмом не перевешивали чисто прагматических экономических соображений. И потенциальная торговля с промышленно развитыми странами Запада, способными предложить высокотехнологичное оборудование, станки и комплектующие, необходимые северокорейской экономике, была более выгодна, чем торговля с братской, но бедной Кубой, которая мало что могла поставлять КНДР, кроме сельскохозяйственной продукции.

Северокорейцы, стремясь реабилитировать себя в глазах кубинцев и сделать их своими союзниками, говорили, что Советский Союз в качестве экономического партнера был еще более ненадежен, чем они сами. Осенью 1963 г., через год после Карибского кризиса, Ким Ир Сен в разговоре с Вигоа утверждал, что «на Советский Союз надеяться теперь нельзя». По его словам, «несмотря на долгосрочные соглашения», СССР оставил КНДР на 1964 г. без нефтепродуктов, и даже осенью 1963 г. на полевых работах корейцы не смогли полностью задействовать тракторный парк из-за нехватки бензина, а также автотракторных шин. Все это поставлялось Советским Союзом, который «неожиданно сократил» поставки, а цены на шины увеличил: «Видимо, Советский Союз хотел поставить нас [корейцев] перед катастрофой». Якобы аналогичная ситуация была и с советской военной помощью, вопрос о которой был крайне важен и для Кубы. Так, по словам Ким Ир Сена, Советский Союз «вынуждал» Корею «производить своими силами» такое вооружение, к изготовлению которого она «не была подготовлена», и это «обойдется [КНДР] очень дорого». В завершение Ким добавил, что «Советский Союз, несмотря на договор, уже длительное время не оказывает никакой военной помощи [КНДР]»²⁹. Примечательно, что, по обвинениям Ким Ир Сена, СССР заставлял Северную Корею делать то, что официально провозглашалось ее целью, – производить товары и оборудование внутри страны, своими средствами, с опорой на собственные силы и без участия в международном сотрудничестве и разделении труда.

Кубинский посол, очевидно, был удивлен подобными заявлениями, и заметил, что у него имеется другая информация о положении дел. На его заданные позже уточняющие вопросы советский посол в Пхеньяне, удивленный не меньше, отвечал, что «Советский Союз честно выполняет обязательства» в том числе и в военной области³⁰.

Еще одним направлением двустороннего северокорейско-кубинского сотрудничества была научно-техническая кооперация, распространенная форма контактов между странами соцлагеря. Северная Корея сама с 1950-х годов отправляла специалистов в СССР, ГДР, Чехословакию на практику, стажировку и обучение работе на современном оборудовании, установленном этими странами на северокорейских предприятиях. В начале 1960-х годов КНДР предложила Кубе принять кубинских специалистов на производственную практику. Десять кубинских инженеров и техников были направлены на практику на Кусонский станкостроительный завод. Однако спустя несколько месяцев они стали жаловаться кубинскому послу на

²⁷ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 97. Д. 5. Л. 191.

²⁸ Там же. Д. 4. Л. 19–20.

²⁹ Там же. Д. 5. Л. 252.

³⁰ Там же. Л. 254.

«недостаточную методику производственного обучения» и просили досрочно вернуть их на родину, говоря, что «в КНДР пока нечему учиться»³¹.

Схожая ситуация была и со студентами, направленными на учебу в Университет имени Ким Ир Сена в Пхеньяне. В годы холодной войны студенческие обмены и международные образовательные программы были еще одной формой сотрудничества и важной частью стратегии стран социалистического содружества по продвижению своей идеологии, социально-политической и экономической модели как внутри соцлагеря, так и за его пределами. За это время более 500 тыс. иностранных студентов получили образование в Советском Союзе³². Северная Корея также включилась в сеть обменов, и северокорейские студенты стали обучаться в СССР, Восточной Германии, Болгарии и других восточноевропейских странах. Однако к началу 1960-х годов, после нескольких инцидентов, когда студенты отказывались возвращаться на родину³³, а также растущего стремления КНДР иметь свою собственную независимую позицию и политику, обучение северокорейской молодежи за границей стало рассматриваться государством как нежелательное.

Напротив, привлечение иностранных студентов для обучения в Корею, помимо расширения международных связей КНДР, также способствовало продвижению собственной модели развития и позиции государства в других странах. Однако кубинские студенты в Пхеньяне, как и технические специалисты, жаловались на низкий уровень преподавания. Кубинский посол объяснял, что «студенты плохо изучают корейский язык, так как администрация университета идет на всякого рода послабления в оценке знаний кубинских студентов, мало требует с них, пытаясь создать видимость успешной учебы, завышает оценки студентам»³⁴. Это не нравилось ни самим студентам, ни и посольству.

И эта тенденция представлять отличную от реальности, но выгодную КНДР картину наблюдалась не только в сфере экономического сотрудничества и научно-технологических и образовательных обменов, но и в сфере политических контактов.

Как уже отмечалось, Северная Корея неоднократно выражала поддержку кубинской революции еще до установления официальных двусторонних отношений. Во время и после Карибского кризиса 1962 г. интенсивность этих заявлений только усилилась.

Северокорейское руководство внимательно следило за развитием Карибского кризиса. Решение СССР о выводе ракет с Кубы было воспринято им как предательство Кубы, а вслед за ней, потенциально, и других малых социалистических стран (включая КНДР), и как капитуляция под давлением американских империалистов³⁵. Схожим образом ход кризиса оценивался и руководством Кубы, что охотно отмечала северокорейская пресса³⁶, а это активизировало публичную поддержку Кубы со стороны Северной Кореи, в противовес «ревизионистской» позиции Советского Союза.

В конце октября 1962 г., в разгар кризиса, «Нодон синмун» выпустила серию статей под общим заголовком «Остановить американскую агрессию против Кубы». В них, в частности, говорилось, что Куба, выступив против американского империализма, защищала весь социалистический лагерь и даже весь мир и что Северная Корея солидарна с ней и оказывает ей всестороннюю поддержку³⁷. Однако Вигоа в частных беседах с советскими и восточноевропейскими дипломатами высказывал недовольство тем, каким образом КНДР выражала поддержку кубинской революции.

³¹ Там же. Л. 4.

³² *Tsvetkova N.* International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction // *Comparative Education Review*. 2008. Vol. 52. № 2. P. 199, 208.

³³ *Ланьков А. Н.* Указ. соч. С. 273; *Baev J., Kim S.* Korea in the Bulgarian Archives, 1945–1995: An Introduction // *NKIDP Working Papers*. 2017. № 5. P. 11.

³⁴ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 97. Д. 5. Л. 4.

³⁵ *Person J.* Op. cit. P. 2.

³⁶ См.: *Szalontai B.* Op. cit. P. 191.

³⁷ Нодон синмун. 25.X.1962.

В ноябре 1962 г. заместитель председателя ЦК Трудовой партии Кореи Ким Чан Ман на встрече с кубинским послом сказал: «Кубинский народ и правительство Кубы еще не знают, как огромна поддержка, которую оказывает кубинской революции КНДР. У нас каждый день проводятся десятки и сотни митингов в поддержку кубинской революции»³⁸.

Вигоа не возразил Ким Чан Ману, отметив, что он даже присутствовал на трех из них. Однако венгерскому коллеге Ковачу он признавался, что не мог в открытую сказать Ким Чан Ману, что невысокого мнения об этих демонстрациях: «Конечно, митинги здесь проводятся, но если взвесить все то, о чем говорится на этих митингах, то можно было бы сделать такой вывод, что митингам только дается заголовок, что они посвящены поддержке кубинской революции, но об этом говорится 2–3 слова, а дальше идет разговор о взятии шести высот (основные цели КНДР в экономике на 1962 г. — *Н.М.*) и об агрессии американцев, и о выводе их войск из Южной Кореи». Таким образом, подводил итог посол, корейцы «помогают только разговорами и шумом», а не практическими делами»³⁹.

И даже эти «разговоры» не всегда отражали реальное положение вещей. Рассказывая Московскому о своей встрече с Ким Ир Сенем, состоявшейся 8 декабря по приглашению последнего, кубинский посол особенно отмечал то, как эта встреча освещалась в северокорейской прессе. Преподносилось так, что он от лица объединенных революционных организаций Кубы, кубинского правительства и народа выразил «сердечную благодарность товарищу Ким Ир Сену» за активную поддержку, оказанную Трудовой партией Кореи, правительством и корейским народом, народу Кубы в его борьбе. Однако, как уверял кубинский посол, он не выражал такой благодарности ни по указанию своего правительства, ни по собственной инициативе. «Это сообщение корейской печати является трюком», — утверждал он, но признавал, что «в условиях дружественных отношений между двумя социалистическими странами» он не может выступить с опровержением»⁴⁰.

Корейская пресса, по словам посла, с начала кризиса сообщала о «потоке писем» с выражением поддержки кубинскому народу в борьбе с империализмом, которые якобы поступали в кубинское посольство от различных северокорейских организаций. В действительности, как отмечал Вигоа, кубинское посольство «получало периодически только единичные письма», а вовсе не постоянный поток, что также свидетельствовало о «необъективности некоторой информации корейской прессы»⁴¹.

В конце декабря 1962 г. на Кубу с дружеским визитом на празднование четвертой годовщины революции отправилась северокорейская делегация. Спустя несколько дней после ее отъезда посол Вигоа был приглашен в министерство иностранных дел КНДР для просмотра документального фильма, отправленного на Кубу вместе с делегацией. В фильме, делился посол со своими венгерским и советским коллегами, был эпизод массового митинга в поддержку Кубы в Пхеньяне на площади Ким Ир Сена. Он обратил внимание на две вещи: во-первых, митинг проходил летом, участники были в летней одежде и с цветами; во-вторых, там выступал он, кубинский посол. Вигоа заверял, что таких массовых демонстраций в поддержку Кубы в теплое время года не проходило и что «он, кубинский посол, обладая здравым умом и хорошей памятью, не помнит такого массового митинга в Пхеньяне на площади, на котором бы он выступал». По его мнению, фильм, отправленный на Кубу, — компиляция, созданная для лучшего достижения желаемого эффекта»⁴². В дневниках советского посла нет упоминаний, известил ли Вигоа об этом свое правительство, но представляется вероятным, что, как и в случаях с ложной информацией в прессе, он не стал этого делать, не желая портить двусторонние отношения.

Для Северной Кореи демонстрация (и преувеличение) поддержки Кубы была не только выражением солидарности с братской социалистической страной, борющейся против

³⁸ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 93. Д. 5. Л. 147.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 167.

⁴¹ Там же. Л. 168.

⁴² Там же. Л. 180.

империализма, но и способом заручиться содействием Кубы, в первую очередь политическим. Как один из первоначальных членов ООН⁴³, Куба могла способствовать решению корейского вопроса в пользу КНДР и привлечь на свою сторону других членов организации, в особенности из недавно получивших независимость стран Азии и Африки⁴⁴.

В 1960-х годах пропаганда собственной политико-экономической и идеологической модели среди стран «третьего мира» стала одним из приоритетов северокорейской внешней политики. В 1963 г. министр иностранных дел КНДР Пак Сен Чер говорил, что основной задачей внешней политики государства является установление политических, экономических и культурных связей со странами Азии и Африки. По его словам, афро-азиатские страны представляли особый интерес для КНДР, потому что они (в отличие от Советского Союза и Восточной Европы) «с удовольствием» воспринимали северокорейскую культуру и образ жизни и КНДР для них являлась «образцом»⁴⁵.

Куба могла содействовать расширению северокорейского влияния на латиноамериканские страны. Северная Корея, поддерживая революционные движения стран Латинской Америки, следовала практическим геополитическим целям: возникновение новых очагов вооруженного давления на США могло способствовать снижению агрессивности американского империализма на Корейском полуострове⁴⁶. Куба представлялась оптимальным посредником для установления и поддержания контактов с революционными движениями в Латинской Америке.

В 1962–1963 гг. советский посол в Пхеньяне отмечал особое внимание «корейских товарищей» к кубинскому представителю: ему разрешались поездки в такие районы страны, которые для других дипломатов были закрыты, предоставлялась более развернутая информация о внутренней и внешней политике КНДР, он чаще, чем другие дипломаты, встречался с Ким Ир Сеном и высокопоставленными чиновниками. По мнению Московского, такое подчеркнутое внимание со стороны северокорейцев объяснялось «не только всеобщими симпатиями к революционной Кубе, а и желанием приблизить [кубинского] посла к себе»⁴⁷.

В разговорах с Московским Вигоа упоминал, что северокорейцы, хотя официально выразили согласие и одобрение, на самом деле отрицательно восприняли доклад Хрущева на сессии Верховного Совета СССР в декабре 1962 г., особенно часть, касавшуюся Карибского кризиса. По мнению кубинского посла, корейцы недооценивали силу империализма, вслед за китайцами называя его «бумажным тигром». Северокорейское руководство считало, что КНДР сможет с легкостью пережить ядерную войну, спрятав население в многочисленных подземных тоннелях и бункерах. Вигоа говорил, что «такая теория свидетельствует, что корейские руководители в этом вопросе потеряли чувство реальности»⁴⁸.

И в 1961 г., и в 1962 г. северокорейская пресса во главе с «Нодон синмун» освещала все иностранные поездки Фиделя Кастро и кубинского руководства и публиковала практически все их выступления⁴⁹. Однако масштабы публичного проявления поддержки Кубы заметно снизились весной 1963 г. В апреле–июне 1963 г. Фидель Кастро с 40-дневным визитом посетил Советский Союз. Важность этой поездки осознавали как современники, так и историки. А в Северной Корее приезд Кастро в Москву был упомянут только в короткой заметке из семи строк на третьей странице «Нодон синмун» и то спустя несколько дней⁵⁰, а его встречи с Хрущевым и вовсе остались без внимания. На вопрос Московского о причине столь резкой

⁴³ Сама КНДР не являлась членом ООН вплоть до 1991 г.

⁴⁴ Choi C.-K. The Korean Question in the United Nations // Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 1975. Vol. 8. № 3/4. P. 398.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 97. Д. 5. Л. 208.

⁴⁶ См.: Ойкюн В. Революционный авангард. Мексиканское Движение революционного действия // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15. С. 179.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 93. Д. 5. Л. 91–92.

⁴⁸ Там же. Л. 167.

⁴⁹ См., например: Нодон синмун. 27.X.1962; 8.XII.1962.

⁵⁰ Нодон синмун. 30.IV.1963.

смены отношения Вигоа предположил, что корейцам не понравилось, что Кастро первой страной для посещения в своем турне выбрал Советский Союз, а не КНДР⁵¹.

Несколько месяцев спустя руководство КНДР ясно обозначило Кубе свою позицию по отношению к Советскому Союзу и советско-китайскому расколу. Ким Ир Сен в разговоре с Вигоа заявил, что КНДР «не пойдет ни на какие компромиссы» с руководством СССР, пока не будут выполнены все ее «требования» и «претензии» и пока все партии «не разгромят ревизионизм, не осудят его вдохновителей». «Мы не против КПСС, — говорил Ким, — а против руководства КПСС». По его словам, Советский Союз боялся Северную Корею, потому что «дискуссии» среди социалистических партий, предлагаемые последней, могли «лишить КПСС механического большинства» и возможности диктовать всем свою волю, и уже были те, кто «шел» за КНДР⁵². Примечательно, что Ким противопоставлял Советскому Союзу Северную Корею, а не Китай, подчеркивая, что она имеет свою собственную позицию, отличную как от СССР, так и от КНР.

Стоит отметить, что взаимоотношения Кубы и СССР в первой половине 1960-х годов также не были гладкими и их позиции по политическим вопросам не совпадали полностью. Исход Карибского кризиса и то, что решение по нему было принято без участия Кубы, негативно воспринималось кубинским руководством, что сказалось на советско-кубинских отношениях. Были расхождения и в политических взглядах. Кастро не поддерживал полный запрет на ядерные испытания и концепция мирного сосуществования и, по мнению некоторых исследователей, в целом склонялся больше к прокитайской политико-идеологической позиции⁵³. Тем не менее модель политического и экономического развития, предлагавшаяся северо-корейцами, оказалась кубинской стороне не близка и вызывала сомнения в своей жизнеспособности и практичности. Рассказывая о поездке по северо-корейским провинциям и о встрече с заместителем заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ТПК, посол Вигоа говорил, что корейцы видят основную задачу сельского хозяйства в осуществлении «идеологической, технической и культурной революции в деревне», причем главной считается идеологическая революция. Посол отметил, что материальное благосостояние крестьян практически не улучшилось с 1953 г. и что корейские руководители «пока не доверяют крестьянам, не считают, что они убеждены в правоте того, что с ними делают»⁵⁴. По мнению посла, для все еще во многом аграрной Кубы, где революция опиралась на крестьянство как движущую силу, подобный путь не был оптимальным. Он также сомневался в способности северо-корейского правительства выполнить обещания по улучшению уровня жизни крестьян.

Обещания Северной Кореи оказать помощь другим странам также воспринимались кубинским посольством исключительно как пропаганда. В 1964 г. КНДР, вероятно стремясь заручиться поддержкой стран «третьего мира», с которыми были установлены отношения в 1963—1964 гг., объявила о своей готовности оказать помощь Южной Корее поставками угля, риса, электричества и стали. Узнав об этом, кубинский посол, хорошо знакомый с реалиями Северной Кореи, не без сарказма спрашивал: «А что если Южная Корея изъявит согласие принять эту помощь? Где же все это КНДР возьмет?». Он поделился с советским коллегой, что из бесед с северо-корейцами складывается впечатление, что те «весьма ревниво относятся к тому, что Советский Союз поставляет ракетное оружие и самолеты МиГ новейших моделей Кубе, Индонезии, ОАР и не дает такого оружия КНДР, противостоящей южнокорейской армии, оснащенной самым современным американским вооружением». На замечание советского посла, что корейцы и не обращаются к Советскому Союзу с такими просьбами, кубинец ответил, что корейцы, видимо, «как дети, ждут, пока им не дадут того, чего они хотят»⁵⁵.

В январе 1965 г. делегация ТПК в очередной раз посетила Кубу. Глава делегации Ли Хё Сун, член президиума Верховного народного собрания КНДР, в соответствии с северо-корейской

⁵¹ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 97. Д. 5. Л. 3.

⁵² Там же. Л. 252.

⁵³ *Walters R.* Soviet Economic Aid to Cuba: 1959—1964 // *International Affairs*. 1966. № 1. P. 84.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 101. Д. 4. Л. 184.

⁵⁵ Там же. Д. 5. Л. 180.

концепцией о создании очагов вооруженного сопротивления в Латинской Америке донес до сведения кубинского руководства, что КНДР «имеет возможность оказать большую помощь стрелковым оружием (автоматами) партизанам латиноамериканских стран» и просит посредничества Кубы для передачи этого оружия по назначению. Однако, по словам кубинского посла, предложение Ли Хё Суна, как и более ранние обещания помощи странам «третьего мира», было расценено в Гаване как очередной пропагандистский маневр⁵⁶.

По возвращении с Кубы Ли Хё Сун провел встречу с кубинским послом, в ходе которой отметил, что руководство КНДР согласно с выступлениями Фиделя Кастро и с его заявлением о самостоятельной позиции в идеологических и политических разногласиях с руководством социалистических стран. Он также «признался», что Северная Корея тоже хотела бы «выступать таким же образом», но «пока не может»⁵⁷.

Последнее заявление, однако, не совсем соответствовало действительности. Еще в конце 1964 г., после отстранения Хрущева, Ким Ир Сен открыто высказал советским представителям свою позицию и видение места КНДР в мировом социалистическом движении и в мире: «Мы не терпим великодержавных замашек и на каждую такую замашку вынуждены отвечать, мы не хотим и не позволим никому вмешиваться в дела нашей партии, в дела нашей страны. ...Мы малая страна, маленькая партия по сравнению с [КПСС], но мы не хотели бы, чтобы вы вмешивались в наши дела. Нам виднее, как доводить до конца революцию в Корее»⁵⁸.

К середине 1960-х годов оба государства, и Куба, и КНДР, имели значительные экономические и политические связи с Советским Союзом и хотели сохранить экономическое сотрудничество, но быть политически независимыми. Северокорейско-советские отношения после кризиса начала 1960-х стали налаживаться с 1965 г., чему способствовало и начало культурной революции в КНР. Наиболее «прохладный» период в советско-кубинских отношениях завершился еще через пару лет⁵⁹. Куба и КНДР сохраняли дружественные отношения на протяжении 1960-х годов. Однако, несмотря на все усилия со стороны КНДР, Куба (в отличие от ряда африканских стран в последующие годы⁶⁰) не переняла северокорейскую идеологию и политико-экономическую модель, отнесясь к ним с долей скептицизма и предпочтя следовать собственной модели.

* * *

Дипломатические отношения между Республикой Куба и Корейской Народно-Демократической Республикой, установленные в 1960 г., пережили и холодную войну, и распад социалистического лагеря. Хотя традиционно считается, что они были равными и братскими в начальный период, как свидетельствуют дипломатические архивы, Северная Корея претендовала на ведущую роль в двусторонних отношениях как в сфере экономики, научно-технического сотрудничества и образования, так и в политической области. Как страна «третьего мира» Куба могла способствовать продвижению корейской позиции в соцлагере и в мире.

Несмотря на распространенную точку зрения, что в первой половине 1960-х годов Северная Корея была на стороне Китая в советско-китайском расколе, в отношениях с Кубой она не столько следовала китайской линии, сколько пыталась продвигать свою собственную идеологию и позицию в экономических и политических вопросах. Можно предположить, что кубинский посол в разговорах со своими коллегами из СССР и стран Восточной Европы говорил не все и «адаптировал» свои слова для аудитории, и, вероятнее всего, так и было. Однако представляется маловероятным, что в разговорах с советским послом он бы передавал нелестные замечания северокорейцев об СССР, но умалчивал об их прокитайской пропаганде,

⁵⁶ Там же. Л. 221.

⁵⁷ Там же. Оп. 21. П. 105. Д. 4. Л. 109.

⁵⁸ Там же. Оп. 20. П. 101. Д. 5. Л. 203–205.

⁵⁹ Fagen R. Cuba and the Soviet Union // The Wilson Quarterly. 1978. № 1. P. 74.

⁶⁰ Dobrzaniecki I. Juche ideology in Africa: its origins and development // Acta Asiatica Varsoviensia. 2019. № 32. P. 117–137.

если бы таковая была. Это также указывает на стремление Северной Кореи продвигать себя и собственную идеологию, а не только следовать за КНР.

Куба, несмотря на собственные разногласия с Советским Союзом в 1960-х годах, с недоверием относилась к обещаниям помощи от КНДР и не стремилась перенимать ее идеологию и экономические принципы. Ко второй половине 1960-х годов Северная Корея перестала столь активно пытаться привлечь Кубу на свою сторону, переключив внимание на страны «третьего мира». Каждая из стран нашла свой путь, как противостоять глобальным изменениям в мире и распаду социалистического лагеря⁶¹.

Библиография / References

- Ким Ир Сен*. Сочинения. Т. 17. Январь—декабрь 1963. Пхеньян, 1984.
- Ланков А.Н.* Август, 1956 год. Кризис в Северной Кореи. М., 2009.
- Ойкион В.* Революционный авангард. Мексиканское Движение революционного действия // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15. С. 175—187.
- Kim Ir Sen*. Sochineniya. T. 17. Yanvar'—dekabr' 1963 [Works. Vol. 17. January—December 1963]. Pkhen'yan, 1984. (In Russ.)
- Lan'kov A.N.* Avgust, 1956 god. Krizis v Severnoj Koree [August, 1956. The crisis in North Korea]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Oikion V.* Revolyucionnyj avangard. Meksikanskoe dvizhenie revolyucionnogo dejstviya [Revolutionary avant-garde. Mexican Movement of Revolutionary action] // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah [Latin American Historical Almanac]. 2015. № 15. S. 175—187. (In Russ.)
- Baev J., Kim S.* Korea in the Bulgarian Archives, 1945—1995: An Introduction // NKIDP Working Papers. 2017. № 5. P. 9—16.
- Berger A.* Target Markets: North Korea's Military Customers. New York, 2016.
- Cho S.* K'uba-puk'an-ün öttön kwan'gye? Puk, Soryön-i oemyöghan K'uba-e mugi musangjegong // Dong-A Ilbo. 5.VI.2016.
- Choi C.-K.* The Korean Question in the United Nations // Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 1975. Vol. 8. № 3/4. P. 395—406.
- Dobrzeńiecki I.* Juche ideology in Africa: its origins and development // Acta Asiatica Varsoviensia. 2019. № 32. P. 117—137.
- Fagen R.* Cuba and the Soviet Union // The Wilson Quarterly. 1978. № 1. P. 69—78.
- Glejjeses P.* Inside the Closed Cuban Archives // The Wilson Center History and Public Policy Program blog, 31 July, 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/inside-the-closed-cuban-archives> (access date: 01.03.2020).
- Kang D.* Rolling with the Punches: North Korea and Cuba during the 1980s // The Journal of East Asian Affairs. 1994. Vol. 8. № 1. P. 18—55.
- Lancaster C.* Foreign aid: diplomacy, development, domestic politics. Chicago, 2007.
- Marsh S.* Cuba and North Korea hold anti-US meeting and reject Donald Trump's 'arbitrary' nuclear demands // The Independent. 23.XI.2017.
- Miller O., Matveeva N.* Trade Relations between the DPRK and the UK, 1961—1969: The Debate in Whitehall // Understanding Market Activities in North Korea / ed. Y. Kim. Washington (D.C.), 2023. P. 53—63.
- Person J.* Introduction // NKIDP e-Dossier no. 12 “The Cuban Missile Crisis and the Origins of North Korea's Policy of Self-Reliance in National Defense”. Washington (D.C.), 2012. P. 1—4.
- Person J.* North Korea in 1956: reconsidering the August Plenum and the Sino-Soviet joint intervention // Cold War History. 2019. Vol. 19. № 2. P. 253—274.
- Szalomtai B.* Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953—1964. Stanford, 2005.
- Taylor W.* North Korea and the Latin American revolution, 1959—1970. Vancouver, 2020.
- Tsvetkova N.* International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction // Comparative Education Review. 2008. Vol. 52. № 2. P. 199—217.
- Walters R.* Soviet Economic Aid to Cuba: 1959—1964 // International Affairs. 1966. № 1. P. 74—86.
- Zwirko C.* Cuba, North Korea reaffirm historic ties at first summit in thirty years // The North Korea News. 4.XI.2018. URL: <https://www.nknews.org/2018/11/cuba-north-korea-reaffirm-historic-ties-at-first-summit-in-thirty-years/> (access date: 12.07.2022).

⁶¹ *Kang D.* Rolling with the Punches: North Korea and Cuba during the 1980s // The Journal of East Asian Affairs. 1994. Vol. 8. № 1. P. 18—55.

DOI: 10.31857/S013038640028074-9

© 2023 г. Д.В. ЗАЙЦЕВА

ЖАН-ЛАМБЕР ТАЛЬЕН И ЕГО ПУТЬ В ПОЛИТИКЕ

Зайцева Дарья Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: lagitane11@yandex.ru

Scopus Author ID: 57238691300; Researcher ID: IVV-4910-2023

Аннотация. Жан-Ламбер Тальен (1767–1820) — неоднозначный деятель эпохи Французской революции XVIII в., выходец из низов, стремительно сделавший успешную политическую карьеру и столь же быстро ее лишившийся. Он встретил Революцию в 22-летнем возрасте и с воодушевлением включился в события, прекрасно ориентируясь в постоянно меняющейся обстановке. Тальен вступил в Якобинский клуб, организовал общество политического просвещения, начал издавать собственную газету, а вскоре был избран в Национальный конвент, став в новом органе власти одним из самых молодых депутатов. Затем последовала череда миссий в качестве народного комиссара в разные регионы Франции, обострение конфликта с Робеспьером и термидорианский переворот, ставший поистине звездным часом Тальена. Однако после свержения Робеспьера карьера Тальена пошла на спад. Некоторые факты его биографии, такие как участие в сентябрьских убийствах 1792 г., слишком мягкая политика в мятежном Бордо, связь с испанкой Терезой Кабаррюс, давали его политическим противникам, а затем и историкам, повод обвинять Тальена в кровожадности, коррумпированности и ролялизме, что привело к окончательной утрате им влияния и авторитета. Последней попыткой поправить дела стала для него Египетская экспедиция Бонапарта, которая, однако, закончилась плачевно не только для Тальена, но и для подавляющего большинства ее участников. В статье освещены основные вехи жизни и деятельности Тальена, а также кратко изложены причины и сущность «черной легенды», сложившейся о нем в историографии.

Ключевые слова: Франция, Жан-Ламбер Тальен, Французская революция XVIII в., террор, термидорианский переворот, якобинцы, М. Робеспьер, Наполеон I Бонапарт, Египетский поход, биографии, политические деятели.

D.V. Zaytseva

Jean-Lambert Tallien and His Political Path

Daria Zaytseva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: lagitane11@yandex.ru

Scopus Author ID: 57238691300; Researcher ID: IVV-4910-2023

Abstract. Jean-Lambert Tallien (1767–1820) was a controversial figure of the era of the French Revolution, who rose from the lower classes, quickly made a successful political career, and just as quickly lost it. He encountered the Revolution at the age of twenty-two and became enthusiastically involved in the unfolding events, perfectly navigating the ever-changing environment. Tallien joined the Jacobin Club, organised a society for political education, began publishing his own newspaper, and was soon elected to the National Convention, becoming one of the youngest deputies in the new legislature. This was followed by a succession of assignments as a representative on mission to different regions of France, an escalation of the conflict with Robespierre, and the Coup d'état of 9 Thermidor,

which was truly Tallien's finest hour. However, after the overthrow of Robespierre, his career suffered a serious setback. Some facts of his biography, such as his participation in the September Massacres, his too soft policy in rebellious Bordeaux, his relationship with the Spanish Thérèse Cabarrus, gave his political opponents, and later historians, reason to accuse Tallien of bloodthirstiness, corruption, and royalism, which led to the permanent loss of his influence and credibility. His last attempt to reverse his fortunes was Bonaparte's Egyptian expedition, which, however, ended miserably not only for Tallien, but also for the great majority of its participants. The author highlights the main milestones of Tallien's biography, as well as summarises the reasons for and the essence of the "black legend" about him that has developed in historiography.

Keywords: France, Jean-Lambert Tallien, eighteenth-century French Revolution, terror, Thermidorian Reaction, Jacobins, Maximilien Robespierre, Napoleon I Bonaparte, Egyptian campaign, biographies, political figures.

Жан-Ламбер Тальен (1767–1820) — один из самых неоднозначных политических деятелей эпохи Французской революции, о котором в историографии сложился устойчивый миф, зачастую приобретающий черты «черной легенды». Человек, ставший одним из главных инициаторов свержения Робеспьера и немало сделавший для прекращения террора во Франции, в исторических трудах предстает преимущественно негодяем и преступником. Казнокрад, коррупционер, террорист, убийца — вот неполный список характеристик, которые на протяжении двух столетий давали Тальену историки самых разных направлений. Многолетний лидер классической историографии М. Вовель называл Тальена «террористом-отступником»¹, а видный правый историк-наполеонист Ж. Тюлар утверждал, что этот революционер «опозорил Революцию»². Крайне негативные характеристики давали Тальену и другие исследователи: Л. Соноле утверждал, что имя Тальена повсюду сеяло страх, и уже к 26 годам он имел за плечами «ужасное прошлое, полное насилий, грабежей и убийств», а поста депутата Конвента добился «путем угодничества и кровавых дел»³. А.З. Манфред писал, что Тальен — преступник, «забрызганный с ног до головы кровью погубленных им людей, избалованный в казнокрадстве, взяточничестве, грабежах»⁴, а историк Е.В. Киселева, рассматривая миссию Тальена в Бордо, подчеркивала, что там он превратился в покровителя крупной бордоской буржуазии и, не брезгуя ничем, использовал свое положение для личного обогащения⁵. Примечательно, что большинство исследователей Французской революции вовсе не уделяло Тальену внимания, считая его слишком малозначительной фигурой, а те, кто все же обращал к нему, специальным изучением биографии Тальена не занимались, воспроизводя распространенные в литературе клише, традиционно связанные с его именем, тем самым все больше и больше тиражируя сложившуюся «черную легенду». Начало этой легенде было положено еще при жизни Тальена его политическими противниками, которые зачастую выдвигали против депутата ложные обвинения с целью лишить его влияния и авторитета. Вслед за его оппонентами, как правило голословно обвинявшими Тальена в терроризме, взяточничестве, а затем и роялизме, многие историки воспроизводили эти обвинения в его адрес, не озаботившись убедительно их подтвердить. Однако анализ источников не дает оснований представить Тальена столь однозначной фигурой, как его традиционно принято изображать⁶.

¹ Vovelle M. La Révolution française. Paris, 1992. P. 38.

² Tulard J. Les Thermidoriens. Paris, 2005. P. 11.

³ Sonolet L. Madame Tallien. Paris, 1909. P. 43.

⁴ Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой Французской Революции. М., 1978. С. 405.

⁵ Киселева Е.В. Миссия Марка-Антуана Жюльена в Бордо (1794 год) // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 178–179.

⁶ Зайцева Д.В. Миссия народного представителя Ж.-Л. Тальена в Бордо 1793–1794 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 10 (74). URL : <https://history.jes.su/s207987840002430-2-1/> (дата обращения: 02.04.2023).

Тальен родился в Париже в семье Жанны Гумбер и Ламбера Тальена, находящихся в услужении у маркиза де Берси. Маркиз был по-отечески расположен к Жан-Ламберу, и именно благодаря его протекции Тальен смог получить образование, окончив парижский коллеж кардинала Лемуана. Вскоре после этого молодой человек познакомился с депутатом Генеральных штатов от третьего сословия Жан-Батистом Бростаре и стал его личным секретарем, а затем устроился работать в типографию Панкука, где издавалась известная газета *Le Moniteur universel*. В конце 1790 г. Тальен записался в Якобинский клуб и стал активно участвовать в шедших там дискуссиях⁷. Не довольствуясь ролью рядового члена клуба, Тальен захотел испробовать себя в качестве организатора и в начале 1791 г. открыл собственное общество, получившее название «Братское общество обоих полов». В нем Тальен занимался юридическим просвещением парижан, доводил до их сведения декреты Национального собрания и выступал с докладами на острые политические темы. Примечательно, что отличием этого общества от множества других ему подобных стало участие в нем наравне с мужчинами женщин и подростков⁸.

В эпоху Революции карьера многих политических деятелей зачастую была сопряжена не только с участием в работе клубов, но и с журналистской деятельностью. Тальен тоже решил вступить на это поприще. Осенью 1791 г. он принял решение публиковать собственную газету-афишу *L'Ami des citoyens*, а материальную поддержку изданию оказал Якобинский клуб⁹. Наличие у Тальена своей газеты повысило его политический вес в среде якобинцев. Его выступления перед ними становились все более пространными и решительными. Вместе с тем в них можно заметить и такую характерную для этого молодого активиста черту, как отсутствие пиетета перед любыми авторитетами, в том числе и признанными лидерами Якобинского клуба. Это ярко проявилось весной 1792 г. в дискуссии об отношении к солдатам полка Шатовьё, ранее поднявшим мятеж в Нанси. После подавления бунта некоторые из его участников были казнены, другие приговорены к каторжным работам. Участь последних и обсуждалась в клубе с большим оживлением: якобинцы зачитывали письма граждан, ратующих за бывших солдат, объявляли о собранных в их пользу пожертвованиях и устраивали бурные дискуссии. Когда бунтовщики были, наконец, амнистированы, в Париже начались приготовления к их торжественной встрече. Якобинец Ж.М. Колло д'Эрбуа настаивал, что праздник нужно устроить как можно скорее, и предложил провести его в ближайший понедельник, 9 апреля, но ему возразил Тальен, заявивший, что невозможно завершить к назначенному дню все необходимые приготовления, и предложил провести торжество неделей позднее. Колло д'Эрбуа не стал с ним спорить, а вот Робеспьеру, признанному лидеру якобинцев, похоже, не понравилась излишняя самостоятельность Тальена, настоявшего на своем и убедившего коллег прислушаться к его мнению. Робеспьер решил оставить последнее слово за собой, утвердив в качестве дня торжества день, предложенный Колло д'Эрбуа¹⁰. Мнения Тальена и Робеспьера, пусть и по частному вопросу, решительно разошлись в первый, но далеко не в последний раз.

Новый виток активности Тальена связан с его деятельностью на посту секретаря повстанческой Коммуны Парижа, которая в августе 1792 г. сыграла решающую роль в событиях, приведших к падению монархии во Франции. Как представитель Коммуны Тальен был направлен в парижские тюрьмы, где разворачивались события, получившие название «сентябрьские убийства». 2 сентября по Парижу разнесся слух, что крепость Верден, прикрывающая прусским войскам дорогу на столицу, пала и совсем скоро захватчики окажутся в городе. Повсюду говорили, что заговорщики, сидящие в тюрьмах, якобы воспользуются этим и при поддержке пруссаков поднимут мятеж. Поддавшись панике,

⁷ Bourquin M.-H. *Monsieur et Madame Tallien*. Paris, 1987. P. 27.

⁸ *Révolutions de Paris*. 8–15.I.1791. P. 31.

⁹ Aulard A. *La Société des Jacobins: recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris*. T. 3, Paris, 1892. P. 118.

¹⁰ *Ibid.* P. 463–464.

разъяренные толпы горожан начали врываться в тюрьмы и чинить кровавую расправу над заключенными.

Тальену было поручено отправиться в составе комиссии в тюрьмы и затем представить Коммуне отчет о происходящем. Этот злополучный эпизод со временем оброс мифами и имел печальные последствия для репутации и карьеры Тальена во многом потому, что сам он позднее попытался оправдать сентябрьскую резню¹¹, стремясь сохранить свой авторитет в глазах монтаньяров. Несмотря на отсутствие прямых доказательств участия Тальена в организации массовых убийств в сентябре 1792 г., его политические противники долго использовали факт его участия в комиссии Коммуны против него.

В те же сентябрьские дни начались выборы в Национальный конвент, продлившиеся до 19 сентября и осуществлявшиеся в Париже под строгим контролем Робеспьера и его сторонников. Поскольку у Тальена к этому времени уже наметился конфликт с Робеспьером, он не набрал в столице необходимого числа голосов и был вынужден баллотироваться от департамента Сена и Уаза, где получил поддержку большинства выборщиков — 422 голоса из 681¹².

Национальный конвент начал свою работу 21 сентября 1792 г. Главные роли в новом органе власти взяли на себя две соперничавшие политические группировки: жирондисты, которые были противниками чрезвычайных мер, и монтаньяры, выступавшие за радикальные политические методы. К монтаньярам примкнул и Тальен. Уже с первых дней работы Конвента Тальен включился в дискуссии, иногда выдвигая достаточно радикальные предложения. Например, в рамках обновления состава судебных органов, которое решил провести Конвент, Тальен предложил позволить избираться в судьи любому гражданину, даже не имеющему юридического образования¹³. Это предложение не было принято, однако вызвало оживленную дискуссию среди депутатов.

Одним из поворотных событий Революции стало обсуждение в Конvente судьбы низложенного короля Людовика XVI, которого судили под именем Луи Капет. На заседании 13 декабря Тальен высказался резко против отсрочки суда над королем¹⁴. Кроме того, он настаивал, что нельзя позволить гражданину Капету контактировать с его сообщниками, под которыми депутат подразумевал супругу и сестру бывшего монарха, поскольку они «могут согласовать свои показания на будущем процессе»¹⁵. 15–17 января 1793 г. депутаты Конвента вынесли осужденному приговор. Тальен вместе с другими монтаньярами проголосовал за смертную казнь короля¹⁶. Участие в дискуссии, определившей судьбу Людовика XVI, стало одним из последних значительных выступлений Тальена в Конvente в 1793 г. В начале февраля он был отправлен в городок Форж-лез-О департамента Нижняя Сена с поручением провести расследование самоубийства человека с фамилией Пари, которого подозревали в убийстве депутата Л.М. Лепелетье. Тальен справился с задачей в считанные дни и уже 5 февраля представил Конвенту отчет¹⁷.

Четко и оперативно проведенное следствие в Форж-лез-О побудило Конвент дать Тальену новое ответственное задание — отправиться с миссией на Луару, чтобы осуществить там объявленный в феврале 1793 г. призыв новобранцев в армию республики¹⁸. Как комиссар Конвента он был наделен широкими полномочиями: имел право требовать у местных властей отчеты об их деятельности, принимать любые меры, которые сочтет

¹¹ Tallien J.-L. La vérité sur les événements du 2 septembre. Paris, [s.a.].

¹² Charles-Vallin T. Tallien, le mal-aimé de la Révolution. Paris, 1997. P. 61.

¹³ Moniteur. 23.IX.1792. P. 3.

¹⁴ Moniteur. 15.XII.1792. P. 2.

¹⁵ Moniteur. 17.XII.1792. P. 3.

¹⁶ Moniteur. 20.I.1793. P. 14.

¹⁷ Moniteur. 7.II.1793. P. 3.

¹⁸ Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента 1792–1794 гг.: сб. документов и материалов / под ред. Н.М. Лукина М., 1927. С. 322.

необходимыми для восстановления порядка в случае волнений, арестовывать всех подозрительных, а также использовать при необходимости вооруженную силу¹⁹.

Попытка произвести набор новобранцев спровоцировала 12 марта на западе Франции широкомасштабное крестьянское восстание, его центром стал департамент Вандея, давший название всему движению. Весной 1793 г. вандейцы успешно громили относительно немногочисленные на западе Франции войска республики. Гражданская война быстро распространилась на новые области. Поэтому Тальену, отправленному в регион, граничащий с «военной Вандеей», как называли охваченную восстанием территорию, пришлось заниматься не только обеспечением призыва, но и мобилизацией сил и средств для борьбы с повстанцами.

19 марта, едва приехав в город Тур, Ж.-Л. Тальен и его коллега Ж.-Ф. Гупийо обнаружили множество собранных там вооруженных отрядов, которые прибывали из всех коммун департамента. Комиссарам даже пришлось сдерживать рвение граждан: добровольцы приходили в таком количестве, что возникали опасения, хватит ли всем продовольствия. Однако, несмотря на достаточное количество желающих воевать, имелись и трудности: из высших офицеров у республиканцев был только престарелый и немощный генерал-лейтенант Виттингоф, тогда как у повстанцев было достаточно опытных командиров. Поэтому депутаты в письме, отправленном в этот же день в Париж, просили военного министра отослать в департамент несколько бригадных генералов, необходимых для командования формируемыми здесь многочисленными войсками. Завершалось письмо на оптимистичной ноте заверениями, что «усердие граждан велико, рвение местных властей огромно, поэтому мы абсолютно уверены в успехе армии патриотов против разбойников»²⁰.

Если в первые недели миссии в департаменты Эндр и Луара и Луар и Шер комиссары с оптимизмом рапортовали о достаточном количестве продовольствия и добровольцев, то к апрелю ситуация серьезно ухудшилась. И поскольку Гупийо был отозван, справляться с возникшими трудностями Тальену приходилось в одиночку. 14 апреля он доложил в Париж о предпринятых им мерах для ускорения набора в армию и наведения порядка в департаментах, а также просил военного министра выслать ружья для новобранцев. К нехватке вооружения вскоре добавился дефицит провианта: из-за скудного урожая и потока добровольцев горожане оставались без продовольствия, поэтому Тальену пришлось выслать из Тура находившийся там воинский контингент, который в соответствии с декретом Конвента²¹ был направлен в Мозельскую армию²². Однако вскоре стало очевидно, что добровольцев недостаточно для того, чтобы дать отпор повстанцам. Тальен в отчаянии отправлял одно за другим письма в Конвент с просьбой прислать ему людей, генералов и боеприпасы, но столичные власти упорно игнорировали его просьбы. Тогда Тальен стал решать проблемы самостоятельно. Прежде всего он направил в дистрикты комиссаров, они должны были мобилизовать всех граждан, способных держать оружие, внимательно следя за тем, чтобы в число мобилизованных вошли только хорошо вооруженные и снаряженные мужчины. Также он предписал Комитету обороны провести обыски во всех домах Тура и изъять у граждан неисправное оружие, а муниципалитету поручил обязать всех мастеров-оружейников города собранное оружие починить. 10 мая Тальен сообщил Конвенту, что ему удалось наладить доставку оружия и продовольствия²³. В конце мая Тальен вернулся в Париж. Несмотря на огромные сложности, которые ему пришлось преодолевать в Эндр и Луаре, он успешно справился с заданием: распространение Вандейского восстания удалось предотвратить. Косвенным признанием Конвентом его заслуг стало назначение в новую, еще более ответственную миссию, на сей раз в Бордо, столицу департамента Жиронда.

¹⁹ Aulard A. Recueil des actes du Comité de salut public. T. 2. Paris, 1889. P. 299–300.

²⁰ Ibid. P. 409.

²¹ Archives parlementaires de 1787 à 1860. T. 62. Paris, 1902. P. 611.

²² Aulard A. Recueil des actes... T. 3. Paris, 1890. P. 459.

²³ Archives parlementaires... T. 64. Paris, 1902. P. 552.

К началу лета 1793 г. в результате обострившейся политической борьбы между монтаньярами и жирондистами последние были изгнаны из Конвента. Департамент Жиронда всколыхнулся, а вслед за ним протест в той или иной форме выразили и многие другие департаменты. Конвент, где отныне доминировали монтаньяры, обвинил протестующих в «федералистском мятеже» и отправил в регионы на его подавление своих комиссаров. Тальену было поручено усмирить мятежников в Бордо, куда он и прибыл со своими коллегами 5 сентября²⁴. Кроме этого, ему также предстояло обеспечить призыв новобранцев во исполнение декрета от 23 августа 1793 г. о массовом наборе в армию и решить проблему нехватки продовольствия в Бордо: соседи не желали кормить жителей города, не признающего «ни Конвент, ни принимаемые им законы»²⁵.

Именно вопрос снабжения Тальен и пытался решить в первую очередь, издав 7 сентября 1793 г. постановление, в котором призывал жителей департаментов, соседствующих с Жирондой, поделиться продовольствием, заверяя их, что большая часть бордосцев не повинна в мятеже. Но этот призыв не дал ожидаемого результата, и на протяжении всей миссии Тальена население Бордо продолжало страдать от нехватки хлеба. Тальен решил обратиться в Конвент с просьбой о содействии и, не дожидаясь помощи от Парижа, начал проводить реквизиции в соседних департаментах. Однако Конвент требовал прежде всего наказания для мятежников, и вскоре Ж.-Л. Тальен и его коллега К.-А. Изабо отправили в столицу письмо, в нем они уверяли столичные власти, что наказание виновных уже началось и не закончится до тех пор, пока заслуженную кару не понесут все главари заговора, а также сообщили об аресте и казни нескольких человек²⁶. А Комитет общественного спасения требовал от народных представителей еще более жестких мер.

21 октября Тальен и его коллеги учредили Военную комиссию, состоявшую из семи членов. Комиссия должна была устанавливать личности объявленных вне закона декретами Конвента, судить и выносить окончательное решение в отношении обвиняемых в заговоре против единства и неделимости республики, вернувшихся эмигрантов, священников, не подчинившихся закону о депортации, и других. В начале ноября комиссия отправилась в город Либурн, неподалеку от Бордо, где за 11 дней работы успела вынести 60 приговоров²⁷. Из всех осужденных лишь несколько были приговорены к смертной казни, наиболее распространенными мерами наказания для обвиняемых в умеренности и роялизме были штраф и изъятие имущества в пользу республики и санкюлотов в купе с заковыванием в кандалы. Однако, несмотря на систематические отчеты Тальена и его коллег о производимых арестах и казнях, масштаб репрессий в столице Жиронды не удовлетворял Комитет общественного спасения.

Комитет также выказал крайнее недовольство многочисленными штрафами, выразив недоумение, как можно было допустить вынесение столь мягких приговоров по отношению к мятежникам, и пригрозил причислить Тальена и Изабо к соучастникам этих преступлений²⁸. Следует отметить, что в тот момент, в октябре 1793 г., масштаб репрессий в Бордо был вполне соразмерен тому, что происходило и в других недавно замиренных городах. Очевидно, дело было не в масштабе репрессий, а в личности того, кто за них отвечал. Робеспьер уже давно недолюбливал Тальена за его амбиции, а потому, вероятнее всего, и воспользовался подходящим предлогом, чтобы лишний раз поставить слишком независимого и самоуверенного молодого человека на место.

В ноябре 1793 г. произошло одно из важнейших событий в жизни Тальена — он познакомился с испанкой Терезой Кабаррюс, дочерью влиятельного государственного деятеля и банкира Франсиско Кабаррюса. Тереза пыталась бежать из революционной Франции,

²⁴ Aulard A. Recueil des actes... Т. 6. Paris, 1893. P. 289.

²⁵ Lacape H. Notice sur Tallien. Bordeaux, 1959. P. 58.

²⁶ Aulard A. Recueil des actes... Т. 7. Paris, 1893. P. 110—111.

²⁷ Berriat-Saint-Prix C. La justice révolutionnaire à Paris, Bordeaux, Brest, Lyon, Nantes, Orange, Strasbourg: D'après les documents originaux. Paris, 1861. P. 162.

²⁸ Aulard A. Recueil des actes... Т. 8. Paris, 1893. P. 345.

но из-за проблем с документами задержалась в Бордо, где вскоре оказалась в тюрьме. Именно Тальен спас привлекательную молодую женщину и влюбился в нее без памяти²⁹. Позднее именно с этим фактом историки и будут связывать радикальные перемены в той политике, которую Тальен проводил в Бордо, считая, что именно Тереза убедила его отказать от террора: якобы она умело обволакивала своими чарами «тигра, жаждущего крови... и тигр мало-помалу спрятал свои когти»³⁰.

Положение комиссара в Бордо становилось все более сложным. Меры, предпринимаемые Тальеном и его коллегами, раз за разом вызывали критику со стороны Комитета общественного спасения. Кроме того, все чаще распространялись слухи о взяточничестве Тальена. Для выяснения, что же происходило в Бордо за время миссии Тальена, туда, по решению Комитета общественного спасения, был отправлен 19-летний Марк-Антуан Жюльен, сын депутата Конвента и верный приверженец Робеспьера. В его задачу, помимо официальных обязанностей, входило также наблюдение за деятельностью народных представителей³¹. В частности, он пытался отыскать компромат на Тальена и доказать факты коррупции с его стороны. Однако, судя по дошедшим до нас документам из личного архива Жюльена, за время своей миссии он так и не нашел никаких доказательств виновности Тальена, а встречающиеся порой в исторической литературе утверждения, что Жюльен-младший «раскрыл злоупотребления Тальена в Бордо»³², не опираются на документальные источники.

Тальен понимал, что над ним нависла угроза ареста, и 22 февраля 1794 г. спешно отправился в Париж, чтобы оправдаться³³. 12 марта Тальену удалось выступить с трибуны Конвента. Он заявил, что его оклеветали, тогда как он и его коллеги сумели искоренить федерализм и вернуть Бордо в лоно республики, не пролив ни капли крови патриотов³⁴. Тальен попытался доказать свою невиновность не только перед Конвентом и комитетами, но и лично перед Робеспьером. Вместе с комиссаром Ж. Фуше, который прибыл в Париж из Лиона вскоре после Тальена, они нанесли визит Робеспьеру, чтобы отчитаться о своих миссиях, но встретили крайне холодный прием³⁵. Оправдания Тальена уже не могли ничего изменить. Принятый несколькими днями ранее декрет от 22 прериаля (10 июня) положил начало недолгой, но кровавой эпохе Великого террора. Страх господствовал повсюду, народные представители, депутаты Конвента — все опасались, что вот-вот настанет их черед отправиться на гильотину. У Тальена, попавшего под подозрение в коррупции и умеренности во время миссии в Бордо, были все основания опасаться за свою жизнь.

Робеспьер тем временем продолжал обличать пороки с трибуны Якобинского клуба, из-за чего в его окружении появлялось все больше и больше врагов. Депутаты Конвента понимали, что в любой момент они сами могут оказаться на гильотине. Особенно явно осознавали нависшую над ними опасность те народные представители, которые навлекли на себя подозрения Робеспьера во время своих миссий. Именно они, включая Тальена, стали инициаторами заговора, оформившегося к июню 1794 г.³⁶ Кроме того, у Тальена была еще одна причина, побуждавшая его как можно скорее выступить против Робеспьера: его возлюбленная Тереза Кабаррюс, весной приехавшая в Париж, снова оказалась в тюрьме и ей грозила скорая гибель на эшафоте³⁷.

²⁹ Bertaut J. Madame Tallien. Paris, 1946. P. 73.

³⁰ Ferrus M. Madame Tallien à Bordeaux pendant la Terreur. Bordeaux, 1933. P. 457.

³¹ Aulard A. Recueil des actes... T. 13. Paris, 1891. P. 585–586.

³² Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб., 2003. С. 448.

³³ Vivie A. Histoire de la Terreur à Bordeaux. Bordeaux, 1877. P. 186.

³⁴ Moniteur. 15.III.1794. P. 1.

³⁵ Mémoires de Barras, membre du Directoire. T. 1. Paris, 1895. P. 178.

³⁶ Lecointre L. Conjuración formée dès le 5 préréal par neuf représentants du peuple contre Maximilien Robespierre, pour le poignarder en plein sénat. Paris, 1794. P. 3.

³⁷ Ouvrard G.-J. Mémoires. T. 1. Bruxelles, 1826. P. 32–33.

26 июля (8 термидора) Робеспьер произнес в Конвенте речь, обещав вскоре «раскрыть злоупотребления, которые могут уничтожить отечество»³⁸. Перечисляя преступления злодеев, он, однако, не назвал никаких имен — предполагалось, что они будут обнародованы на следующий день сподвижником Робеспьера депутатом Л.А. Сен-Жюстом. Для участников заговора это стало сигналом к выступлению. Было очевидно, что прозвучать могло имя любого из них. Требовалось действовать на опережение. 9 термидора заседание, как обычно, шло своим чередом, пока на трибуну не поднялся Сен-Жюст, чтобы огласить обещанные днем ранее обвинения против «врагов народа». Но, едва он заговорил, его выступление прервал Тальен, выбежав на трибуну, он оттолкнул Сен-Жюста и закричал, что необходимо «окончательно сорвать завесу»³⁹, громкогласно заявив, что Робеспьер — это тиран и новый Кромвель, грудь которого он, Тальен, готов собственноручно пронзить кинжалом⁴⁰. Робеспьер попытался взять слово, но депутаты не дали ему говорить. Среди бурных аплодисментов и возгласов «Да здравствует свобода! Да здравствует республика!» были приняты декреты об аресте Робеспьера и его ближайших сторонников⁴¹. Термидорианский переворот свершился. На следующий день, 28 июля, Робеспьер и его сподвижники были казнены. «Революция 9 термидора», как вскоре назовут все происшедшее в тот день, увенчалась полной победой.

«Робеспьера больше нет, и вы свободны. Мы свободны!»⁴² — такими сообщениями пестрели парижские газеты в последние дни июля 1794 г. Многие ожидали, что после казни Робеспьера массовые кровопролития наконец-то прекратятся. Выход из террора стал одним из наиболее острых вопросов, стоявших перед термидорианцами. Далеко не все из них хотели его прекращения. Развернулась острая борьба. Тальен, вероятно в силу личного опыта, стал одним из наиболее последовательных противников системы террора и активным участником ее демонтажа⁴³. Так, 29 июля, когда в Конвенте встал вопрос о дальнейшей судьбе Революционного трибунала, являвшегося в предшествующие месяцы наиболее смертоносным орудием террора, Тальен поддержал идею его ликвидации⁴⁴. Он также решительно выступил в поддержку предложения Э.Л. Дюбуа-Крансе проводить каждый месяц обновление состава всех комитетов Конвента на четверть, чтобы избежать застоя во власти и удержания ее одними и теми же лицам. Кроме того, Тальен высказался в пользу восстановления свободы слова, заявив, что в обществах и театрах допустимо говорить все, за исключением того, что нарушает общественный порядок и противоречит нормам морали⁴⁵. Важной вехой стало выступление Тальена 28 августа 1794 г. в Конвенте, его речь содержала пространное осмысление той системы террора, которая недавно доминировала в стране и все еще не была до конца ликвидирована. Он призвал коллег прекратить «казни за каждое действие, угрозы за каждое слово и подозрение за любое молчание»⁴⁶. Заслуги Тальена в сохранении Конвентом достаточно устойчивого курса на демонтаж механизма революционной диктатуры трудно преувеличить. Настойчивые призывы к реорганизации прежней системы управления, активная поддержка свободы прессы, осуждение террора — все это способствовало умиротворению общества и стабилизации внутреннего положения республики.

³⁸ *Робеспьер М.* Избранные произведения: в 3-х т. Т. 3. М., 1965. С. 213.

³⁹ Archives parlementaires... Т. 92. Paris, 1982. P. 551.

⁴⁰ Ibid. P. 554.

⁴¹ Ibid. P. 554–555.

⁴² *Aulard A.* Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Т. 1–2. Paris, 1898. Т. 1. P. 6.

⁴³ *Зайцева Д.В.* «Он оказал огромную услугу человечеству»: о роли Ж.-Л. Тальена в демонтаже системы террора // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 49–55.

⁴⁴ Moniteur. 31.VII.1794. P. 4.

⁴⁵ Archives parlementaires... Т. 95. Paris, 1987. P. 298.

⁴⁶ Ibidem.

1795 г. стал переломным годом Французской революции: Конвент после падения системы террора спешил создать новую конституцию, призванную определить дальнейший путь развития страны; термидорианцы продолжали активно преследовать бывших «террористов», пытаясь не допустить восстановления системы революционного правления, а уже однажды усмиренная Вандея вновь подняла роялистский мятеж. Летом 1795 г. произошла высадка роялистов на французском полуострове Киберон, им противостояли республиканские войска под началом молодого и талантливого генерала Л.-Л. Гоша. Одним из участников киберонских событий стал Тальен⁴⁷. Вскоре после получения известий о готовящейся высадке неприятеля на французском побережье Комитет общественного спасения отправил Ж.-Л. Тальена и его коллегу К.-А. Блада в Западные департаменты, чтобы они смогли предпринять «наиболее действенные меры и воспрепятствовать десанту врагов республики»⁴⁸.

Высадку эмигрантов-роялистов предотвратить не удалось, между республиканцами и их противниками, поддержанными повстанцами-шуанами, произошло несколько столкновений, а с 19 по 21 июля 1795 г. развернулось решающее сражение, закончившееся разгромом роялистов, подавляющее их большинство было взято в плен республиканцами.

Блад занялся созданием специальной военной комиссии, которая должна была определить судьбу пленных. Однако комиссия, призванная судить эмигрантов в соответствии с законом, сообщила, что находящиеся в плену ссылаются на данные им при капитуляции обещания, что всем добровольно сдавшим оружие будет сохранена жизнь. В ответ Блад заявил, что никакой капитуляции не было, и распустил комиссию, собрав вместо нее новую. Задержка, вызванная роспуском военной комиссии и созывом новой, предоставила Тальену время, чтобы отправиться в Париж и убедить Конвент спасти жизнь пленным. Согласно свидетельству К.Ж. Руже де Лиля, спутника Ж.-Л. Тальена в этой миссии, первоначально он действительно стремился сделать это и по дороге в Париж «был одержим единственной идеей, спасти плененных на Кибероне роялистов»⁴⁹. Но вернувшись домой, он узнал от Терезы, которая несколькими месяцами ранее стала его законной женой, что депутат Ж.-Д. Ланжюине сообщил о ежедневно поступающих в последнее время в Конвент доносах, изобличающих Тальена в роялизме, поскольку только роялист мог осуществить переворот 9 термидора. Дополнительным поводом для подобных обвинений стал его брак с Терезой, чей отец, занимавший высокий пост при дворе испанского монарха, якобы мог влиять на Тальена через супругу, побуждая того действовать в интересах роялистов. Стало очевидным, что заступничество за пленных эмигрантов могло дискредитировать Тальена.

27 июля 1795 г. Тальен взошел на трибуну Конвента, чтобы предоставить отчет о разгроме эмигрантов на Кибероне. Следуя составленному ранее плану, он со всем своим красноречием стал рассказывать о победе над вражескими войсками, а его речь постоянно прерывалась шумными возгласами одобрения и сопровождалась радостными криками, которые перемежались проклятиями в адрес роялистов⁵⁰. При этом, по словам Руже де Лиля, вторая часть речи, касающаяся освобождения пленных, так и не была произнесена. После выступления Тальена в Конвенте не нашлось никого, кто высказался бы против принятия решения о смертной казни взятых в плен эмигрантов старше 17 лет. На смерть осудили более 700 пленников, как эмигрантов, так и шуанов⁵¹.

В августе 1795 г. была принята новая конституция – Конституция III года Республики, которая должна была предотвратить возвращение диктатуры и обеспечить баланс властей. В соответствии с Конституцией исполнительная власть отныне должна была

⁴⁷ Зайцева Д.В. Участие Ж.-Л. Тальена в разгроме Киберонской экспедиции роялистов // Французский ежегодник. 2019. М., 2019. С. 42–52.

⁴⁸ Aulard A. Recueil des actes... Т. 25. Paris, 1891. P. 32.

⁴⁹ Rouget de Lisle J. Historique et souvenirs de Quiberon. Rennes, 1995. P. 122.

⁵⁰ Ibid. P. 124.

⁵¹ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 164.

принадлежать Директории, куда входили пять Директоров, тогда как законодательные функции отводились двум палатам — Совету старейшин и Совету пятисот. Тальен решил принять участие в выборах в Совет пятисот, назначенных на октябрь. Однако к этому времени он был уже не героем 9 термидора, а депутатом с сомнительной репутацией: колебания и непоследовательность Тальена в ряде ключевых моментов Революции (публичное оправдание сентябрьских убийств 1792 г., чрезмерная «снисходительность» во время миссии в Бордо, причастность к расстрелу роялистов на Кибероне) порождали постоянные, хотя и зачастую противоречивые, обвинения в его адрес — то в роялизме, то в соучастии террору, что истощало его общественный «кредит доверия», ведя к снижению политического авторитета и складыванию «черной легенды». Былая популярность сменилась массовой неприязнью к Тальену. Его все чаще начинают критиковать не только в стенах Конвента, но также в кафе и на улицах, раз за разом припоминая ему участие в сентябрьских событиях 1792 г.⁵² и обвиняя в несправедливо нажитом богатстве в Бордо⁵³ и роялизме⁵⁴.

Став депутатом Совета пятисот, Тальен все реже принимал участие в дебатах и почти не выступал с новыми предложениями. Период Директории стал завершающим этапом Революции⁵⁵. Отныне от политических деятелей требовались не столько порыв, смелость и самоотверженность, сколько способности и знания для методичной и в чем-то даже рутинной созидательной работы, что, очевидно, к Тальену не относилось.

К 1798 г. политическое влияние Тальена существенно ослабло. Кроме того, в жизни депутата случилась личная драма — его горячо любимая супруга Тереза подала на развод. Тальену не удалось переизбраться в Совет пятисот, поэтому он решил присоединиться к Египетской экспедиции⁵⁶ в надежде поправить свое материальное положение и обрести «друзей в лице генерала Бонапарта и большинства из тех, кто его сопровождает»⁵⁷. Покинув вместе с генералом Франсуа Ланюсом Тулон в конце июня 1798 г.⁵⁸, уже через месяц, 25 июля, он высадился в Александрии. Однако, вопреки ожиданиям, Тальен не нашел здесь ни радушного приема, ни хоть сколько-нибудь доброжелательного отношения к себе. Встретившие соотечественников французы за глаза обвиняли Тальена в том, что тот приехал в Египет не по поручению властей, а только ради собственной выгоды, рассчитывая, что здесь его прежнее поведение будет забыто⁵⁹. Достаточно прохладно отнесся к Тальену и генерал Жан-Батист Клебер, вероятно, наслышанный о дурной репутации бывшего депутата. В одном из писем, адресованном генералу Жак-Франсуа Мену, Клебер язвительно замечал: «Остается надеяться, что нравы скоро улучшатся, ибо меня заверили, что Тальен занял кафедру морали в Каирском институте»⁶⁰.

Совсем скоро для Тальена нашлась подходящая работа: он стал членом секции политической экономии Института Египта, созданного Бонапартом 22 августа 1798 г. Институт был призван распространять идеи просвещения и прогресса, а также публиковать «природные, промышленные и исторические факты о Египте»⁶¹. На первом же заседании института было решено издавать журнал *Décade égyptienne*, в редколлегию которого вошел и Тальен⁶². Кроме того, он, по поручению Бонапарта, должен был в качестве

⁵² Aulard A. Paris pendant... Т. 2. P. 254.

⁵³ Moniteur. 5.IX.1797. P. 2.

⁵⁴ Moniteur. 29.X.1795. P. 1.

⁵⁵ Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020. С. 289.

⁵⁶ См., например: Чудинов А.В. Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019; *Его же*. Террор Французской революции на земле Египта. 1798–1801 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 27–42.

⁵⁷ Le Figaro. 26.VII.1891. P. 2.

⁵⁸ Carnet de la Sabretache. Revue d'histoire militaire rétrospective. 1936. № 380. P. 300.

⁵⁹ La Jonquière C. de. L'expédition d'Égypte (1798–1801). Т. 1–5. Paris, 2003. Т. 2. P. 232.

⁶⁰ Ibid. Т. 3. P. 105.

⁶¹ Correspondance de Napoléon // Publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. Т. 4. Paris, 1860. P. 534.

⁶² Desgenettes R.-N. Souvenirs d'un médecin de l'expédition d'Égypte. Paris, 1893. P. 45–46.

гражданского комиссара присутствовать на заседаниях местного дивана и ежедневно сообщать главнокомандующему о царивших там настроениях⁶³.

Египетская авантюра Бонапарта закончилась провалом: его армия была обескровлена и измучена жарой и болезнями. Не сумев преодолеть трудности, вставшие перед ним, в августе 1799 г. Бонапарт решил тайно отправиться во Францию, оставив свою армию на попечение генерала Клебера и переложив на его плечи решение возникших проблем. Вероятно, именно это предательство заставило Тальена разочароваться в Бонапарте и пойти на сближение с новым главнокомандующим. Клебер, изначально относившийся к Тальену с подозрением, со временем проникся к нему доверием. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что именно Тальену главнокомандующий поручил решение вопроса об эвакуации раненых во Францию, который они начали обсуждать еще в декабре 1799 г., стараясь решить, кого следует отправить на родину первыми — ученых или раненых. Тальен был сторонником идеи эвакуации, пытаясь сыграть на этом и заработать политические очки себе и Клеберу. Он убеждал Клебера, что раненых необходимо эвакуировать в первую очередь, чтобы сохранить боевой дух солдат, остающихся в Египте, поскольку «вид слепого, изуродованного человека всегда выбивает солдата из обычного состояния, ибо такая судьба угрожает всем нам». Кроме того, Тальен подчеркивал, что прибытие раненых в Тулон произведет неизгладимое впечатление на местных жителей, а «печальное зрелище инвалидов заставит осудить инициатора экспедиции и благословит того, кто положил конец стольким бедствиям». Наконец, Тальен заверял главнокомандующего в еще одном преимуществе приоритетной эвакуации раненых — по его словам они, вернувшись домой, «сформируют определенное мнение в кругу своих семей и товарищей, а мнение просвещенных людей и власть имущих мы сформируем другими способами»⁶⁴.

7 января 1800 г. Клебер сообщал несуществующей уже Директории (сведения о произошедшем во Франции перевороте и приходе к власти Бонапарта французы в Египте узнают только в феврале), что посылает во Францию от 800 до 900 раненых и инвалидов под руководством гражданина Тальена, которому в качестве гражданского комиссара поручено защищать их интересы не только во время плавания, но и по возвращении во Францию перед правительством и всеми ведомственными и городскими администрациями⁶⁵. Вслед за этим посланием было отправлено еще одно, адресованное генералу Ланюсу, ему Клебер поручил оказать Тальену всемерную помощь и защиту, которые могут ему потребоваться для результативного выполнения своей задачи⁶⁶.

Помимо подготовки к эвакуации, Тальен время от времени выполнял поручения главнокомандующего. Например, Клебер просил проследить за продовольствием и товарами для армии на прибывших в Александрию кораблях и предотвратить их разбазаривание. В письме от 16 апреля 1800 г. Клебер подчеркнул, что именно Тальен ему кажется способным исполнить это поручение «и с точки зрения талантов, и с точки зрения честности»⁶⁷. Клебер доверил Тальену охрану богатств османов, попросив об этом в письме от 29 апреля 1800 г. Тальен должен был лично обеспечить сохранность полутора десятков сундуков, принадлежавших великому визирию⁶⁸. Все это свидетельствует о доверии, которое вызывал у главнокомандующего Тальен.

Неизвестно, успел ли Тальен получить новые поручения — 14 июня Клебер был заколот кинжалом на улице Каира. Новым главнокомандующим стал генерал Мену, отношения с которым у Тальена были натянутыми. Однозначно установить причины их взаимной неприязни затруднительно, можно лишь предположить, что Мену невзлюбил

⁶³ Correspondance de Napoléon... P. 622–623.

⁶⁴ Kléber en Egypte: 1798–1800 / par H. Laurens. T. 3. Paris, 1988. P. 381.

⁶⁵ Ibid. P. 411.

⁶⁶ Ibid. P. 412.

⁶⁷ Kleber en Egypte. T. 4. Paris, 1988. P. 829.

⁶⁸ Kléber et Menou en Egypte depuis le départ de Bonaparte (août 1799 – septembre 1801). Documents publiés pour la Société d'histoire contemporaine par F. Rousseau. Paris, 1900. P. 279.

Тальена из-за того, что тот поддерживал его оппонента Клебера, войдя в его ближний круг⁶⁹. Вероятно, после бегства Бонапарта, которому на первых порах Тальен так доверял, он оценил взвешенного и рационального в своих поступках Клебера и стал тяготеть к нему, встав в оппозицию как к Бонапарту, так и к Мену. Последний, будучи ярым сторонником колонизации, подобострастно заверял Бонапарта в том, что не намерен оставлять Египет, и жаловался на стремление Клебера вернуть французов на родину⁷⁰. Из-за неприязни к Тальену как к бывшему соратнику покойного Клебера, осенью 1800 г. Мену приказал ему покинуть Египет под предлогом того, что Тальен якобы пытался вызвать упаднические настроения и спровоцировать беспорядки в армии⁷¹.

По пути из Египта на родину Тальен попал в плен к англичанам. Вернувшись, наконец, во Францию, он окончательно развелся с любимой супругой, пережил смерть матери, отправился в качестве консула в Аликанте, однако вскоре заболел и вернулся в Париж, до конца жизни не играя больше значимой роли в общественно-политической жизни. Он закончил свои дни 16 ноября 1820 г., будучи тяжелобольным человеком, в одиночестве и забвении, и лишь скромный некролог на страницах газеты напомнил французам о том человеке, который спас их от Робеспьера и стал одним из тех, кто положил конец Великому террору во Франции.

Библиография

- Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В.* Французская революция. М., 2020.
- Зайцева Д.В.* Миссия народного представителя Ж.-Л. Тальена в Бордо 1793–1794 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 10 (74). URL: <https://history.jes.su/s207987840002430-2-1/> (дата обращения: 02.04.2023).
- Зайцева Д.В.* «Он оказал огромную услугу человечеству»: о роли Ж.-Л. Тальена в демонтаже системы террора // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 49–55.
- Зайцева Д.В.* Участие Ж.-Л. Тальена в разгроме Киберонской экспедиции роялистов // Французский ежегодник. 2019. М., 2019. С. 42–52.
- Киселева Е.В.* Миссия Марка-Антуана Жюльена в Бордо (1794 год) // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 175–192.
- Манфред А.З.* Три портрета эпохи Великой Французской Революции. М., 1978.
- Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента 1792–1794 гг.: сб. документов и материалов / под ред. Н.М. Лукина. М., 1927.
- Ревуненков В.Г.* История Французской революции. СПб., 2003.
- Робеспьер М.* Избранные произведения: в 3-х т. Т. 3. М., 1965.
- Чудинов А.В.* Террор Французской революции на земле Египта. 1798–1801 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 27–42.
- Чудинов А.В.* Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019.
- Aulard A.* La Société des Jacobins: recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris. T. 3. Paris, 1892.
- Aulard A.* Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. T. 1–2. Paris, 1898.
- Aulard A.* Recueil des actes du Comité de salut public. T. 2, 6–8, 13, 25. Paris, 1889–1893.
- Berriat-Saint-Prix C.* La justice révolutionnaire à Paris, Bordeaux, Brest, Lyon, Nantes, Orange, Strasbourg: D'après les documents originaux. Paris, 1861.
- Bertaut J.* Madame Tallien. Paris, 1946.
- Bourquin M.-H.* Monsieur et Madame Tallien. Paris, 1987.
- Carnet de la Sabretache. Revue d'histoire militaire rétrospective. 1936. № 380.
- Charles-Vallin T.* Tallien, le mal-aimé de la Révolution. Paris, 1997.
- Correspondance de Napoléon // Publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. T. 4. Paris, 1860.
- Desgenettes R.-N.* Souvenirs d'un médecin de l'expédition d'Egypte. Paris, 1893.
- Ferrus M.* Madame Tallien à Bordeaux pendant la Terreur. Bordeaux, 1933.
- Kléber en Egypte: 1798–1800 / par H. Laurens. T. 3–4. Paris, 1988.

⁶⁹ *La Jonquière C. de.* Op. cit. T. 5. P. 646.

⁷⁰ Kléber en Egypte... T. 4. P. 592–594.

⁷¹ Moniteur. 5.I.1801. P. 1.

- Kléber et Menou en Egypte depuis le départ de Bonaparte (aout 1799 – septembre 1801). Documents publiés pour la Société d'histoire contemporaine par F. Rousseau. Paris, 1900.
- La Jonquiére C. de.* L'expédition d'Egypte (1798–1801). T. 1–5. Paris, 2003.
- Lacape H.* Notice sur Tallien. Bordeaux, 1959.
- Lecoindre L.* Conjuration formée dès le 5 préréal par neuf représentans du peuple contre Maximilien Robespierre, pour le poignarder en plein sénat. Paris, 1794.
- Mémoires de Barras, membre du Directoire. T. 1. Paris, 1895.
- Ouvrard G.-J.* Mémoires. T. 1. Bruxelles, 1826.
- Rouget de Lisle J.* Historique et souvenirs de Quiberon. Rennes, 1995.
- Sonolet L.* Madame Tallien. Paris, 1909.
- Tallien J.-L.* La vérité sur les événements du 2 septembre. Paris, [s.a.].
- Tulard J.* Les Thermidoriens. Paris, 2005.
- Vivie A.* Histoire de la Terreur a Bordeaux. Bordeaux, 1877.
- Vovelle M.* La Révolution française. Paris, 1992.

References

- Bovykin D. Yu., Tchoudinov A. V.* Francuzskaya revolyutsiya [The French Revolution]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Kiseleva E. V.* Missiya Marka-Antuana Zhyul'ena v Bordo (1794 god) [Mission of Marc-Antoine Julien in Bordeaux (1794)] // Frantsuzskij ezhegodnik [French Yearbook]. 1972. Moskva, 1974. S. 175–192. (In Russ.)
- Manfred A. Z.* Tri portreta ehpokhi Velikoj Frantsuzskoj Revolyutsii [Three portraits of the era of the Great French Revolution]. Moskva, 1978. (In Russ.)
- Revoljutsionnoe pravitel'stvo vo Frantsii v ehpokhu Konventa 1792–1794 gg.: sb. dokumentov i materialov [The revolutionary government in France in the era of the Convention of 1792–1794: collection of documents and materials] / pod red. N. M. Lukina. Moskva, 1927. (In Russ.)
- Revunenkov V. G.* Istoriya Frantsuzskoj revolyutsii [History of the French Revolution]. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)
- Robesp'er M.* Izbrannye proizvedeniya [Selected works]: v 3-kh t. T. 3. Moskva, 1965. (In Russ.)
- Tchoudinov A. V.* Terror Frantsuzskoj revolyutsii na zemle Egipta [The terror of the French Revolution on the land of Egypt]. 1798–1801 gg. // Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanities]. 2020. T. 22. № 3 (200). S. 27–42. (In Russ.)
- Tchoudinov A. V.* Zabytaya armiya. Frantsuzy v Egipte posle Bonaparta [The Forgotten Army. The French in Egypt after Bonaparte]. 1799–1800. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Zaytseva D. V.* "On okazal ogromnuyu uslugu chelovechestvu": o roli Zh.-L. Tal'ena v demontazhe sistemy terrora ["He rendered a great service to humanity": on the role of J.-L. Tallien in dismantling the terror system] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2020. № 4. S. 49–55. (In Russ.)
- Zaytseva D. V.* Missiya narodnogo predstavatelya Zh.-L. Tal'ena v Bordo 1793–1794 gg. [The mission of the People's Representative J.-L. Tallien in Bordeaux 1793–1794] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2018. T. 9. Vyp. 10 (74). URL: <https://history.jes.su/s207987840002430-2-1/> (access date: 02.04.2023). (In Russ.)
- Zaytseva D. V.* Uchastie Zh.-L. Tal'ena v razgrome Kiberonskoj ekspedicii royalistov [Participation of J.-L. Tallien in the defeat of the Quiberon Royalist expedition] // Francuzskij ezhegodnik [French Yearbook]. 2019. Moskva, 2019. S. 42–52. (In Russ.)
- Aulard A.* La Société des Jacobins: recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris. T. 3. Paris, 1892.
- Aulard A.* Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. T. 1–2. Paris, 1898.
- Aulard A.* Recueil des actes du Comité de salut public. T. 2, 6–8, 13, 25. Paris, 1889–1893.
- Berriat-Saint-Prix C.* La justice révolutionnaire à Paris, Bordeaux, Brest, Lyon, Nantes, Orange, Strasbourg: D'après les documents originaux. Paris, 1861.
- Bertaut J.* Madame Tallien. Paris, 1946.
- Bourquin M.-H.* Monsieur et Madame Tallien. Paris, 1987.
- Carnet de la Sabretache. Revue d'histoire militaire rétrospective. 1936. № 380.
- Charles-Vallin T.* Tallien, le mal-aimé de la Révolution. Paris, 1997.
- Correspondance de Napoléon // Publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. T. 4. Paris, 1860.
- Desgenettes R.-N.* Souvenirs d'un médecin de l'expédition d'Egypte. Paris, 1893.
- Ferrus M.* Madame Tallien a Bordeaux pendant la Terreur. Bordeaux, 1933.
- Kléber en Egypte: 1798–1800 / par H. Laurens. T. 3–4. Paris, 1988.

Kléber et Menou en Egypte depuis le départ de Bonaparte (aout 1799 – septembre 1801). Documents publiés pour la Société d'histoire contemporaine par F. Rousseau. Paris, 1900.

La Jonquiére C. de. L'expédition d'Egypte (1798–1801). Т. 1–5. Paris, 2003.

Lacape H. Notice sur Tallien. Bordeaux, 1959.

Lecointre L. Conjuration formée dès le 5 préréal par neuf représentans du peuple contre Maximilien Robespierre, pour le poignarder en plein sénat. Paris, 1794.

Mémoires de Barras, membre du Directoire. Т. 1. Paris, 1895.

Ouvrard G.-J. Mémoires. Т. 1. Bruxelles, 1826.

Rouget de Lisle J. Historique et souvenirs de Quiberon. Rennes, 1995.

Sonolet L. Madame Tallien. Paris, 1909.

Tallien J.-L. La vérité sur les événements du 2 septembre. Paris, [s.a.].

Tulard J. Les Thermidoriens. Paris, 2005.

Vivie A. Histoire de la Terreur a Bordeaux. Bordeaux, 1877.

Vovelle M. La Révolution française. Paris, 1992.

© 2023 г. Г.С. ЗЕЛЕНИНА

«ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ СИОНИЗМ, ИЗРАИЛЬ – НЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА». ДИАЛЕКТИКА СОВЕТСКОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО В ЕВРЕЙСКИХ ЭГО-ДОКУМЕНТАХ 1970–1980-х годов

Зеленина Галина Светлоярвна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: galina.zelenina@gmail.com

Scopus Author ID: 57190866889; ORCID: 0000-0001-9411-4102

Аннотация. Основываясь на позднесоветских еврейских эго-документах: мемуарах, дневниках и письмах, прежде всего на корпусе (авто)биографических сочинений о жизни одного ленинградского журналиста, автор исследует obsessive размышления своих героев об антисемитизме и сионизме, вызванные острым диссонансом между искренне усвоенной ими коммунистической идеологией интернационализма и повсеместной практикой антисемитизма, а также между советским патриотизмом и еврейской памятью, еврейской солидарностью и соблазном эмиграции в Израиль. Исследование не предназначенных для печати эго-документов «обычных» людей, помимо проникновения в их внутренний мир и возможной экстраполяции полученных наблюдений на советское еврейское большинство, позволяет также объяснить или верифицировать искренность позиций общественных деятелей и литераторов еврейского происхождения, клеймивших иудаизм и сионизм, таких как драматург и публицист Цезарь Солодарь, поэт и главный редактор журнала «Советиш геймланд» Арон Вергелис, автор критических научно-популярных книг об иудаизме Моисей Беленький и др. Эго-документы позволяют проследить не только советские, но и еврейские истоки позднесоветского антисоциализма, восходившего к позиции бедных слоев местечкового общества, склонявшихся к социализму, а сионизм ассоциировавших с враждебной им буржуазией. Статья также отчасти полемизирует, отчасти дополняет существующую историографию по позднесоветской еврейской идентичности, основывающуюся преимущественно на постсоветских интервью или опыте эмигрантов и потому склонную бинарно упрощать картину, сводя многообразие идентичностей, взглядов и поведения либо к «тонкой культуре»/«символической этничности», либо подспудному национализму и эмиграционным настроениям, подаваемым как естественные и самоочевидные.

Ключевые слова: СССР, Израиль, антисемитизм, сионизм, советское еврейство, эго-документы.

G.S. Zelenina

“Abhorrent Zionism, Israel are not the Solution”: Dialectics of the Soviet and the National in Ego-Documents of the 1970s–80s

Galina Zelenina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: galina.zelenina@gmail.com

Scopus Author ID: 57190866889; ORCID: 0000-0001-9411-4102

Abstract. Drawing on late-Soviet Jewish ego-documents: memoirs, diaries, and letters, primarily on a corpus of (auto)biographical essays on the life of a Leningrad journalist, the author explores her protagonists’ obsessive reflections on anti-Semitism and Zionism, evoked by the acute dissonance between their sincerely internalised communist ideology of internationalism and the widespread practice of anti-Semitism, as well as between Soviet patriotism and Jewish memory, Jewish solidarity and the temptation of emigration to Israel. The study of “ordinary” people’s ego-documents not intended for publication enables one to penetrate into their inner world and to extrapolate the obtained observations onto Soviet Jewish majority; in addition, it allows to explain the position of prominent Soviet authors of Jewish origin, such as playwright and publicist Tsezar Solodar, poet and editor-in-chief of *Sovetisch Heymland* Aron Vergelis, author of critical popular books on Judaism Moisei Belenkii, and others, who stigmatised Judaism and Zionism. Ego-documents allow for tracing not only Soviet, but also Jewish origins of late-Soviet anti-Zionism, which went back to the position of the poor strata of shtetl society, who, while leaning towards socialism, associated Zionism with the hostile bourgeoisie. The paper partly polemicalises, partly complements the existing historiography on late Soviet Jewish identity, which is based mainly on post-Soviet interviews or the émigrés’ experience and therefore tends to simplify the picture, reducing the diversity of identities, attitudes and behaviours to two binaries, either to “thin culture”/“symbolic ethnicity”, or to hidden emigration aspirations presented as natural and self-evident.

Keywords: USSR, Israel, Soviet Jewry, Zionism, antisemitism, ego-documents.

Позднесоветское еврейство с легкой руки Эли Визеля, еврейского писателя, узника Освенцима, морального авторитета послевоенного западного общества, виделось западной публике как «еврейство молчания» – не смеющее, а затем уже и не желающее, и не способное выражать свою еврейскую идентичность¹. Этот образ был закреплен и в науке исследованиями 1990–2000-х годов, описавшими – на основе анкетирования значительного числа постсоветских евреев – эту идентичность такой, какой она сохранилась на момент окончания советской эпохи, «после десятилетий насильственной и добровольной аккультурации»², и критически определившими ее как «тонкую культуру», или «символическую этничность», за исключением страха перед антисемитизмом и скудных реликтов праздничных и кулинарных традиций, почти лишенную наполнения³. В последние годы появилось много работ, стремящихся обжаловать этот приговор, основываясь на разных источниках и разных еврейских средах: в устной истории украинских штетлов⁴ и в советской культуре, подцензурной и неофициальной, авторы этих работ обнаруживают вполне различные элементы идишкайта или стремление к

¹ См.: *Wiesel E.* The Jews of Silence: A Personal Report on Soviet Jewry. New York, 1966.

² *Gitelman Z.* Thinking about being Jewish in Russia and Ukraine // *Jewish Life After the USSR* / eds Z. Gitelman, M. Glants, M.I. Goldman. Bloomington, 2003. P. 49.

³ См. также другие работы Цви Гительмана, автора этой концепции поздне/постсоветского еврейства: *Gitelman Z.* A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. Bloomington, 2001. P. 265–273; *Idem.* The meaning of Jewishness in Post-Soviet Russia and Ukraine // *Contemporary Jewries: Convergence and Divergence* / eds E. Ben Rafael, Y. Gorni, Y. Ro'i. Leiden, 2003. P. 194–215.

⁴ *Shternshis A.* Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington, 2006; *Veidlinger J.* In the Shadow of Shtetl: Small-Town Jewish Life in Soviet Ukraine. Bloomington, 2013.

возрождению, а точнее, «изобретению», традиций⁵. И тем не менее живая еврейская идентичность, включающая язык, национальную гордость, почтение к традициям, описывается лишь в межвоенный период, после Великой Отечественной войны остаются лишь маргинальные явления (религиозное подполье или еврейское национальное движение 1970-х годов) и более массовые попытки увековечить память жертв геноцида⁶. Исследователи согласны в том, что большинство «теряет все положительные ассоциации с еврейской идентичностью»⁷, «самым важным фактором сохранения еврейской идентичности» становится антисемитизм⁸, и, следовательно, «толстая» еврейская идентичность, в соответствии с тезисом Ц. Гительмана, утрачивается.

Автобиографические источники советского периода, не искаженные – в отличие от позднейших интервью – влиянием перестройки, десоветизации, еврейского возрождения или опыта эмиграции, а иногда – как в случае с дневниками и мемуарами нашего главного героя – удачно дополненные письменными и устными воспоминаниями детей и внуков автора, позволяют пролить свет на эту истончающуюся идентичность. Я сосредоточусь на некоторых ключевых компонентах позднесоветской еврейской идентичности и на том, как по-разному представлена еврейская тематика в разных автобиографических жанрах; как жанр и внешние события могут предопределить модальность и меру выражения еврейской идентичности и позволяют ли эти флуктуации говорить о множественных идентичностях с меняющимся балансом вместо пресловутой дихотомии советского – еврейского⁹. Контекстуализация нашего центрального источника – дневника «старого большевика» за 1977–1988 гг. – в печатном информационном поле того десятилетия показывает, как эго-документы «обычных» евреев помогают понять состояние «еврейского вопроса» в стране и подлинные чувства основных спикеров по этому вопросу.

Во многих мемуарах советских евреев, рожденных до революции или в межвоенный период и, соответственно, выросших в относительно традиционной среде, темы, относящиеся к еврейской культуре и традиционному укладу: большая семья и соблюдение традиций старшим поколением, обряды и праздники, кухня и песни, синагога и местечко, язык и образование – раскрываются в первых главах и полностью исчезают в последующих. Положительное (не нулевое, но необязательно при этом положительно оцененное) еврейское содержание – атрибут детства, иногда и молодости – с детством и заканчивается¹⁰. В главах о взрослой жизни еврейство упоминается почти исключительно в контексте антисемитизма – преимущественно послевоенных антисемитских кампаний, иногда в более поздних случаях дискриминации при прописке, устройстве на работу,

⁵ См.: *Murav H.* The Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia. Stanford, 2011; *Gershenson O.* A Phantom Holocaust: Soviet Cinema and Jewish Catastrophe. New Brunswick, 2013; *Эмпаих Г.* Еврейская литературная жизнь Москвы, 1917–1991. СПб., 2015; *Смола К.* Изобретая традицию: современная русско-еврейская литература. М., 2021.

⁶ *Zeltser A.* Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union. Jerusalem, 2018.

⁷ *Shternshis A.* Op. cit. P. 185.

⁸ *Bemporad E.* Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk. Bloomington, 2013. P. 216.

⁹ Концепции динамичных идентичностей, сдвига идентичности и выбора идентичности широко разрабатывались на примере самых разных идентичностей, включая гендерные и этнические, в том числе еврейскую. См., в частности: *Diasporas and Exiles: Varieties of Jewish Identity* / ed. H. Wettstein. Berkeley, 2002; *DiAntonio R., Glickman N.* Tradition and Innovation: Reflections on Latin American Jewish Writing. New York, 2012.

¹⁰ В пример можно приводить не столько мемуары известных интеллектуалов (С.В. Житомирской, И.Н. Голомштока, Л.З. Копелева, Л.С. Клейна, Р.М. Фрумкиной и др.), которые либо уже родились в достаточно ассимилированных семьях, либо их собственная включенность в русскую культуру деактуализировала еврейский колорит детства, сколько мемуары «обычных» людей: «Воспоминания» М.А. Шорра, «Так мы строили коммунизм...» Э.М. Смеховой, «Воспоминания и дневник» М.А. Островского, «Жизнеописание» М.Г. Голуба и многие другие, опубликованные на «Землах: советские еврейские эго-документы» (zemelah.online).

в образовании детей. Максимум положительного в еврейских мотивах «взрослых» глав мемуаров – это отстаивание своего еврейства, отказ его скрывать.

Но обратившись не к мемуарам, призванным подвести итоги, изложить самое существенное содержание жизни, а к иным эго-документам, синхронным событиям или переживаниям, менее ответственным или более фрагментарным – автобиографическим эссе, письмам, дневникам, – мы увидим, что в них еврейская тема представлена более развернуто, но совершенно иначе, чем в главах о детстве. Это не идиллический традиционный быт или социальное неравенство в «затхлом» местечке, а размышления о своем еврействе на пересечении нескольких -измов. Автор, впитавший идеалы революции и искренне разделяющий социалистическую и интернационалистскую повестку, осуждает еврейский национализм, но не в силах игнорировать повсеместный антисемитизм, чувствует ложь, мучается и движется в нескольких возможных направлениях, либо стремясь полностью аннигилировать свою ущербную национальность, либо выбирая еврейскую гордость в смычке с критикой лицемерного режима. В подобных размышлениях видится не положительная еврейская идентичность (positive identity) и не «толстая» культура (thick culture), но и не отсутствие еврейского самосознания, а указание на то, что собственное еврейство было одной из центральных тем в рефлексии автора, настойчиво пытавшегося примирить идеологическую ортодоксию с неприглядной – для нее/ него как еврея – реальностью. Приведу два примера коротких текстов подобного содержания, прежде чем перейти к биографии главного героя и рассмотрению его сочинений.

Медработник¹¹ Елена Гольдфарб (1909–1990) в мемуарном эссе «Где истина?» концентрированно излагает свой опыт столкновения с антисемитизмом до и после войны и эмоционально отказывается от своей национальности: «Черт возьми! Я не чувствую себя еврейкой... Мой родной язык – русский. Я атеистка и интернационалистка... Я не хочу страдать из-за национальности, потому что она мне безразлична... Мой народ не евреи, а все советские люди... Имеется еще немало несознательных людей, националистов... Я вовсе отменила бы это понятие [нация]»¹².

Архитектор Григорий Колкер (1907 г.р.) совмещал верность коммунизму и советской родине с положительной еврейской идентичностью, пребывающей в допустимых официальных дискурсом границах, которую старался выразить, например, в рукописной компиляции «История еврейского народа»¹³. Как и многие его современники и соплеменники, он имел обыкновение писать письма выдающимся евреям, прежде всего писателям, ожидая от адресатов совета или моральной поддержки. Прочитав роман Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок», он написал автору: «Тяжелый осадок остался от прочитанного и от наплыва впечатлений прошедшего. 1918 год. Киев. Волна погромов... 1938 год. Москва, волна репрессий, аресты, опять всплывает “еврейский вопрос”... Отечественная война. Я как участник войны явился свидетелем ужасов, зверств гитлеровцев ... И. Эренбург считает, что “еврейский вопрос” может быть разрешен только... уничтожением “еврейского вопроса”... Иногда кажется, что государство Израиль может решить “еврейский вопрос”, однако дело не только в национальном характере государства, а в его социальном строе, где люди влчат ярма капиталистической эксплуатации. Безусловно книга [“Тяжелый песок”] написана в духе интернационализма, чувствуется дружба народов Советского Союза, но ничего Вы не сказали, как решить “еврейский вопрос”?»¹⁴.

Рыбаков ответил своему читателю, что «литература не дает ответы на все вопросы, она скорее ставит вопросы». Вряд ли ответ удовлетворил Колкера – вопросы он умел

¹¹ Так автор определяет себя в тексте, иными сведениями мы не располагаем.

¹² Дуб (Гольдфарб) Е.М. Где истина? Рукопись. С. 8–11 // Архив Музея истории евреев в России (Москва).

¹³ Архив Исследовательского центра Еврейского музея и центра толерантности (Москва). Фонд Г.Я. Колкера.

¹⁴ Письмо Г.Я. Колкера А. Рыбакову от 15 марта 1981 г. // Там же.

ставить и сам, или их ставила советская действительность, навязывая ему и ему подобным неотступную и безвыходную диалектику национального и интернационального, где от первого остается неизбежность – или этический императив – констатации: «я – еврей», но само это понятие как будто пустой символ, его наполнение либо забыто, либо, как мы увидим дальше, находится в подтексте, не проговаривается, будучи очевидно для автора.

Наш главный герой Липман Гиршевич (Леонид Григорьевич) Кокотов (1903–1990) родился в местечке Унеча в Черниговской губернии (теперь Брянская область) в бедной большой еврейской семье. В юности стал комсомольцем, вступив в первую комсомольскую ячейку, и экспроприировал вещи для Красной армии у своих богатых соседей. Уехал в Москву, затем в Ленинград, вступил в партию, работал журналистом. В 1938 г. в Красноярске, где по заданию партии сотрудничал в газете «Красноярский рабочий», был арестован и два года провел в заключении. После начала Великой Отечественной войны пошел добровольцем в народное ополчение, откуда вскоре был переведен в штат газеты «На защиту Ленинграда», затем – в Ленинградское областное отделение ТАСС. В течение войны работал военным корреспондентом 54-й армии и сотрудником газеты «Ленинградский партизан», издававшейся при штабе ленинградского партизанского движения. Во время Ленинградского дела и антисемитских кампаний конца 1940-х – начала 1950-х годов был уволен из газеты «Ленинградская правда» и долгое время не мог найти журналистскую работу, пока, наконец, не устроился в фабричную газету, но был уволен и оттуда. Остался на фабрике рабочим, со временем вернулся в «многотиражку», где проработал до пенсии. В Ленинграде познакомился и женился на еврейской девушке родом из посада Клиницы, соседнего с Унечей, они воспитали троих детей.

Воспоминания, адресованные потомкам, «Моим детям, внукам, правнукам», Кокотов написал в 1975 г. в возрасте 72 лет. Дневники вел преимущественно на пенсии, в 1977–1988 гг.; сохранилось 18 толстых тетрадей. Подобно Г.Я. Колкеру и многим другим современникам, имел обыкновение писать письма писателям; письма Г.С. Кановичу сохранились как вложения в дневниковых тетрадях. Собственные автобиографические тексты Кокотова дополняют воспоминания его младшего сына Бориса о родителях и его же мемуары о себе и своей семье, а также специально полученные мною устные комментарии Бориса Леонидовича и внучки Кокотова Анны, дочери его дочери Фаины¹⁵.

В мемуарах Кокотова, как в мемуарах многих его ровесников, еврейская тема по ходу повествования угасает. Даже вызванный антисемитизмом крах его журналистской карьеры – увольнение с престижной и любимой работы в крупнейшей ленинградской ежедневной газете, которое привело к долгим и мучительным поискам работы, безденежью, депрессии из-за ощущения собственной ненужности и, наконец, устройству в фабричную «многотиражку» с понижением статуса и привлекательности работы, – не вызвал ни ревизии собственной идеологической платформы – ортодоксально социалистической – и каких-нибудь помышлений об Израиле, ни даже значительных lamentаций по поводу антисемитизма. В финальных аккордах мемуаров еврейская тема не звучит никак.

Судя по воспоминаниям родных, для Кокотова было важно заявлять о своем еврействе и отстаивать его перед лицом государственного и общественного антисемитизма,

¹⁵ Все тексты находятся в семейном архиве Кокотовых. Дневник Л.Г. Кокотова расшифрован проектами «Земелах» и «Прожито» и частично опубликован на сайте «Прожито», см.: URL: <https://prozhitto.org/person/2884> (дата обращения: 10.01.2023). В статье дневник цитируется по рукописному оригиналу. Мемуары опубликованы на сайте «Земелах»: *Кокотов Л.Г. Моим детям, внукам, правнукам* // URL: <https://zemelah.online/documents/kokotov-memoary> (дата обращения: 10.01.2023); *Кокотов Б.Л. Записки о себе и Семье* // URL: <https://zemelah.online/documents/boris-kokotov-txt2> (дата обращения: 10.01.2023); *Его же. Записки о родителях* // URL: <https://zemelah.online/documents/boris-kokotov-txt1> (дата обращения: 10.01.2023).

Благодарю внуку Л.Г. Кокотова Анну Рудлю за предоставление материалов и за обсуждение интересующих меня вопросов.

каковой он считал отклонением от подлинной ленинской линии партии. В частности, в 1953 г., в разгар дела врачей, он поменял русифицированное имя и отчество обратно на еврейские (Леонид Григорьевич на Липман Гиршевич). Но углубляться в те или иные еврейские темы, а тем более передавать еврейскую культуру по наследству, он не собирался, полагая ее пережитком прошлого, никчемным в новом дивном мире, а возможно, и элементом греховного национализма. Сын Борис вспоминает, как отец отнял найденный им случайный идишский букварь со словами «тебе это не надо» и бросил в печь; внучка Анна рассказывает сходную историю, как дед одобрил ее заинтересованность идишем («надо же, у нас еврейка растет»), но языку учить не стал: «тема еврейства внутри семьи не отрицалась, за нее все лезли, если что, в драку, но и никак особо не поддерживалась». Эти свидетельства указывают на привычный диагноз «символическая этничность»: Кокотов радовался положительному еврейскому самосознанию внучки, осуждал сокрытие своего еврейства (даже пассивное), но считал ненужным (или даже вредным) наполнять это понятие каким-то содержанием.

Совершенно другое – по крайней мере по своей интенсивности – отношение к еврейству прослеживается в дневниках: Кокотов вел их на пенсии, в ином состоянии, когда уже не занимался профессиональной деятельностью, осознавал, что живет только для семьи, у него было больше времени для размышлений и в то же время регулярно скверное настроение. В эти годы близкие отмечали, как сильно он изменился. Борис Леонидович отзывается о дневниках отца так: «Эти папины дневники меня как бы раздражают. Почему? Он их стал писать, когда стал уже старым и нечем было себя занять. И его жизнь разделилась надвое: до и после. Так, я видел и знал до. А до папа был весел, полон энергии и задора и всегда был в центре любой компании. Мои приятели приходили к нам не ко мне, а к нему. А когда он перестал быть в центре внимания, то заканючил».

Антисемитизм оказывается одной из центральных тем дневника и, соответственно, наблюдений и раздумий его автора и зачастую главным критерием оценки людей, коллективов, советской действительности. В разных социальных ситуациях, сталкиваясь с органичным для собеседников повседневным антисемитизмом, Кокотов болезненно на него реагирует и скрупулезно фиксирует. Сильнее всего расстраивался из-за подобных происшествий в пансионате ветеранов партии, где они с женой отдыхали каждый год и где он надеялся видеть единомышленников, но вместо этого, наряду с заметным числом соплеменников, встречал также пассивных или активных антисемитов, «жидоморов» (28.8.86, 22.9.86 и др.)¹⁶.

Помимо собственно антисемитских выпадов, Кокотова оскорбляет игнорирующее реальность и обесценивающее трудности и даже трагедии его собственной биографии отрицание наличия антисемитизма в СССР, нередкое как в частных разговорах, так и в советской печати, в том числе исходящее от таких «придворных» евреев, призванных представлять советское еврейство за рубежом, как Арон Вергелис, главный редактор «Советиш геймланд», единственного еврейского идишеязычного журнала в СССР¹⁷: «Разъезжая по миру он ...всюду доказывает, что в Советском Союзе нет антисемитизма. Отрицать это все равно, что утверждать отсутствие в нашей стране бюрократизма, взяточничества, воровства, пожаров, катастроф и т.д.» (13.4.87).

Кокотов в первую очередь мучается диссонансом, невозможностью примирить свое страдающее еврейство со своей благоприобретенной и очень прочной идентичностью правоверного коммуниста, каковым он продолжал быть всю жизнь, равно как и его жена. Борис Леонидович так характеризует родителей по оси еврейское – советское: «Родители мои были истыми коммунистами, и никакие обстоятельства жизни не могли их

¹⁶ Здесь и далее в скобках указаны даты цитируемых дневниковых записей.

¹⁷ О Вергелисе, его политической функции и мировоззрении см.: *Estraikh G. Aron Vergelis: The perfect Jewish homo sovieticus // East European Jewish Affairs. 1997. Vol. 27. № 2. P. 3–20; Эстрайх Г. Арон Вепрелис: главный еврей послегулаговского социализма // Архив еврейской истории. 2007. Т. 4. С. 125–144.*

убедить, что Советская власть и они шли ложным путем, даже дедова тюрьма. ...Когда мама привезла своего первого двухлетнего сына к родителям в Клинцы и ее отец вознамерился сделать внуку обрезание, то правоверная коммунистка отобрала сына, за что отец больше никогда не разговаривал с дочерью». В 1985 г. Любовь Борисовна читала преимущественно книги о деятельности Ленина и его сподвижников и сочиняла письма в инстанции, возмущаясь тем (ошибочная информация), что прах А.В. Луначарского не привезен на родину (24.11.85). Кокотовы сохранили ощущение вовлеченности в жизнь страны и возможности что-то изменить. Регулярно называя себя патриотом, участником революции и защитником отечества в войну, Кокотов чувствует себя актором советской истории, а не жертвой, «перемолотой ее жерновами»; последнее самоощущение присуще лирическим героям многих постсоветских мемуаров¹⁸. Но Кокотов – носитель советской, а не постсоветской субъективности, и его идентичность старого большевика проявляется в разных практиках и установках: от готовности писать письма в инстанции до бытового аскетизма – бесребреник Кокотов живет в коммуналке, носит один костюм и даже отказывается от полагавшейся старым большевикам прибавки к мизерной пенсии, дабы не «обременять государство»¹⁹. Оба примера объединяет ощущение того, что Советский Союз – это их государство, которое необходимо и исправлять, и беречь.

Трагический вывод из этой ситуации – нарастающего антисемитизма и других неприглядных и чуждых ему социальных явлений, часть которых он клеймит словом «мещанство», – все его убеждения, отстаиваемые им перед детьми и внуками, ошибочны и вся его жизнь, прожитая ради этих идеалов, прожита впустую. Еще в 1977 г. Кокотов пишет: «Я стар... Самая большая, самая болезненная [потеря] – это потеря Веры... Это крушение идеала... Отрекшись от бога своего, я не пришел к дьяволу. Не могу и не умею ему кланяться. А дьявол мещанства на меня насаждает, он оседлал многих близких, родных людей» (3.77). Кокотов очевидно был носителем сложившейся в 1920–1930-е годы социалистической субъективности с ее обязательным отмежеванием от потребительских «мещанских» интересов и ориентацией на самовыражение и деятельность в рамках коллектива и в потоке истории²⁰. В дневнике, написанном на излете советской эпохи, можно увидеть лишь отблески этой субъективности, и все же мы видим, как автор страдает от нереализованности «сценариев принадлежности», исключенности из общества и хода истории, лишаящей жизнь социалистического субъекта ее глубокого смысла. Категорическое осуждение советской родины на антисемитизм было бы тождественно самоисключению; поэтому Кокотов не отказывался от своих убеждений, а старался относить антисемитизм на счет отдельных высокопоставленных («не рядовых», без уточнений²¹) людей: «Не ты [Родина] в этом виновата... Виноваты люди, кто узурпировал право говорить за тебя» (25.4.85), что позволяло ему слагать ответственность с социалистического строя или русского народа – важнейших для него понятий, с которыми он себя привык отождествлять, – и надеяться, что он исчезнет, как и другие, чаятельно, временные пороки зрелого социализма.

Альтернативный ход мыслей: антисемитизм свидетельствует, что идеалы социализма и интернационализма ложны, Советский Союз никогда не станет настоящей родиной для евреев, и нужно задумываться об эмиграции или хотя бы в теории видеть идеал в еврейском национальном государстве, – Кокотову как будто чужд. После сетований на случаи антисемитизма он оговаривается, словно одергивая сам себя, что Израиль – не

¹⁸ См.: *Paperno I. Stories of the Soviet Experience: Diaries, Memoirs, Dreams. Ithaca, 2009. P. 13.*

¹⁹ *Кокотов Б.Л. Записки о родителях.*

²⁰ См.: *Hellbeck I. Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge, 2006. P. 347–351.*

²¹ См.: *Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. М., 2003. С. 77–98.* В частности, о так называемой «группе Шелепина», продвигающей идеи русского национализма, см.: Там же. С. 98–118; о высокопоставленных покровителях националистов и антисемитов см.: Там же. С. 119–131; *Костырченко Г.В. Тайная политика: от Брежнева до Горбачева: в 2-х ч. Ч. 1. Власть – еврейский вопрос – интеллигенция. М., 2019. С. 120–294.*

выход: «как избавиться от этого наболевшего вечного “еврейского вопроса”. Как избавить пострадавших евреев от антисемитизма. Отвратительный сионизм, Израиль не решение вопроса» (3.7.78). Присутствуют и зеркальные оговорки: привычно осуждая Израиль, он признает отсутствие там антисемитизма: «Меня, конечно, в Израиль палками не загнать, но в этом презренном государстве ни жида, ни пархатого не услышишь» (3-4.10.85).

Кокотовская устойчивая неприязнь к Израилю и нежелание ехать туда даже из-под кнута или за пряником отнюдь не была уникальной для советского еврея. Вопреки мнению некоторых исследователей, основывающихся на своем или чужом опыте еврейского активизма, борьбы за эмиграцию и собственно эмиграции и полагающих, что большинство советских евреев разделяло «антисоветские настроения», хотя открыто выступала лишь «горстка смельчаков», старшее поколение всю жизнь лелеяло сионистские сантименты и мечтало увидеть Израиль. В целом позднесоветское еврейство делилось на тех, кто отказался добиваться эмиграции в 1970-е, и тех, кто ждал до конца 1980-х, «когда двери вновь открылись», как будто третьего не дано и не было²². Подобные заявления, совпадающие с разными аспектами кокотовского антисоциализма: идейным неприятием сионизма, восходящим к позиции местечковой бедноты, социальной неприязнью к глубоко еврейскому коллективу, – встречаются в ряде автобиографических текстов, в том числе написанных в постсоветский период или в эмиграции, т.е. вне поля действия советской цензуры и конъюнктуры, а следовательно, более достойных доверия, чем многочисленные патриотические антисоционистские декларации в прессе 1970-х годов. К примеру, экономист Е.З. Кармазин, вспоминая о конце 1940-х годов, времени образования государства Израиль, пишет: «интерес к Израилю у меня был огромный, но ехать туда я не собирался, даже если бы это стало возможным и даже несмотря на чудовищный сталинский режим. Мама знала сионизм еще до революции и относилась к нему отрицательно, помню, как она с отвращением сказала: зачем они вводят иврит»²³. Инженер и писатель И.А. Мазус вспоминает, как мама «на не очень серьезно заданный вопрос, согласна ли вместе со мной поехать в Израиль, ответила, что полжизни прожила с евреями и что жить только с ними еще ей больше как-то не очень хочется»²⁴. Кокотовский дневник отличает если не уникальная, то на редкость развернутая диалектика (анти)сионизма и антисемитизма, выраженная во множестве записей за целый ряд лет и отражающая, по-видимому, сильную душевную боль и мучительные бесплодные попытки решить дилемму аналитически.

Его антисоционизм последователен и проявляется в нескольких контекстах. Несимпатичным ему по человеческим качествам и национально ориентированных евреев Кокотов называет «сионистами» и полагает, что «такими братьями и населен Израиль». Ненавистного дальнего родственника он описывает как «изворотливого подхалима», «угождавшего каждому начальнику», ловкача, опытного в сетях блата, члена партии, который, однако, по своим убеждениям был отнюдь не коммунистом, а «сионистом, замшелым националистом» (23.8.77). Этот портрет соответствует распространенному среди ассимилированных и урбанизированных советских евреев представлению о «плохих» местечковых евреях – местечковых не столько по месту проживания, сколько по типу сознания и поведения, чьи основные характеристики, наряду с невоспитанностью и аморальностью, включают национализм (зацикленность на евреях и еврейских темах)

²² См., например: *Remennick L. Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict.* New Brunswick (NJ), 2012. P. 27–28, 38, 143.

²³ *Кармазин Е.* Повесть о времени и о себе. Париж, 1996–2004. Рукопись // Archiv der Forschungsstelle Osteuropa. F. 30.132: Ewgenii Karmazin. С. 52.

²⁴ *Мазус И.А.* Родословная (опыт автобиографического исследования). Неопубликованный текст. Архив автора.

и вовлеченность либо в теневую экономику, либо, по крайней мере, торговлю, т.е. сферу прибыльную, но морально и юридически сомнительную²⁵.

«Проклятые сионисты» – не израильские, а местные, национально ориентированные евреи или даже активисты еврейского движения, которых Кокотов мельком упоминает (например, в записи от 30.11.85), – возмущают его еще и тем, что окружающие склонны безосновательно приписывать сионистские убеждения всем евреям («грехи сионистов склонны подбросить и мне»), в результате чего сионизм только приводит к эскалации антисемитизма.

Идеологию еврейской исключительности Кокотов не приемлет, выводя из нее якобы свойственный Израилю «гитлеровский расизм» (3.7.78); вторая причина неприятия Израиля – капитализм («обычное капиталистическое государство со всеми его пороками»), который Кокотов в соответствии с советской доктриной противопоставляет «подлинной демократии» социализма, опираясь при этом на собственный опыт «получения Свободы непосредственно из рук Ленина» (5.4.87) и вторя многим своим соплеменникам и ровесникам, воспевавшим безграничные возможности, открывшиеся перед бедными евреями из черты оседлости благодаря революции.

Эмиграцию Кокотов решительно осуждает, что мы можем наблюдать на примере его записей о литовском еврейском писателе Григории Кановиче, с которым он переписывался, чьи книги увлеченно читал, анализировал в дневниках и давал читать другим. Однако, когда до него дошел слух, будто «Канович покинул нашу страну» (на самом деле Канович уехал в Израиль гораздо позже, в 1993 г.), Кокотов тут же утвердился в своих подозрениях в отношении «узкого, местечкового национализма, шовинизма» Кановича, чьи книги он при этом, разумеется, так ценил именно за богатство их еврейского содержания (21.11.86). Спустя несколько дней он получает от Кановича в подарок книгу с дарственной надписью с «такими возвышенными комплиментами, что их стыдно людям показывать», после чего решает продолжать переписку с ним, однако ощущает необходимость оправдываться за это решение перед самим собой: «Все-таки Канович человек думающий, эрудированный и в известном смысле оригинальный. Таких людей на каждом шагу не встретишь, а я так нуждаюсь в собеседнике» (25.11.86).

Каким же «людям» Кокотову было стыдно показывать книги Кановича с излишне пышными автографами? Оказывается, как он не раз упоминает в других записях, не менее 50 человек прочитали его экземпляр книги, и это дало ему основание утверждать, что он способствует популяризации творчества Кановича в Ленинграде. Писатель признал эту роль Кокотова – возможно, этим и объясняются благодарности и комплименты в его письмах. В другом месте, описывая впечатления от сборников лучших материалов из «Советиш геймланд» «Год за годом», он отмечает: «Многие уже сделали заявку на эти книги, но я еще не хочу выпускать из рук» (30.12.86). Таким образом мы узнаем, практически случайно, что у Кокотова есть широкий круг еврейских знакомств, иными словами – социальная сеть, в которой он выполняет функцию культуртрегера. И в этом полуумолчании, кажется, одно из объяснений того, как еврейское самосознание и культурный багаж этого поколения, рожденного и воспитанного, как правило, в традиционном еврейском укладе, в местечках, в соблюдающих заповеди семьях, будто бы истончились до «тонкой культуры». Как видно, еврейское содержание не проговаривается, не попадает на страницы эго-документов – по разным причинам. В мемуарах, предназначенных потомкам, автор-коммунист не будет рассказывать о рудиментах еврейской культуры, не видя для них места в социалистическом настоящем и коммунистическом будущем. В дневнике для себя автор пишет о том, что радуется, тревожит или вызывает сомнения, а хорошо знакомую и не меняющуюся данность он, скорее, опустит. Кокотов описывает

²⁵ Подробнее: Зеленина Г.С. «Гевал! Это же простые базарные люди...»: от местечковости к интеллигентности // Семиотика поведения и литературные стратегии. Лотмановские чтения – XXII / ред.-сост. М.С. Неклюдова, Е.П. Шумилова. М., 2017. С. 322–356.

конкретные встречи с людьми или сокрушается, что никому не нужен. Регулярная фиксация этой депривации, возможно, имеет терапевтическое значение, по крайней мере, это переживание занимает его мысли – в отличие от устоявшегося круга еврейских знакомых. Или, как мы увидим дальше, Кокотов будет отмечать изменения в своем отношении к идишу, но никак не отразит привычную для себя практику разговаривать на идише с женой, чтобы не поняли дети или внуки (об этом сообщают внучка и сын). Еврейские практики, сохранившиеся с детства (идиш) или сложившиеся позднее (социальная сеть), остаются в подтексте, не попадая в текст эго-документа, поскольку не являясь темой сомнений или выбора, эмоционально окрашенной новостью или проблемой.

Осуждение еврейского национализма, как правило, идет в диалектической связке с осуждением антисемитизма: плохо одно, плохо и другое, и первое связано со вторым. Антисемитизм зачастую обосновывается национализмом (всех евреев обвиняют в сионизме), но и националистические чувства провоцируются преследованиями со стороны титульной нации – это и собственное наблюдение Кокотова, и положение, усвоенное им из ленинской национальной доктрины (6.8.85).

Кокотов не одинок в этой логике. Так, например, литературовед и правозащитник Лев Копелев, младший современник Кокотова, в письме Рою Медведеву в 1971 г. «О еврейском вопросе в СССР» рассуждает о «юношах и девушках» – «еврейских националистах», которых «загнал сначала в еврейство, а потом и в сионизм» исключительно антисемитизм: «тот безликий административный рок, который мешал им поступать в институт, выбирать работу... убеждал их, что они – отличаются от своих соучеников... что они хуже их»²⁶.

В аналогичном оправдании еврейского национализма, за который ему как еврею «стыдно», антисемитизмом Кокотов необыкновенно настойчив, эта связка становится одной из его идей-фикс: в записях разных лет, сделанных по следам тех или иных разговоров или статей в прессе, он повторяет это апологетическое объяснение почти одними и теми же словами или, наоборот, объективности ради уравнивает критику антисемитизма критикой еврейского национализма (26.7.81; 30.11.85; 2.6.86; 10.10.86; 2.7.87). Примечательна диалогичность этих записей: автор ставит вопросы, сам на них отвечает, анализирует собственные чувства и оценки и как будто корректирует их и спорит с собой. Кокотов не раз характеризует свой дневник как автодиалог: «Я чувствую необходимость беседовать с самим собой... по этой причине я взялся на старости лет за дневник... Не знаю, умный ли у меня собеседник. Важно другое, что он не всегда согласен со мной, осуждает меня, и мне приходится виниться, оправдываться» (27.7.86).

Можно увидеть в кокотовском дневнике наследие практик самоанализа и самовоспитания 1920–1930-х годов, которые на материале дневников и формализованных автобиографий описали (слегка по-разному их обозначая: «самопознание», «работа над собой», «самосозидание», «самодопрос») исследователи раннесоветских эго-документов Й. Хелльбек и И. Халфин²⁷ и в которых политический историк О.В. Хархордин, автор влиятельной работы о советском индивидуализме, коллективизме и воспитательно-пенитенциарных практиках «Обличать и лицемерить», обнаруживает специфику раннесоветской личности²⁸. Ведь то были годы его индоктринации, личностного и профессионального становления как убежденного коммуниста и идеологического работника – журналиста.

Другая возможная интерпретация состоит в том, что этот автодиалог не серьезная работа над собой, а, скорее, игра: по мнению сына Бориса, Кокотов не был абсолютно искренен в своих дневниках. «Он [Борис Леонидович] исходит из того, что дед всю жизнь был советский журналист и жил в определенных рамках (цензуры, стиля и т.д.),

²⁶ Копелев Л. О правде и терпимости. New York, 1982. С. 61–62.

²⁷ Halfin I. Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial. Cambridge (Mass.), 2003. P. 4–5, 44, passim; Hellbeck J. Op. cit. P. 7–8, passim.

²⁸ Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. М.; СПб., 2002. Гл. 6. Работа над собой: личность как субъект познания и действия. С. 291–362.

– поясняет внучка Анна. – А тут он стал писать как бы для себя. И Борис предполагает, что он там немножко “играл” и придумывал».

Возможно, многолетний журналистский опыт объясняет эту диалектичность, а также отдельные резолютивные реплики («И это правильно») и суггестивные повторы (свойственные, в частности, риторике Сталина²⁹): «Мне было стыдно за них, одновременно мне было стыдно за их притеснителей» и т.п.

Нельзя не учитывать, что Кокотов как профессиональный советский журналист был привычен к самоцензуре и/или автоматическому использованию идеологических клише. Может быть, не собственными его взглядами, а «профдеформацией» – погруженностью в язык советской печати и привычкой излагать лишь ортодоксальную позицию – объясняются его антисиионистские и антиизраильские суждения?

Выясняется, однако, что антисиионизм Кокотова продиктован не внутренней цензурой и даже не искренне усвоенной интернационалистской доктриной. Он закладывался гораздо раньше и – как Кокотов коротко рассказывает в двух дневниковых записях – вытекает из антисиионистской позиции еврейской бедноты, к которой принадлежала его семья и которая видела в сионистах социально чуждую группу. «Сионизм отвратителен мне, – в очередной раз признается Кокотов и неожиданно ссылается на отца, обычно он не является для него референтной фигурой и героем его рассказов; более близкие отношения его связывали с матерью, и о матери он отзывался в мемуарах гораздо чаще и теплее. – Еще мой покойный отец утверждал, что сионисты это “пемпики”. Пемпик это живот, так он называл богатеев – обладателей животиков» (11.12.83). В другой записи через несколько лет он вспоминает, как в юности его убеждали вступить в молодежную сионистскую организацию Ге-Халуц, но он отказался из-за «явной антипатии к сионистам» его отца, считавшего, что «животики (буржуи) ему не компания» (30.6.86).

В 1970–1980-х годах, когда Кокотов писал свои мемуары и вел дневник, от политического плюрализма еврейского мира первых десятилетий XX в. в Советском Союзе давно ничего не осталось, и национально ориентированные евреи, и их зарубежные собратья считали антисиионизм проявлением лояльности режиму и практически отождествляли его с ассимиляционизмом и антисемитизмом. Между тем в конце XIX – начале XX в. антисиионизм был вполне заметной, легитимной и морально приемлемой частью восточноевропейского еврейского идеологического ландшафта: среди правых антисиионистских взглядов придерживалось ортодоксальное движение Агудат Исраэль, среди левых – Бунд, призывавший евреев не ехать в Палестину, а бороться за социализм в странах своего проживания³⁰. В СССР, где все еврейские партии были оперативно запрещены, еврей-коммунисты старались сконструировать новую культуру, «национальную по форме, социалистическую по содержанию», и в богатой пропагандистской литературной продукции на идише (газетах, поэзии, пьесах, пародиях) клеймили сионизм вместе с иудаизмом и бундизмом как «еврейскую контрреволюцию»³¹.

Кокотов, в ранней юности вступивший в комсомол, затем – в партию и переехавший из своего местечка в Москву и потом в Ленинград, не имел отношения ни к угасающей еврейской политической жизни, ни к коренизации на еврейской улице³²; скорее, на него могла влиять риторика советской печати 1930-х годов, ставившая знак равенства между еврейской буржуазией, хасидами и сионистами и обвинявшая их в расизме и фашизме, сродни германскому. Этот негативный образ сионизма получил новое развитие

²⁹ См.: *Вайсзонф М.* Писатель Сталин. М., 2001.

³⁰ См.: *Mendelsohn E.* On modern Jewish politics. Oxford, 1993. P. 28–30, 33–34.

³¹ См.: *Shternshis A.* Op. cit. P. 33, 64, 81, 86, 91; *Bemporad E.* Behaviour Unbecoming a Communist: Jewish Religious Practice in Soviet Minsk // *Jewish Social Studies* (new series). 2008. Vol. 14. № 2. P. 4, 9.

³² О коренизации и усилиях большевиков на ниве «этнического партикуляризма» см.: *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452. О коренизации на еврейской улице в Белоруссии см.: *Bemporad E.* Becoming Soviet Jews. P. 81–111.

после создания государства Израиль (фашизм тогда временно заменили империализмом и капитализмом), а затем – после Шестидневной войны³³. Кокотов, очевидно, разделял советскую критику израильского капитализма, милитаризма и убежденности в национальной исключенности, и все же его антисионизм оказывается укорененным в дореволюционном местечке (без этих воспоминаний детства Кокотов с его трепетным отношением к национальной чести вряд ли бы принял чистый антисионизм советской прессы, столь близкий к антисемитизму) и, таким образом, выступает элементом одновременно и «тонкой», и «толстой» еврейской идентичности. Составной антисионизм Кокотова иллюстрирует тезис Йонатана Френкеля, выдвинутый применительно к государственной идеологии и политике, а не частному мировоззрению, что советский антисионизм принимал разные формы и объединял в себе разные явления, каждое – со своей историей и логикой³⁴.

Позиция Кокотова созвучна многочисленным антисионистским сочинениям 1970–1980-х. К примеру, плодovitый литератор и видный участник антисионистской кампании Цезарь Солодарь в сборнике «Дикая полынь» (1977), посвященном «памяти матери» и, можно думать, более или менее отражающем его истинные воспоминания и взгляды, рассказывает, что сионисты – предатели еврейской бедноты – сотрудничали с еврейскими богачами, с одной стороны, и петлюровцами – с другой³⁵. Как правило, выступления и публикации таких видных деятелей культуры или общественных деятелей, дежурно выступавших от лица советского еврейства, как Солодарь, Вергелис или генерал Давид Драгунский³⁶ и другие члены Антисионистского комитета советской общественности (АКСО), вызывали недоверие и возмущение у национально ориентированных еврейских читателей в Советском Союзе и за рубежом: их называли предателями, прислужниками режима, клеймили за сервильность и риторически исключали из рядов еврейского народа³⁷. Убежденность в том, что высокопоставленные евреи-коммунисты предали свою еврейскую идентичность и, выступая как евреи и от лица еврейства в антисионистском ключе, неизбежно лгут и лицемерят, перешла и к исследователям еврейского движения и антисемитизма: тот же Солодарь описывается как беспринципный «гнусный» пропагандист на службе режима, в своих воспоминаниях о штетле столь же лживый, как авторы Протоколов сионских мудрецов³⁸.

Дневник Кокотова может служить верификацией искренности – и потому своего рода оправданием – печатного антисионизма чиновных или литературных евреев. Кокотовские антисионистские декларации, выраженные в дневнике для себя, не могли иметь никакой прагматической цели и были выражением его подлинных взглядов. Печатные декларации видных «деятелей культуры еврейского происхождения», равно как и письма лояльных граждан в газеты, такие цели иметь могли и зачастую имели, но с не меньшей

³³ См.: *Borgen Gjerde A. Reinterpreting Soviet “Anti-Zionism”: An Analysis of “Anti-Zionist” texts published in the Soviet Union, 1967–1972.* Master of arts thesis. Oslo, 2011; *Idem. The logic of anti-Zionism: Soviet elites in the aftermath of the Six-Day War // Patterns of Prejudice.* 2018. Vol. 52. P. 271–292.

³⁴ *Frankel J. The Soviet regime and anti-Zionism: an analysis // Jewish Culture and Identity in the Soviet Union / eds Ya. Ro'i, A. Beker.* New York, 1991. P. 310–311.

³⁵ *Солодарь И.С. Дикая полынь.* М., 1977 (переизд. в 1980, 1981, 1986).

³⁶ О Драгунском как образцовом советском герое см.: *Кривулин В., Пивовар Ю. И это все в одной судьбе. О дважды Герое Советского Союза, генерал-полковнике Д.А. Драгунском.* М., 1986. О нем в послеперестроечные годы см.: *Гейзер М. История жизни генерала Драгунского // Лехаим.* 2000. № 98 (6). С. 24–31.

³⁷ К примеру, о нападках на Вергелиса см.: *Estraikh G. Op. cit.* P. 12–13, 20.

³⁸ См.: *Friedgut Th. Soviet anti-Zionism and Antisemitism – another cycle // Soviet Jewish Affairs.* 1984. Vol. 14. № 1. P. 20; *Korey W. Russian Antisemitism, Pamyat, and the Demonology of Zionism.* London; New York, 1995. P. 53–54; *Wistrich R.S. From Ambivalence to Betrayal: The Left, the Jews, and Israel.* Lincoln, 2012. P. 453; *Казаков Е. В поисках «советского еврейского»: позднесоветская национальная политика // Неприкосновенный запас.* 2018. № 122 (6). С. 190–215.

вероятностью выражали подлинную позицию их авторов, возможно, сложившуюся еще в дореволюционном местечке.

С самого начала дневников в записях время от времени упоминается некоторое «положительное» еврейское содержание жизни автора: он слушает в филармонии песни Шостаковича на еврейские темы, собирает еврейские пластинки, читает Вергелиса на идише. С годами по нескольким возможным причинам: усиление антисемитизма; погружение с возрастом в воспоминания детства (и других этапов долгой жизни); либерализация общественно-политического климата в связи с перестройкой и проникновение еврейского в публичную сферу — увеличение числа еврейских культурных событий и т.п.³⁹ — происходит заметное расширение еврейского контента дневниковых записей. В 1986 г. Кокотов заводит в своем дневнике рубрику «Вспышки памяти» («ценные камешки, извлеченные из глубоких недр моего прошлого», 4.9.86), в которой вспоминает еврейские эпизоды из детства и взрослой жизни.

Наиболее последовательно «из недр прошлого» стал появляться язык. Кокотов сам рефлексирует этот «рецидив» идиша⁴⁰. Заговаривая на улице со старым евреем, который жалуется, что после смерти жены ему не с кем поговорить на родном языке, Кокотов сначала удивляется, а потом признает: «Я и сам подвержен языковому рецидиву. И у меня то и дело выскакивают еврейские словечки, я и сам часто нахожу в еврейском языке более яркое выражение иной мысли, иного чувства. Выскочит в каком-то подходящем месте разговора еврейское словечко, и удивляюсь, как оно в моей черепной коробке сохранилось, и, кстати, не в ущерб русскому языку. А русский язык все-таки прекрасен, звучен, красочен, гибок, лаконичен» (22.8.86). И здесь мы снова видим проявление кокотовской диалектичности: выразителен еврейский язык, но и русский полон достоинств.

Осенью того же 1986 г. Кокотов с радостью отмечает прирост еврейской культурной продукции, видя в этом политические перемены к лучшему или, по крайней мере, их обетование. Изданные в течение одного года три книги в переводе с еврейского он воспринимает «как добрую примету», «но приметы весны еще не весна. Придет ли она?» (3.10.86). В эти же месяцы Кокотов сам не без изумления рефлексирует свое персональное еврейское возрождение: «Странная вещь — долгие годы прошли, в которые я забыл о своей национальности, о том, что я еврей... Говорил я по-русски, думал по-русски и, по-моему, даже чувствую по-русски. Я любил русские песни, музыку, поэзию, прозу. У меня были русские друзья. И вдруг на пределе своей жизни во мне ожил еврей. Я мурлычу давно забытые еврейские песни и мотивы, в памяти всплывают еврейские пословицы, острые словечки. Мне интересно встречаться с еврейскими стариками». Как ему свойственно, Кокотов не может ограничиться простым наблюдением, констатацией и берется анализировать: «Что же это такое? И чем это объяснить? Хорошо ли это или плохо? Думаю, что это хорошо. Но надо напрочь отрубить мысль о еврейской исключительности. Это вранье!» (7.9.86).

Еще через несколько месяцев Кокотов задумывается о сути, стержне еврейской культуры и находит в ней духовную традицию, идеологически приемлемую, чистую от клерикализма и национализма, даже как будто противостоящую им, ссылаясь на «Спинозу, Уриеля Акоста, Эйнштейна, Маркса, Мендельсона и еще сотни и сотни евреев, обогативших мировую культуру, служивших и служащих украшением и гордостью человеческого интеллекта. Я сын этого народа» (7.5.87). Подобной декларации ценности еврейской культуры и собственной к ней причастности, кажется, в дневниках, а тем более в мемуарах, Кокотова еще не было. Кроме того, берясь анализировать еврейскую культуру и

³⁹ О всплеске антисемитизма и параллельном еврейском культурном возрождении во время перестройки см.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. Ч. 2. Советские евреи: выбор будущего. С. 262–433.

⁴⁰ Примечательно, что автор использует здесь, пусть с некоторой возможной иронией, слово «рецидив», применимое, как правило, к преступлению или болезни, а не «возрождение», «возвращение» и т.п.

искать ее лучших, на собственный взгляд, представителей, Кокотов конструирует собственную «цепь традиции», якобы секулярной (по крайней мере, антиортодоксальной) и экстравертивной, открытой внешнему миру, находящейся в диалоге с мировой культурой. И как антисиионистские взгляды Кокотова, высказываемые в не предназначенном для печати личном дневнике, служат верификацией искренности взглядов высокопоставленных и широко печатавшихся антисиионистов, так и его стойкая антипатия к иудаизму и уважение к антиклерикальным еврейским мыслителям, своего рода маскильство (идеология еврейского Просвещения), позволяет понять взгляды таких крупных фигур на поле научного атеизма, как М.С. Беленький (1910–1996), автор многих критических научно-популярных книг о Талмуде, иудаизме, его классовой сущности⁴¹, выходявших гигантскими тиражами в 25, 70, 115 тыс. экземпляров и за неимением ничего лучшего служивших источником знаний об иудаизме для всех советских евреев, в том числе как раз «национально ориентированных». Беленький, директор театрального училища при Московском государственном еврейском театре, друг Соломона Михоэлса, главный редактор издательства «Дер Эмес», публиковавшего книги на идише, был осужден по делу Еврейского антифашистского комитета и пять лет провел в ГУЛАГе. После освобождения защитил диссертацию по критике иудаизма и стал писать аналогичные книги, а кроме того – готовил к печати собрание сочинений Шолом-Алейхема, переведил Уриэля да Косту. Учитывая высказанную в дневнике позицию Кокотова, человека того же поколения и происхождения, можно предположить, что деятельность Беленького в 1950–1980-е годы не была (исключительно) конъюнктурно обусловлена, а отражала его подлинные взгляды: он мог осуждать иудаизм, связывая его заодно с капитализмом, а капитализм – с сионизмом (как отец Кокотова), и ценить в еврейской культуре антиклерикальную линию, к которой справедливо относил и да Косту, и Шолом-Алейхема.

Апогеем кокотовского личного еврейского «рецидива» становятся впечатления от концерта еврейской песни в ленинградской филармонии (где «яблоку негде было упасть», «собралось все еврейское население города», «особенно много молодежи»), записывая которые он рассуждает о национальном достоинстве, т.е. оперирует одним из ключевых понятий позднесоветского еврейского национального движения: «Молодые ...аплодировали так, как не аплодируют лучшим музыкантам. Аплодировали тому, что появилось что-то еврейское. Это было принято, как признание их человеческого достоинства. А вообще если здраво рассуждать, то все, что произошло у нас с евреями, не совместимо с социализмом. Это болезненное, стадное явление в нашем обществе, государстве» (12.2.87).

Последняя оговорка, сделанная в кокотовской диалектической манере, возвращает нас в традиционные для автора советские рамки, утверждая его советскую субъектность: критикуя отечественный антисемитизм, он все же отождествляет себя с этим строем и страной – «в нашем обществе, государстве». От двух посылок: антисемитизм и возрождающееся еврейское достоинство – его мысль идет не к эмиграции в Израиль, которую и который он, видимо, по-прежнему осуждает, а к тому, что на советской родине были допущены ошибки, в скором будущем они должны быть исправлены, ведь видны «приметы весны».

Согласно воспоминаниям младшего сына и внучки, в 1989 г. старший сын Кокотова Владимир решил уехать в Израиль. В отличие от одной их московской родственницы, она два года не давала разрешения на отъезд дочери, Кокотов-старший разрешение подписал, «но, вернувшись из юридической конторы, сказал мне, что меня-то он никогда не отпустит», – вспоминает Борис Леонидович. «Ну и так как-то и случилось, – резюмирует внучка. – В 1990 г. дед умер, и все в тот же год разъехались».

⁴¹ Беленький М.С. «Талмуд» в свете науки. М., 1960; *Его же*. Иудаизм. М., 1966; *Его же*. Современный иудаизм. М., 1972; и др.

* * *

Эго-документы, прежде всего дневники, которых гораздо меньше, чем мемуаров, а особенно, как в случае Кокотова, сочетание того и другого и свидетельств потомков, т.е. наложение и перекрестная верификация взглядов внутреннего и внешнего и внутреннего взгляда с разных дистанций, позволяют больше узнать о советском еврейском большинстве, о тех самых «евреях молчания», не высказывавшихся публично, – в отличие от культурной элиты, имевшей ограниченные возможности высказываться в книгах, фильмах или на встречах главы государства с интеллигенцией, или еврейских активистов, стремившихся высказываться максимально громко и делать это достоянием общест-венности и коллективной памяти. Узнать прежде всего о том, чего не было в публич-ной сфере, но не могло не быть в приватной, об их «внутреннем еврее», о том, из чего состояла их «тонкая культура» и «символическая этничность» и была ли она на самом деле так тонка и исключительно символична.

Дихотомия советского и еврейского кажется не столь продуктивной, если мы от-дадим предпочтение дискурсивной интерпретации над эссенциалистской и призна-ем существование нескольких динамичных идентичностей, в разные периоды жизни сменяющих свой статус с «дремлющей» на доминантную, или с «тонкой» на «толстую» и обратно.

Действительно, еврейское не являлось частью автоконцепции, используя любимое понятие Л.Я. Гинзбург, или сферой самореализации многих советских евреев старше-го поколения, поэтому еврейская тематика мало представлена в мемуарах, где авторы рисуют своего рода парадный портрет, достойный памяти потомков. В ежедневной же рефлексии еврейское присутствует – и это находит отражение в дневниках или в пись-мах. Зачастую это горькие размышления об антисемитизме, несовместимом с искренне усвоенными идеалами социализма, которые эти советские субъекты принимали и от ко-торых не могли отказаться, чтобы не лишиться чувства принадлежности к коллективу и истории и смысла жизни. И эти размышления становились если не самым важным, то самым живучим компонентом еврейской идентичности, поскольку постоянно подпи-тывались новыми стимулами – в отличие от элементов «толстой» культуры, отходивших в прошлое.

Отраженные в эго-документах взгляды «обычных» советских евреев – неприятие си-онизма как националистического учения, отвращение к иудаизму, воплощающему для них как «заскорузлую местечковость», так и национализм, – отчасти могут верифициро-вать аналогичные тезисы, излагаемые с высоких трибун членами АКСО или регулярно появляющиеся в советской публицистике, выходя из-под пера Вергелиса, Солодаря и др. Если взгляды Кокотова была укоренены в его местечковом прошлом, то и высокопостав-ленные критики сионизма и иудаизма и апологеты ассимиляции евреев при социализме не только выполняли государственный заказ, но и были верны себе.

При этом изрядная доля еврейского культурного багажа хранилась в памяти, но не проговаривалась, не попадала в текст эго-документа, оставалась в подтексте как оче-видная для автора и при этом не ценная и не нужная потомкам. Какие-то следы этого можно выудить из текста путем *close reading*, как мы видели на примере нескольких об-молвок в дневнике Кокотова. И наконец, при соприкосновении с меняющейся реаль-ностью перестройки пожилой еврей мог до какой-то степени реализовать этот скры-тый потенциал: конечно, степень – вследствие возраста, автоконцепции, социального и профессионального статуса и прочих обстоятельств – у всех была разной. Кокотов радовался молодым лицам на концерте еврейской песни и уповал на скорое очищение любимой советской родины от антисемитизма, Драгунский и Вергелис и в 1990-е про-должали видеть себя лидерами и спикерами советского еврейства, а Беленький в 1990 г. эмигрировал в Израиль.

Библиография

- Беленький М.С.* «Талмуд» в свете науки. М., 1960.
- Беленький М.С.* Иудаизм. М., 1966.
- Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001.
- Гейзер М.* История жизни генерала Драгунского // Лехаим. 2000. № 98 (6). С. 24–31.
- Зеленина Г.С.* «Гевалт! Это же простые базарные люди...»: от местечковости к интеллигентности // Семиотика поведения и литературные стратегии. Лотмановские чтения – XXII / ред.-сост. М.С. Неклюдова, Е.П. Шумилова. М., 2017. С. 322–356.
- Казаков Е.* В поисках «советского еврейского»: позднесоветская национальная политика // Неприкосновенный запас. 2018. № 122 (6). С. 190–215.
- Кокотов Б.Л.* Записки о родителях // URL: <https://zemelah.online/documents/boris-kokotov-txt1> (дата обращения: 10.01.2023).
- Кокотов Б.Л.* Записки о себе и Семье // URL: <https://zemelah.online/documents/boris-kokotov-txt2> (дата обращения: 10.01.2023).
- Кокотов Л.Г.* Моим детям, внукам, правнукам // URL: <https://zemelah.online/documents/kokotov-memyu> (дата обращения: 10.01.2023).
- Копелев Л.* О правде и терпимости. New York, 1982.
- Костырченко Г.В.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. Ч. 1–2. М., 2019.
- Кривулин В., Пивовар Ю.* И это все в одной судьбе. О дважды Герое Советского Союза, генерал-полковнике Д.А. Драгунском. М., 1986.
- Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. М., 2003.
- Смола К.* Изобретая традицию: современная русско-еврейская литература. М., 2021
- Солодарь Ц.С.* Дикая польнь. М., 1977.
- Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. М.; СПб., 2002.
- Эстрайх Г.* Арон Вергелис: главный еврей послегулаговского социализма // Архив еврейской истории. 2007. Т. 4. С. 125–144.
- Эстрайх Г.* Еврейская литературная жизнь Москвы, 1917–1991. СПб., 2015.
- Vemporad E.* Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk. Bloomington, 2013.
- Vemporad E.* Behaviour Unbecoming a Communist: Jewish Religious Practice in Soviet Minsk // Jewish Social Studies (new series). 2008. Vol. 14. № 2. P. 1–31.
- Borgen Gjerde A.* Reinterpreting Soviet “Anti-Zionism”: An Analysis of “Anti-Zionist” texts published in the Soviet Union, 1967–1972. Master of arts thesis. Oslo, 2011.
- Borgen Gjerde A.* The logic of anti-Zionism: Soviet elites in the aftermath of the Six-Day War // Patterns of Prejudice. 2018. Vol. 52. P. 271–292.
- DiAntonio R., Glickman N.* Tradition and Innovation: Reflections on Latin American Jewish Writing. New York, 2012.
- Diasporas and Exiles: Varieties of Jewish Identity / ed. H. Wettstein. Berkeley, 2002.
- Estraihk G.* Aron Vergelis: The perfect Jewish homo sovieticus // East European Jewish Affairs. 1997. Vol. 27. № 2. P. 3–20.
- Frankel J.* The Soviet regime and anti-Zionism: an analysis // Jewish Culture and Identity in the Soviet Union / eds Ya. Ro'i, A. Beker. New York, 1991. P. 310–354.
- Friedgut Th.* Soviet anti-Zionism and Antisemitism – another cycle // Soviet Jewish Affairs. 1984. Vol. 14. № 1. P. 3–22.
- Gershenson O.* A Phantom Holocaust: Soviet Cinema and Jewish Catastrophe. New Brunswick, 2013.
- Gitelman Z.* A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. Bloomington, 2001.
- Gitelman Z.* The meaning of Jewishness in Post-Soviet Russia and Ukraine // Contemporary Jewries: Convergence and Divergence / eds E. Ben Rafael, Y. Gorni, Y. Ro'i. Leiden, 2003. P. 194–215.
- Gitelman Z.* Thinking about being Jewish in Russia and Ukraine // Jewish Life After the USSR / eds Z. Gitelman, M. Glants, M.I. Goldman. Bloomington, 2003. P. 49–60.
- Halfin I.* Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial. Cambridge (Mass.), 2003.
- Hellbeck J.* Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge, 2006.
- Korey W.* Russian Antisemitism, Pamyat, and the Demonology of Zionism. London; New York, 1995.
- Mendelsohn E.* On modern Jewish politics. Oxford, 1993.
- Murav H.* The Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia. Stanford, 2011.
- Paperno I.* Stories of the Soviet Experience: Diaries, Memoirs, Dreams. Ithaca, 2009.
- Remennick L.* Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict. New Brunswick (NJ), 2012.
- Shternshis A.* Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington, 2006.
- Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.

- Veidlinger J.* In the Shadow of Shtetl: Small-Town Jewish Life in Soviet Ukraine. Bloomington, 2013.
Wiesel E. The Jews of Silence: A Personal Report on Soviet Jewry. New York, 1966.
Wistrich R.S. From Ambivalence to Betrayal: The Left, the Jews, and Israel. Lincoln, 2012.
Zeltser A. Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union. Jerusalem, 2018.

References

- Belen'kii M.S.* "Talmud" v svete nauki [Talmud in the light of science]. Moskva, 1960. (In Russ.)
Belen'kii M.S. Iudaizm [Judaism]. Moskva, 1966. (In Russ.)
Estraikh G. Aron Vergelis: glavnyi evrei poslegulagovskogo sotsializma [Aron Vergelis: the main Jew of post Gulag Socialism] // Arkhiv evreiskoi istorii [Archive of Jewish History]. 2007. T. 4. S. 125–144. (In Russ.)
Estraikh G. Evreiskaia literaturnaia zhizn' Moskvy, 1917–1991 [Jewish literary life in Moscow, 1917–1991]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)
Geizer M. Istoriiia zhizni generala Dragunskogo [A story of General Dragunsky's life] // Lekhaim. 2000. № 98 (6). S. 24–31. (In Russ.)
Kazakov E. V poiskakh "sovetskogo evreiskogo": pozdnesovetskaiia natsional'naia politika [Searching for "Soviet Jewish": Late Soviet national politics] // Neprikosnovennyi zapas [An inviolable reserve]. 2018. № 122 (6). S. 190–215. (In Russ.)
Kharkhordin O.V. Oblichat' i litsemerit': genealogiia rossiiskoi lichnosti [To denounce and to dissimulate: The genealogy of Russian personality]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)
Kokotov B.L. Zapiski o roditel'iah [Notes on my parents] // URL: <https://zemelah.online/documents/boris-kokotov-txt1> (access date: 10.01.2023). (In Russ.)
Kokotov B.L. Zapiski o sebe i Sem'e [Notes on myself and my family] // URL: <https://zemelah.online/documents/boris-kokotov-txt2> (access date: 10.01.2023). (In Russ.)
Kokotov L.G. Moim detiam, vnukam, pravnukam [To my children, grandchildren, great-grandchildren] // URL: <https://zemelah.online/documents/kokotov-memuary> (access date: 10.01.2023). (In Russ.)
Kopelev L. O pravde i terpmosti [On truth and tolerance]. New York, 1982. (In Russ.)
Kostyrchenko G.V. Tainaia politika: ot Brezhneva do Gorbacheva [Secret politics: From Brezhnev to Gorbachev]. Pt. 1–2. Moskva, 2019. (In Russ.)
Krivulin V., Pivovarov Iu. I eto vse v odnoi sud'be. O dvazhdy Geroe Sovetskogo Soiuza, general-polkovnike D.A. Dragunskom [And all of this in one life. On the Hero of Soviet Union General David Dragunsky]. Moskva, 1986. (In Russ.)
Mitrokhin N. Russkaia partiia. Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR, 1953–1985 gody [Russian party. The movement of Russian nationalists in the USSR, 1953–1985]. Moskva, 2003. (In Russ.)
Smola Kl. Izobretaiia traditsiui: sovremennaia russko-evreiskaia literature [Inventing the tradition. Contemporary Russian-Jewish literature]. Moskva, 2021. (In Russ.)
Solodar' Ts.S. Dikaia polyn' [Wild sagebrush]. Moskva, 1977. (In Russ.)
Vaiskopf M. Pisatel' Stalin [Stalin the author]. Moskva, 2001. (In Russ.)
Zelenina G.S. "Gevalt! eto zhe prostye bazarnye liudi...": ot mestechkovosti k intelligentnosti ["Gevalt! They are simple market folks...": Soviet Jews on their way from shtetl to intelligentsia] // Semiotika povedeniia i literaturnye strategii [Semiotics of behavior and literary strategies] / red.-sost. M.S. Nekliudova, E.P. Shumilova. Moskva, 2017. S. 322–356. (In Russ.)
Bemporad E. Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk. Bloomington, 2013.
Bemporad E. Behaviour Unbecoming a Communist: Jewish Religious Practice in Soviet Minsk // Jewish Social Studies (new series). 2008. Vol. 14. № 2. P. 1–31.
Borgen Gjerde A. Reinterpreting Soviet "Anti-Zionism": An Analysis of "Anti-Zionist" texts published in the Soviet Union, 1967–1972. Master of arts thesis. Oslo, 2011.
Borgen Gjerde A. The logic of anti-Zionism: Soviet elites in the aftermath of the Six-Day War // Patterns of Prejudice. 2018. Vol. 52. P. 271–292.
DiAntonio R., Glickman N. Tradition and Innovation: Reflections on Latin American Jewish Writing. New York, 2012.
 Diasporas and Exiles: Varieties of Jewish Identity / ed. H. Wettstein. Berkeley, 2002.
Estraikh G. Aron Vergelis: The perfect Jewish homo sovieticus // East European Jewish Affairs. 1997. Vol. 27. № 2. P. 3–20.
Frankel J. The Soviet regime and anti-Zionism: an analysis // Jewish Culture and Identity in the Soviet Union / eds Ya. Ro'i, A. Beker. New York, 1991. P. 310–354.
Friedgut Th. Soviet anti-Zionism and Antisemitism – another cycle // Soviet Jewish Affairs. 1984. Vol. 14. № 1. P. 3–22.
Gershenson O. A Phantom Holocaust: Soviet Cinema and Jewish Catastrophe. New Brunswick, 2013.
Gitelman Z. A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. Bloomington, 2001.

- Gitelman Z.* The meaning of Jewishness in Post-Soviet Russia and Ukraine // *Contemporary Jewries: Convergence and Divergence* / eds E. Ben Rafael, Y. Gorni, Y. Ro'i. Leiden, 2003. P. 194–215.
- Gitelman Z.* Thinking about being Jewish in Russia and Ukraine // *Jewish Life After the USSR* / eds Z. Gitelman, M. Glants, M.I. Goldman. Bloomington, 2003. P. 49–60.
- Halfin I.* Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial. Cambridge (Mass.), 2003.
- Hellbeck J.* Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge, 2006.
- Korey W.* Russian Antisemitism, Pamyat, and the Demonology of Zionism. London; New York, 1995.
- Mendelsohn E.* On modern Jewish politics. Oxford, 1993.
- Murav H.* The Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia. Stanford, 2011.
- Paperno I.* Stories of the Soviet Experience: Diaries, Memoirs, Dreams. Ithaca, 2009.
- Remennick L.* Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict. New Brunswick (NJ), 2012.
- Shternshis A.* Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington, 2006.
- Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.
- Veidlinger J.* In the Shadow of Shtetl: Small-Town Jewish Life in Soviet Ukraine. Bloomington, 2013.
- Wiesel E.* The Jews of Silence: A Personal Report on Soviet Jewry. New York, 1966.
- Wistrich R.S.* From Ambivalence to Betrayal: The Left, the Jews, and Israel. Lincoln, 2012.
- Zeltser A.* Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union. Jerusalem, 2018.

DOI: 10.31857/S013038640028075-0

© 2023 г. **В.В. СОГРИН**

ПОЧЕМУ В США НЕТ СОЦИАЛИЗМА

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, председатель Российской ассоциации историков-американистов (Москва, Россия).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Scopus Author ID: 56291644800; ORCID: 0000-0002-5707-2879; Researcher ID: ABI-7132-2020

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о причинах отсутствия в США социализма. Автор пытается ответить на него и указывает на две основные причины. Первая, по его мнению, заключается в природе американской цивилизации, вторая – в политике правящего класса. Нередко в данном случае указывают на насилие со стороны верхов. Насилие власть имущими, безусловно, применялось, но имело место также и то, что современные политологи называют «мягкой силой». К первому, как правило, прибегали консерваторы, ко второму – сторонники либерализма. На современном этапе эти направления представляют соответственно Республиканская и Демократическая партии.

В самих США классическим признано объяснение Л. Харца, согласно которому социализм не возник там из-за отсутствия феодализма. Но разве не капитализмом обусловлено укоренение социализма? Колонисты покидали Англию или из желания обогащения, или по религиозным мотивам. Религия стала главным цивилизационным фактором, обусловившим отсутствие социализма в США. Протестантская этика, наиболее полно воплотившаяся в пуританизме и возлагающая на индивидуума всю ответственность за его удачи и неудачи, стала цивилизационной основой Северной Америки, а потом и США. Другим цивилизационным фактором, потеснившим пуританизм, явился национальный консюмеризм, начавший формироваться с 1920-х годов. Как классические республиканские президенты в статье рассматриваются Рональд Рейган, Джордж Буш-младший, Дональд Трамп. Охарактеризована политика Франклина Делано Рузвельта, Джона Кеннеди, Линдона Джонсона, Барака Обамы – президентов от Демократической партии, опиравшихся в борьбе с социализмом на «мягкую силу» (социальные реформы).

Ключевые слова: США, политическая система, социализм, пуританская этика, консюмеризм, Республиканская партия, «мягкая сила», Демократическая партия.

V.V. Sogrin

Why There Is No Socialism in the USA

Vladimir Sogrin, Russian Association of American Historians (Moscow, Russia).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Scopus Author ID: 56291644800; ORCID: 0000-0002-5707-2879; Researcher ID: ABI-7132-2020

Abstract. Why there is no socialism in the USA? The author tries to answer this question and identifies two main reasons of that. The first lies in the nature of American civilization. The second is in the politics of the ruling class. Violence was used. But there was also what modern political scientists call “soft power”. The first one, as a rule, was used by conservatism, and the second one by

liberalism. At the present stage, these are, respectively, the Republican and the Democratic Parties. In the USA itself, the classic explanation is the work of L. Hartz, who explained the absence of socialism by the absence of feudalism. But is the rooting of socialism due to capitalism not to feudalism? The colonists attributed their departure from England either to the desire for enrichment, or to a religious reason. Protestant ethics, most fully embodied in Puritanism and placing on the individual all responsibility for his successes and failures, initially became the civilizational basis of North America, and then the United States. Another civilizational factor that pushed Puritanism was national consumerism, which has been forming since the 1920s. Ronald Reagan, George W. Bush, and Donald Trump are examples of Republican presidents. Presidents from the Democratic Party who relied on “soft power” (social reforms) in the fight against socialism in the article are Franklin Delano Roosevelt, John Kennedy, Lyndon B. Johnson, Barack Obama.

Keywords: USA, political system, socialism, puritan ethics, consumerism, Republican Party, “soft power”, Democratic Party.

Известно, что в США нет социализма. Почему? Главными представляются две причины. Суть первой, думается, заключена в природе американской цивилизации, тогда как вторая – в политике правящего класса. В связи с этим обращают внимание на насилие со стороны правящей элиты. Оно, конечно, использовалось, но не стоит забывать и о том, что политологи называют «мягкой силой». Первое, как правило, использовали консерваторы, а второе – либералы. На современном этапе их воплощением являются соответственно Республиканская и Демократическая партии.

Обратимся к основополагающей цивилизационной причине отсутствия социализма. В самих США классическим признано объяснение, данное Л. Харцем. С его точки зрения, социализма в Америке нет из-за отсутствия там феодализма¹. Но разве укоренение социализма обусловлено не капитализмом? Колонисты связывали уход из Англии или желанием обогащения, или религиозной причиной. Религия и стала главным цивилизационным фактором отсутствия социализма. В колониальной Америке среди белых господствовала христианская религия, а доминирующую роль играл протестантизм. Протестанты различных деноминаций и сект составляли более 90% верующих. Выделились наиболее влиятельные течения. Это англиканство, пуританизм и квакерство. Представители иных вероисповеданий были ущемлены в гражданских и политических правах.

Главной пуританской колонией стал Массачусетс. Потом и другие северо-восточные колонии. Община, известная как отцы-пилигримы, в начале XVII в., убедившись в несовместимости своих религиозных исканий с английскими, покинула родину и переселилась в Голландию. Но и на новом месте диссиденты чувствовали себя неудобно, приняв в конце концов решение перебраться в Новый Свет. Получив патент на освоение небольшой части северной Виргинии, они в 1620 г. отправились в путь на корабле «Мэйфлауэр» и во время путешествия заключили договор об объединении в «гражданский политический организм» с целью создания «справедливых и одинаковых для всех законов». По неизвестным причинам пилигримы высадились не на предназначенной им территории, а гораздо севернее, в весьма удобном месте, нареченном сначала Новым Плимутом. 22 декабря, день их высадки в Северной Америке, был позднее провозглашен национальным Днем отцов-пилигримов. Четвертый четверг ноября, в который религиозные диссиденты в 1621 г. отмечали сбор первого урожая, был в 1863 г. провозглашен в США национальным праздником – Днем благодарения. Протестантская этика, наиболее полно воплотившаяся в пуританизме и возлагающая на индивидуума всю ответственность за его удачи и неудачи, стала изначально цивилизационной основой Северной Америки, а потом и США.

В колонии ввозились также белые законтрактованные слуги (сервенты), которые через 4–7 лет получали свободу. В целом, в колониальную эру законтрактованные слуги

¹ Hartz L. The Liberal Tradition in America. An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. New York, 1955.

составили примерно половину от общего числа переселенцев из Европы. В Европе они набирались в подавляющем большинстве из бедных или вовсе деклассированных слоев, а также из заключенных (в этом случае контракт заключался тюремным начальством). По прибытии судна с законтрактрованными работниками в Северную Америку его капитан выставлял живой груз на аукцион. Хозяин должен был обеспечить их по освобождении некоторым минимумом средств существования. На период контракта сервенты трудились по усмотрению хозяина, пытавшегося извлечь из них максимальную выгоду. В XVII в. беглых сервентов в ряде колоний приговаривали к смертной казни, но в следующем столетии нравы смягчились и беглецам в случае поимки увеличивали срок контрактной службы. Но сервенты были чужды антипротестантской идеологии².

После колониального периода, особенно с начала XIX в., и наступила эпоха «религиозного пробуждения», продолжавшаяся три десятилетия. Господствующим религиозным направлением оставался протестантизм. Но между самими протестантами развились острые конфликты, в результате которых прежние главные деноминации уступили ведущие позиции. На первую позицию вышли методизм и баптизм. Несмотря на различия, подавляющее большинство протестантов были едины перед лицом католицизма. Этот конфликт носил конфессионально-этнический и социальный характер. Протестантам, являвшимся англосаксами, а также, по их мнению, «коренными» американцами³, противостояли массы новых католических иммигрантов. Католическая паства увеличилась за полвека с нескольких десятков тысяч до 1,7 млн человек, и католицизм оказался вторым, наряду с методизмом, крупнейшим конфессиональным объединением. Конфликт протестантов и католиков резко обострился с середины 1820-х годов, когда началась «великая миграция» из Ирландии и Германии. Гнев протестантов обрушился главным образом на ирландских католиков. Нищие ирландцы готовы были работать за мизерную оплату, что снижало зарплаты местных рабочих. Среди оскорблений, которые посыпались на ирландцев на новой родине, одним из самых унижительных было «ирландские ниггеры». Возникли антикатолические движения, в первую очередь нейтивистское (досл. «коренное»). Популярным среди нейтивистов стало требование выселить всех ирландцев в резервации на западе США.

В начале XIX в. в США началась промышленная революция. Американский капитализм проходил стадию первоначального накопления, предприниматели максимально экономили на заработной плате рабочих. Промышленный рабочий класс проявил социальную активность, а с 1820-х годов стали возникать профессиональные объединения. Отношение к стачкам со стороны властей, предпринимателей, значительной части общества было отрицательным. Вскоре рабочие приступили к созданию собственных партий. На рубеже 1820–1830-х годов они возникли в нескольких северо-восточных штатах. Часть рабочих вовлекалась в различные социально-утопические движения и проекты. Социальные реформаторы были последователями европейцев, в первую очередь англичанина Роберта Оуэна и француза Шарля Фурье. Американские социальные экспериментаторы были «мягкими» социалистами, никто из них не отрицал частной собственности и не проповедовал ее огосударствления. В 1820-е годы сам Роберт Оуэн поспособствовал созданию коммуны «Новая гармония» в Индиане, призванной стать коллективистской альтернативой фабричной системе и частнокапиталистической эксплуатации. Затем его деятельность была продолжена сыном Робертом Дейлом Оуэном. Деятельность сына Оуэна, как и его отца, исчерпала себя к концу 20-х годов.

В 1840-е годы часть рабочих испытала увлечение идеями Ш. Фурье. В различных штатах стали возникать фурьеристские поселения. Всего их было создано около 40, а наибольшую известность приобрела Брук Фарм в Массачусетсе. Фурьеристские поселения

² *Morris R.B. Government and Labor in Early America.* New York, 1946. P. 398–399, 448–450, 466–468, 500–501; *Smith A.E. Colonists in Bondage: White Servitude and Colonial Labor in America.* 1607–1776. New York, 1947. P. 299–300.

³ В действительности коренными жителями Америки были индейцы, но белая раса их за американцев не считала.

(фаланстеры), в которых жило и трудилось примерно 8–9 тыс. человек, в итоге оказались не более жизнеспособными, чем оуэнистские. Рабочие США предпочли коллективистской вере и коллективистским проектам индивидуалистические ценности и встали под знамена партий (главным образом Демократической), которые, исповедуя эти ценности, предлагали средства их достижения, выглядевшие вполне реалистическими в США, где западные земли объявлялись собственностью государства. Оно хотело их продавать, но белые поселенцы предпочитали скватерство (захват) и истребление индейцев. Знаменитый реформатор Джордж Эванс первым назвал государственный земельный фонд «предохранительным клапаном».

Из-за западных земель возник первоначально конфликт между свободными северными и рабовладельческими южными штатами. Первые хотели, чтобы их осваивали свободные белые поселенцы, а вторые — чтобы рабовладельцы. Созданная в 1854 г. партия республиканцев и ее вождь А. Линкольн доказывали, что выражают интересы свободного белого населения. В 1860 г. Линкольн меньшинством голосов избирателей, но большинством голосов выборщиков был избран президентом США. Южане ответили созданием собственного, чисто рабовладельческого государства. Началась Гражданская война.

Идеологией победивших северян был индивидуализм. Его разделял даже чернокожий Фредерик Дуглас, полагавший, что освобожденные негры должны добиваться экономического успеха собственными усилиями⁴. В последней четверти XIX в. популярность приобрела стратегия, предложенная Букером Вашингтоном. Б. Вашингтон, родившийся в семье рабов, самостоятельно проделал путь «наверх» и, став ректором одного из первых колледжей для чернокожих, в 1895 г. предложил модель собственного успеха, основанную на протестантской этике и как основополагающую для чернокожих. Последние, согласно Вашингтону, должны воздерживаться от протеста, реальной альтернативой которому был тяжкий ежедневный труд, направленный на достижение конкретного результата. Концепция Вашингтона нашла отклик в негритянской общине, как и одобрение со стороны белого истеблишмента. Вашингтон стал одним из первых чернокожих лидеров, допущенных в высшие круги белой расы⁵.

«Приобщение» к белой цивилизации легло в основу в отношении индейских племен. Эта идея воплотилась в законе 1887 г. Закон Дауэса предполагал разрушение общинной земельной собственности индейцев и раздел ее в частное пользование. Согласно этому закону, при разделе земельной собственности племени главе каждой семьи нарезался надел в 160 акров, а остальным взрослым членам — по 80 акров. При таких нормах меньшая часть земель племени переходила в частную собственность индейцев, а большая становилась достоянием федерального правительства. К началу XX в. был произведен раздел 118 индейских резерваций. В результате индейцы потеряли 62% земли, принадлежавшей им до 1887 г. Права американских граждан они получили в 1924 г., когда американский Конгресс счел, что цели, поставленные перед индейцами законом Дауэса, достигнуты⁶.

Но среди белых после Гражданской войны стали нарастать социально-экономические конфликты. Экономическое господство с конца века перешло к крупным корпорациям, «монетизировавшим», если воспользоваться современным выражением, политическую власть и подчинившим себе обе главные партии. В конце XIX в. были приведены данные, согласно которым 1/8 американских семей владела 7/8 американских богатств. Господствующие экономические позиции принадлежали владельцам крупных корпораций, численность которых не превышала 1% американцев, но которые владели 70% корпоративных богатств и половиной всей американской промышленности. Верхушка корпоративной Америки заняла на экономической лестнице то место, которое до Гражданской войны занимал 1% плантаторских семейств. Благодаря росту экономики абсолютного ухудшения в положении рабочего класса не происходило, реальная заработная

⁴ Foner E. Reconstruction. America's Unfinished Revolution. 1863–1877. New York, 1984. P. 67–69.

⁵ Согрин В.В. Американская цивилизация. М., 2020. С. 165–166.

⁶ Там же. С. 158–159.

плата рабочих повысилась: в период с 1870 по 1900 г. она выросла примерно в полтора, а в период с 1870 по 1920 г. в два раза. В 1870–1920-е годы реальная заработная плата американских рабочих была более чем в два раза выше, чем у европейских рабочих. Но многие рабочие едва сводили концы с концами. В период с 1870 по 1920 г. в страну въехало 26 млн иммигрантов, большинство из которых влились в ряды промышленных рабочих. До 1900 г. среди иммигрантов преобладали выходцы из Западной и Центральной Европы. В первые два десятилетия XX в. на ведущую позицию выдвинулись иммигранты из южной и восточной Европы. Иммигранты преобладали в трудоемких отраслях промышленности. К 1920 г. они составляли 90% шахтеров. Признание со стороны американского общества получило существование в стране массовой бедности. Бедными в США являлись в то время 10 млн человек – 12% от общей численности населения.

Сдерживающим фактором экономического неравенства в США считалось наличие государственного земельного фонда на Западе. Аграрный закон 1862 г. позволял практически бесплатно приобретать на Западе участок земли в 64 га. В 1890 г. было объявлено официально, что фонд западных земель исчерпан. Тем, у кого раньше имелся шанс создать собственную ферму, теперь приходилось искать лучшей доли в городах, чаще всего на предприятиях промышленных корпораций.

Экономический кризис 1873 г., повлекший спад промышленного и сельскохозяйственного производства, имел следствием протест и со стороны рабочих. С конца 1870-х годов в качестве общенационального профсоюза выступили «Рыцари труда». Орден «Рыцари труда», основанный в 1871 г., в 1878 г. был преобразован в национальный производственный профсоюз. Его лидер Т. Паудерли выдвинул идеал «установления кооперативной промышленной системы, которая превратила бы каждого человека в своего собственного работодателя». Система «кооперативных институтов» рассматривалась как альтернатива «наемному рабству». В распределении бюджета «рыцарей» соблюдался паритет между разными целями: треть средств направлялась на организацию кооперативов, вторая треть – на создание тред-юнионов и последняя треть – на проведение стачек. «Рыцари» открыли свои двери для мужчин и женщин, белых и черных, католиков и протестантов, квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Рабочий класс не был един. В нем развились как конформистское по отношению к американской цивилизации крыло, так и течение, выступавшее за радикальное обновление. Коренные и благополучные американские рабочие, объединившиеся в Американскую федерацию труда (АФТ), восприняли ценности цивилизации США. Ее руководитель С. Гомперс изложил кредо перед комиссией Конгресса США: «Мы видим свой долг в том, чтобы достойно жить в нашем обществе в качестве рабочих, способствовать наиболее полному раскрытию возможностей этого общества, но не в том, чтобы добиваться его разрушения или ниспровержения»⁷.

Но наряду с АФТ возникали радикальные организации. Признанным лидером радикальных профсоюзов стала организация «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), созданная в 1905 г. По большей части они состояли из иммигрантов. «Сверхзадачей» ИРМ, воспринявших анархо-синдикалистскую идеологию, являлась организация всеобщей национальной стачки⁸, которая привела бы к параличу капиталистической экономики и политической капитуляции буржуазного класса.

Разнородным был американский социализм. Социалистическая рабочая партия, претендовавшая на выражение интересов пролетариата, с начала деятельности заняла сектантскую позицию в отношении массового рабочего движения и антимонополистических партий⁹. В отличие от нее, Социалистическая партия США, возникшая в 1901 г., добилась заметного влияния в политической жизни страны. Американский социализм обязан ей самыми крупными успехами за свою историю. Количество голосов, которые собирал

⁷ Цит. по: *Dubofsky M. Industrialism and the American Worker. 1865–1920. Arlington Heights (Ill.), 1985. P. 91.*

⁸ *Haywood W. The General Strike. New York, 1912. P. 13–14.*

⁹ Лидером являлся Даниэль Де Леон. См.: *Де Леон Д. Избранные произведения. М.; Л., 1934.*

неизменный кандидат Социалистической партии на президентских выборах Ю. Дебс, увеличилось с 97 тыс. в 1900 г. до более 900 тыс. в 1912 г.¹⁰ Лидеры партии отстаивали идею «автоматического краха» капитализма. Утверждалось, что для перехода к социализму необходимо «вотировать новое правовое положение трестов», т.е. их передачу в общественную собственность¹¹. Популярностью в среднем классе пользовался писатель Эдвард Беллами, выступавший за национализацию корпораций¹², но социалистом себя не называвший. Под влиянием его идей в городах США возникли десятки «национализаторских» клубов.

В период после окончания Гражданской войны немалые успехи достигло женское движение и его радикальное крыло. Экономические изменения повлекли серьезные изменения в социальном статусе, самосознании и поведении американских женщин. Но социализма они чурались. «Новые женщины» были наиболее заметны в рядах среднего класса. Выпускницы колледжей составили ядро движения «новых женщин» из среднего класса. Половина среди них вообще не вступала в брак, а другая половина выходила замуж гораздо позже «традиционных» женщин и имела гораздо меньше детей. «Новые женщины» уделяли все больше внимания социальной активности и политической деятельности. Замужние «новые женщины» все энергичнее протестовали против мужского диктата в семье, отстаивали право женщин на свободное вступление в брак, как и на свободное его расторжение. Главной целью женского движения стала борьба за предоставление женщинам избирательного права и внесение соответствующих поправок в конституции штатов, как и в основной закон федерального Союза. Они создали лоббистскую организацию в Вашингтоне, которая воздействовала как на конгрессменов, так и на руководство двух главных партий. Тогда же возникли и более радикальные суфражистские организации, среди них Национальная женская партия. В 1916 г. суфражистки сумели склонить на свою сторону многих деятелей как в Демократической, так и в Республиканской партии, а в 1918 г. Конгресс США высказался за внесение в основной закон страны поправки о наделении женщин избирательным правом. В 1920 г. она была ратифицирована необходимым большинством штатов¹³.

В годы Первой мировой войны в глазах некоторых представителей верхнего класса социализм и ИРМ представляли для национальной безопасности США не меньшую угрозу, чем германский империализм и русский большевизм. Усилились репрессии против радикальных профсоюзов и социалистов. Многие, среди них Ю. Дебс, попали в тюрьму. В 1920-е годы на ослабление социализма повлиял раскол внутри Соцпартии. Левое крыло, Коммунистическая партия, выдвинуло дикие для американцев идеи диктатуры пролетариата и создания на территории США независимого негритянского государства. В 1927 г. без должных доказательств были отправлены на электрический стул итальянские иммигранты — анархисты Н. Сакко и Б. Ванцетти (в наше время оба реабилитированы правосудием США). Большинство американцев были напуганы «левой» угрозой и на 10 лет отдали власть Республиканской партии. В стране в 1920-е годы происходил экономический бум.

В эти же годы в стране обозначился социокультурный раскол, положивший начало «культурным войнам». Консюмеризм утверждался на ведущем месте в национальном сознании. Неумеренное потребительство и подражание в образе жизни обеспеченному классу — таким становилось его осознание большинством американцев.

Гром грянул в 1929 г. Крах на Нью-Йоркской бирже повлек обвальное падение производства, развал «общества всеобщего потребления», голод, массовую бедность. Г. Гувер, президент-республиканец, был бессилен остановить кризис. Демократическую партию возглавил новый лидер, Ф.Д. Рузвельт. Рузвельт в ходе своей предвыборной президентской кампании 1932 г. доказывал, что быстрый рост производительности труда и

¹⁰ Согрин В.В. Энциклопедия истории США. М., 2018. С. 397.

¹¹ Kipnis I. The American Socialist Movement 1897–1912. New York, 1957.

¹² Bellamy E. Looking Backward. Boston. 1888; *Idem*. Equality. New York, 1897.

¹³ Evans S.M. Born in Liberty: A History of Women in America. New York, 1989. P. 130, 134–135, 159, 167.

товарной продукции, наблюдавшийся в Америке 20-х годов, не подкреплялся радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возраставших прибылей с учетом интересов большинства общества. Производительные мощности беспрерывно увеличивались, а потребительские возможности нации в силу эгоизма и всевластия крупного бизнеса росли куда медленнее. В таких условиях перепроизводство, безработица, экономический крах стали неизбежными. Далее последовал реформаторский лозунг Рузвельта: усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости¹⁴. Радикальную реформу системы распределения, направленную на увеличение покупательной способности (спроса) большинства, Рузвельт образно назвал «заправкой насоса». В научной литературе эта модель и совокупность включаемых в нее мероприятий стали определяться как экономика спроса. Если в эпоху правления Т. Джефферсона, Э. Джексона и А. Линкольна упор делался на государственное поддержание равенства с помощью приемлемой для масс продажи, а потом и раздачи свободных земель, то Рузвельт потребовал поставить государство на службу расширения покупательной способности большинства общества.

Одним из первых законов Нового курса, как именовал свою политику победивший на выборах 1932 г. Рузвельт, стал Национальный акт о трудовых отношениях. Закон обязал предпринимателей вступать в переговоры с коллективным представителем интересов рабочих — профсоюзом, созданным ими самими. Работодателям запрещалось создавать собственные компанейские союзы из лояльных рабочих и противопоставлять их профсоюзным объединениям, организованным самими трудящимися. Закон легализовал принцип «закрытого цеха», согласно которому найм работников, как и изменение условий труда, в обход воли коллективного защитника интересов рабочих запрещался. Закреплялось право профсоюзов на забастовку и пикетирование. Сразу после принятия закона Вагнера начался мощный рост профсоюзного движения. Если в 1925 г. численность профсоюзов составляла 3,685 млн человек (8,2% от всех работающих), в 1930 г. — 3,75 млн (7,5%), то в 1940 г. она выросла до 7,3 млн (13,1%), а в 1945 г. — до 12,25 млн (22,8% от всех работающих). В ноябре 1935 г. в рамках Американской федерации труда, объединявшей рабочих по профессиям, выделился Комитет производственных профсоюзов (КПП), сплотивший восемь мощных отраслевых профсоюзов. КПП открыл двери низкооплачиваемым, малоквалифицированным рабочим, среди них чернокожим и женщинам.

Первостепенное внимание в социальной политике Нового курса уделялось проблеме безработицы. С начала Нового курса Рузвельт избрал в качестве главного средства борьбы с безработицей создание государственной системы общественных работ. 12 мая 1933 г. Конгресс одобрил федеральный закон по оказанию безработным чрезвычайной помощи и создана соответствующая администрация.

В августе 1935 г. был принят федеральный закон, положивший начало национальной системе социального страхования. К тому времени общегосударственные системы социального страхования существовали уже в 20 странах, и Соединенные Штаты, отступив, наконец-то, от национальной либерально-индивидуалистической традиции и в этом вопросе, решились создать ее. Улучшению жизненных условий и повышению покупательной способности рабочих способствовал подписанный Рузвельтом в июне 1938 г. закон о справедливых условиях труда. Закон устанавливал минимальную почасовую оплату труда в 25 центов в час с доведением ее до 40 центов в 1945 г. Социальные мероприятия Нового курса означали ответственность государства за жизненные стандарты американцев. В предвыборной платформе демократов 1936 г. декларировалось: «Правительство несет перед своими гражданами определенные обязанности, включающие: 1) защиту семьи и жилища; 2) установление равных возможностей для всех; 3) оказание помощи тем, кто находится в бедственном положении. Эти обязанности признаются американским

¹⁴ Roosevelt F.D. Looking Forward. New York, 1933. P. 29, 31–33.

правительством, и новое руководство страны никогда не будет их игнорировать»¹⁵. В июне 1935 г. Рузвельт предложил Конгрессу одобрить меры по «предотвращению несправедливой концентрации богатства и экономической власти», в апреле 1938 г. в президентском обращении к законодателям резко осудил «неоправданную концентрацию экономической власти»¹⁶. Среди мер по ограничению экономического могущества крупного бизнеса выделялся закон 1935 г., по которому резко повышался налог на индивидуальные доходы свыше 1 млн долл. в год с доведением налога на доход свыше 5 млн долл. до 75%¹⁷.

Социальные расходы государства в годы Нового курса увеличились вдвое, а расходы на социальное страхование вчетверо. Численность профсоюзов выросла в два раза. Реальная заработная плата всех занятых, включая промышленных рабочих, с 1929 по 1940 г. стала больше в полтора, а к 1944 г. почти в два раза. Многие рабочие по уровню жизни приблизились к среднему классу.

Экономический кризис способствовал возрождению идеи социализма в США. В левом политическом спектре главным оппонентом выступала Социалистическая партия США. Н. Томас, новый лидер этой успешной «третьей» партии, считал, что экономический кризис 1929–1933 гг. свидетельствовал о «перезрелости» капитализма, исторической возможности и обусловленности перехода к социализму, который следовало осуществить с помощью демократических выборов¹⁸. На президентских выборах 1932 г. Томас занял третье место. Он собрал 882 тыс. голосов (в три с лишним раза больше, чем в 1928 г.) и воспринял свой успех как свидетельство реальности социалистической перспективы. Но после того как Рузвельт провел социальные реформы, совпадавшие с ближайшими требованиями Социалистической партии, влияние социалистов стало резко падать. На президентских выборах 1932 г. Томас занял третье место, собрал 882 тыс. голосов, в 1936 г. собрал 187 тыс., в 1940 г. — 99 тыс., в 1944 г. — 80 тыс. голосов¹⁹. На закате лет Томас объяснил причину падения влияния партии лаконично: «Что же выбило почти полностью почву из-под наших ног? Причина может быть выражена в одном слове — Рузвельт. Больше можно ничего не добавлять»²⁰.

Рузвельт не отменил капитализм, но он создал либерально-капиталистическую альтернативу социализму, которая стала для Демократической партии США важным компонентом в соперничестве с Республиканской партией.

Благодаря реформам Рузвельта в Америке, в отличие от довоенных десятилетий, формировалось «общество двух третей», состоявшее в основном из среднего класса. Наряду со «старым» средним классом, включавшим собственников, юристов, врачей и университетскую профессуру, складывался «новый» средний класс, пополнявшийся за счет обеспеченных слоев трудящихся, преимущественно «белых воротничков». Послевоенное десятилетие для белой Америки, как и 1920-е годы, являло социальный мир.

Ситуация резко изменилась в 1960-е годы, которые по накалу страстей походили на 1930-е. Но массовые социальные движения 1960-х принципиально отличались от 1930-х годов. Рабочее движение утратило ведущую позицию. Его место заняли средние слои, в том числе новый средний класс постиндустриальной эпохи. В 1960-е и начале 1970-х годов ярко заявило о себе движение «новых левых». Говоря о себе как о «новых», его лидеры имели в виду в первую очередь отличие от предшествующей левой традиции («старых левых»), главными выразителями которой являлись коммунисты. Существовали отличия в национальном и социальном составе. В «красные 30-е» главными участниками левого движения

¹⁵ Цит. по: Либеральная традиция в США и ее творцы / отв. ред. Е.Ф. Язьков, А.С. Манькин. М., 1997. С. 208.

¹⁶ Encyclopedia of American History / ed. R.B. Morris. New York, 1976. P. 417–418.

¹⁷ Ibid. P. 418.

¹⁸ Thomas N. Fascism or Socialism? The Choice Before Us. London, 1934. P. 7, 15, 24–26, 33, 65–67, 92, 165; *Idem*. After the New Deal, What? New York, 1936. P. 12, 43, 46, 77, 187.

¹⁹ Согрин В.В. Энциклопедия истории США. С. 398.

²⁰ Цит. по: Seidler M.B. Norman Thomas: Respectable Rebel. Syracuse, 1961. P. 313.

были евреи, ирландцы и итальянцы, а в 60-е годы его основными выразителями оказались англосаксы²¹. В социальном отношении движущей силой левой традиции 30-х годов были промышленные рабочие, а в 60-е годы новые левые опирались на студенчество, по преимуществу выходцев из благополучных семей.

«Новые левые» объявляли противником, наряду со «старыми левыми», американских либералов. Они видели в современном либерализме большую идеологическую опасность, поскольку президенты-демократы Дж. Кеннеди и Л. Джонсона взяли на вооружение привлекательные в глазах масс программы «Новые рубежи», «Великое общество» и «Война с бедностью». Современному американскому либерализму было дано определение корпоративного либерализма, т.е. обслуживающего интересы корпораций, а не народа. Именно он, по заключению «новых левых», маскировал отчуждение власти от народа и превращение его в сытое, но безвольное стадо.

Социальная политика Кеннеди – Джонсона включила распространение равенства возможностей на новые социальные группы и расширение социального гражданства²². Экономического потрясения в США, сравнимого с экономическим кризисом 1929–1933 гг., не было. Что же стимулировало реформаторскую смелость Кеннеди – Джонсона? Ее можно объяснить в контексте общемировых тенденций, потребовавших от лидеров Демократической партии укрепления устоев американской цивилизации в целях перелома соотношения сил в борьбе с главным геополитическим и идеологическим соперником – СССР. 1960-й год вошел в историю не только как дата избрания Кеннеди президентом США, но и как «год Африки». Африканская антиколониальная революция породила новые серьезные перипетии холодной войны.

СССР воспринял антиколониальные революции в африканских странах как хороший шанс изменить соотношение сил в борьбе с США в свою пользу. Многие освободившиеся африканские страны потянулись к социалистической модели. Москва нарекла их «странами социалистической ориентации». Демократ Дж. Кеннеди, отвечая на вызовы СССР, в президентской инаугурационной речи 20 января 1961 г. объявил свою страну родоначальницей подлинной революции, а современные Соединенные Штаты ее наследником²³. Пакет социальных реформ в США был разработан во время правления Кеннеди, но основная их часть была одобрена уже при Л. Джонсоне, занявшем президентский пост в 1963 г. после убийства Кеннеди и победившем на выборах 1964 г. Джонсон настаивал на недостаточности равенства возможностей и провозгласил достижение «равенства по факту и по результатам»²⁴. Радикально изменилось американское социальное государство (social state). В период президентского правления Л. Джонсона укрепились два главных его компонента – уже существовавшее со времен Ф.Д. Рузвельта социальное страхование, охватывающее всех американцев, и введенное впервые социальное вспомоществование, предназначенное для обездоленных слоев.

Значимой программой социального вспомоществования стала «Медикейд», предусматривавшая бесплатную медицинскую помощь миллионам малоимущих граждан. Важным нововведением 1960-х годов стала программа продовольственной помощи нуждающимся американцам. В 60-е годы была принята и программа денежной помощи нуждающимся категориям (матери-одиночки, многодетные семьи, индейцы и др.). Важное значение имела программа помощи нижним слоям в оплате жилья.

Одним из главных бенефициариев социальных нововведений 60-х годов стали американские пенсионеры. Особое значение для них имела федеральная программа «Медикэр», утвержденная в 1966 г. «Медикэр» стала неотъемлемой частью Общей федеральной

²¹ The New Left. A Documentary History / ed. M. Teodori. New York, 1969. P. 38.

²² Термином 1960-х годов «социальное гражданство» обозначали наделение всех американцев правами и жизненным уровнем, достойными жителей развитых стран.

²³ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. / ред. Э.А. Иванян. М., 2001. С. 429–430.

²⁴ Цит. по: *Foner E. Give Me Liberty! An American History. New York, 2008. P. 982.*

программы (ОФП), одобренной еще в 1935 г. и включившей государственное страхование по старости, безработице, утрате кормильца, инвалидности.

Особую роль в поддержке обществом борьбы с бедностью сыграла книга «Другая Америка» (1962) социалиста М. Харрингтона, занявшего с единомышленниками место на левом фланге Демократической партии и поспособствовавшего социализации ее программы. Он доказывал на основе обильного документального материала, что в благополучной Америке не менее 40 млн человек жили в бедности, составляя не островок, а архипелаг своеобразного «третьего мира»²⁵. Благодаря реформе бедность к середине 1970-х годов снизилась в два раза²⁶.

1960–1970-е годы ознаменовались также упрочением и классической американской концепции равенства возможностей. Демократические законы 1964–1965 гг. в интересах чернокожих оказались равнозначны, по заключению многих современников и историков, второй после актов американской Реконструкции 1860–1870-х годов. В январе 1964 г. вступила в силу 24-я поправка к федеральной Конституции, отменявшая избирательный налог, который служил одним из главных препятствий для участия чернокожих в выборах. В августе 1965 г. Конгресс США одобрил закон об избирательном праве, отменивший ценз грамотности, второе главное препятствие для участия чернокожих в выборах. Федеральный закон о гражданских правах, одобренный Конгрессом США 2 июля 1964 г., запретил расовую дискриминацию во всех местах общественного пользования. В интересах чернокожих стали широко применяться программы «позитивных действий» (affirmative actions). Согласно им при поступлении на работу, в учебные заведения, конкурсном замещении различных вакансий афроамериканцам выделялись квоты, соответствовавшие их удельному весу в американском населении.

В 1968 г. был одобрен «Закон о гражданских правах для индейцев». До 60-х годов американские власти придерживались в отношении индейцев политики ассимиляции. Их численность сокращалась, снизившись к 60-м годам до 400 тыс. человек. В 1961 г. представители 67 индейских племен одобрили на съезде в Чикаго декларацию, обосновывавшую «право выбирать свой образ жизни». В 1968 г. Конгресс США одобрил Индейский закон о гражданских правах (Indian Civil Rights Act), гарантировавший индейцам сохранение собственного жизненного уклада.

60-е годы XX в. стали важной вехой в развитии женского движения за равенство возможностей. Было снято табу с добрых сексуальных отношений, нанесен удар по традиционному браку, освящена не только свобода женщины в выборе и смене партнера-мужчины, но и свобода лесбийских отношений (так же как и отношений гомосексуальных). В 1973 г. женское движение добилося отмены запрета на аборт от Верховного суда США. Женщины боролись за осуждение укорененной в веках практики и разнообразных форм «сексуальных домогательств» со стороны мужчин. В 1977 г. правовое обоснование пресечения «сексуальных домогательств» было дано Верховным судом США.

Чернокожий М.Л. Кинг, священник одной из баптистских церквей в Монтгомери, предложил идеологию массового движения чернокожих и стал его главным политическим лидером вплоть до своей гибели (убит белым расистом в 1968 г.). Он придерживался ненасильственных действий. Кинг верил, что белая и черная расы смогут стать единой американской нацией. В августе 1963 г. М.Л. Кинг организовал поход 250 тыс. защитников гражданских прав (200 тыс. чернокожих, 50 тыс. белых) в американскую столицу. Марш остановился у мемориала Линкольна, после чего Кинг произнес знаменитую речь — «У меня есть мечта». Речь Кинга в пользу наделения всех американцев, независимо от цвета кожи, равными правами «на жизнь, свободу, стремление к счастью» получила широкий резонанс. Кеннеди дал поручение о безотлагательной подготовке законодательных актов по расширению гражданских и политических прав чернокожих.

²⁵ Harrington M. The Other America. New York, 1962. Рус. пер.: Харрингтон М. Другая Америка. М., 1993.

²⁶ The Cambridge Economic History of the United States. Vol. III. The Twentieth Century / ed. S.L. Engerman, R.E. Gallman. New York, 2000. P. 263; Statistical Abstract of the United States 1996. Washington, 1996. P. 472.

Уравнение в правах чернокожих и белых должно было снизить накал расового конфликта. Но в действительности он набрал силу. Массовые социальные инстинкты и протесты вышли из-под контроля. Первым радикальную доктрину выдвинул Малкольм Литтл, священник из Гарлема, получивший широкую известность как Малкольм Икс (Malcolm X). В 1964 г. он провозгласил, что этап «ненасильственного сопротивления себя исчерпал» и что «революции побеждают на крови»²⁷. В том же году он совершил паломничество в Мекку и после основал организацию «Афроамериканское единство» на мусульманской религиозной основе. В течение года движение быстро набирало силу, но прервалось в 1965 г. после его убийства. Одним из влиятельных последователей Малкольма Икса выступил лидер Студенческого координационного комитета ненасильственных действий С. Кармайкл. В 1966 г. по его инициативе из организации были исключены белые участники и она взяла на вооружение лозунг «Власть черным». Кармайкл и его сторонники исходили из несовместимости черной и белой рас, оправдывали использование чернокожими методов насилия. Дальнейшее развитие радикализм афроамериканцев (так вслед за Малкольмом Иксом его сторонники стали называть чернокожих американцев, а слово «негры» было предано остракизму) получил в движении «Черные пантеры». Организация, созданная в октябре 1966 г., соединила радикальный национализм с революционным антикапитализмом. Капитализм был объявлен главным источником унижения и эксплуатации черной расы. ФБР развернуло тотальную слежку за членами радикальной организации, поставив целью истребить их физически. В течение короткого периода были выслежены и убиты 28 участников организации и еще 750 человек арестованы и заключены в тюрьму.

В 60–70-е годы возникла идеология мультикультурализма: равенство и разнообразие расово-этнических культур. Идеология имела демократическое звучание, но теория мультикультурализма таила в себе угрозу дезинтеграции американского общества.

Сокрушительный удар по социализму нанес Рональд Рейган²⁸, лидер Республиканской партии и президент США (1981–1989). Он «удушил в объятьях» советское руководство, способствовал разрушению СССР, объявленного им «империей зла», подчинил американской гегемонии весь мир. Важны были идеологические победы. Демократия приравнивалась к политической системе американского образца, а демократия экономическая, почтавшаяся в ликвидированном СССР, предана забвению. Заявлялось о «конце истории» и целесообразности в мире единственно «свободного капитализма». Социальное законодательство стало ликвидироваться в бывшем СССР, а Рейган подавал пример в США. При Рейгане были ликвидированы или урезаны более 200 статей социальных расходов, законсервирована почасовая минимальная заработная плата. Ее реальная величина снизилась на 20%. Число бедных американцев, сократившееся при Джонсоне, начало вновь расти.

«Неолиберализм» Демократической партии, пришедший в 1990-е годы на смену рейгановскому неоконсерватизму, как утверждал президент от демократов Б. Клинтон, означал «новый путь» в сравнении с социальным либерализмом Ф.Д. Рузвельта – Дж. Кеннеди – Л. Джонсона. В 1994 г. республиканцы в Конгрессе США смогли провести законопроект о сокращении социального вспомоществования, который в 1996 г. был одобрен президентом-демократом У. Клинтон. Согласно закону, глава семьи, получающей пособие по безработице, должен был в течение двух лет, воспользовавшись возможностью переподготовки рабочей силы, устроиться на работу, в противном случае семья лишалась пособия. Число получателей по программе «помощь семьям с детьми на иждивении» (в основном матерям-одиночкам) сократилось с 1990 по 2000 г. с 11,5 до 6 млн. Средства, выделяемые на продовольственные талоны, уменьшились. Государство, полагали «новые

²⁷ Hine D.C., Hine W.C., Harrold S. African Americans. A Concise History. Upper Saddle River (NJ), 2004. P. 434.

²⁸ См.: Согрин В.В. Почему и как США победили СССР в холодной войне // Американский ежегодник. 2022. М., 2022. С. 155–176.

демократы», должно использовать средства налогоплательщиков для вовлечения их в трудовой процесс, а не для увеличения числа «иждивенцев».

Период правления республиканца Дж. Буша-младшего (2001–2009) стал временем возвращения к рейгановскому неоконсерватизму. Он, как и Рейган, включил в приоритеты внутренней политики защиту традиционных социокультурных ценностей и указывал на особую роль в этом религии. Как и Рейган, он настаивал на необходимости дерегулирования экономики, поощрения частной инициативы, сокращения налогов, в первую очередь на бизнес, уменьшения программ социального вспомоществования.

Б. Обама, президент от Демократической партии в 2009–2017 гг., в 2008 г. в предвыборной кампании провозгласил: «Пришло время перемен!» Обама включил в предвыборную платформу обещание удовлетворить всех сторонников перемен. «Фирменным знаком» Обамы было твердое обещание воплотить в жизнь коренную реформу социальных либералов – всеобщее государственное медицинское страхование американцев. В конце марта 2010 г. Обама скрепил своей подписью закон, принятия которого демократы тщетно добивались со времен Г. Трумэна. Если до реформы частным медицинским страхованием в США было охвачено около 67% граждан (у остальных 50 млн на нее не было денег), то государственное медицинское страхование, объявленное обязательным, охватывало практически все американское население.

Но в борьбе с бедностью Обама потерпел поражение. Если в 2009 г. бедняков было 43,6 млн, или 14,3% от численности населения, то затем стало 46,2 млн, или 15,1%. Главными сохранялись социокультурные противоречия. Америка разделялась на либералов, отстаивавших постмодернистские ценности, и консерваторов, приверженных ценностям традиционным.

На одно из ведущих мест в социальных конфликтах вышла религия. Теперь это был уже не раскол протестантизма и католицизма, как это было в XIX в., а разделение внутри обеих главных церквей на защитников незыблемых принципов христианства и сторонников принятия постмодернистских ценностей. Демократическая партия, осознавая резко возросшую роль в политике религии, пыталась упрочить в ней собственное влияние. Примерно две трети деноминаций во главе с христианскими евангелистами выступали на стороне традиционных ценностей и Республиканской партии, а одна треть принимала некоторые постмодернистские ценности и отдавала голоса Демократической партии²⁹.

Став президентом США в 2016 г., республиканец Д. Трамп главных врагов видел в незаконной иммиграции и социализме. Он объявил целью устранение «социализма» (любых социальных программ) не только в США, но и во всем мире, в первую очередь в Латинской Америке³⁰. Следующие президентские выборы состоялись 3 ноября 2020 г. В них участвовало 66,7% избирателей – рекорд для XX–XXI вв. Как внутренняя, так и внешняя политика Трампа подверглась ожесточенной критике со стороны Демократической партии и верных ей либеральных СМИ. Некоторые российские эксперты (особенно журналисты) обрушились на Демократическую партию США как на «либерастов», а часть из них даже начали прогнозировать социалистическую революцию в результате ее победы. Это не так. Главным спонсором партии были ТНК. Но победить с помощью «товара», приемлемого для одного верхнего класса, невозможно. Демократы сделали ставку на мультикультурализм, который, по их расчетам, должен обеспечить поддержку большинства избирателей с учетом того, что его одобряли многие белые американцы, особенно молодежь, женщины и все небелые этносы. Поддержкой Демократической партии пользовались политкорректное женское движение «Ми ту» (Me too), агрессивное движение «Жизни черных имеют значение» (Black lives matter). Либеральная политкорректность наносила удары по традиционной американской цивилизации, истории белых американцев, в первую очередь англосаксов. Демократы ради победы над республиканцами были

²⁹ Religion and the Bush Presidency / ed. M.J. Rosell, G. Whitney. New York, 2007.

³⁰ Подробнее см.: *Согрин В.В.* Внутри- и внешнеполитические факторы победы Д. Трампа // Американский ежегодник. 2017. М., 2018. С. 35–48.

готовы встать на колени перед чернокожими, лишь бы сокрушить политических оппонентов. В прошлом в конкурентной политической борьбе демократы не раз «поглощали» сторонников «левых» самых разных мастей. Придя к власти, партия была готова интегрировать «левые» движения с помощью либерально-социальных реформ.

Программа 2020 г., одобренная на съезде Демократической партии, провозгласила «многообразие» высшей ценностью. Партия обещала повысить минимальный уровень зарплаты, удешевить жилищный кредит, добиться полного уравнивания прав для женщин, расово-этнических и гендерных меньшинств. Она объявила приоритетом интересы среднего и нижнего классов, обещая преодолеть застой в их материальном положении, распространить плоды экономического роста на все группы и слои населения.

Президент США с 2021 г. Джо Байден провозгласил, что пришло время для того, чтобы «корпоративная Америка и 1% самых богатых американцев заплатили свою долю “по справедливости”». Многие компании, отмечал Байден, уклоняются от уплаты налогов через офшорные зоны от Швейцарии до Бермудских и Каймановых островов, «извлекая выгоду из налоговых лазеек и вычетов. Это неправильно»³¹.

Лидер республиканского меньшинства в Палате представителей К. Маккарти в ответ утверждал, что республиканцы не могут «позволить Соединенным Штатам идти по пути социализма с правительством, которое решает, сколько кому разрешено зарабатывать, а остальное конфискует и передает политическим соратникам и приближенным»³².

Американские избиратели, согласно социологическим опросам, разделились примерно поровну на тех, кто поддерживал меры демократов, и тех, кто против. Республиканцы надеются на успех в ходе президентских выборов 2024 г. Но сохраняет актуальность пророчество И. Валлерстайна: «Если принять во внимание четыре основных критерия неравного распределения — пол, раса и национальность, возраст и социальный класс, становится ясным, что те, кто получает меньше, чем полноценную долю, составят большинство голосующих»³³.

Библиография

- Валлерстайн Э.* Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 4. С. 67–77.
- Де Леон Д.* Избранные произведения. М.; Л., 1934.
- Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. / ред. Э.А. Иванян. М., 2001.
- Либеральная традиция в США и ее творцы / отв. ред. Е.Ф. Язков, А.С. Маныкин. М., 1997.
- Согрин В.В.* Внутри- и внешнеполитические факторы победы Д. Трампа // Американский ежегодник. 2017. М., 2018. С. 35–48.
- Согрин В.В.* Энциклопедия истории США. М., 2018.
- Согрин В.В.* Американская цивилизация. М., 2020.
- Согрин В.В.* Почему и как США победили СССР в холодной войне // Американский ежегодник. 2022. М., 2022. С. 155–176.
- Согрин В.В.* Права человека в США. Происхождение. Этапы. Современность // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 206–226.
- Харрингтон М.* Другая Америка. М., 1993.
- Bellamy E.* Equality. New York, 1897.
- Bellamy E.* Looking Backward. Boston, 1888.
- Dubofsky M.* Industrialism and the American Worker. 1865–1920. Arlington Heights (Ill.), 1985.
- Encyclopedia of American History / Ed. R.B. Morris. New York, 1976.
- Evans S.M.* Born in Liberty: A History of Women in America. New York, 1989.
- Foner E.* Give Me Liberty! An American History. New York, 2008.
- Foner E.* Reconstruction. America's Unfinished Revolution. 1863–1877. New York, 1984.
- Harrington M.* The Other America. New York, 1962.

³¹ Цит. по: *Согрин В.В.* Права человека в США. Происхождение. Этапы. Современность // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 224.

³² Там же.

³³ *Валлерстайн Э.* Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 4. С. 77.

- Hartz L.* The Liberal Tradition in America. An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. New York, 1955.
- Haywood W.* The General Strike. New York, 1912.
- Hine D.C., Hine W.C., Harold S.* African Americans. A Concise History. Upper Saddle River (NJ), 2004.
- Kipnis I.* The American Socialist Movement 1897–1912. New York, 1957.
- Morris R.B.* Government and Labor in Early America. New York, 1946.
- Religion and the Bush Presidency / ed. M.J. Rosell, G. Whitney. New York, 2007.
- Roosevelt F.D.* Looking Forward. New York, 1933.
- Seidler M.B.* Norman Thomas: Respectable Rebel. Syracuse, 1961.
- Smith A.E.* Colonists in Bondage: White Servitude and Colonial Labor in America. 1607–1776. New York, 1947.
- The Cambridge Economic History of the United States. Vol. III. The Twentieth Century / ed. S.L. Engerman, R.E. Gallman. New York, 2000.
- The New Left. A Documentary History / ed. M. Teodori. New York, 1969.
- Thomas N.* After the New Deal, What? New York, 1936.
- Thomas N.* Fascism or Socialism? The Choice Before Us. London, 1934.

References

- De Leon D.* Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. Moskna; Leningrad, 1934. (In Russ.)
- Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha 1789–2001 gg. [Inaugural speeches of US presidents from George Washington to George Bush 1789–2001] / red. E.A. Ivanian. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Liberal'naiia traditsiia v SShA i ee tvortsy [The Liberal tradition in the USA and its creators] / otv. red. E.F. Iaz'kov, A.S. Manykin. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Vnutri- i vneshnepoliticheskie faktory pobedy D. Trampa [Inside- and foreign policy factors of D. Trump's victory] // Amerikanskii ezhegodnik [American Yearbook]. 2017. Moskva, 2018. S. 35–48. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Entsiklopediia istorii SShA [Encyclopedia of the History of the USA]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Amerikanskaia tsivilizatsiia [American Civilization]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Prava cheloveka v SShA. Proiskhozhdenie. Etapy. Sovremennost' [Human rights in the USA. Origin. Stages. Modernity] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 1. S. 206–226. DOI: 10.31857/S013038640018287-3 (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Pochemu i kak SShA pobedili SSSR v kholodnoi voine [Why and how the USA defeated the USSR in the Cold War] // Amerikanskii ezhegodnik [American Yearbook]. 1922. Moskva, 2022. S. 155–176. (In Russ.)
- Vallerstain E.* Amerika i mir: segodnia, vchera i zavtra [America and the world: today, yesterday and tomorrow] // Svobodnaia mysl' [Free Thought]. 1995. № 4. S. 67–77. (In Russ.)
- Bellamy E.* Equality. New York, 1897.
- Bellamy E.* Looking Backward. Boston. 1888.
- Dubofsky M.* Industrialism and the American Worker. 1865–1920. Arlington Heights (Ill.), 1985.
- Encyclopedia of American History / ed. R.B. Morris. New York, 1976.
- Evans S.M.* Born in Liberty: A History of Women in America. New York, 1989.
- Foner E.* Give Me Liberty! An American History. New York, 2008. P. 982.
- Foner E.* Reconstruction. America's Unfinished Revolution. 1863–1877. New York, 1984.
- Harrington M.* The Other America. New York, 1962.
- Hartz L.* The Liberal Tradition in America. An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. New York, 1955.
- Haywood W.* The General Strike. New York, 1912.
- Hine D.C., Hine W.C., Harold S.* African Americans. A Concise History. Upper Saddle River (NJ), 2004. P. 434.
- Kipnis I.* The American Socialist Movement 1897–1912. New York, 1957.
- Morris R.B.* Government and Labor in Early America. New York, 1946.
- Religion and the Bush Presidency / ed. M.J. Rosell, G. Whitney. New York, 2007.
- Roosevelt F.D.* Looking Forward. New York, 1933.
- Seidler M.B.* Norman Thomas: Respectable Rebel. Syracuse, 1961.
- Smith A.E.* Colonists in Bondage: White Servitude and Colonial Labor in America. 1607–1776. New York, 1947.
- The Cambridge Economic History of the United States. Vol. III. The Twentieth Century / ed. S.L. Engerman, R.E. Gallman. New York, 2000. P. 263.
- The New Left. A Documentary History / ed. M. Teodori. New York, 1969. P. 38.
- Thomas N.* After the New Deal, What? New York, 1936.
- Thomas N.* Fascism or Socialism? The Choice Before Us. London, 1934.

DOI: 10.31857/S013038640025417-6

© 2023 г. П.А. Даценко

БЫЛ ЛИ ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ ПРЕПЯТСТВИЕМ НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ЕДИНСТВУ?

Рец. на книгу: М. Kreuzmann. FÖDERATIVE ORDNUNG UND NATIONALE INTEGRATION IM DEUTSCHEN BUND 1816–1848. Göttingen: V&R, 2022. 477 S.

Даценко Павел Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dachenko3322@mail.ru

Scopus Author ID: 57219486864; ORCID: 0000-0002-0191-5208; Researcher ID: AAO-6260-2021

P.A. Datsenko

WAS THE GERMAN CONFEDERATION AN OBSTACLE TO NATIONAL UNITY?

Rec. ad op.: M. Kreuzmann. FÖDERATIVE ORDNUNG UND NATIONALE INTEGRATION IM DEUTSCHEN BUND 1816–1848. Göttingen: V&R, 2022. 477 S.

Pavel Datsenko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dachenko3322@mail.ru

Scopus Author ID: 57219486864; ORCID: 0000-0002-0191-5208; Researcher ID: AAO-6260-2021

Вышедшая в 2022 г. книга немецкого историка Марко Кройцмана относится к молодому, но уже достаточно развитому направлению современной немецкой историографии, в рамках которого история Германии Нового времени (и период Германского союза в частности) трактуется как путь становления «федеративной» нации. Германский союз здесь предстает не протivoестественной искусственной фазой, как это излагалось в большинстве трудов XIX–XX вв., а органичным этапом на пути от средневековой раздробленности к современной федерации¹. В этих условиях особую важность приобретает изучение функционирования непосредственно органов Германского союза: Союзного сейма и подчиненных ему многочисленных комитетов и комиссий, которые ранее практически не обращали на себя внимание историков. Анализ облика, внутреннего устройства и работы этих учреждений, их эффективности в «эру Меттерниха» и посвящен труд Кройцмана. Российскому же

читателю этот труд может быть интересен, прежде всего, как пример нового взгляда на устоявшуюся негативную и несколько стереотипную картину Германского союза и его роли в германской и европейской истории XIX в.

Интересной представляется уже сама постановка цели этого исследования – «рассмотреть Германский союз как политический субъект и как политическое поле деятельности» (с. 22), при которой внимание акцентируется на целом спектре направлений работы союзных органов в 1816–1848 гг. в контексте их значения для «федеративной организации Германского союза и его роли в модернизации и внутреннем развитии нации» (с. 26). При этом в фокусе внимания автора оказывается не столько Союзный сейм, сколько существовавшие при нем многочисленные комитеты и комиссии. Уже на основе количества этих учреждений, которое, по подсчетам автора, составило к 1848 г. 201 единицу, высказываются сомнения в правомочности общепринятого суждения о бездействии или о сугубо репрессивном характере Союзного сейма и аргументируется необходимость более тщательного анализа деятельности союзных комитетов и комиссий в 1816–1848 гг. (с. 24, 91–92).

Обращаясь к этой теме, автор делает важное терминологическое уточнение о существенной функциональной разнице между теми учреждениями,

¹ Из основных коллективных трудов этого направления см.: Deutscher Bund und deutsche Frage. 1815–1866. Europäische Ordnung, deutsche Politik und gesellschaftlicher Wandel im Zeitalter der bürgerlich-nationalen Emanzipation / Hrsg. von H. Rumpfer. München, 1990; Deutscher Bund und innere Nationsbildung 1815–1847 / Hrsg. von J. Müller. Göttingen, 2018.

которые формировались непосредственно из посланников при сейме (в труде они называются «отделы» или «комитеты» сейма, Bundestagsausschüsse), и теми, в которых состояли внешние специалисты по тем или иным вопросам (в труде — «комиссии экспертов», Sachverständigenkommissionen) (с. 24–25). Эта разница проявлялась не только в задачах работы экспертов и посланников, но и в их полномочиях и возможностях. Развивая эту мысль, автор высказывает тезис о постепенной внутренней эволюции посланников и экспертов, их психологическом отчуждении от своих государств и превращении в новый общенемецкий тип государственных служащих, который обозначается в труде как «функциональная элита» (Funktionseelite).

В вопросе источниковой базы изучение Германского союза всегда представляло особо трудную задачу, поскольку комплексное рассмотрение этой эпохи требовало от исследователя обращения к огромному документальному наследию, рассредоточенному по нескольким десяткам федеральных и земельных архивов Германии и Австрии. Для М. Кройцмана, однако, эта проблема стояла не так остро, так как, помимо опубликованных протоколов заседаний Союзного сейма и некоторых комиссий, основные материалы работы органов Германского союза сконцентрированы в нескольких фондах Федерального архива Германии в Берлине и Австрийского государственного архива в Вене. Тем не менее автор решил не ограничиваться этими материалами, а привлечь дополнительные архивные источники земельных архивов в Мюнхене, Штутгарте и, хотя и в меньшем объеме, архивов Карлсруэ и Веймара, аргументируя это необходимостью репрезентации всех основных категорий германских государств (за исключением вольных городов).

Структурно монография делится на шесть глав, включая введение и заключение со списком приложений.

Во вводной первой главе автор дает общую характеристику текущему состоянию рассматриваемых им вопросов, обосновывает актуальность и дает краткое описание предмета и основных направлений своего исследования. Несколько раз подчеркивается, что автор не ставит целью поменять знак в оценке Германского союза и заменить однозначно негативную картину Германского союза на однозначно позитивную. Он стремится к более взвешенной оценке роли и вклада союзных органов во внутригерманские процессы, рассмотрению более сложного, чем простое противостояние охранительных сил и оппозиции, взаимодействия союзных органов с общественными силами и движениями (с. 17–18).

Во второй главе автор обращается к пред истории и процессу создания системы комиссий и комитетов, при этом проводя параллели с устройством схожих учреждений в системе управления Священной Римской империи. Подчеркивается, что еще тогда имперские комитеты и депутации рейхстага зарекомендовали себя как носители и во-

площение общенациональной связи между разными субъектами империи, став прообразом и вдохновителем комитетов и комиссий в Германском союзе (с. 43). Акцент при этом делается на двух видах преемственности: функциональной и кадровой. Примером первой служит созданная в 1803 г. особая подкомиссия для поддержки трансрейнских территорий (Subdelegationskommission für das transrhenanische Sustentationswesen), сумевшая пережить все трансформации эпохи наполеоновских войн и продолжить работу уже при Союзном сейме. В ней, таким образом, проявилось «восприятие национальной преемственности между Старой империей и Германским союзом» (с. 49). Вторая же форма преемственности проиллюстрирована Кройцманом на примере назначения на должность председателя Союзного сейма бывшего австрийского посланника при рейхстаге графа Рудольфа фон Буоль-Шауэнштейна, который, помня опыт прежних имперских органов, стремился внедрить в новый союз более надежные и эффективные принципы работы именно за счет создания постоянных предметных комиссий по важнейшим вопросам (с. 50–51).

Третья глава развивает и дополняет эту мысль. В ней автор концентрирует свое внимание на постановлении сейма от 29 апреля 1819 г., установившем порядок работы союзных комитетов и комиссий, считая его принятие важнейшим шагом на пути к институционализации союзных учреждений (с. 69). Любопытным является описание практик, служивших повышению эффективности комитетов, например отказа от предоставления конкретному референту комитета права единолично, без предварительного обсуждения докладывать сейму по второстепенным вопросам. Этот на первый взгляд незначительный шаг должен был одновременно способствовать укреплению внутренней консолидации и коллективной ответственности комитетов, внедрить профилактику узурпации конкретными референтами полномочий комитетов, обесценивавшей их работу, а также исключить возможности внешнего давления на отдельных членов комитетов (с. 71).

В четвертой главе дается развернутый количественный, структурный и кадровый анализ самих комитетов и комиссий. Во многих отношениях это самый плодотворный раздел монографии, поскольку собранная автором статистика во многих вопросах не соответствует прежним взглядам на работу союзных учреждений. Например, изучение целей создания комиссий и комитетов показывает, что Германский союз действительно имел довольно развитую сеть учреждений, работавших не над репрессивными и охранительными мерами, а над регулированием огромного количества финансовых и правовых вопросов. Этим вопросам в 1816–1848 гг. была посвящена работа почти 80% всех существовавших на тот период комитетов и комиссий (с. 97).

Другой интересный результат дает выявление Кройцманом наиболее активных германских государств, чьи посланники входили в наибольшее

число комиссий и наиболее часто избирались в них: безусловными лидерами в этом отношении оказывались не Австрия и Пруссия, а средние и малые государства — Бавария, Саксония, Ганновер или Баден (с. 105–106). Этим примером автор демонстрирует активную вовлеченность посланников разного уровня в работу союзных инстанций и, следовательно, заинтересованность германских государств в продуктивной работе союзных инстанций в самых разных сферах. А это, в свою очередь, противоречит распространенному представлению о противодействии князьям усилению союзной компетенции в вопросах, не касающихся внешней и внутренней безопасности.

Пятая, наиболее объемная глава монографии посвящена основной задаче всего исследования — анализу деятельности союзных комитетов и комиссий в разных сферах, оценке их успешности или же выявлению причин их неудач. В ней автор на конкретных примерах рассматривает работу комиссий, посвященных финансовому вопросу (проекты создания федерального казначейства), работе с общественностью (прием и обработка петиций, вопрос о публикации протоколов заседаний сейма), таможенно-торговому развитию (здесь автор приводит интересное сравнение работы торгового комитета при сейме и Германского таможенного союза), гражданско-правовой области (попытки учредить единое союзное гражданство, систему национальных патентов, защиты авторского права), военному вопросу (автор обнаруживает, что этот вопрос рассматривался в тесной связи с инициативами по учреждению общегерманской железнодорожной сети), развитию немецкой прессы и, наконец, формам репрезентации Германского союза и его геральдическим элементам (федеральный флаг, герб и др.).

При этом автор признает, что объем информации по деятельности этих органов настолько велик, что не позволяет в рамках одной монографии дать исчерпывающий анализ отдельных случаев, и поэтому выборка примеров, на которых непосредственно проводится исследование, строится на принципе охвата как можно более широкого спектра направлений, а не досконального изучения всех известных прецедентов.

В заключении автор отмечает несколько общих тенденций, существенно дополняющих картину внутреннего развития Германского союза: 1) установленный порядок выборов состава комитетов позволял посланникам голосовать и утверждать кандидатуры без консультаций со своими правительствами. На практике это означало, что деятельность посланников в рамках комитетов легитимизировалась непосредственно Союзным сеймом и не была формально ограничена какими-либо инструкциями и, следовательно, давала посланникам больше возможностей для самостоятельной интеллектуальной и совещательной деятельности; 2) многие созданные еще в 1816–1819 гг. комиссии продолжали деятельность почти на всем протяже-

нии существования Германского союза, и это придавало им своего рода статус постоянных органов государственного аппарата, а заседавшие в них долгие годы эксперты вырабатывали определенную надгосударственную коллективную и самоидентификацию, позволявшую им в их деятельности легче преодолевать политические противоречия; 3) и Союзный сейм, и подчиненные ему комиссии являлись непосредственными проводниками репрессивной политики и, следовательно, несут ответственность за торможение и даже за отказ от необходимых политических реформ. Но в то же время позитивные процессы, которые происходили в германских государствах (развитие таможенного законодательства, разработка патентной системы, железнодорожное строительство и т.п.), также не проходили без участия союзных учреждений, живо реагировавших на политические и общественные запросы, разрабатывая многочисленные проекты и планы по развитию целых сфер социальной, правовой и экономической жизни. В качестве примера последних автор приводит план строительства общегерманской сети железных дорог (с. 321–336).

Эти тенденции ни в коем случае не являются доказательством (и автор сам это неоднократно подчеркивает), что Германский союз на самом деле не имел тех недостатков, на которые указывается в прежних исследованиях, и что существующие в отношении него трактовки следует полностью пересмотреть. Но в то же время они демонстрируют, что союзные учреждения не только старались наладить прочную связь с обществом и между отдельными государствами, но и обладали богатым структурным и кадровым потенциалом для быстрого преобразования в полноценные органы власти.

При всех достоинствах рецензируемого труда нельзя оставить без внимания некоторые его спорные моменты.

Во-первых, как уже отмечалось, масштаб поставленных автором задач явно превышает возможности одной книги, и сам автор признает, что «исчерпывающий анализ [деятельности] каждого комитета и каждой комиссии потребовал бы отдельной монографии», и поэтому постулирует свою работу как «общее изучение структур и деятельности этих учреждений», которое предполагает углубленное рассмотрение разных областей взаимодействия Германского союза и общества «на основе выборки конкретных примеров» (с. 26). Однако принципы и критерии выборки этих примеров в дальнейшем не обозначены, что производит впечатление некоей предметной стихийности исследования и не позволяет взглянуть на ситуацию во всем ее разнообразии. Поэтому, если главы об организационно-структурном устройстве комитетов и комиссий и о порядке их работы представляются обстоятельными и глубоко проработанными, то раздел о непосредственной работе этих учреждений в экономической, правовой и иных областях уступает им в целостности и последовательности.

Далее, концентрируясь на работе комиссий и комитетов Союзного сейма, автор был вынужден считаться с серьезной нехваткой первичных источников: заседания многих этих органов и шедшие на них дискуссии почти не протоколировались (с. 413), а об их результатах можно знать либо из зачитывавшихся в сейме докладов, либо по косвенным источникам, чаще всего дипломатической переписке посланников. Тщательно собирая эти свидетельства, автор тем не менее вынужденно сужает охват темы, отказываясь от анализа ряда аспектов. Так, при рассмотрении процедуры выборов в комитеты, он признает, что не может говорить о вопросе личного авторитета и веса отдельных экспертов, ссылаясь именно на отсутствие протоколов и бюллетеней (с. 103).

Также несколько дискуссионным представляется решение автора ограничиться первым периодом Германского союза (до 1848 г.), в то время как период 1850–1866 гг. автор считает, во-первых, качественно иным, во-вторых, более изученным (с. 31). Разумеется, объем необходимой работы в случае продления хронологических рамок до 1866–1871 гг. возрос бы в разы. Но автор и так на протяжении всей работы отсылается к периоду 1850–1866 гг., а рассмотрение позднего периода позволило бы проанализировать преемственную связь комитетов

и комиссий Германского союза с органами Северо-германского союза и затем Германской империи. Более того, в книге есть указания на то, что работа многих союзных органов была продолжена органами имперскими (с. 16). Поэтому для оценки важности опыта, накопленного союзными комитетами и комиссиями, и его передачи на следующий этап германской истории анализ рубежа 1860–1870-х годов (а с ним и всего второго периода Германского союза) был бы не только полезен, но и необходим. Возможно, этот анализ автор проведет в своих будущих трудах.

Несмотря на эти моменты, труд М. Кройцмана представляет необычный и интересный взгляд на проблему Германского союза, существенно дополняя картину развития его социально-правовых, культурных и экономических институтов в эпоху Меттерниха.

Библиография / References

- Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866. Europäische Ordnung, deutsche Politik und gesellschaftlicher Wandel im Zeitalter der bürgerlich-nationalen Emanzipation / Hrsg. von H. Rumpler. München, 1990.
- Deutscher Bund und innere Nationsbildung 1815–1847 / Hrsg. von J. Müller. Göttingen, 2018.

DOI: 10.31857/S013038640028076-1

© 2023 г. Д.Н. Копелев

КНЯГИНЯ ЛИВЕН, ИЛИ БЕСЕДА С ЖИВЫМИ ЛЮДЬМИ

Рец. на книгу: Н.П. Таньшина. КНЯГИНЯ ЛИВЕН. НЕТИТУЛОВАННАЯ КОРОЛЕВА ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ. СПб.: Евразия, 2021. 384 с.

Копелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: kopell107@list.ru

Researcher ID: S-4405-2016

D.N. Kopelev

PRINCESS LIEVEN, OR A CONVERSATION WITH LIVING PEOPLE

Rec. ad op.: N.P. Tanshina. PRINCESS LIEVEN. UNTITLED QUEEN OF EUROPEAN DIPLOMACY. Saint-Petersburg: Eurasia, 2021. 384 s.

Dmitry Kopelev, the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: kopell107@list.ru

Researcher ID: S-4405-2016

XIX в. знал немало ярких августейших и светских дам, наравне с мужчинами владевших умами эпохи. Вспомним исполненную интеллектуального высокомерия Анну Луизу Жермену де Сталь и оборвожительную Жюли Рекамье с их влиятельными литературно-светскими салонами, великого романтика Жорж Санд, всей мощью своей личности доказывавшей, что чувства женщин намного более сложны, нежели страсти мужчин, упрямую и властную Элизу Бонапарт, убежденную, что «женщины ярче, нежели мужчины», и железной хваткой управлявшую своим Тосканским герцогством, красавицу Луизу Прусскую, в отличие от своего нерешительного супруга мужественно противостоявшую императору Наполеону. В этом, разумеется, далеко от полноты списке высокоталантливых и влиятельных женщин совершенно особое место занимает Дарья (Катарина Александра Доротея) Александровна фон Бенкендорф, в замужестве княгиня Ливен (1785–1857), судьба которой оказалась тысячами нитей переплетенной с миром, извечно пребывавшим в монопольном владении мужчин, — миром дипломатии и высокой политики.

Этой неординарной женщине посвящена первая¹ в современной отечественной историографии научная монография, вышедшая из-под пера д.и.н. Н.П. Таньшиной, известного историка, специалиста по истории Франции XIX в., истории международных отношений в XIX в. и русско-французским отношениям в XIX в. Справедливости ради, подчеркнем, что западных исследователей фигура княгини Ливен привлекала всегда², особенно же после публикации ее уникального эпистолярного наследия³.

¹ В 2009 г. в издательстве «КМК» Н.П. Таньшиной была опубликована книга «Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия». Настоящее издание является существенно переработанной, исправленной и дополненной монографией. В целом же в отечественной историографии фигура княгини Ливен представлена достаточно скромно: Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. Т. 113. С. 187–200; Т. 114. С. 417–442; 673–696; Т. 115. С. 691–705; Т. 116. С. 420–436; 611–628; 1904. Т. 117. С. 169–195; Шаховская-Глебова-Стрешичева Е.Ф. Княгиня Ливен. М., 1904. Из публикаций последних лет см.: Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института. Биографические хроники. М., 2004; Сакун О.Ф. Деятельность российского посла Х.А. Ливена и его супруги Д.Х. Ливен в Лондоне. 1812–1834 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 142–161.

² Daudet E. Une vie d'ambassadrice au siècle dernier. La princesse de Lieven. Paris, 1904; Temperley H. The unpublished diary and political sketches of Princess Lieven together with some of her letters. London, 1925; Hyde H.M. La princesse de Lieven. Grande dame et coeur de femme. Paris, 1940; Cromwell J.L. Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785–1857. Jefferson, 2007.

³ Letters of Dorothea, princess Lieven during her Residence in London, 1812–1834. London, 1902; Lettres du Prince Metternich à la comtesse Lieven. 1818–1819. Paris, 1909; Gordon G.H. The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. 1832–1854. Vol. 1. 1832–1848. London, 1938; The private letters of princess Lieven to prince Metternich. 1820–1826 / ed. and with a biographical foreword by P. Quennell. New York, 1938; The Lieven – Palmerston correspondence. 1828–1856. London, 1943; Letters of princess Lieven to lady Holland. 1847–1857. Oxford, 1956; Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven / Préface de J. Schlumberger. T. 1–3. Paris, 1963–1964.

«Женщина умеет заставить мужчин говорить!» Обронивший как будто бы случайно в беседе с княгиней Ливен эту фразу канцлер К.В. Нессельроде, кстати еще один из героев Н.П. Таньшиной⁴, сам того не подозревая, оказался «виновником» историографической легенды о Дарье Христофоровне, за несколько десятилетий закрепившейся и давшей богатые всходы. Виновница цитаты, чистокровная немка и лютеранка, родилась в Риге. Фамилия ее принадлежала к балтийско-немецкому дворянству, и многие черты личности героини книги сложились под влиянием кастового духа исключительности и «благородства ливонских рыцарей». Опекаемая с детства императрицей Марией Федоровной, проявившей теплую заботу об оставшейся без матери девочке, она была отдана в Смольный институт, а в 1799 г. пожалована во фрейлины. Затем вышла замуж за остзейца и любимца императора Павла I, начальника Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества генерал-адъютанта Христофора Андреевича фон Ливена, будущего российского посла в Великобритании (1812–1834), заручившись волей или неволей покровительством своей свекрови — влиятельной при дворе графини Шарлотты Карловны Ливен. Та приходилась близкой подружкой скончавшейся матери Дарьи Христофоровны, Анны Юлианы, урожденной баронессы Шиллинг фон Канштадт, вместе они состояли фрейлинами двора и были близкими подругами императрицы. Упомянув о фамильном круге княгини Ливен, уместно также напомнить, что и ее родной брат, граф Александр Христофорович Бенкендорф, будущий шеф корпуса жандармов, являлся одним из доверенных лиц императора Николая I.

Обращение Н.П. Таньшиной к ранним годам жизни княгини Ливен вполне оправдано. По словам исследовательницы, именно в эти годы при дворе императора Павла I у будущей «первой русской женщины-дипломата» (с. 359) начал формироваться устойчивый интерес к «большой политике», ее занимало и наблюдение за окружающими людьми. Об интересе этом, в частности, свидетельствует важная документальная находка Таньшиной, обнаружившей и частично опубликовавшей хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) собственноручные воспоминания Дарьи Христофоровны об императоре Павле I (с. 19–24).

Возможно, аристократизм, близость ко двору и остзейские корни княгини Ливен, а в купе с ними и родство с начальником III отделения Собственной Его Величества канцелярии наложили отпечаток и на забвение ее в отечественной историографии: советские историки рассеянно, а иногда и с подчеркнутым невниманием обходили стороной биографию Дарьи Христофоровны, которая, благодаря монографии Н.П. Таньшиной, предстает

⁴ Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом. СПб., 2021.

слишком яркой, драматичной, противоречивой и такой неоднозначной, что не укладывается в принятые тогда каноны жизнеописаний. Несомненная заслуга автора и в том, что она сумела избежать другой крайности и отказалась от распространенного взгляда на княгиню Ливен как символ российского коварства, своего рода «Северную Аспазию», плетущую интриги по всему миру. Распространению подобного взгляда мы в немалой степени обязаны современнику Дарьи Христофоровны, маркизу А. де Кюстину, предостерегавшему об опасности русских великосветских дам: «В России существует целая сеть женской дипломатии, и Европа, быть может, недооценивает этот особый способ влиять на политику. Благодаря своей армии двойных агентов, политических амазонок, чье оружие — тонкий мужской ум и коварные женские речи, русский двор собирает сведения, получает донесения и предупреждения, которые в случае огласки пролили бы свет на множество тайн, разъяснили бы многие противоречия, обнаружили бы много низостей»⁵. Неудивительно, что на страницах разного рода любовных романов или статей в интернете история Дарьи Христофоровны фон Бенкендорф стала походить на примитивную «бондиану», наполненную изворотливыми и крайне опасными тайными агентами, резидентами и куртизанками вроде Татьяны Романовой, Ани Амасовой и Ксении Оonatoп.

Читая книгу, мы убеждаемся, что жизнь княгини Ливен никак нельзя назвать заурядной, о чем свидетельствуют, например, многочисленные и не всегда лестные эпитеты, данные в ее адрес: «дипломатическая Сивилла Европы», «предсказательница», «царица Омфала», «русская Мата Хари». Не занимая никаких официальных постов, она сыграла в истории российской дипломатии совершенно исключительную роль, в какие-то моменты оказываясь ключевым игроком на дипломатической арене. В биографии Дарьи Христофоровны насчитывается немало эпизодов, украсивших бы любой авантюрно-детективный роман. Чего стоит хотя бы описанная автором история, связанная с попытками возведения в 1830 г. на престол Бельгийского королевства Виллема, принца Оранского, и напоминающая секретное поручение Карла I Стюарта графу де Ла Фер в романе «Двадцать лет спустя» Александра Дюма! В глубокой тайне супруга принца, великая княгиня Анна Павловна, передала Дарье Христофоровне набитый деньгами портфель, поручив ей вручить принцу «столько денег, сколько ему потребуется» (с. 139). Портфель был запрятан в сундуках российского посольства в Лондоне, и Дарья Христофоровна всегда держала ключ при себе. Из той же «шпионской серии» и «зеленые письма» княгини, позволявшие за скромным офтальмологическим средством для лечения катаракты неожиданно распознать тайные орудия из классического

набора русского шпиона, хотя, разумеется, симпатическими чернилами княгиня действительно пользовалась, делая ими записи между строк в польской переписке и сообщая сведения, не предназначенные для чужих глаз.

Однако подобные истории в духе «плаща и кинжала» в монографии занимают не главное место, и причина тому вполне объяснима — в истории секретной дипломатии многое остается на уровне полунамеков, размыто, недосказано, а потому попытки выяснить, каковы были реальный статус и полномочия того или иного дипломата, сопряжены с невозможностью ответить, разведчик перед нами или официальный представитель государства. Потому и объяснение феномену княгини Ливен, ее влияния на политику автор пытается найти не на страницах шпионских хроник, а обращаясь к анализу сложного культурно-исторического и дипломатического контекста эпохи, изучая в том числе структуры сетевых иерархических связей, позволявшие задействовать в интересах страны неформальные контакты, патронатные отношения и системы коммуникаций. В случае княгини Ливен подобным информационным пространством выступает, по мнению Н.П. Таньшиной, организованный ею в Париже на улице Сен-Флорантен светский салон, интеллектуально-культурный центр, объединявший людей, связанных общими политическими и светскими интересами. И княгиня Ливен, гордая аристократка, рациональная, наблюдательная и властная, привыкла к тому, чтобы «быть в курсе» происходящего, и с успехом совмещала интересы российского престола с собственной сольной «партией», превратив, по словам А. Тьера, свой знаменитый салон в «обсерваторию для наблюдений за Европой» (с. 211).

Тонкий методолог, Н.П. Таньшина искусно расставляет акценты внешнеполитической и дипломатической биографии княгини Ливен, что, учитывая космополитизм княгини и постоянное ее пребывание в Европе, оказывается делом совсем непростым. Автор выстраивает точные хронологические вехи ее деятельности и на этой основе структурирует пять глав книги, соотнося их с основными географическими «точками» ее дипломатической карьеры: Берлин (1809–1812), Лондон (1812–1834), Россия, Царское Село (1834–1835), Париж (1835–1848), Крымская война. В монографии ярко описаны события дипломатической жизни Европы первой половины XIX в. и роль княгини в них: конгрессы Священного союза, война за независимость Греции, европейские революции 1830 и 1848 гг., Ближневосточный кризис и Крымская война. Одно из них, по нашему мнению, особо важно для характеристики научной позиции Н.П. Таньшиной. Связано оно с обвинениями в историографии (в частности, в монографии Е.В. Тарле), высказанными в адрес «поседевшей в дипломатических интригах»⁶ княгини Ливен, которой якобы

⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. М., 2000. С. 14. Письмо 23.

⁶ Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. Т. 8. М., 1959. С. 125.

на склоне лет изменила проницательность, потому она и не сумела объективно оценить расстановку сил накануне войны, ошибочно полагая, что Франция не будет воевать против России (с. 322–325). Предпринятое Таньшиной изучение обширнейшей переписки княгини Ливен с императрицей Александрой Федоровной убедительно доказывает, что княгиня скорее не «проморгала» начало Крымской войны, а, напротив, внимательно оценивая всю «отчаянность» складывавшейся ситуации, пыталась оттянуть развязку, до последнего рассчитывая на возможность благоприятного мирного выхода из Восточного кризиса (с. 328–339).

Еще одна крайность, которой избежала книга Н.П. Таньшиной, – примитивная социологизация истории, нередко подразумевающая поиск неких присущих женщинам «жизненных стратегий», выстраиваемых по образцам аналитических конструкций, и делающая ставку на выявлении социальных траекторий и принятых на вооружение абстрактных «ролевых моделей». В подобном стереотипном функциональном наборе невнятных, зачастую константных характеристик любая индивидуальность растворяется без остатка, сводясь в итоге к унылому безликому перечню. Подобный подход, по нашему мнению, лишает возможности увидеть личность без навязываемых научной модой предрассудков и разглядеть в женщине свободные взгляды и поведение, не укладывающиеся в диктуемые обществом социальные установления.

Уж что-то, а читая книгу Н.П. Таньшиной, понимаешь, что свести княгиню Ливен к безликому перечню никак не удастся, и полученный таким образом результат следует отметить как несомненный успех автора, избежавшей следования стереотипам и реконструировавшей «живую» биографию своей героини. Достигнуть подобного результата удалось, разумеется, благодаря обширной источниковой базе, которая послужила документальным фундаментом монографии. Важной заслугой Н.П. Таньшиной является привлечение новых архивных материалов из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), где хранится изученное автором рукописное наследие Дарьи Христофоровны, в том числе ее переписка с императрицей Александрой Федоровной и родственниками, включая брата А.Х. Бенкендорфа, а также исследование документов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), благодаря которым удалось проследить роль и влияние княгини Ливен на динамику формирования и проведения внешнеполитического курса Российской империи. Среди обнаруженных исследовательницей документов особо выделим подлинные находки, в частности письма Дарьи Христофоровны и императора Николая I, хранящиеся в АВПРИ, благодаря которым, например, приоткрылась завеса над причинами одного из необъяснимых ранее эпизодов в биографии княгини Ливен, когда в 1835 г., «стоя на краю бездны», она решила на восемь лет покинуть Россию,

вызвав тем самым гнев «ужасного императора», с подозрением относившегося к ее активной политической деятельности во Франции (с. 271–276). Богатейший материал был подчерпнут Н.П. Таньшиной и из многочисленных опубликованных источников. Это официальные письма и корреспонденция царствующих персон и членов их семей, администраторов, вельмож и государственных деятелей, дипломатическая переписка, нормативные документы, разного рода правительственные реликвии, а также широкий комплекс нарративных источников, в числе которых мемуары, записки, дневники и письма, в том числе обширнейшее эпистолярное наследие княгини Ливен, материалы ее переписки с австрийским канцлером К. фон Меттернихом, британскими политиками Ч. Греем, лордом Дж.Г. Абердином, французским политиком Ф. Гизо и другими известными политиками и деятелями культуры.

Изучение многочисленных и разнообразных свидетельств позволили автору успешно реконструировать биографию Дарьи Христофоровны, представив ее яркую жизнь на фоне эпохи и в контексте дипломатической истории XIX в. На страницах монографии княгиня Ливен предстает не банальной светской львицей, а яркой фигурой дипломатии мирового уровня, подчас исполненной противоречий, частная жизнь ее наполнена страстями, переживаниями, глубокими драмами и разочарованиями. В 33 года княгиня Ливен пережила долгий и бурный роман с австрийским канцлером и блистательным дипломатом князем Клементом Меттернихом, а когда все отношения между возлюбленными были разорваны и канцлер женился, «доверенным» в возвращении 279 написанных ею любовных писем оказался Артур Уэлсли, герцог Веллингтон. Читатель наверняка согласится, что подобный эпизод, описанный как бы вскользь, выглядит, конечно, несколько неожиданно: в подобной деликатной миссии представить победоносного «железного герцога», триумфатора Ватерлоо и будущего премьер-министра Великобритании довольно сложно. Однако, описывая мелкие биографические детали столь шекотливого свойства, Н.П. Таньшина точно расставляет важные акценты, подчеркивая тем самым, какое важное место занимала княгиня Ливен в аристократических кругах Европы и какими влиятельными связями она располагала (с. 89). Затем героиню ожидал 20-летний роман с виднейшим политиком и историком Франсуа Гизо, за время которого влюбленные обменялись 5245 письмами (с. 222). Из приводимых Н.П. Таньшиной отрывков писем, предназначенных для чтения только одним человеком и хранимых подальше от посторонних глаз, складывается полная внутренней драматургии картина, достойная пера Стендаля и Бальзака. Судя по всему, княгиня Ливен, северная красавица, подобно госпоже де Берни, Эвелине Ганской, герцогине д'Абрантес и маркизе де Кастри, «осветила сцену»

«Человеческой комедии» Бальзака, а черты Дарьи Христофоровны были использованы при создании писателем образов бессмертных героинь: герцогини де Ланже, княгини де Кадиньян, госпожи д'Эспар и госпожи де Морсоф.

Вне всякого сомнения, монография Н.П. Таньшиной найдет своего читателя и будет интересна как специалистам, историкам международных отношений и истории дипломатии, так и регионоведам, культурологам, исследователям гендерной истории, студентам и преподавателям высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей России и Западной Европы XIX в. Перелистывая ее страницы, невольно вопрошаешь — откуда черпала силы Дарья Христофоровна фон Бенкендорф, княгиня Ливен, талантливая и неординарная женщина, видевшая смерть своих сыновей, пережившая предательство дорогих ей людей и оказавшаяся изгоем у себя на родине? И в этом вопросе главная заслуга автора книги, так как написанное Н.П. Таньшиной исследование биографии княгини Ливен привело нас к самому важному, т.е. к человеку! Что бы мы не пытались изучать, мы постоянно возвращаемся к познанию самого себя, к современным вопросам, тревожащим нас сегодня. Одним из них задается и Таньшина, размышляя, как космополитизм аристократки и привычка жить в Западной Европе не убили в ней русский патриотизм и преданность российским интересам. Ответ автора однозначен: «Куда бы ни забрасывала ее судьба, как бы она ни страдала, каковы бы ни были ее обиды и разочарования, она не прекращала быть русской и, как бы высокопарно это ни звучало, служила интересам России» (с. 362). И с этим трудно не согласиться, однако он ставит перед читателем новые вопросы: прониклась ли княгиня Ливен любовью и привязанностью к России, видела ли в ней «родной дом» или полагала все же, что это только ее «отечество», которому следует служить верой и правдой, не забывая при этом, что главным остается верность династии, престолу, гордость за свое рыцарское происхождение и исполнение просветительской миссии по принесению цивилизации на российские просторы! Но ведь теперь, когда биография княгини Ливен предстала перед читателем, мы оказались лучше подготовлены к тому, чтобы искать и находить ответы на новые вопросы.

Библиография

Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института. Биографические хроники. М., 2004. Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными ли-

цами // Русская старина. 1903. Т. 113. С. 187–200; Т. 114. С. 417–442, 673–696; Т. 115. С. 691–705; Т. 116. С. 420–436, 611–628; 1904. Т. 117. С. 169–195.

Шаховская-Глебова-Стрешнева Е.Ф. Княгиня Ливен. М., 1904.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. М., 2000.

Сакун О.Ф. Деятельность российского посла Х.А. Ливена и его супруги Д.Х. Ливен в Лондоне. 1812–1834 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 142–161.

Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом. СПб., 2021.

Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Сочинения: в 12-ти т. Т. 8–9. М., 1959.

Cromwell J.L. Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785–1857. Jefferson, 2007.

Daudet E. Une vie d'ambassadrice au siècle dernier. La princesse de Lieven. Paris, 1904.

Gordon G.H. The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. 1832–1854. Vol. 1. 1832–1848. London, 1938.

Hyde H.M. La princesse de Lieven. Grande dame et coeur de femme. Paris, 1940.

Temperley H. The unpublished diary and political sketches of Princess Lieven together with some of her letters. London, 1925.

References

Danilova A. Blagorodnye devitsy. Vospitannitsy Smol'nogo instituta. Biograficheskie khroniki [Noble maidens. Pupils of the Smolny Institute. Biographical chronicles]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Kiustin A. de. Rossiia v 1839 godu [Russia in 1839]. T. 2. Moskva, 2000. (In Russ.)

Kniaginia D.Kh. Liven i ee perepiska s raznymi litsami [Princess D.H. Lieven and her correspondence with various persons] // Russkaia starina [Russian Antiquity]. 1903. T. 113. S. 187–200; T. 114. S. 417–442, 673–696; T. 115. S. 691–705; T. 116. S. 420–436, 611–628; 1904. T. 117. S. 169–195. (In Russ.)

Shakhovskaiia-Glebova-Streshneva E.F. Kniaginia Liven [Princess Lieven]. Moskva, 1904. (In Russ.)

Sakun O.F. Deiatel'nost' rossiiskogo posla Kh.A. Livena i ego suprugii D.Kh. Liven v Londone. 1812–1834 gody [Activities of the Russian Ambassador H.A. Lieven and his wife D.H. Lieven in London. 1812–1834 years] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2006. № 6. S. 142–161. (In Russ.)

Tan'shina N.P. K.V. Nessel'rode: Iskusstvo byt' diplomatom [K.V. Nesselrode: The art of being a diplomat]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Tarle E.V. Krymskaia voina [The Crimean War] // Tarle E.V. Sochineniia [Essays]: v 12-ti t. T. 8–9. Moskva, 1959. (In Russ.)

Cromwell J.L. Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785–1857. Jefferson, 2007.

Daudet E. Une vie d'ambassadrice au siècle dernier. La princesse de Lieven. Paris, 1904.

Gordon G.H. The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. 1832–1854. Vol. 1. 1832–1848. London, 1938.

Hyde H.M. La princesse de Lieven. Grande dame et coeur de femme. Paris, 1940.

Temperley H. The unpublished diary and political sketches of Princess Lieven together with some of her letters. London, 1925.

DOI: 10.31857/S013038640028077-2

© 2023 г. **Б.В. Петелин****«НОВАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ» В ОТНОШЕНИЯХ ЗАПАДА И РОССИИ****Рец. на книгу: ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТЫ: ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТРАН ЗАПАДА И РОССИИ / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб.: Алетейя, 2022. 446 с.***Петелин Борис Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия).**E-mail: pbwtscherepovez@mail.ru**Scopus Author ID: 57215036067; ORCID: 0000-0001-6644-5932***B.V. Petelin****“A NEW DIPLOMATIC HISTORY” IN THE RELATIONS BETWEEN THE WEST AND RUSSIA****Rec. ad op.: DIPLOMACY AND DIPLOMATS: FROM THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS BETWEEN WESTERN COUNTRIES AND RUSSIA / ed. T.L. Labutina. Saint-Petersburg: Aleteya, 2022. 446 p.***Boris Petelin, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia).**E-mail: pbwtscherepovez@mail.ru**Scopus Author ID: 57215036067; ORCID: 0000-0001-6644-5932*

Новая коллективная монография под редакцией д.и.н., проф. Т.Л. Лабутиной (Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН) является продолжением начатых ранее исследований различных аспектов многовековой истории отношений Запада и России. Ее авторами стали известные российские историки, специализирующиеся на изучении английской истории, истории США, международных отношений, истории России с середины XVI до XXI в.

В предисловии заявлено, что монография подготовлена в рамках «новой дипломатической истории» — новейшего направления в исследовании международных отношений и мировой политики. Подобный анонс, безусловно, заинтересует читателя и заставит найти в книге заявленную новизну. Новые факты, новые описания, новые интерпретации, но насколько все это можно считать «новой дипломатической историей»? Разве ранее апробированные методы, приемы и средства в исследовании международных отношений, деятельности дипломатических и консульских представительств вводили читателя в заблуждение? То, что существует «старая» и «новая» дипломатия применительно к историческим периодам, факт бесспорный, но тогда следовало показать их существенные отличия. Видимо, новая дипломатическая история должна состоять не из описаний протокольных процедур, чему учат студентов и магистрантов препода-

ватели Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ¹, а в исследовании собственно международных отношений, что является частью всеобщей истории. Обращение к конкретным личностям, дипломатам, частным деталям и сюжетам в их деятельности, личной жизни, что не всегда попадает в поле зрения исследователя, предполагает в итоге более глубокие и объективные суждения о внешней политике того или иного государства.

«Посол, — как заявлял английский дипломат Г. Уоттон, живший в конце XVI — начале XVII в., — является честным человеком, которого посылают за границу лгать во имя блага своей родины»². Обман, подкуп, заговор были свойственны в ранние периоды отношений между государствами и их правительствами. Лишь в дальнейшем, с появлением французской классической школы, дипломатия становится действенным средством в проведении внешней политики государства. «История учит, — как писал известный дипломат и историк Г. Никольсон, — а современное международное положение подтверждает,

¹ См.: *Зонова Т.В.* Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. Учебное пособие. М., 2003.

² *Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. М., 1999. С. 269–270.*

что ни одно государство, если оно не жаждет оказаться в невыгодном положении среди других государств, если оно не жаждет, чтобы за его счет усиливались другие государства, не может обойтись без умело поставленной, хорошо организованной дипломатической службы»³.

Две части книги — «Российские дипломаты» и «Западные дипломаты» — построены по хронологическому принципу. В обеих частях явный перевес за Великобританией: отношения с ней посвящено более половины статей, что неудивительно, — авторы монографии известные российские специалисты в исследовании английской истории. Однако выпадение из дипломатической истории Пруссии/Германии, Франции и Италии лишает целостного восприятия европейской истории и исследуемый период.

Первым русским посланником в Англии в 1556—1557 гг. был Осип Непей, о миссии которого в Лондон увлекательно рассказал в первой главе к.и.н. А.А. Киселев (Волгоградский госуниверситет). После «случайного» знакомства капитана Р. Ченслера с Русским Севером он был принят в Москву царем Иваном IV и получил разрешение на ведение торговли в русских землях английскими купцами. Тогда же, в 1556—1557 гг., состоялась поездка в Лондон Осипа Непеи. Автор отмечает скудость отечественных источников: остаются неясными происхождение Непеи, его титул и занятия. Впрочем, и в английских источниках сведений отложилось немного, так что об официальных и неофициальных целях этой миссии можно только догадываться (с. 20—21). Скорее всего, он продвигал не только торговлю: Москва стремилась привлечь Англию в качестве союзника в войне против Турции. Согласно некоторым источникам, Нипей просил у английских монархов Филиппа и Марии вооружение и военных специалистов, что было обещано. Но на заключение союза с Иваном IV английская сторона не пошла. Так что «проект международной антитурецкой коалиции пришлось отложить на много лет» (с. 39). И все же считать провальной миссию Непеи нельзя: англичане не стремились к прочному союзу с Россией, но дипломатические отношения сохраняли. У М.Ф. Достоевского в «Дневнике писателя» отмечено: «Англии прежде всего надобен союз выгодный, то есть такой, при котором она возьмет все, а сама оплатит по возможности ничем»⁴.

Не менее увлекательно во второй главе повествуется о перипетиях дипломатической жизни в США российского консула А.Г. Евстафьева к.и.н.

Л.М. Троицкая (ИВИ РАН). Алексей Григорьевич начинал в Лондоне с церковного служения при посольстве России. Став профессиональным дипломатом, в 1808 г. был направлен в США, где находился до конца своей жизни, сначала консулом в Бостоне, а затем генеральным консулом России в Нью-Йорке. В Европе шли Наполеоновские войны, приближалась первая Отечественная, но в Америке мало знали о России: в газетах большей частью намеренно искажали репутацию русского человека, и консулу пришлось приложить немалые усилия, чтобы противостоять тамошним «голиафам» (с. 51).

В своих статьях, литературных произведениях — в 1819 г. Евстафьевым была написана поэма «Дмитрий Донской» — консул не запугивал Запад Россией, но и не умалял ее значимости в мире. Евстафьев в Соединенных Штатах опубликовал, в частности, «Собрание анекдотов» о Петре I и трагедию о царевиче Алексее, эпическую поэму о Дмитрии Донском (Demetrius, The Hero of the Don), а также драму «Казачи на пути в Париж», которая перекинулась со старьями, печатавшимися российским консулом в американских газетах⁵. Оставаясь сыном своего Отечества, Евстафьев не скрывал критического отношения к происходящему в России. В конце 1820-х годов он побывал на родине в Чугуеве и был поражен упадком Украины, житницы Российской империи. Особенно возмутило его появление военных поселений. С этим он обратился к Н.С. Мордвинову, председателю Вольного экономического общества, не скрывавшего своего англофильства (с. 55).

В третьей главе, написанной к.и.н. Н.С. Ивановым (ИВИ РАН), речь идет о дипломате-славянофиле Александре Семеновиче Ионине, героически проявившем себя на Балканах в 70-е годы XIX в. Его даже считали чуть ли не главным «политическим агитатором, разжигавшим славянские страсти» (с. 61). Но без таких людей Россия не имела бы собственного лица в европейской политике, в которой хватало лицемерия и откровенного предательства. В 1878—1883 гг. А.С. Ионин фактически управлял Черногорией, помогая ей окончательно избавиться от турецкого владычества. Да, России не удалось полностью закрепить победу в войне с турками, этому воспротивилась чуть ли не вся Западная Европа. А.С. Аксаков с возмущением восклицал: «Западные державы с Германией впереди нагло срывают с тебя победный венец». Тогдашняя «пятая колонна», прозападные российские политики, «фактически подыграла Бисмарку, превратив победу России в поражение» (с. 69). Позиция славянофилов в Балканском вопросе, как отмечает автор, предавалась порой глумлению со стороны многих историков, в том числе и в советский период. А.С. Ионин, несмотря на свой радикализм в славянском вопросе, явил собой пример подлинного патриотизма.

³ Никольсон Г. Дипломатическое искусство. Четыре лекции по истории дипломатии / пер. с англ.; вступ. статья и общая ред. А.Е. Богомолова. М., 1962. С. 118 // URL: <https://spbib.ru/en/catalog...diplomateskoe-iskusstvo> (дата обращения: 20.02.2023).

⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год, январь—август. Л., 1983. С. 149—150.

⁵ История США: в 4-х т. Т. 1. 1607—1877. М., 1983. С. 621.

Имперская политика Англии в 80-е годы XIX в. в отношении Египта не осталась без внимания российских дипломатов, о чем рассказана в четвертой главе д.и.н., проф. Т.Н. Гелла (Орловский госуниверситет). Царская Россия имела свои интересы в восточном Средиземноморье, в основном коммерческие, но укрепление британских позиций в Египте ее явно не устраивало. О чем же докладывали российские дипломаты? Помимо сведений о политической жизни британского общества и противостоянии либералов и консерваторов, донесения содержали факты о наличии реальных планов Лондона по расширению колониальной империи. Когда в 1881 г. ситуация в Египте оказалась критической, правительство У. Гладстона направило туда войска, о чем незамедлительно узнали в Санкт-Петербурге. Глава Форин офиса лорд Гренвилль в беседе с российским послом А.В. Лобановым не скрывал, что Англия не «допустит перехода Суэцкого канала в другие руки», — «дорога на Индию» должна быть свободной (с. 91–92). Как отмечает Т.Н. Гелла, не все члены кабинета Гладстона поддерживали военные действия в Египте, но что это меняло? Война закончилась победой англичан. В Санкт-Петербурге, благодаря донесениям из Лондона и Каира, владели всей информацией о намерениях Великобритании, но помешать этому Россия не могла и не собиралась.

Помимо российских дипломатов, частные лица сделали для России никак не меньше, чем лица официальные. К ним с полным основанием можно отнести О.А. Новикову, о чем пишет в пятой главе д.и.н. И.Р. Чикалова (Институт истории НАН Республики Беларусь). Это ее не первая публикация о российской дворянке⁶, которая оставила столь заметный след в общественно-политической жизни Англии, что даже такой сторонник «партии войны» с Россией, как лорд Биконсфилд, в грозные дни жестокого Болгарского волнения 1876–1878 гг. назвал ее «членом Парламента для России в Англии»⁷. Да, Ольгу Новикову именовали «русской разведчицей», «агентом российского правительства», но это не более чем выдумки. С 1873 г. Ольга Алексеевна постоянно проживала в Лондоне, где имела салон, его охотно посещали известные политики, литераторы, журналисты. К ней не раз обращался художник Василий Верещагин за содействием в организации выставок своих картин в Лондоне. Частым собеседником был У. Гладстон, который в те годы резко критиковал антироссийскую политику Б. Дизраэли (с. 119).

Подобная дружба может показаться нелогичной: по своим взглядам Новикова была не только убежденным славянофилом, но и сторонником

и защитником российского самодержавия, в чем убеждает ее переписка с Львом Тихомировым⁸. Присоединимся к высказыванию Е.В. Тарле: О.А. Новикова «была талантливее весьма многих русских официальных дипломатов времен Александра II и Александра III». Она стала своего рода посредником между Россией и Англией, продемонстрировав яркий пример вполне успешной неофициальной дипломатии. Ее имя в России оказалось на долгое время забыто, а деятельность трактовалась в рамках примитивных схем. Согласимся с мнением отечественных англоведов, что ее жизнь требует дальнейшего изучения⁹.

В шестой главе читатели познакомятся с Иваном Яковлевичем Коростовцом, который 33 года служил в МИД императорской и «новой» России. Публикацию подготовили д.и.н. А.А. Орлов (Московский педагогический госуниверситет) и историк-архивист С.Л. Турилова по неопубликованным документам из Архива внешней политики Российской империи МИД РФ. Авторы самым подробным образом представили биографию И.Я. Коростовца, его разностороннюю и обширную деятельность, которая началась в 1884 г. в Азиатском департаменте МИД России. Ему довелось побывать во многих городах Азии, Европы, Южной Америки, Африки, но полюбил он Восток, более всего Китай, Монголию, Персию (с. 139).

Иван Яковлевич не занимал высоких постов, видимо, потому что его живой, острый ум не всем чиновникам нравился. Наиболее значимое событие в его дипломатической карьере — участие в переговорах с Японией по заключению мира после войны 1904–1905 гг., тогда он был личным секретарем премьер-министра С.Ю. Витте на переговорах в Портсмуте. Коростовец проявил себя не только как профессиональный дипломат, но и как талантливый ученый и литератор. Авторы дополнили публикацию воспоминаниями И.Я. Коростовца «Моя командировка из Киева в Яссы в 1918 году» с весьма ценными наблюдениями о «тогдашних украинских представителях за границей» и «царившем в Киеве порядке» (с. 165). Скончался И.Я. Коростовец в Париже в 1933 г. В столице Монголии Улан-Баторе на территории Российского центра науки и культуры в 2014 г. ему был установлен памятник.

В седьмой главе д.и.н., проф. Е.Ю. Сергеев (ИВИ РАН) поделился своими суждениями о работе Генуэзской конференции 1922 г., на которой делегации Советской России пришлось отстаивать большевистские позиции в спорах с западными дипломатами, прежде всего английским премьером Д. Ллойд Джорджем. Автор назвал это «дуэлью». Возлагать вину за срыв переговоров на наркома Чичерина

⁶ Чикалова И.Р. Ольга Алексеевна Новикова: «неофициальный агент русского правительства» в Лондоне // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 268–286.

⁷ Митрофанов С. Кто вы, Ольга Новикова // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/1999-10-07/povikova.html (дата обращения: 20.02.2023).

⁸ Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). М., 2006. С. 377.

⁹ Третьякова С.Н. О.А. Новикова — «неофициальный посол» России в Англии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 4. С. 103–118.

вряд ли стоит. Советская Россия настаивала лишь на одном: считаться с ней как с равным субъектом в международных отношениях. Да, «русский вопрос» (с. 176) был одним из главных в урегулировании отношений между Европой и Советской Россией, но противоречия между Францией и Великобританией были на тот момент куда важнее, чем отношения с Россией. В Париже не без оснований подозревали, что Лондон намеренно содействует военному возрождению Германии, подписание же ею Рапальского договора с Россией лишь их усилило¹⁰. Договор с Германией оказался сильным ходом советской делегации, но итоги конференции для Советской России оказались неутешительными. Чичерин осознал, что он был в Генуе не более чем аутсайдер, но в таком же положении находилась делегация Германии, которой трижды было отказано во встрече с Ллойд Джорджем¹¹. Впрочем, падение роли Британской империи в европейских делах становилось все очевиднее (с. 193).

Дипломатическая деятельность Г.Я. Сокольникова, чему посвящена восьмая глава, которую подготовил д.и.н. А.С. Соколов (Рязанский государственный радиотехнический университет), не была продолжительной: в СССР ему пришлось заниматься финансами. Именно с ним связана денежная реформа 1922–1924 гг., введение так называемого «золотого червонца»¹². Но он был в составе советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. В воспоминаниях военного консультанта подполковника Д.Г. Фокке Г.Я. Сокольников назван «второстепенным персонажем брестской трагедии»¹³. Несомненно, А.А. Иоффе, Л.Б. Каменев, Л.М. Карахан, Л.Д. Троцкий были более заметными, но после срыва переговоров и германского ультиматума 23 февраля 1918 г. в Брест-Литовск была отправлена новая советская делегация, которую возглавил Сокольников. Ему и пришлось подписывать «похабный» мирный договор с Германией 3 марта 1918 г.¹⁴

В 1922 г., являясь заместителем наркома финансов, Сокольников участвовал в работе Генуэзской конференции. В дальнейшем он не раз входил в состав делегаций на международных экономических конференциях, а в 1929–1932 гг. последовало назначение полпредом в Великобританию, где «приобрел широкие связи в политических, деловых и культурных кругах английского общества» (с. 210). Как раз это и станет одним из обвинений после его ареста в июле 1936 г. До этого Сокольников работал в коллегии НКВД, содействовал

развитию дружественных отношений с Монголией, его привлекали к трудным переговорам с Японией. Репрессии 1930-х годов не обошли его стороной, как и других представителей «ленинской гвардии». 29 мая 1939 г. Г.Я. Сокольников был убит в Тобольской тюрьме (с. 217).

Нападение фашистской Германии на СССР не лишило страну союзников. Президент США Ф. Рузвельт уже на второй день войны заявил о «всевозможной помощи России». Однако, как отмечает в девятой главе к.и.н. И.Ю. Хрулева (Московский государственный университет), без участия советских представителей реально организовать поставки по ленд-лизу не представлялось возможным. Большой вклад в решение технических вопросов внес военный инженер А.К. Репин, входивший в состав первой советской военной миссии во главе с генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым, в начале 1942 г. Репин был назначен главой советской миссии в США (с. 222–223). В Америке, как пишет автор, сомневались в надежности СССР, но постепенно эти сомнения стали рассеиваться. Запустить весь механизм поставок в СССР было непросто, что подтверждается привлеченными в исследовании документами.

Чтобы сдвинуть с мертвой точки забуксовавшую программу ленд-лиза, Репин добился встречи с Рузвельтом, на которой он информировал президента о нарушении сроков и объемов поставок в СССР. После этой встречи Рузвельт взял под свой личный контроль оказание помощи СССР. К тому времени США уже вступили в войну с Германией, так что достижение победы над врагом стало общей целью. Судя по американской печати, о чем подробно сообщает И.Ю. Хрулева, советский представитель оказался не только компетентным инженером, но и незаурядным дипломатом, сумевшим преодолеть недоверие американцев к советской стране и ее руководству (с. 232).

Второй раздел монографии «Западные дипломаты» открывает статья (10 глава) к.и.н. М.В. Третьяковой (Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета) об особенностях отношений Венецианской республики с турецким султанатом в XIV – начале XVIII в. Ее интересы при османском дворе представляли байло. Изначально они не имели статуса посла. Только в 1575 г. байло был признан послом Венеции в Константинополе. У него была своя резиденция с двумя-тремя десятками необходимых помощников и obsługi. Привлеченные автором документы позволили воспроизвести все тонкости и детали дипломатического обихода. В мусульманской стране христианским дипломатам было непросто, даже дорога в Константинополь оказывалась небезопасной. Нередко байло арестовывали, а случалось и казнили (с. 245). Поэтому венецианскими дипломатами, отмечает автор, назначение ко двору турецкого султана воспринималось неоднозначно. В немилости у турецкого султана могли оказаться не только венецианские послы. Так, в 1710–1713 гг. заключенным в константинопольскую крепость оказался стольник из России П.А. Толстой. Его освобождение состоялось после недолгой войны с Турцией и подписанием Адрианопольского мира

¹⁰ Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы: в 2-х т. Т. 1. М., 1995. С. 163.

¹¹ Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. М., 1997. С. 235.

¹² Тесленко В. Деньги для мировой революции // Эхо планеты. 2012. № 44. С. 2–5.

¹³ Архив русской революции: в 22-х т. Т. 20. М., 1993. С. 15.

¹⁴ Хавкин Б.Л. Революционный выход России из Первой мировой войны и Германия // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 96–107.

1713 г. Так что дипломаты, наряду с профессиональными знаниями, должны были обладать стойкостью и мужеством.

Монографии, книги, статьи д.и.н., проф. Т.Л. Лабутинной (ИВИ РАН) давно и хорошо известны не только среди профессиональных историков, но и российских читателей, которых привлекает — я бы сказал и увлекает — творческий стиль и исследовательский талант автора. В публикациях об английских дипломатах в России Т.Л. Лабутина неизменно подчеркивает их разведывательную деятельность¹⁵. В этот раз в главе II в шпионы попал британский посланник Клавдий Рондо, находившийся в России в годы правления императрицы Анны Иоанновны¹⁶. То, что все английские послы при Романовых слали из России информацию о состоянии здоровья правителей, придворной жизни, финансах, армии и флоте, беспорядках в стране, слухах и сплетнях, неудивительно. Вряд ли все сведения можно отнести к разряду ценных. Да, на их основе в Лондоне принимались решения, составались новые инструкции дипломатам, ставились новые цели во внешней политике. И все же разведка — дело настоящих разведчиков¹⁷.

Какой же тут шпионаж, когда приближенные к императрице сами навязывались в осведомители, лишь бы заплатили. У миссии Рондо была определенная цель: скорейшее заключение торгового договора с Россией. Несмотря на аудиенцию у императрицы, не все шло так гладко, как представлял себе дипломат. В ход пошли взятки, но подкупить графа Остермана не удалось. Впрочем, как пишет автор, 2 декабря 1734 г. «трактат о дружбе и коммерции» был подписан (с. 269–270). Неудача постигла Лондон при попытках заключить оборонительный союз с Россией, но тому виной стали перемены в России. А где заявленный шпионаж Рондо? То, что он внимательно следил за передвижением российских войск, так ему в этом «бескорыстно» помогали министры и придворные Анны Иоанновны (с. 280–281). При этом Татьяна Леонидовна склонна подчеркивать провалы английских послов в их миссии в России. Но таковой она только кажется. Да, знаменитая фраза лорда Пальмерстона, что у Англии «нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы», будет произнесена в 1848 г., но что это меняет?¹⁸ Чаше всего провальной оказывалась внешняя политика России, чиновники которой готовы были на фунты обменивая свою совесть.

В главе 12 д.и.н. М.А. Филимонова (Курский госуниверситет) рассуждает об американском

дипломате конца XVIII в. Руфусе Кинге, которого можно отнести к забытым отцам — основателям США (с. 285). Он участвовал в Войне за независимость североамериканских штатов, был делегатом Конституционного конвента 1787 г., сенатором от штата Нью-Йорк.

В 1796 г. Кинг был назначен посланником США в Лондон, где пробыл до 1803 г. Там все еще не примирились с утратой американских колоний, но Кингу, как отмечает автор, удалось обеспечить стабильность в отношениях, однако революция во Франции и начало Наполеоновских войн резко изменили ситуацию в Европе. В США политики разжигали воинствующие настроения. Кинг был обеспокоен складывающейся ситуацией, но считал, что военного конфликта все же не будет: для вторжения в США у Франции не было ресурсов. Так «квази-война осталась виртуальной» (с. 301). Может сложиться мнение, что дипломатические заслуги Кинга не столь велики. Его именем не назван ни один международный договор. Но ему удалось главное: США смогли избежать втягивания в череду европейских войн, что для молодой республики было крайне нежелательно, и несомненная заслуга в этом американского дипломата, конечно, есть.

В главе 13, автор д.и.н., проф. Т.В. Алентьева (Курский госуниверситет), встречаемся еще с одним американским дипломатом Гамилтоном Фишем, который на протяжении восьми лет был госсекретарем в администрации президента США У.С. Гранта, американские историки считают его «одним из лучших американских дипломатов» (с. 303). Он всегда стремился решать международные вопросы не силой, а посредством переговоров. Наиболее известным в его биографии делом стало урегулирование «претензий “Алабамы”» в споре с Англией, которая не воспрепятствовала кораблям Конфедерации, грабившим и топившим американские суда, в нарушение нейтралитета уйти с верфей. Дело подогревало антианглийские настроения, чему способствовали политические карикатуры. Автор сопроводила их собственными комментариями, что органически вписывается в контекст публикации. Переговоры вокруг «Алабамы» начались в феврале 1871 г. и только в мае удалось достичь примирения, в чем была несомненная заслуга Фиша (с. 310). Подписанный Вашингтонский договор, признанный «беспрецедентным достижением», позволил США расширить свои территориальные возможности. Великобритания в итоге обязана была выплатить немалую компенсацию. Тем не менее благодаря Фишу между США и Великобританией установились вполне добрососедские и дружественные отношения (с. 315).

В дальнейшем Фишу пришлось вести непростые переговоры со странами Латинской Америки, добиваясь укрепления позиций США. Вот только «переговорная дипломатия» вовсе не исключала в будущем империалистических войн, первой из которых в 1898 г. станет война с Испанией, что, впрочем, произойдет уже без Фиша. В 1893 г. он скончался.

¹⁵ Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019.

¹⁶ Лабутина Т.Л. Британские послы-разведчики при дворе Анны Иоанновны // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 42–55. DOI: 10.31857/S013038640020235-6

¹⁷ См.: Топров Ю.Х. Английская разведка в России. М.: СПб., 2023.

¹⁸ Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 189.

О британской дипломатии на Востоке, где главной персоной в 40-е годы XIX в. был Стрэтфорд Каннинг, мы читаем в главе 14 д.и.н. И.Ю. Смирновой (Институт российской истории РАН). Лондон не пытался скрыть антироссийской направленности своих действий в этом регионе. Этим объясняется принцип «неприкосновенности» Османской империи, являвшейся орудием британской политики (с. 325). Помимо геополитических причин конфликта, в главе показаны этнорелигиозные, умело разжигаемые Каннингом к удовольствию турецких вельмож. Планы религиозного присутствия Великобритании в Святой Земле появились еще в 1838 г., но их осуществление наталкивалось на сопротивление России, Австрии и Франции, тогда как Пруссия поддерживала идею «соединения обеих протестантских общин, англиканской и евангелической, воедино, по крайней мере в центре христианского мира – в Иерусалиме» (с. 331). Побывал Каннинг и на Афоне, где также посеял семена религиозного раздора. Так что, когда в 1852 г. он вернулся в Лондон, по его словам, «Большая игра» была закончена. Осталось только поджечь бикфордов шнур, что вскоре и произошло: через год начнется Крымская война.

К этой теме близка своим содержанием глава 15 к.и.н. М.В. Жолудова (Рязанский госуниверситет) о лорде Пальмерстоне и его антироссийской деятельности. Дипломатия стала призванием его жизни, так что с полным основанием можно говорить о «пальмерстонской эре»: в течение 58 лет ему удалось оставаться членом парламента (с. 347). В феврале 1830 г. Пальмерстон заявил, что Великобритания заинтересована в русско-турецком конфликте и готова выступить на стороне Турции. Учитывая интересы Лондона, иной политики трудно было ожидать, а Пальмерстон отныне прослыв последовательным русофобом. «Его наглость, – как отмечал швейцарский политолог Г. Меттан, – можно сравнить разве что с беспринципностью современных американских “мозговых центров”»¹⁹. Неудивительно, что, став в 1830 г. министром иностранных дел, Пальмерстон незамедлительно вмешался в «спор славян между собою» – начавшееся в Польше восстание. Англичане не спешили оказывать помощь полякам, разве что в прессе была развязана циничная пропольская кампания (с. 363). Порядок в Царстве Польском был восстановлен: автономия ликвидирована, участники восстания наказаны. Никто не обеляет царизм. Нет этого и у М.В. Жолудова. Но в Лондоне всегда «поднимали крик, стоило России шевельнуть хотя бы пальцем»²⁰.

В главе 16 кандидаты исторических наук Д.И. Портнягин (Санкт-Петербургский госуниверситет) и Н.А. Портнягина (Санкт-Петербург) рассказали об английском после Артуре Николсоне, представлявшем Англию в России в 1906–

1910 г. Стремясь разобраться в событиях революции 1905–1907 гг., он стал регулярно устраивать в посольстве приемы, ставшие популярными в столичном обществе (с. 370). От этих «общений» зависел успех миссии: надлежало заключить соглашение с Россией, ибо Европа шла к войне, о чем в Лондоне знали лучше других. Николсона интересовало все: еврейские погромы, эзеровский террор, настроения в высшем свете, либеральные партии, Государственная дума. Общался со Столыпиным, верил ему больше, чем Милюкову (с. 378). Потому и считал, что следует больше уповать на правительство, чем на думу, ее депутаты увлечены партийной борьбой, а не проблемами страны. Искомый договор был заключен в августе 1907 г. – Антанта была создана. Миссию посла можно считать успешно завершённой.

Своеобразный материал представил в главе 17 д.и.н., проф. С.О. Буранок (Самарский государственный социально-педагогический университет): американский кинематограф 1941–1943 гг. о Второй мировой войне. До начала военных действий уже были сняты картины о предполагаемой войне, так что не стоит говорить о ее неожиданности для США. Визуальный образ Китая и Японии подавался карикатурно: то в виде «орущего гуся» (Китай), то в образе «хитрой лисы» (Япония). При этом только «Дядя Сэм» был вооружен реальным оружием (с. 390). Но почему «Дядя Сэм» проспал нападение японцев на Пёрл-Харбор – создатели фильмов не могли ответить. В кинокартине режиссера Дж. Форда «7 декабря» (1943) сделан прозрачный намек, что Пёрл-Харбор «проспало правительство» (с. 393). Позже, как пишет Буранок, Форд стал более категоричен: проспала Америка. Но это случилось лишь потому, что ей противостоял «иной, варварский, азиатский мир», обрушившийся с манихейской жестокостью на «мир добра и света» (с. 398).

В главе 18 Д.И. Портнягин возвращает нас к дипломатической истории холодной войны. Автор справедливо отмечает, что сводить ее к противостоянию только США и СССР совершенно неверно. Британия была «активной мировой державой», пытаясь сохранить этот образ, прыгнула выше своего роста (с. 393). Да, фултонская речь будет произнесена У. Черчиллем, но глава лейбористского правительства К. Эттли и министр иностранных дел Э. Бевин еще в довоенный период занимали антисоветские позиции, считая, что «диктатура Сталина... есть отрицание всего того, за что стоит лейбористская партия» (с. 401).

Информацию правительству из СССР поставлял временный поверенный в Москве Ф. Робертс – «мастер аналитических обобщающих материалов». Он полагал, что Советский Союз в «обозримом будущем вряд ли оступенится», поэтому не следует рассчитывать на нормальные отношения с ним (с. 404). Впрочем, он отмечал, что «угроза внезапного нападения со стороны России несравнимо

¹⁹ Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. М., 2016. С. 246.

²⁰ Там же. С. 249.

меньше, чем была со стороны Германии»²¹. В своих мартовских телеграммах (1946) в Лондон, проанализированных автором, Робертс фактически включился в нагнетаемую Западом конфронтацию с СССР, разделяя атомный шантаж Вашингтона²². Для него свойственен «тот же русофобский подход к России/СССР как к государству варварскому, отсталому» (с. 414). Опубликованные недавно документы наглядно показывают, что Лондон не стоял в стороне от развертывания холодной войны²³.

Заключительная 19 глава монографии посвящена культурным связям Великобритании и России в конце прошлого — начале нынешнего века. Ее автор к.и.н. Р.Р. Валеева-Хакимова (Казанский (Приволжский) федеральный университет) считает, что культурная дипломатия весьма действенный фактор в межгосударственных отношениях, потому что «культура может быть более эффективной, чем методы политического давления». С этим не поспоришь, но была ли Англия «передовиком культурной дипломатии»? (с. 414). Даже в лучшие годы российско-британских отношений в Лондоне находили причины для срыва или ограничения культурных, научных, спортивных связей. Закрытие в 2008 г. региональных отделений Британского совета в России стало своего рода лакмусовой бумажкой в обострении межгосударственных отношений. Разумеется, культурный обмен не прекратился полностью. В 2000-е годы было проведено немало совместных мероприятий в рамках Года языка и литературы в России и Великобритании, науки и образования, в рамках Года музыки. В июне 2014 г. в Санкт-Петербурге состоялся Международный конгресс «Россия и Великобритания: пять веков культурных связей»²⁴. Но политика санкций, практикуемая сегодня Лондоном, привела к отказу от культурной дипломатии с Россией. Возможно ли ее восстановление? Автор уверена, что накопленный положительный опыт еще будет востребован в будущем (с. 438).

У рецензируемой монографии много достоинств, что были отмечены выше. Но палитра западной, как и российской, дипломатии оказалась неполной. Отношения России с Германией, Францией, Италией были не менее важны, чем те, что представили авторы. Ярких персон, острых сюжетов, непредвиденных ходов в дипломатических баталиях с немцами, французами, итальянцами отыщется немало. Будем надеяться, что следующее издание «Новой дипломатической истории» восполнит этот исследовательский пробел.

²¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 245.

²² Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сборник статей. М., 2003. С. 283.

²³ См.: Советско-британские отношения в 1943–1953 гг. Документы и материалы / под ред. А.О. Чубарьяна, О.А. Вестада. М., 2021.

²⁴ Давидсон А.Б. Российские и британские историки на пути к взаимопониманию // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 114–125.

Библиография

- Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.
- Давидсон А.Б. Российские и британские историки на пути к взаимопониманию // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 114–125.
- Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы: в 2-х т. Т. 1. М., 1995.
- Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. Учебное пособие. М., 2003.
- Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. М., 1997.
- Коняев Н.М. Подлинная история Дома Романовых. М., 2007.
- Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019.
- Лабутина Т.Л. Британские послы-разведчики при дворе Анны Иоанновны // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 42–55. DOI: 10.31857/S013038640020235-6
- Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. М., 2016.
- Митрофанов С. Кто вы, Ольга Новикова // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/1999-10-07/povikova.html (дата обращения: 20.02.2023).
- Никольсон Г. Дипломатическое искусство. Четыре лекции по истории дипломатии / пер. с англ.; вступ. статья и общая ред. А.Е. Богомолова. М., 1962 // URL: <https://spbib.ru/en/catalog...diplomateskoe-iskusstvo> (дата обращения: 20.02.2023).
- Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006.
- Советско-британские отношения в 1943–1953 гг. Документы и материалы / под ред. А.О. Чубарьяна, О.А. Вестада. М., 2021.
- Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. М., 1999.
- Тесленко В. Деньги для мировой революции // Эхо планеты. 2012. № 44. С. 2–5.
- Третьякова С.Н. О.А. Новикова – «неофициальный посол» России в Англии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 4. С. 103–118.
- Хавкин Б.Л. Революционный выход России из Первой мировой войны и Германия // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 96–107.
- Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.
- Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сборник статей. М., 2003.
- Чикалова И.П. Ольга Алексеевна Новикова: «неофициальный агент русского правительства» в Лондоне // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 268–286.

References

- Chikalova I.R. Ol'ga Alekseevna Novikova: "neofitsial'nyi agent russkogo pravitel'stva" v Londone [Olga Alekseevna Novikova: "an unofficial agent of the Russian government" in London] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2015. Vyp. 50. S. 268–286. (In Russ.)
- Davidson A.B. Rossiiskie i britanskije istoriki na puti k vzaimoponimaniyu [Russian and British historians on the way to mutual understanding] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2014. № 5. S. 114–125. (In Russ.)
- Dzhonson P. Sovremennost'. Mir s dvadtsatykh po devyanostye gody [Modernity. The world from the twenties to the nineties]: v 2-kh t. T. 1. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Khavkin B.L. Revoliutsionnyi vykhod Rossii iz Pervoi mirovoi voiny i Germanii [The Revolutionary Exit of Russia from the First World War and Germany] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 2. S. 96–107. (In Russ.)

Khobsbaum E. Epokha krainostei. Korotkii dvadtsatyi vek [The Age of Extremes. The Short twentieth century] (1914–1991). Moskva, 2004. (In Russ.)

Kholodnaia voina. 1945–1963 gg. Istoricheskaia retrospektiva: sbornik statei [The Cold War. 1945–1963 Historical retrospective: collection of articles]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Kissindzher G. Diplomatiia [Diplomacy] / per. s angl. Moskva, 1997. (In Russ.)

Koniaev N.M. Podlinnaia istoriia Doma Romanovykh [The true History of the Romanov House]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskii diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskii posly-razvedchiki pri dvore Anny Ioanovny [British ambassadors-scouts at the court of Anna Ioanovna] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 3. S. 42–55. DOI: 10.31857/S013038640020235-6 (In Russ.)

Mettan G. Zapad – Rossiia: tysiacheletniaia voina [West – Russia: The Millennial War]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Mitrofanov S. Kto vy Ol'ga Novikova [Who are you Olga Novikova] // Nezavisimaya gazeta. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/1999-10-07/novikova.html (access date: 20.02.2023). (In Russ.)

Nikol'son G. Diplomatskoe iskusstvo. Chetyre lekt-sii po istorii diplomatii [Diplomatic art. Four lectures on the history of diplomacy] / per. s angl.; vstup. stat'ia i obschchaia red. A.E. Bogomolova. Moskva, 1962 // URL: <https://spbib.ru/en/catalog...diplomatskoe-iskusstvo> (access date: 20.02.2023). (In Russ.)

Repnikov A.V. Konservativnye predstavleniia o pereustroistve Rossii (konets XIX – nachalo XX vekov) [Conservative ideas about the reconstruction of Russia (late 19th – early 20th centuries)]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Sovetsko-britanskii otnosheniia v 1943–1953 gg.: dokumenty i materialy [Soviet-British relations in 1943–1953: documents and materials] / pod red. A.O. Chubar'iana, O.A. Vestada. Moskva, 2021. (In Russ.)

Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia [Modern International Relations] / pod red. A.V. Torkunova. Moskva, 1999. (In Russ.)

Teslenko V. Den'gi dlia mirovoi revoliutsii [Money for the world revolution] // Ekho planet [The echo of the planet]. 2012. № 44. S. 2–5. (In Russ.)

Tret'iakova S.N. O.A. Novikova – “neofitsial'nyi posol” Rossii v Anglii [O.A. Novikova – “unofficial ambassador” of Russia to England] // Vestnik RUDN. Seriya: Istoriia Rossii [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. 2010. № 4. S. 103–118. (In Russ.)

Vinogradov V.N. Lord Pal'merston v evropeiskoi diplomatii [Lord Palmerston in European diplomacy] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2006. № 5. S. 182–209. (In Russ.)

Zonova T.V. Sovremennaia model' diplomatii: istoki stanovleniia i perspektivy razvitiia: ucheb. posobie [The modern model of diplomacy: the origins of formation and prospects of development: studies. manual]. Moskva, 2003. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640028078-3

© 2023 г. Т.М. Фадеева

REALPOLITIK: ДИАЛОГ ПО ОБЕ СТОРОНЫ АТЛАНТИКИ

Рец. на книгу: M. Specter. THE ATLANTIC REALISTS: EMPIRE AND INTERNATIONAL THOUGHT BETWEEN GERMANY AND THE UNITED STATES. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 2022. XI, 302 p.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: fadeewatatjana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300; ORCID: 0000-0002-6371-9157

T.M. Fadeeva

REALPOLITIK: DIALOGUE ON BOTH SIDES OF THE ATLANTIC

Rec. ad op.: M. Specter. THE ATLANTIC REALISTS: EMPIRE AND INTERNATIONAL THOUGHT BETWEEN GERMANY AND THE UNITED STATES. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 2022. XI, 302 p.

Tatiana Fadeeva, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fadeewatatjana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300; ORCID: 0000-0002-6371-9157

Мэтью Спектер – сотрудник Калифорнийского университета в Беркли, член редколлегии журнала «История и теория». Рецензируемая книга посвящена концепции Realpolitik и ее интерпретации в духе внешнеполитического реализма, преобладавшей после Второй мировой войны во внешней политике США. Ее автор, специалист по интеллектуальной истории Мэтью Спектер, утверждает, что основные черты современного реализма появились в результате столетнего диалога между американскими и немецкими интеллектуалами, начавшегося в конце XIX в., раскрывает «атлантическую реалистическую» традицию размышлений о прерогативах империи и природе силовой политики, обусловленной «национальными интересами».

Автор начинает с парадокса: когда Трамп в ходе президентской кампании 2016 г. выдвинул слоган «Америка, вперед!», пишет он, «то Ангела Меркель могла бы претендовать на лидерство “свободного мира”». «С ее недавним и рассчитанным решением принять значительное число беженцев она не только признала обязанности Германии перед международным законодательством, но и подтвердила, что германское гражданство уже не базируется на крови: “германство” достижимо через натурализацию. Тем временем Республиканская партия в США под руководством Трампа бросает вызов конституционным гарантиям по праву рождения, которое считалось само собой разумеющимся для обеих партий» (с. IX). Но асимметрия между германским и американским политическим моментом – кажущаяся. В обеих странах мультикультурализм и либеральная демократия вынуждены защищаться от приверженцев «идентичности», которые требуют невозможного: добиться «однородной нации», очищенной от чуждых элементов. Меньшинства отвергаются как чужеродные и паразитические. Но в стремлении к национальной чистоте праворадикальные группы фактически выстраивают старые и новые транснациональные связи, многие из которых обращены на десятилетия назад. В то время как либераль трансатлантического мира обеспокоены иллиберальным популизмом Д. Трампа и кризисом в трансатлантических отношениях, праворадикальные группы по обеим сторонам Атлантики активно учатся друг у друга. В то время как праворадикальные толпы мародерствуют в Шарлоттсвиле, штат Виргиния, германская политика сталкивается с праворадикальным экстремизмом в собственных рядах. Указывая на это, теоретики популизма усмотрели поиски «чистоты» в этнической однородности и в идентичности. Подобно сторонникам слоганов «Америка, вперед!», «бостонского чаепития» и пограничной стены, настроенных на защиту некоей «американской сущности» от демографических изменений, новейшие продолжатели европейских правых радикалов оплакивают мультикультурное растворение как национальной идентичности, так и западной цивилизации в целом. Для этих правых скандально само утвержде-

ние, что американская идентичность уже является гибридной.

Нынешний кризис в трансатлантических отношениях, считает Спектер, означает не просто столкновение между неолиберальной демократией и популистским национализмом. Он указывает на определенное родство между особым видом национальной идентичности как монолога этнически однородного большинства (ассоциируемого в США с белыми англосаксами) и «реалистическим» взглядом, что национальный интерес может быть определен столь же единообразно. «Американцы нередко сочетают парадоксальную веру в то, что их истины универсальны и что их происхождение в то же время исключительно национально, или, другими словами, американцы – исключительная нация, чья миссия универсальна» (с. X). Как возник этот парадокс? На протяжении всей рецензируемой книги автор проводит мысль: представления американцев об их роли на мировой арене на протяжении последнего столетия показывают, что они являлись продуктом «трансатлантического интеллектуального обмена». Есть веские основания подчеркивать «особые отношения» между имперскими демократиями США и Великобританией, и немало внимания было уделено «англо-американской традиции» во внешней политике. Однако в данной книге центральное внимание сосредоточено на германо-американской традиции международных отношений, созданной мыслителями, которых автор называет «атлантическими реалистами».

Автор обращается к интерпретации реализма как преобладающего подхода во внешней политике в период после Второй мировой войны и господствующей в общественном дискурсе и международных отношениях во время холодной войны. Основные постулаты последнего складывались в диалоге между американскими и германскими интеллектуалами начиная со второй половины – конца XIX в. Он пересматривает «атлантическую реалистическую» традицию мысли о прерогативах империи и природе власти на протяжении обеих мировых войн, холокоста и холодной войны. По мере наступления фашизма многие теоретики Realpolitik эмигрировали в США; часть из них вернулась обратно. Сосредоточиваясь на ключевых фигурах развития реалистической мысли (Карл Шмитт, Фридрих Ратцель, Карл Хаусхофер, Ганс Моргентау, Вильгельм Гreve, Рейнольд Нибур), он показывает эволюцию взгляда на мир в духе Realpolitik, развенчивая мифы национального интереса и «искусства» управления государством. По выражению Спектера, «эти атлантические реалисты ошибочно приняли западную традицию за универсальную» (с. 7). Последняя затронула не только академические круги, но и повлияла на международную политику, по мере того как теоретики снабдили политических деятелей идеологическими средствами оправдания их имперских амбиций. В этом отношении «имперский вклад» реализма сложился не в 1930-е годы, а в

1880 и 1890-е годы, в период выдвижения терминов «геополитика» и *Lebensraum* (жизненное пространство). Трудам вышеупомянутых ученых уделялось недостаточно внимания в англоязычной литературе. Некоторым из них удалось осуществить незаметный переход из Третьего рейха в ФРГ (*Bundesrepublik*). Так, В. Греве сделал карьеру дипломата в Министерстве иностранных дел ФРГ, принял участие в выдвижении «доктрины Хальштейна»; карьеру завершил как посол в Японии.

Изучая весь этот интеллектуальный спектр, начиная от предшественников нацизма, сочувствующих и пособников, до исследователей, критикующих фашизм и империализм, Спектер создает масштабную, впечатляющую картину того, как исследователи по обе стороны Атлантики уведомляли друг друга и как тем или иным образом способствовали созданию западного империалистического взгляда на мир в XX в.

Однако автора можно упрекнуть в нечеткости самого понятия реализма, используемого им в книге. Спектер, по его собственным словам, задался вопросом: каким образом основные понятия политической теории Карла Шмитта «посеяли» американский и германский внешнеполитические дискурс и практику? Отвечая на этот вопрос, автор делится с читателем своими поисками и открытиями на этом пути. Обширная литература об эмиграции германских интеллектуалов, преимущественно юристов, и их вхождение в американскую политическую науку ориентировала Спектера к трудам Моргентау, где он надеялся обнаружить следы шмиттовского наследия. К удивлению автора, два крупнейших «реалиста» (как они себя называли) не оставили следов переписки и не цитировали друг друга. Далее обнаружились параллели в области «властвования над морями» по обе стороны Атлантики в трудах географа Фридриха Ратцеля и американского адмирала Альфреда Мэхена, включавшие описания статуса Америки как «мировой державы» в то самое время, как Германия пересматривала свою международную роль в рамках понятия «большого пространства». Другими словами, Ратцель, теоретик «жизненного пространства», и Мэхен, пророк США как «морской державы», зеркально отражали друг друга: «оба сочетали пространственные и расовые параметры в понятии геополитики, хотя сам термин появился не ранее 1899 г.» (с. 199). Как утверждается в книге, фундаментальные понятия классического реализма — например приоритет национального интереса и государства как организма, охваченного «жизненным порывом», — являются артефактом, продуктом трансатлантической, сугубо провинциальной истории европейской и американской мысли в ходе завершающих десятилетий XIX столетия» (с. 203). Сходство между геополитическим дискурсом 1890-х годов и идеями классического реализма, ассоциируемого с мыслителями середины XX в., было очевидным.

Обращение к работам К. Хаусхофера позволило

рассмотреть идеи Шмитта в новом свете и связать геополитику обоих с идеями британца Макиндера и немца Ратцеля. Когда в Нюрнберге Шмитту был задан вопрос, подразумевает ли его теория «большого пространства» империализм Третьего рейха и истребление евреев, он заявил, что его размышления на эту тему относятся к высочайшему международному уровню исследований и не имеют ничего общего с политикой. Однако, как утверждает автор, термины «большое пространство» и «жизненное пространство» зачастую использовались как синонимы в писаниях известных идеологов нацизма.

Традиции реализма во внешней политике просматриваются на протяжении всей истории — от античной (Фукидид, V в. до н.э.)¹, раннего Нового времени (Макиавелли, кардинал Ришелье, Гоббс)² и до истории XX в. (Дж. Кеннан, Р. Нибур, Г. Моргентау). Последний, признаваемый отцом-основателем классического реализма времен холодной войны, опирался на тезис, согласно которому сущностью международной политики является нескончаемая борьба за выживание и власть. Поэтому война всегда всегда возможна и подготовка к ней необходима. Однако Спектер предлагает иную интерпретацию: на его взгляд, реализм как традиция и международные отношения как современная академическая дисциплина сложились на основе отказа от бисмарковской *Realpolitik*, предусматривавшей «равновесие силы». В качестве альтернативы последней была выдвинута империалистическая мировая политика (*Weltpolitik*). В отличие от консерватизма Бисмарка такие мыслители, как Теодор Ратцель, Генрих фон Трейчке и адмирал Тирпиц, опирались на социал-дарвинистскую и виталистскую концепцию государства с ее акцентом на воле к власти и стремлении к экспансии.

Обращая особое внимание на германский милитаризм и империализм, Спектер показывает, как подобные идеи зрели также и в Америке в 1880-е годы. Он прослеживает сходную эволюцию американских геополитиков, таких как Альфред Мэхен, Арчибальд Кулидж, Генри Кэбот Лодж и президент Теодор Рузвельт, которые пришли к мысли о своей стране как мировой державе. Тем самым Спектер рассматривает сходные идеи американской и немецкой геополитики в их совместном поиске альтернативы дипломатическому консерватизму Бисмарка в Европе и изоляционизму отцов-основателей в Америке, поскольку те и другие нуждались в интеллектуальных ресурсах для оправдания своего восстания против гегемонии *Rex Britannica* и стремления к империи. Эти два видения геополитики, или «политической географии» в американском варианте, продолжали господствовать на самых высоких уровнях в обеих странах и в XX в. Благодаря блестящему сравнительному исследова-

¹ В тексте ошибочно II в. до н.э.

² В тексте эти персонажи ошибочно отнесены к Средним векам.

нию взаимосвязанных карьер Карла Хаусхофера и Исаяи Боумена Спектер сумел реконструировать интеллектуальную и личную близость между интеллектуалами – сторонниками прогрессивизма Вильсона во внешней политике и теоретиками Вильгельмовской мировой политики (Weltpolitik) в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и в межвоенный период.

Профессор Мюнхенского университета Хаусхофер был самым известным европейским профессором геополитики XX в., а Боумен – его американским коллегой. И все же, если видение Хаусхофером Евразии, в которой доминируют немцы, позже напрямую повлияло на нацистскую политику «жизненного пространства» (Lebensraum), то Боумен, советник Вудро Вильсона, стал архитектором международного порядка после Первой мировой войны и одним из первых сторонников американской глобальной гегемонии. Оба, как показывает Спектер, тем не менее были поклонниками работ друг друга и участвовали в трансатлантических академических дебатах по геополитике как до Первой мировой войны, так и в межвоенный период.

Вторая мировая война знаменовала поворот, который развел по разные стороны германскую и американскую геополитику. На основе работ К. Шмитта военного времени автор показывает на примере практики нацистов мрачные последствия расистской и империалистической интерпретации природы мировой политики. Апологеты Шмитта, признавая, что многие его работы оправдывали внешнюю политику нацистов, подчеркивали, что он делал это по геополитическим, а не расистским, «биополитическим» соображениям, при этом ссылаясь на осуждение взглядов Шмитта высокопоставленными деятелями СС как недостаточно расистских. В противовес этому прочтению Спектер утверждает, что, хотя Шмитт в своих работах о «большом пространстве» (Großraum) часто избегает явно расового нацистского выражения Lebensraum, на практике сама концепция была неразрывно связана с геноцидным завоеванием России и Восточной Европы, которое она оправдывала. К тому же, продолжает Спектер, довоенная мысль атлантических геополитиков, продолжением которой стали труды Шмитта военного времени, уже имела много общего с доктриной «жизненного пространства». Не преумевшая зла нацистского империализма, он, таким образом, склонен рассматривать его как продолжение евроамериканского империализма и его идеологических основ, а не как разрыв с ним. После Второй мировой войны этот атлантический реализм был реконструирован как в США, так и в Германии в рамках современной дисциплины «международные отношения», очищенной от нацистско-империалистического багажа. Тем не менее переход автора от раннего XX в. к послевоенному реализму менее последователен. В частности, хотя в книге есть главы, посвященные Вильгельму Грeve, архитектору западногерманской внешней

политики в годы Аденауэра, и работам Ганса Моргентау, и личным и идейным связям с довоенными «атлантическими реалистами», в книге недостаточно внимания уделено тому, что именно они унаследовали из этой традиции. И это несмотря на заявление автора о его стремлении показать, как «важнейшие концепции политической теории Карла Шмитта посеяли послевоенный американский и германский политический дискурс и практику» (с. 203). Притязания Грeve на роль «аполитичного технократа» в нацистском «форин офис» не могут скрыть влияния на него идей К. Шмитта и ультрареакционной «Консервативной революции» веймарского периода, обусловивших его позицию в годы холодной войны.

Книга Мэтью Спектера, ее сложным анализом и смелым, зачастую радикальным теоретическим пересмотром реализма, показала, насколько данный проект концептуально обусловлен империализмом, расизмом и фашизмом. Отсюда критические высказывания рецензентов в адрес книги и сомнения в том, что подобные разоблачения едва ли могут обеспечить надежную внешнюю политику в современном мире. В заключении книги Спектер признает, что критика реализма могла показаться несвоевременной в условиях, характеризующихся возрождением националистического самоутверждения и кризисом международного институционализма. Возможно, это предполагает некоторый пересмотр позиций реализма с точки зрения внешнеполитических рещептов, заслуживающих большего доверия, полагает Спектер. Так, реализм не обязательно должен быть морально бесстрастным или служить оправданием милитаризма. Он напоминает слова Моргентау: «Политические реалисты не аморальны, они просто делают различный выбор между моральными ценностями... ибо если они не позаботятся о национальном интересе, то никто этого не сделает» (с. 155). Моргентау сознавал мрачные последствия подхода «власть любой ценой», когда писал: «Быть Макиавелли опасно. Быть Макиавелли без добродетели – это катастрофа». Как справедливо утверждает Спектер, если этот элемент мысли Моргентау часто упускался из виду, то виноват сам немецкий политолог, поскольку он недостаточно его популяризировал. Не случайны и симпатии левых к Моргентау, когда тот выступал как противник войны во Вьетнаме и убежденный критик сторонников «ограниченной ядерной войны» с Советским Союзом. В тени атомной бомбы, писал он в 1961 г., «реалистический и утопический подходы к политике в целом и к международным отношениям в частности» должны были бы слиться воедино и отказаться от иллюзий силовой политики. Стремясь уравновесить то и другое, мы не найдем лучшего руководства, как сбалансировать реализм в отношении природы международной политики с моральным признанием катастрофических последствий силовой политики ради нее самой. Эта мудрость необходима сейчас больше, чем когда-либо.

В заключение автор возвращается к истокам реализма, стремится отмежевать его от «вклада эмигрантов середины века, спасавшихся от нацизма», и даже от бисмарковской *Realpolitik*, которую называет «романтическим выражением истин Старого Света». Вместо этого он выводит реализм от концепции *Weltpolitik*, которая, как это ни парадоксально, была изобретена именно в противовес *Realpolitik*. Там, где *Realpolitik* говорила о балансе, уравновешенности и консолидации тесно соседствующих на континенте держав, *Weltpolitik* была основана на британской модели несмежного или пространственно детерриториализованного империализма, сочетания колоний и преференциального доступа к торговле. Реализм родился из духа американского и немецкого империализма конца эпохи (*fin de siècle*) (с. 205). В завершение своего исследования, переходя к сегодняшнему дню, автор ставит проблему «реализм после атлантического реализма». Наше время может показаться неподходящим для критики элементов реалисти-

ческого мировоззрения с космополитической точки зрения, замечает Спектер. Для многих правых популистов в Европе международные институты не только излишни, но и олицетворяют политического противника: таким общим главным врагом являются ЕС и глобальное правительство. Любая форма правления, не связанная с сильным национальным правительством, отвергается. Национальные интересы кажутся реальными и первостепенными, как всегда. Мировой федерализм или углубление глобального управления, похоже, не обсуждаются. Однако классические реалисты не враждебны любому видению глобальной политической интеграции. Империя остается центральным измерением в истории атлантического реализма, о которой шла речь в книге. Тем не менее нынешние издержки чрезмерной экспансии американской империи на Ближнем Востоке сегодня настраивают многих ведущих мыслителей в области внешней политики США на видение «имперской сдержанности», основанное на принципах классического реализма.

DOI: 10.31857/S013038640025462-6

© 2023 г. Н.Л. Коноушихина

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Коноушихина Надежда Львовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: nadegda_92@list.ru

Scopus Author ID: 57238691200

N.L. Konyushikhina

INTERNATIONAL CONFERENCE “GREAT GEOGRAPHICAL DISCOVERIES AND THE CULTURE OF RENAISSANCE”

Nadezhda Konyushikhina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: nadegda_92@list.ru

Scopus Author ID: 57238691200

25–26 октября 2022 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (МГУ) прошла Международная научная конференция «Великие географические открытия и культура Возрождения», организованная Комиссией по культуре Возрождения при Научном совете по истории мировой культуры РАН и кафедрой истории средних веков исторического факультета МГУ. Эта научная конференция стала еще одной из многочисленных встреч, посвященных исследованию различных аспектов культуры европейского Возрождения.

Традиция таких встреч восходит к 1973 г., когда Комиссия по культуре Возрождения при Научном совете по истории мировой культуры РАН, основанная в 1972 г., провела первую тематическую конференцию, посвященную Л.-Б. Альберти (ее материалы были опубликованы в 1977 г.), так что в этом году исполняется полувековой юбилей научных форумов по культуре Возрождения. За первой конференцией последовали новые встречи ученых с последующей публикацией их материалов в виде тематических сборников статей — к настоящему моменту таких сборников издано около 30. Все они носят междисциплинарный характер, объединяя под одной обложкой труды историков, философов, филологов и искусствоведов. Внимание исследователей привлекали самые разные аспекты культуры Возрождения: ее типология и периодизация, античное наследие, природа, религиозная жизнь эпохи, власть, книга, миф, историческая память, меценатство, придворная культура и многое другое. Ряд конференций и сборников был посвящен выдающимся ренессансным гуманистам, писателям, художникам: Леону Баттисте Альберти, Франческо Петрарке, Леонардо да Винчи, Рафаэлю, Эразму Роттердамскому, Томасу Мору. Ведущую роль в организации конференций сыграли на разных этапах такие признанные специалисты по культуре Возрождения, как В.Н. Лазарев, В.И. Рутенбург, В.Н. Гращенков,

Л.М. Брагина, В.М. Володарский, О.Ф. Кудрявцев.

В работе конференции «Великие географические открытия и культура Возрождения» приняли участие историки, искусствоведы и филологи из МГУ, Института всеобщей истории (ИВИ) РАН, Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН, Санкт-Петербургского института истории (СПБИИ) РАН, Государственного Эрмитажа и ряда других университетов и институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Иванова, а также Чимкента (Казахстан). За два дня работы было представлено 23 доклада, раскрывающих влияние географических открытий и знаний XIV–XVI вв. на гуманистическую и общественную мысль того времени, а также на космографию, картографию и изобразительное искусство.

Пленарное заседание конференции началось с минуты молчания в память о В.М. Володарском (1935–2022), крупнейшем специалисте по культуре Западной Европы эпохи Возрождения. Он был одним из тех, кто стоял у истоков традиции проведения конференций по культуре Возрождения. Модератором первой сессии конференции был председатель ее оргкомитета д.и.н., проф. О.Ф. Кудрявцев. С приветствиями в адрес участников конференции выступили и.о. декана истфака МГУ академик РАО, проф. Л.С. Белюсов и президент исторического факультета академик С.П. Карпов. Затем вступительное слово было предоставлено одному из организаторов конференции к.и.н. В.А. Ведюшкину (ИВИ РАН). Он рассказал об истории термина «Великие географические открытия» и об основных этапах и направлениях работы отечественных историков, географов и филологов в области изучения этого феномена.

Четыре первых доклада были логически объединены вокруг Средиземноморского региона в эпоху Великих географических открытий. Авторы докладов отметили процесс изменений, связанный с переходом

от средневековых традиций к новому «модусу видения». Ими был рассмотрен феномен «открытия» в самом широком смысле этого слова, а также взаимодействие и противостояние между старым и новым в научной мысли и искусстве.

Из них два первых доклада были посвящены восприятию Востока в позднесредневековой Европе. В выступлении д.филол.н., проф. А.В. Топорова (ИМЛИ РАН) обратила внимание на то, что многие итальянские паломники XIV–XV вв., путешествовавшие в Святую Землю, видели себя в роли «открывателей новых земель». Их дневники отразили изменения в картине мира средневекового человека. Они описывали не только святыни, но и природные особенности местности, памятники архитектуры и искусства. В XV в. акцент в их записях сместился: они старались прежде всего развлечь читателя.

Продолжил разговор о паломниках, к.и.н. А.Н. Маслов (Институт международных отношений и мировой истории Университета Лобачевского, Нижний Новгород) проанализировал трактат *Evagatorium*, созданный доминиканцем Феликсом Фабри в XV в., и рассмотрел особенности восприятия Египта автором. Подобно итальянским путешественникам, Фабри столкнулся с новой культурной средой, значительно отличавшейся от привычной ему. Именно поэтому он уделил большое внимание тем вещам, которые казались ему непривычными и которые он воспринимал как нечто диковинное, непонятное и чудесное.

Отголоски изменившегося фокуса мировосприятия в живописи были освещены в докладе канд. искусствоведения О.Г. Махо. Ряд произведений, выполненных по заказу семейства Веспуччи, отразил новые тенденции в изображении человека. Так, на полотнах Пьеро ди Козимо «Обретение меда» и «Злосчастия Силены» изображены дикари, причем центральной темой этих произведений является приход цивилизации.

Д.А. Галкова (МГУ) рассмотрела, как открытие Нового Света воспринималось современниками на основе анализа трактата Гвидо Панчироли «О достопамятных вещах» и комментариев к нему Г. Зальмута, выявив различия между автором и комментатором в осмыслении времени и сущности открытия Нового Света.

Обсуждение второй сессии конференции, посвященной вызовам Нового Света (модераторы — д.и.н., проф. О.В. Дмитриева (МГУ) и В.А. Ведюшкин), строилось вокруг следующих вопросов: межцивилизационное взаимодействие Нового и Старого Света; образы индейцев в интеллектуальной мысли того времени; Новый Свет на карте мира; соотношение средневековых и ренессансных элементов в контексте столкновения миров; формирование нового знания в результате межкультурных контактов.

Интересные теоретические соображения были высказаны д.и.н. Я.Г. Шемякиным (МГУ). Согласно его концепции, «встреча миров» в Новом Свете привела к глубочайшему кризису сознания обеих сторон. В результате взаимодействия автохтонных культур и европейской в Латинской Америке было положено начало формированию особого «пограничного» цивилизационного типа, отличного от классических западных и восточных образцов.

В практической плоскости «встреча миров» и связанные с ней вызовы были представлены в до-

кладе д.и.н., проф. Э.Г. Александренкова (Институт этнологии и антропологии РАН). На основе писем участников плаваний Колумба он кратко обрисовал образ карибов, сложившийся у европейцев при первых контактах с ними. Представление об островитянах как о непокорных и свирепых людоедах, вооруженных луками с отравленными стрелами, закрепились на тот момент за всеми обитателями новых земель.

Тему осмысления европейцами открытия Нового Света продолжил В.А. Ведюшкин. Он сравнил изображение Нового Света на карте мира Хуана де ла Коса и в трактате М. Фернандеса де Энсисо «Сумма географии», проведя параллели между биографиями и творчеством двух современников.

Для того чтобы выяснить, насколько важным было для современников открытие Америки и как оно соотносилось с другими событиями того времени, Н.В. Фомина (независимый исследователь) обратилась к хроникам католических королей. Автор показала, что характер и степень подробности освещения открытия Нового Света зависели от того, могли ли хронисты писать по собственному усмотрению или же были ограничены заказом.

Д.и.н., проф. И.В. Кривушин (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») развил тему, связанную с осмыслением европейцами новой реальности в исторической мысли эпохи Возрождения. Он заострил внимание на том факте, что изучение происхождения американских индейцев, несмотря на обилие различных теорий, оставалось на протяжении всего XVI в. на периферии интересов европейских писателей и мыслителей.

К.и.н. О.В. Окунева (ИВИ), в свою очередь, рассказала о способах обозначения региона португальской Америки в XVI в., который стал известен как «Бразилия». Название этой страны было связано с ценным красным деревом пау бразил, широко востребованным европейцами. При этом связь между страной и красным деревом зачастую обозначалась лишь визуальными средствами, без помощи словесных описаний. В ходе презентации был представлен интереснейший картографический и иллюстративный материал.

Обсуждение вопроса, как в хронистике при описании индейцев соотносились средневековые и ренессансные элементы, нашло продолжение в выступлении к.и.н. Е.В. Новоселовой (Российский технологический университет МИРЭА). Обратившись к перуанским текстам XVI в. различных жанров и назначений, она показала, что в создании образа другого преобладали черты средневековой модели описания, что, вероятно, было обусловлено значительным влиянием церкви и жанровыми особенностями.

В докладе к.и.н. Н.Л. Конюхиной (ИВИ РАН) рассмотрены инициативы королевской власти по описанию и измерению как изученных территорий Пиренейского полуострова, так и неосвоенных земель Нового Света. Некоторые из них были уникальными для своего времени, поскольку необходимая информация собиралась в виде ответов на вопросы специально разработанных анкет, на них отвечали в том числе и местные жители.

Тема формирования новых знаний в результате межкультурного взаимодействия получила развитие в выступлении О.В. Дмитриевой, посвященном пер-

вому английскому компендиуму сведений об Америке и плаваниях в Северной Атлантике. Проект поиска северо-западного прохода в Азию, который отстаивал Р. Хаклюйт, должен был усилить позиции Англии в соперничестве с католическими морскими державами.

В заключение первого дня конференции прозвучал доклад к.и.н. Г.П. Мельникова (Институт славяноведения РАН), который обратился к идее формирования нового социокультурного явления — кунсткамеры, отразившей потребность европейцев в сборе и систематизации новых, доселе неизвестных знаний. Она стала визуальным воплощением новой картины мира, в основу которой легла идея разнообразия.

Модератором второго дня конференции выступила к.и.н., доц. Т.П. Гусарова (МГУ). Первая сессия была посвящена востоку Европы в контексте Великих географических открытий. Д.и.н., проф. О.Ф. Кудрявцев (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ) в выступлении рассмотрел известия европейских космографов первой четверти XVI в. о недавно открытых землях Восточной Европы. Он пришел к выводу, что гуманисты подвергли пересмотру и опровергли значительную часть данных античной науки о важнейших географических объектах Восточной Европы. Это, в свою очередь, способствовало утверждению интеллектуального превосходства ренессансной эпохи над древностью.

Вопрос о рецепции культуры Ренессанса в России был поднят в докладе к.и.н. Т.А. Матасовой (МГУ). Для того чтобы понять, как были восприняты сведения о Великих географических открытиях в Москве, исследовательница проанализировала памятники, которые были включены русскими книжниками в их переводные космографии. Она пришла к выводу, что в России в XV–XVII вв. традиционные представления о мире все еще доминировали в интеллектуальной среде, а переход к светскому пониманию географической картины мира произошел лишь в конце XVIII в.

К.и.н. Т.М. Рюткина (Южно-Казахстанский государственный педагогический университет) поделилась увлекательными сведениями о том, как англичане в середине XVI в. искали в России северо-восточный морской путь на Восток. Рассуждения об установлении англо-русских контактов вызвали широкую дискуссию о культуре в взаимовлиянии. Благодаря «открытию» России англичане, например, получили новый этнографический материал, который впоследствии вошел в коллекцию музея Оксфордского университета. Тем не менее Европа в XVI в. гораздо больше знала о Новом Свете, чем о своем восточном соседе.

Вторая сессия заключительного дня конференции была посвящена образам «варваров», «дикарей» и «чудовищ» в культуре эпохи Возрождения. Ее открыл П.С. Бычков (ИВИ РАН) докладом об амазонках. Государство амазонок в западноевропейской литературе XIV–XVI вв. представлялось неким антиподом мужского мира, где царили свои порядки и действовали иные социальные законы. Средневековый неприглядный образ амазонок как монструозных обитательниц края ойкумены к XVI в. приобрел новое измерение: теперь их изображали и как благородных дев-воительниц.

Теоретическое осмысление проблемы «инаковости» мифических народов отличал и доклад к.и.н. А.В. Калоты (СПБГИ РАН). Она проанализировала

видение «инога» как испанскими, так и русскими хронистами и пришла к выводу, что у этих представлений было много общих черт, восходящих к античной мифологии, космографическим концепциям греческих и римских авторов, а также библейской традиции Ветхого и Нового Завета.

Новый интересный аспект в интерпретации значения открытия Нового Света для человека эпохи Возрождения представил к.и.н. Д.В. Самотовинский (Ивановский государственный химико-технологический университет). Он рассмотрел открытие Америки в рамках эсхатологического нарратива, согласно которому оно воспринималось не как начало нового этапа в истории человечества, а как преддверие конца. При этом преобразование мира виделось в объединении его двух частей: старой и новой.

Важной составной частью заключительной сессии конференции стали доклады искусствоведов. Так, канд. искусствоведения Л.В. Фролова (Российский государственный гуманитарный университет) обратилась к экзотическим мотивам в творчестве Альбрехта Дюрера. Несмотря на то что художник мало путешествовал и его возможности напрямую познакомиться с заморскими диковинами были ограничены, изображения фантастических монстров и экзотических животных были ему хорошо известны.

М.М. Прохорцова (Санкт-Петербургский государственный университет) красочно рассказала о ретабло монастыря Мирафлорес в Бургосе. Этот памятник стал символом эпохи перемен, запечатлев переход от средневековой архитектуры к ренессансной. Участники конференции получили возможность ознакомиться с одним из самых необычных изображений тайной вечери, а также увидеть экзотическое воплощение третьего царя-волхва Бальзазара. Примечательно, что для создания ретабло использовалось золото, привезенное из Нового Света.

О.С. Смаголь (МГУ) в выступлении затронула тему контактов культур европейского Запада и Китая на основе искусствоведческого анализа ряда периферийных образов шпалеры, изображавшей сюжет похищения Елены Парисом. Исследовательница пришла к выводу, что этот памятник декоративного искусства соединил в себе западные и восточные мотивы.

Предметом последующей дискуссии стал вопрос о возникновении в результате Великих географических открытий единого культурного пространства, в рамках которого осуществлялся синтез. Носителями новой культуры выступили иезуиты, они принесли с собой печатный пресс, гравюру, систему образования и др. Процесс включения в общество новых обитателей ойкумены активнее шел в Южной Америке, нежели в Северной, где возобладала политика исключения. Важным итогом конференции стало возобновление интереса к проблематике Великих географических открытий, которая ранее не слишком интересовала отечественных исследователей.

Памяти Валерия Леонидовича Мусатова (1941–2023)

31 июля 2023 г. после длительной тяжелой болезни скончался историк и дипломат Валерий Леонидович Мусатов, видный специалист по внешнеполитической истории Восточной Европы в новейшее время, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке, заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации, многолетний постоянный автор журнала «Новая и новейшая история».

Валерий Леонидович Мусатов родился в марте 1941 г. в Ульяновской области. Его отец, участник Великой Отечественной войны, находился в послевоенные годы на партийной работе, а затем, получив дополнительное образование в Высшей дипломатической школе при МИД СССР, стал карьерным дипломатом. В 1960–1980-е годы Леонид Николаевич Мусатов был послом СССР в ряде африканских стран.

Пойдя по стопам отца, В.Л. Мусатов по окончании в 1964 г. МГИМО связал себя с дипломатической карьерой, а также с деятельностью в партаппарате на внешнеполитическом направлении. Его узкой специализацией еще на студенческой скамье становится Венгрия. После двухгодичной работы в структуре МИД (в том числе стажировки в посольстве СССР в Будапеште) в 1966 г. (в возрасте 25 лет!) он был приглашен на должность младшего референта, затем референта в Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Благодаря прекрасному знанию венгерского языка он не раз был переводчиком на беседах Л.И. Брежнева и Я. Кадара, в том числе на известной неформальной встрече в Завидовах в марте 1972 г., на которой советский лидер потребовал от венгерского руководства свертывания начатых в 1968 г. (синхронно с обновительными процессами Пражской весны) экономических реформ, вызывавших в Москве беспокойство их рыночной направленностью и несоответствием господствовавшему среди советской элиты представлениям о допустимом в условиях социализма. Эти исторические встречи нашли впоследствии отражение в мемуарных текстах В.Л. Мусатова.

В 1973 г. В.Л. Мусатов возвращается в МИД и более 10 лет служит в посольстве СССР в Венгрии в качестве советника и советника-посланника. Вернувшись в 1984 г. в аппарат ЦК КПСС, он возглавлял сектор, занимавшийся Венгрией и Румынией, в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, а затем после реорганизации аппарата был (непосредственно до событий августа 1991 г.) заместителем, потом первым заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалина, курируя в этом качестве восточноевропейское направление советской внешней политики. Шел пересмотр концептуальных основ советской дипломатии в Восточной Европе, происходила переоценка некоторых ключевых событий в новейшей истории региона. В.Л. Мусатов был, в частности, первым, кому с санкции горбачевского руководства было позволено глубоко изучить хранившиеся в архивах ЦК КПСС документы, проливающие свет на решения, принятые в Кремле в условиях драматических венгерских событий осени 1956 г., и подготовить конкретные предложения о корректировке официальных оценок. Несколько позже предметом его специального изучения стала советская политика в условиях чехословацкого кризиса 1968 г. и событий 1980–1981 гг. в Польше.

В 1990-е годы, когда после развала СССР и краха системы социализма перед российским государством встали задачи формирования в принципиально новых условиях своей политики как на восточноевропейском направлении, так и на постсоветском пространстве, В.Л. Мусатов работал в Дипломатической академии МИД СССР, возглавляя там Центр европейских исследований. С 1996 г. в структуре главного аппарата МИД он занимался выработкой и проведением внешнеполитической линии в отношении стран СНГ, возглавлял в конце 1990-х годов один из департаментов МИД, был членом коллегии МИД России. В 2000–2006 гг. В.Л. Мусатов был Чрезвычайным и Полномочным послом Российской Федерации в Венгрии и по совместительству представлял Россию в Дунайской комиссии. В 2006 г. он перешел на работу в администрацию Президента Российской Федерации, а в дальнейшем

всцело переключился на научно-исследовательскую деятельность, в том числе в Институте международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН (ныне в составе Института экономики РАН). Первая монография В.Л. Мусатова «Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981)» была опубликована в 1996 г., в ней проявились не только глубокое знание архивных документов, иногда именно им впервые введенных в научный оборот, но и присущая ему способность выходить на обобщения, обращаясь к сравнительно-историческим исследованиям. За ней последовали книги: «Россия и Восточная Европа: связь времен» (М., 2008); «Россия в паутине глобализации» (М., 2010); «Второе “освобождение” Восточной Европы» (М., 2016) и др.

С горечью восприняв крах мировой системы социализма, укреплению которой он посвятил два с половиной десятилетия своей карьеры, В.Л. Мусатов в 1990-е годы обратился к выявлению всего комплекса причин этого грандиозного по своим последствиям события, приведшего к нарушению баланса сил, причем не в пользу России. Будучи убежденным российским государственным деятелем, считавшим отстаивание интересов своей страны неизменным приоритетом для любого не только дипломата, но эксперта-международника, он вместе с тем всегда негативно реагировал на любые проявления великодержавного чванства в российской и советской внешней политике. В не меньшей степени, чем его глубокая эрудиция, это вызывало уважение иностранных партнеров, с которыми он даже в ходе бурных дискуссий умел найти общий язык на многочисленных международных конференциях (в том числе в рамках двусторонних комиссий российских историков с историками Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы). Так, в мае 2012 г., когда в связи со 100-летием со дня рождения Я. Кадара встал вопрос об оценке вклада в венгерскую историю этого политика, более трех десятилетий стоявшего во главе своей страны, именно В.Л. Мусатов был приглашен из России на большую юбилейную конференцию – не только как серьезный эксперт-историк, но и как человек лично знавший Я. Кадара, и как непосредственный свидетель значимых исторических событий. Коллеги помнят, как некоторые выступления Мусатова превращались в настоящие сеансы живых мемуаров, раскрывавшие подготовленному слушателю ключевые механизмы принятия ответственных внешнеполитических решений в быстро меняющихся условиях, в частности конца 1980-х годов. Работы В.Л. Мусатова, как правило, основанные на его выступлениях на международных конференциях, публиковались во многих странах, он был участником международного исследовательского проекта «История холодной войны».

На протяжении трех десятилетий, начиная с членства в редколлегии коллективного труда «Краткая история Венгрия. С древнейших времен до наших дней» (М., 1991), продолжалось плодотворное сотрудничество В.Л. Мусатова с Институтом славяноведения РАН. Он был членом авторских коллективов трудов: «Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории» (Т. 1–2. М., 2005); «Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т.М. Исламова». СПб., 2009; «1968 год. “Пражская весна”. Историческая ретроспектива» (М., 2010); «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя» (М., 2011); «Инакомыслие в условиях “реального социализма”. Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е годы XX в.» (М., 2014); «Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений» (М.; СПб., 2018); «1968. “Пражская весна”: 50 лет спустя. Очерки истории» (СПб., 2021) и др.

Начиная с 1990-х годов не прерывалось сотрудничество В.Л. Мусатова с журналом «Новая и новейшая история», где им было опубликовано множество статей по ключевым проблемам послевоенной истории стран Восточной Европы (в том числе в кризисные моменты их развития), внешней политики СССР в рамках мировой системы социализма. В последние годы жизни опытный эксперт-международник, свидетель многих событий все чаще выступал как мемуарист (см., например: Перестройка глазами сотрудника международного отдела ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 2019. № 3–4).

Светлую память о Валерии Леонидовиче Мусатове, большом профессионале-международнике и ярком самобытном человеке навсегда сохранят коллеги, работавшие с ним.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Д.А. Саноян

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 13.10.2023 г.
Дата выхода в свет: 27.10.2023 г.
Тираж 265 экз.

70•100¹/₁₆
Зак. 11/5а.

Уч.-изд. л. 23.4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

18+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»
Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110133 от 04.02.1993
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1